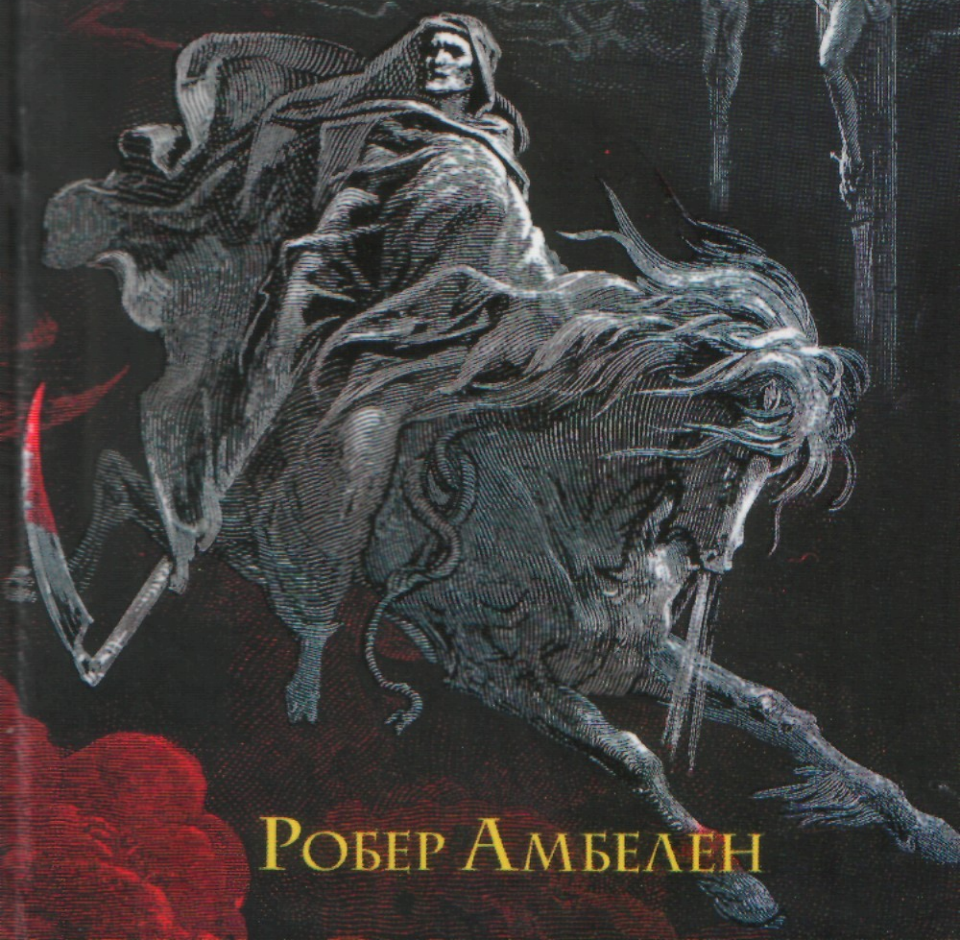

Иисус,

ИЛИ
СМЕРТЕЛЬНАЯ
ТАЙНА
ТАМПЛИЕРОВ

РОБЕР АМБЕЛЕН

РОБЕР АМБЕЛЕН

ИИСУС,

ИЛИ
СМЕРТЕЛЬНАЯ
ТАЙНА
ТАМПЛИЕРОВ

Санкт-Петербург
«Евразия»

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
А61

Robert Ambelain
JESUS OU LE MORTEL SECRET DES TEMPLIERS

Перевод с французского М.Ю. Некрасова

Оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.В. Тихомирова

Подписано в печать 26.07.07. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23. Тираж 5 000 экз. Заказ № 7195.

Амбелен, Р.

А61 Иисус, или Смертельная тайна тамплиеров / Робер Амбелен; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. — СПб.: Евразия, 2007. — 366, [2] с.

ISBN 978-5-8071-0212-6

Новую версию истории храмовников предлагает известный французский исследователь Робер Амбелен.

В недрах легендарного ордена тамплиеров возникло тайное общество, желающее превратить весь мир в «Святую землю». Для достижения этой цели необходимо создать богатое, отважное и хорошо организованное братство рыцарей, управляемое трупой посвященных.

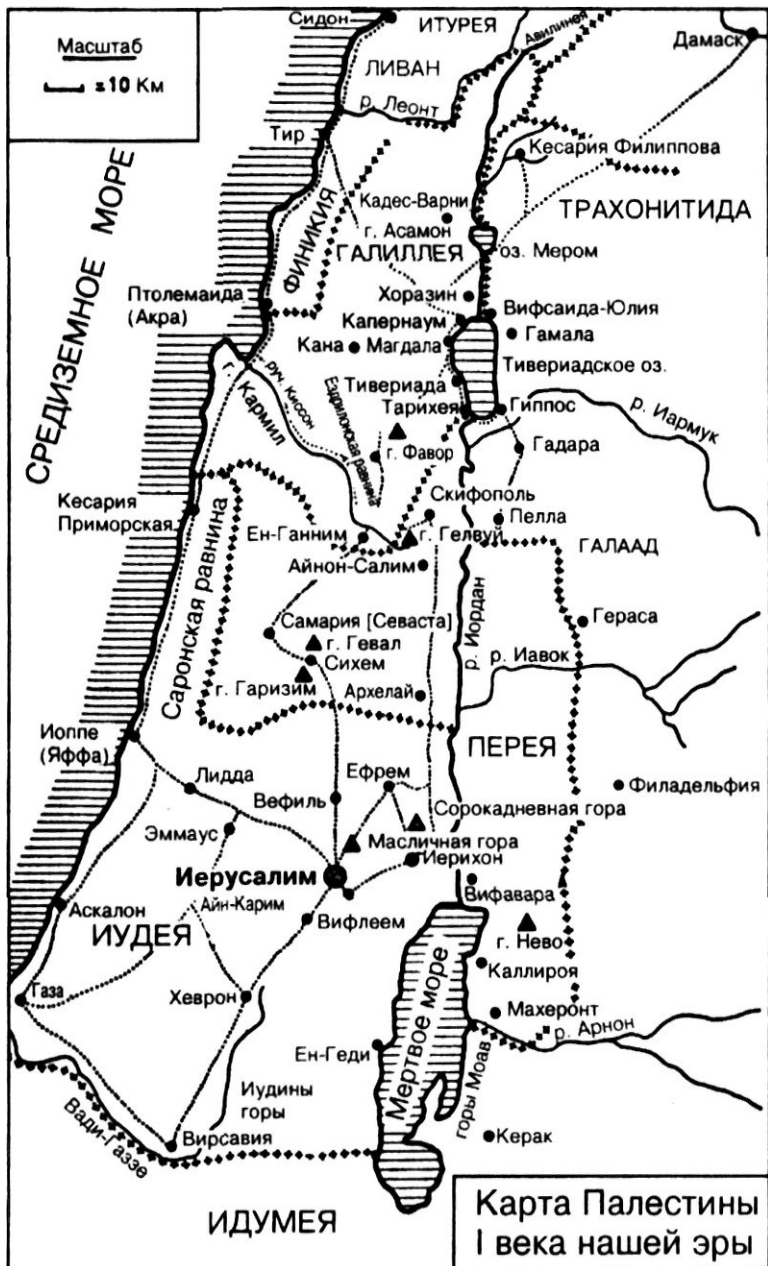
Но настал день, когда тайное стало явным и привело к гибели ордена Храма,...

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

© Editions Robert Laffont, 1970. 1994
© М.Ю. Некрасов, 2007
© Евразия, 2007
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2007

Защитники историчности Иисуса должны всерьез обдумать, насколько для них важна их позиция... Они рискуют обнаружить, что поддерживают исторические права совсем не той личности, какую воображали, когда брались ее защищать.

Доктор А. Швейцер, доктор теологии. бывший пастор, директор больницы в Ламбарине, лауреат Нобелевской премии 1952 года. Изыскания об историчности Иисуса

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателю.</i> — Молчание о Гамале. Исторический Иисус	13
<i>Предисловие.</i> — Главное обвинение против ордена Храма: отречение от веры в божественность Иисуса. Добровольные признания, доказательства, происхождение этой духовной перемены. Возвращение к представлению о Едином Боге, общим для иудаизма и ислама. Политические последствия роспуска ордена. Подлинное мнение катаров об Иисусе	17
<i>Глава I. Документы по делу.</i> — Рукописи языческих авторов. Рукописи канонических текстов. Рукописи апокрифов. Общий перечень и дата каждой. Оригинальные рукописи древних авторов исчезли, остались только тексты, переработанные монахами-переписчиками. Апокалипсис и его тайна. Загадочный мученик	29
<i>Глава II. Псевдоблаговещение.</i> — Противоречия и нелепости в евангельских текстах. Невозможность законного брака Иосифа и Марии. Мария и братья Иисуса «не верили в него»; его «ближние» считали его сумасшедшим и хотели изолировать. Подчеркнутое различие между братьями и учениками. Подлинная личность «Гавриила»	45
<i>Глава III. Разные даты рождения Иисуса.</i> — Церковная псевдотрадиция. Решение Тридентского собора. Рождение «во дни царя Ирода» (в 6 году до нашей эры) или «во время Переписи» (в 6 году нашей эры)? Неразрешимое противоречие между Матфеем и Лукой Традиция святого Иринея: Иисус родился в 16 или 17 году до нашей эры и умер в пятьдесят лет. Даты Рождества, придуманные в первые века: 2 января, 6 января, 28 марта, 2 апреля, 19 апреля, 20 мая, 25 декабря. Нерон родился в Анции 25 декабря. На эту дату приходился ежегодный великий праздник почитателей Митры	55
<i>Глава IV. Братья Иисуса.</i> — Матфей и Лука приводят две различные и противоречащие друг другу генеалогии. Сын Иосифа и Марии — «первенец». Невозможно, чтобы у Иосифа были другие дети до Иисуса. Греческие оригиналы Евангелий неоднозначны, речь идет о родных братьях и сестрах, а не о кузенах и кузинах	65
<i>Глава V. Брат-близнец Иисуса.</i> — Фома Дидим по-гречески на самом деле означает «близнец-близнец». По-древнееврейски «близнец» звучит как <i>taota</i> , по-гречески — как <i>didimos</i> . Библейские доказательства его существования. «Деяния	

- Фомы». «Евангелие от Варфоломея». «История святого Фомы». «Апостолическая история» Авдия. «Странствие и мученичество апостола Фомы». Его роль после казни Иисуса 73
- Глава VI. Ключи к загадке.* — Персонажи по имени Симон в Евангелиях. От *Кифы* (скалы) к *Кипaxe* (пальме). Симон Петр, прозванный Симон *барьона* (анархист), *зелот* (экстремист), *кананит* (то же), *искариот* (сикарий). Он отец Иуды Искариота, брат Иисуса и других сыновей Марии. Он уступает первенство Иакову. Они оба были распяты в Иерусалиме в 47 году, по окончании первого собора в этом городе, по приказу Тиберия Александра, прокуратора, «за разбой и потому что они были сыновьями Иуды из Гамалы». Значит, Иисус, их старший брат, тоже был сыном Иуды из Гамалы. Подтверждающее свидетельство Апокалипсиса. 85
- Глава VII. Орлиное гнездо: Гамала.* — Ее историческое и стратегическое значение. Иуда Галилеянин основывает здесь движение зелотов. Его отца Езекию, казненного Иродом, защищал Гиркан. Они оба принадлежали к царскому роду Давида. Значение Галилеи. Гамала — загадочная «гора» Священного Писания. 111
- Глава VIII. Подменный трюк: Назарет.* — Этот город был неизвестен до IV века, времени появления наших греческих оригиналов. Физически он появился только в VIII веке. Административные подтверждения этого и свидетельства Юлиана Отступника, цитируемые Кириллом Александрийским, и Маркиона, цитируемые Тертуллианом. Сцены, описываемые Евангелиями как происходившие в современном Назарете, не могли там происходить. Невозможность в географическом смысле. Описания не согласуются. Мнимые материальные свидетельства: дом Святого Семейства и мастерская святого Иосифа 119
- Глава IX. Загадочный Иосиф и «Святое Семейство».* — Генеалогии по Луке и по Матфею совершенно различны. Туманный облик персонажа, выведенного под этим именем. Юридическая и физическая невозможность того, что приписывают ему апокрифы. Мария из Магдалы, мать «семи громов». 125
- Глава X. Годы, прожитые Иисусом в безвестности.* — Зелотские восстания: Иуда из Гамалы. В притче Иисус принимает на себя роль Архелая. Казнь заложников по выходе из Иерихона. Точная датировка этого эпизода. 137
- Глава XI. Иисус среди учителей.* — «Бар-Мицва», банальный религиозный экзамен, который сдавал каждый юный иудей в тринадцать лет. Иисус был вынужден это сделать, как и все остальные. Равнодушие Иосифа и Марии к его исчезновению. Их запоздалая озабоченность. 147
- Глава XII. Иоанн, Предтеча и Креститель.* — Противоречия в рассказе. На самом ли деле Иоанн встречал Иисуса, узнал его. крестил его или просто слышал о нем, находясь «под

- стражей»? Сомнения Иоанна относительно мессианизма Иисуса. Любопытный «пролог» Апокалипсиса. Насильственная смерть Захарии, отца Крестителя, «между храмом и жертвенником» в 6 году нашей эры, во время восстания Переписи. Истинный характер действий Иоанна. Иродиада или Саломея? Подлинные обстоятельства отсечения головы. От Тивериады до Махеронта 150
- Глава XIII. Магия в жизни Иисуса.* — Строгий запрет магии в Израиле. Упорное сохранение всеобщей веры в то, что Иисус был магом. Иисус использует различные приемы исцеления в зависимости от конкретного случая. Ему знакома античная фармакопея. Одержимый из Герасы. Иисус практикует черно-книжие Вызов духов Моисея и Или на горе Фавор. Он использует галлюциногены. Опьянение Симона Петра. Вызов духа «его отца» в Гефсиманском саду. Нестыковки в рассказе. Загадочный «соучастник» этой сиены. Демонология в жизни Иисуса. Среди его прабабок были четыре знаменитые блудницы: Фамарь, Раав, Руфь и Вирсавия 165
- Глава XIV. Царь иудейский.* — Иллюзии Иисуса. Сын царей земных или сын царя небесного? Обобщенный характер этих слов. Для римлян, как и для Израиля, Иисус — «царь иудейский». Видимо, это стало основным мотивом осуждения его римлянами. Иисус едва не был провозглашен царем. Тиберий хотел передать ему тетрархию Филиппа. Провал предсказаний «ангела Гавриила». 181
- Глава XV. Мессианистская десятина.* — Положение мытарей и блудниц в Израиле и недоверие к ним Иисус облагает их податью и сбором. Организация и доказательства мессианистского рэкета. Иисус председательствует на пиру «лихих людей» у Левия Матфея, мытаря. Снисходительность Иисуса к блудницам и публиканам. Значение Иуды Искариота, однако он «человек убийства» и «вор». Симон Петр продолжает бесчинства: убийство Анании и Сапфиры. Иисус несколько раз нападал на Иерусалимский храм. От него достается не только торговцам и менялам, но и паломникам. Существование огромной золотой казны, о которой сообщают рукописи Мертвого моря. Эпизод со статером в рыбе: гнусная правда о мнимом чуде. Смерть Иакова Младшего. Очень загадочные воровы. 191
- Глава XVI. Бегство в Финикию.* — Иисус скрывается в Тире, а потом в Сидоне. Он попадает туда на празднование воскресения Адониса. Эпизод с женщиной-хананеянкой. Пораженный символикой тирской религии, Иисус додумывается преобразовать этот миф в свою пользу. Впоследствии христианские писцы будут всю делать заимствования из гимнов Адонису и Митре. 217
- Глава XVII. Загадки последнего дня.* — Нестыковки и противоречия. Безымянные редакторы Евангелий не знали иудейских

- ритуальных обычаев. Невозможность того, что описано в официальном рассказе о Страстях. Что значила «светлая одежда», в которую Иисуса одел Ирод Антипа 225
- Глава XVIII. Обвинительный акт против Иисуса.* — Евреи никогда не пытались его арестовать. К этому стремились только римляне. Какие преступления совершил он в их глазах? Провозглашение себя царем. Сбор податей и десятины в качестве царя. Разбой, нападения на торговцев и паломников. Приказ об убийствах в Иерихоне и в Иерусалиме. Чародейство (проклятие городов, смоковницы и т. п.) и тем самым нарушение законов Двенадцати таблиц. Ему дали утолить жажду, дабы, ускорив тем самым его смерть, избавить его от мучительной агонии в позорной яме, поскольку известно, что распятые и посаженные на кол мгновенно умирали, если им давали пить. Правда об Иосифе Аримафейском. 235
- Глава XIX. Проклятие Иерусалиму.* — Прощение и его оккультная роль для нанесения ущерба в древней магии. Невозможность принесения евреями коллективного обета в форме возгласа перед Преторией. Последние слова Иисуса, призыв к Или, их подлинное значение. Ритуалы причинения зла в «Посланиях Павла»
- Глава XX. Казнь Иисуса.* — Каким был подлинный приговор, вынесенный ему? Разные формы распятия в качестве казни и предарительного бичевания или порки. Распятие головой вверх для мятежных рабов и уголовных преступников. Распятие головой вниз для политических мятежников. Иисус был распят головой вверх. Был ли он распят на Голгофе или на Масличной горе? Проблема, которую ставят «Деяния Пилата». Ее значение и выводы из нее. Текст Исаи и неожиданные открытия в рукописях Мертвого моря. Чем в действительности была Гефсимания. 263
- Глава XXI. Псевдовоскресение.* — Иудейские верования тех времен. История Ионы и наивность Иисуса. Похищение трупа и его тайный перенос в Самарию. Тайна пороха, известная членам синедриона. Юлиан Отступник в 362 году уничтожил останки Иисуса. Убедительные подтверждения существования останков Иисуса у Юлиана Галикарнасского и Севера Антиохийского, епископов с 402 года. Свидетельство Цельса в его «Правдивом слове». 285
- Глава XXII. Явления и Вознесение Иисуса.* — Невнятность и противоречивость евангельских рассказов в отношении обстоятельств и места явлений Иисуса. Противоречивые указания на длительность периода между воскресением и вознесением. Роль близнеца Иисуса в этих манифестациях, столь же скромных, сколь и осторожных. Его финальная продажа работорговцу — уловка, чтобы он мог покинуть Палестину. 305

- Глава XXIII. Искушение.* — Логичная ирония Виктора Гюго. Различие между христианской и иудейской эсхатологией. Отрицание первородного греха в Ветхом Завете. Иисус никогда не представлял свою смерть, неизбежную и близкую, в качестве искупительной жертвы за весь мир. Заимствования из гимна Митре. Принципиальные противоречия между теологией Ветхого и Нового Заветов. Абсолютное единство Бога или троичная множественность? 315
- Глава XXIV. Казнь Иуды.* — Иуда Искариот, сын Симона Петра. Маленькая римская армия осаждает Масличную гору. Иуда ведет трибуна когорт, а не евреев. Те не участвовали в преследовании Иисуса. Ритуальная казнь Иуды зелотами. Этот ритуал был в ходу в Великобритании еще в XVIII веке. Он упоминается и в описании масонского ритуала посвящения в «Избранники Пятнадцати». Ремесленная корпорация каменотесов и плотников, к которой принадлежал Иисус. Мотивы предательства Иуды. «Евангелие от Варфоломея» и ритуальный приговор Иуде. Его жена и ребенок тоже были убиты. 322
- Глава XXV. Иисус и женщины.* — Обязанность жениться в ранней молодости в Израиле. Похоже, Иисус никогда не был женат. Двойственность фигуры Иоанна. Сексуальные аномалии, отмеченные по смерти Евангелиста. Финальная Вечера не соответствует иудейскому ритуалу. Странная хвала добровольным евнухам. Иисус осуждает деторождение и хвалит женскую бесплодность. Любовь Саломеи, обнаруженная в «Евангелии от Фомы». 339
- Глава XXVI. Костер.* — Приговор высшим должностным лицам ордена Храма. Отказ Моле и Шарне от прежних показаний. Их смерть в пламени 11 марта 1314 года. Призыв Моле к божественному правосудию. Кара, постигшая папу и короля. От драмы к легенде. 359

Общепринятое имя	Еврейское имя	Значение
Адонис	Адон	Господь
Анания	Ханания	Бог к нему благосклонен
Анна	Ханна	Покровительствуемый (-ая) Богом
Варнава	Бар-Наби	Сын Ясновидца
Варфоломей	Бар-Талмай	Сын Талмая
Гавриил	Гебер-Эль	Герой Бога
Гамалиил	Гамлиэль	Тот, кого Он (Бог) вознаграждает
Елизавета	Елишеба	Та, которая судит от Его (Бога) имени
Закхей	Заккай	Тот, о ком помнит Бог
Захария	Зекария	Память о Боге
Зеведей	Забдай	Слуга Божий
Иаков	Йяков	Вытесняющий
Иисус	Иешуа	Спаситель
Илия	Элиягу	Яхве — мой Бог
Иоаким	Ихояким	Бог ему помощь
Иоанн	Иоханан	Любимец Яхве
Иоанн Евангелист	Иоханан бар-Зебадия	Иоанн, сын Зеведея
Иоанн Креститель	Иоханан бар-Зекария	Иоанн, сын Захарии
Иосиф	Йосеф	Прибавленный Богом
Искарот	Иш-сикариот	Человек убийства
Иуда	Иехуда	Ревнитель Бога
Каафа	Каиафа	Прорицатель
Клеопа	Калпай	Вся слава
Лазарь	Элеазар	Тот, кому Он (Бог) помогает
Левий	Левий	Преданность
Магдалина	Магдалина	Уроженка Магдалы
Манаил	Менахем	Утешитель
Мария	Мириам	Воспитанница (или Принцесса)
Марфа	Фамарь	Пальма
Матфей	Матафия	Дар Божий
Сам	Шаул	Искомый
Саломея	Шаломе	Счастливый
Симон	Симеон	Тот, кто слушает и повинуетя
Симон Бар Иона	Симеон барьона	Симон вне закона
Сусанна	Шошанна	Лилия
Фаддей	Фаддай	Восхваляющий
Фома	Таома	Близнец
Цефас	Кифа	Скала

К ЧИТАТЕЛЮ

Гипотеза о том, что Иисус был сыном Иуды Галилеянина (Деян., 5:37), он же Иуда из Гамалы или Иуда Гавлонит, еврейский герой восстания Переписи, не нова. Она была неудобной еще в первые века христианства, коль скоро Лука, сочиняя «Деяния апостолов», поместил это восстание после другого — восстания Февды, произошедшего между 44 и 47 годами нашей эры, тогда как Иуда из Гамалы поднял восстание в 6 году.

Она неудобна и по сей день, коль скоро историки-рационалисты, предпочитающие видеть в Иисусе солярный миф, воздерживаются от ее упоминания. Эрнест Ренан в своей «Жизни Иисуса», опубликованной в 1863 году, лишь смутно намекнул на нее, потому что свой выбор он сделал — ему был нужен идиллический Иисус в духе Жан-Жака Руссо. По сути, это ее четверть века с 1920 года отважно защищал Даниэль Массе, посвятив этому сюжету четыре книги. К сожалению, он не сумел точно установить пределы, дальше которых заходить не стоило, и противники воспользовались его неосторожными обобщениями. Католические и протестантские историки намеренно игнорировали его труды, и Даниэль-Ропс не счел нужным включить его в число тех, кто удостоился его возражений¹.

¹ В каталоге Национальной библиотеки невозможно найти работы Даниэля Массе, посвященные «Загадке Иисуса Христа». Из четырех каталожных карточек три исчезли, потому что их вырвали... [Во всяком случае, в электронном каталоге есть все. Первое издание: *Masse, Daniel. L'Enigme de Jesus-Christ, le Christ sous Tibere et le Dieu Jesus, Nazareth-Gamala et la creche de Bethleem, le pere du Christ, Juda le Gaulonite. Jesus Bar-Abbas, le Crucifie de Ponce-Pilate.* Paris: Siecle. 1926. Следующие издания вышли в 1929, 1930 и 1935 годах. — *Примеч. пер.*]

Более того, на географических картах, иногда прилагаемых к работам католических или протестантских историков, указаны все географические пункты, находившиеся на берегах Генисаретского озера, — Капернаум, Тивериада, Магдала, Тарихея, Гиппос, Курси, Вифсаида. Недостаёт лишь одного — Гамалы! После работ Даниэля Массе зелотский город, «город Чистых», орлиное гнездо, откуда некогда спустился Иуда Гавлонит, настоящий «Назарет», где родился Иисус бар-Иуда, город Гамала исчез с географических карт... Чтобы найти его, надо обратиться к более старым картам.

Таким образом, автор настоящего исследования отнюдь не претендует на то, что выдвигает на этих страницах оригинальную и новую гипотезу: она была известна австрийским и немецким экзегетам ещё в середине XIX века. Его единственная заслуга состоит в том, что он *открыл доказательство* идентичности Иисуса «из Назарета» с реальным сыном Иуды Галилеянина. Это доказательство — очень простое, *оно представляет собой самый банальный силлогизм*. Нужно было только собрать и упорядочить его отдельные элементы. В этом весь смысл данной книги.

Остается уточнить последний пункт.

При изучении христианства и его источников мы можем следовать трем направлениям:

- а) *сверхъестественному*, объединяющему верующих разных церквей, верящих в Иисуса — «Сына Божьего», умершего, воскресшего и вознесшегося на небо;
- б) *натуралистическому*, для сторонников которого Иисус — самый обычный человек, либо вождь антиримского политического движения (зелотов), либо просто мистик более или менее эссеистского типа;
- в) *мифологическому*, сторонники которого считают Иисуса полностью вымышленным персонажем, легенда о котором создавалась постепенно путем смешения преданий, поначалу принадлежавшим к разным учениям, и соединения исторических реалий, присущих разным персонажам по имени Иисус.

Очевидно, что данное произведение следует отнести ко второй категории. И вот главная причина, по которой мы заняли такую позицию.

В конце «Раввинского словаря» Сандера (Париж, 1859)¹ есть биографический этюд, посвященный тем, кого иудейская традиция называет «князьями Торы». О великом Гамалииле, упомянутом в «Деяниях», мы там прочтем:

«Раббан Гамалиил I, прозванный Старым, внук великого Гиллеля, наследовал своему отцу Симеону в качестве наси.

Он первым принял титул раббана, который после него носили его потомки и преемники вплоть до Гамалиила III, сына раббана Иехуды Наси. Он часто общался с полководцами и представителями римской власти.

Именно во время его председательства Самуил, прозванный Малым или Молодым, *сформулировал молитву, направленную против отступников и предателей*, и его формулировка вошла в литургию и сохранилась в ней. Согласно некоторым хронистам, равви Гамалиил умер за восемнадцать лет до разрушения Иерусалима римлянами. "С его смертью, — говорит Мишна, — прекратился почет Торы и кончились чистота и воздержание" (Сота. IX: 15)².

Впрочем, тот же этюд сообщает нам, что Самуил Малый, или Молодой (называемый так затем, чтобы отличать его от пророка, носившего то же имя), умер раньше Гамалиила.

Итак, подведем итог:

- Иерусалим был разрушен римлянами в 70 году.
- Гамалиил I умер за восемнадцать лет до этого, то есть в 52 году.
- Самуил Молодой умер раньше Гамалиила I, значит, *самое позднее* в 51 году.

¹ *Trenel, Isaac-Lion; Sander, Nathaniel Philippe. Dictionnaire hebreu-français, contenant la nomenclature et la traduction de tous les mots hebreux et chaldeens contenus dans la Bible... l'explication... des passages bibliques presentant quelque difficulte... un supplement dormant... tous les noms propres mentionnes dans le traite d'«Aboth». Paris: Bureau des Archives Israelites. 1859.*

² Цит. по: Талмуд. Мишна и Тосефта / Пер. Н. Переферковича. СПб., 1905. Т. 3. С. 333.

— Молитву против отступников и предателей сочинил он, значит, это произошло *самое позднее* в 50 году.

Что это за *отступники*? Очевидно, те, кто отступился от закона Моисеева и отказался от иудейских религиозных обрядов, словом, те, кого в 40 году в Антиохии уже называли *христианами*¹.

Нам показалось бы довольно странным, если бы синедрион ждал десять лет (до 50 года), прежде чем принять против этих *отступников* литургические санкции. Таким образом, эту меру надо отнести к периоду между 40 и 50 годами.

А если между 40 и 50 годами иудеи применили санкции к ученикам некоего Иисуса, якобы распятого в 34 году, то есть за несколько лет до этих санкций, нам было бы очень трудно признать, что упомянутого Иисуса не существовало.

Наконец, можно не подчеркивать, что строгое соблюдение Гамалиилом всех религиозных предписаний изначально исключает достоверность псевдоевангелия «от Гамалиила» и вероятность, чтобы внук великого Гиллея в конечном счете обратился в христианство.

¹ Эта формула проклятия обозначается тремя первыми буквами ее главных слов — I.S.V. (по-древнееврейски «йод-шин-вав»). Эти слова звучат как «Ymah Schemo Vzikro», то есть «да сотрутся их имя и память о них».

Так вот, как ни странно, те же три буквы I.S.V. встречаются на гробницах «членов братств» из ветви, называвшейся «Долг Свободы» или «Дети Соломона». Там они имели эзотерическое значение — «Ici, Salomon Veille...» («здесь Соломон бдит»). В этом можно видеть и аббревиатуру от «Иисус» для непосвященных.

Но ту же аббревиатуру по-древнееврейски можно расшифровать и иначе: «Ithgadal Schemo Vithkadasch», то есть «да святится и славится его имя»...

И это могло бы отчасти объяснить, почему проклятие не возымело силы!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Молчание — самое сильное оружие ЗЛА.
Морис Магр. Кровь Тулузы

Сквозь высокое стрельчатое окно едва пробивается тусклый свет. 21 октября 1307 года, высокий сводчатый зал старого Лувра Филиппа Августа, где становится еще темней от дыма стенных факелов. Сидящие за грубым деревянным столом люди в тяжелых одеяниях, с напряженными лицами, перекошенными от ненависти, «легисты» Филиппа IV Красивого, слушают низкий и печальный голос, исходящий из мешка с грязным и окровавленным тряпьем, поставленного перед ними. Позади — сержанты в коже и кольчужной ткани, с непроницаемыми лицами, выдубленными в походах. Человек, который говорит, — тамплиер. Его зовут Жоффруа де Шарме, он был командором Нормандии. Сегодня, после многих дней «горячей обработки» палачами Дворца, он рассказывает об обстоятельствах своего приема в *орден Храма*, и вся его юность, заполненная боевыми кампаниями и морскими переходами под жарким средиземноморским солнцем, встает в его памяти...

Конечно же, несмотря на жестокую боль в ногах, которые часами медленно поливали кипящим маслом, он резко отверг одно из первых обвинений, которое ему предъявили, — в гомосексуализме. Конечно же, он заявил, что ничего не ведал о ритуальном поклонении черному коту или загадочной «голове» в серебряном или вермелевом ковчежце. Но непри-

ятие божественности Иисуса он признал и даже привел детали:

— После того как мне вручили плащ и обязали его носить, мне принесли крест, где было изображение Иисуса Христа. Брат Амори велел мне не верить в того, чей образ был там изображен, ибо это был лжепророк, а не Бог...

Командора, заставившего юного Жоффруа де Шарне, будущего командора Нормандии, отречься, звали Амори де ла Рош, он был другом и фаворитом Людовика Святого...

Признание Жоффруа де Шарне подтвердил и другой рыцарь Храма. Тот в свое время в ужасе попятился, когда командор, завершив обряд приема, заявил ему:

«Ничего не бойся, дитя мое, это не Господь, это не Бог, это лжепророк...»

Досье дополнили и многие схожие признания.

В одной из самых подробных книг, посвященных этому процессу, книге г-на Лавока¹, автор кратко излагает, какие вопросы тамплиерам задавали инквизиторы, в соответствии с тем, как эти вопросы изложены в самом досье:

«Перед нами следственное и обвинительное заключение, составленное на любой случай (очень удобная система) юристами — знатоками ересей, удручавших в то время церковь. Прелатам, ведущим следствие, было поручено выяснить, не были ли тамплиеры гностиками и доцетами или, того хуже, манихеями², разделявшими Христа на *Христа высшего* и *Христа низшего*, земного, подверженного страстям, подчиненного, живого и подвластного Материи: они видели в нем Организацию таковой³. Не входили ли они в старинные сек-

¹ *Lavocat, Louis-Leon-Lucien. Proces des freres et de l'ordre du Temple: d'apres des pieces inedites publiees par Michelet et des documents anciens et nouveaux, par M. Lavocat. Conseiller honoraire a la Cour d'Appel de Rouen. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie. 1888.*

² Намек на катарскую ересь, проникшую в орден Храма.

³ Намек на «Logia Agrapha» первых гностиков, делавших из Иисуса нечто вроде всеобщей души вещей: «Подними камень, и найдешь там меня; разруби дерево, и там внутри я...»

SERMENY

SGO..., electus Ecclesiae..., ab hac hora in antea fidelis et obediens ero beato Petro Apostolo, sanctaeque Romanae Ecclesiae, et Domino nostro, Domino... Papae, suisque successoribus canonice intrantibus.

Non ero in consilio, nec consensu, vel facto, ut vitam perdant, aut membrum, seu capiantur mala captione, aut in eorum violenter manus quomodolibet ingerantur, vel injuriae aliquae inferantur, quovis quaesito colore. Consilium vero, quod mihi credituri sunt per se aut Nuntios suos, seu litteras, ad eorum damnum, me sciente, nemini pandam.

Papatum Romanum et regalia sancti Petri, adjutor eis ero ad retinendum et defendendum, salvo meo ordine, contra omnem hominem.

Legatum apostolicae Sedis in eundo et redeundo honorifice tractabo, et in suis necessitatibus adjuvabo.

MOI ..., élu de l'Eglise de ..., dès maintenant et à jamais serai fidèle et obéissant au ~~beato Petro~~ Apôtre Pierre, à la sainte Eglise romaine, à notre saint père le Pape..., et à ses successeurs légitimement désignés.

Je ne contribuerai ni par conseil, ni par consentement, ni par action, à leur ôter la vie, ou un membre, ou la liberté, non plus qu'à aucun mauvais traitement exercé contre eux, sous quelque prétexte que ce soit. Quant au secret qu'ils m'auraient confié pareux-mêmes, par leurs Nonces, ou par écrit, je ne le révélerai sciemment à personne à leur préjudice.

Je les aiderai contre tous, conformément à ma charge, à conserver et à défendre le siège de Rome et les droits souverains de saint Pierre.

Je traiterai avec honneur le Légat du Siège apostolique dans ses voyages, et le secourrai dans ses besoins.

Клятва избранного епископа, в день посвящения, содержащая (в частности) намек на «тайну». Из издания «Посвящение в епископы в соответствии с римским служебником» (*Sacre d'un Eveque selon le Pontifical Romain*. Paris — Tournai — Rome: Desclée & Cie. Imprimeurs du Saint-Siege & de la Sacree Congregation des Rites. 1933).

ты, называемые вольнодумными, секты гностиков-карпократиан, николаитов и манихеев?

Не приняли ли они религию Магомета¹ (как утверждала "Хроника Сен-Дени")? Требовалось также выяснить еще один пункт, плохо сочетающийся с другими. *Считали ли братья Храма, что Иисус — лжепророк, уголовный преступник, осужденный и казненный за свои преступления?* Если так, то тамплиеры включались в число убийц Иисуса, которые распинали его повторно, как писал Филипп Красивый».

Задавая последний вопрос, инквизиторы показывали свою прекрасную осведомленность. Сто лет тому назад, допрашивая «совершенных» катаров, *они открыли для себя тайну, которой до сих пор не знали, потому что это была тайна церкви, известная лишь высшим ее сановникам: истинное лицо исторического Иисуса.* Это лицо было запечатлено в архивах Римской империи. И после Константина провели чистку архивов. Это лицо было известно иудеям, и во время шквала гонений, обрушивавшихся в течение тринадцати веков на головы несчастных евреев, удалось конфисковать и уничтожить либо изменить компрометирующие документы. Оно было известно катарам, и эта ересь была уничтожена вместе с их рукописными документами. Катары открыли его тамплиерам. И теперь надо было истребить последних. Потому что, судя по их официальным показаниям, многие орденские братья *знали...* А эти непристойные поцелуи, один — меж лопаток, другой — в поясничную впадину, возможно, должны были привлечь внимание к одной из тайн «Зохара» — приему, который еврейские каббалисты называют «таинством Весов», приводящему в действие *Хохму* (Мудрость) и *Бину*

¹ Предположение нелепое, потому что для ислама Иисус — один из семи пророков, выше него только Магомет. А признания показывают, что для тамплиеров Иисус был лжепророком, потому что знаменитое предсказание о его «втором пришествии», сначала в 150 году, потом в 1000 году, так и не осуществилось, а это даты точные, приведенные в старинных документах.

(Разум), два «плеча» Старца Дней, в мире *Йесода* («Основы» его поясницы)?¹

Итак, во времена, которые современные архивные документы уже не позволяют датировать точно, но, можно полагать, близкие ко второй половине XIII века, орден Храма, прежде называвшийся «армией бедных воинов Христа и Храма Соломона», во многих своих командорствах претерпел важную и серьезную духовную перемену.

Под влиянием Тайных магистров, вдруг таинственно появившихся, и, несомненно, в результате обнаружения рукописей в городах Святой земли либо благодаря таинственным беседам с арабскими учеными, еврейскими каббалистами или катарскими «совершенными» перед тамплиерами *предстало подлинное лицо исторического Иисуса, очень непохожее на легендарное.*

То, что эти Тайные магистры, дублировавшие официальных, существовали, нам доказывает один банальный факт. В самом деле, кто приказал Жаку де Моле, официально великому магистру, не умевшему ни читать, ни писать, собрать все архивы ордена, и прежде всего «уставы» командорств, незадолго до облавы, устроенной Филиппом Красивым?

Кто такой этот «магистр Ронселен», настоящее имя — Ронселен де Фо, которому некоторые тамплиеры приписывали введение этого страшного обычая — отречения от Иисуса? В перечне магистров ордена Храма он не фигурирует. По крайней мере, в перечне *официальных* магистров... Мы найдем его дальше.

Таким образом, вероятно, некоторые высшие сановники ордена, не столь невежественные, как большинство других, были знакомы с документами, неизвестными в Европе и имеющими отношение к подлинным истокам христианства, до-

¹ На древнееврейском *Yesod* означает «основание». Это «динамический очаг, где потенциально содержится всё, что расцветет в сотворенном мире» (*Warrain, Francis. La theodicee de la kabbale: les sephirothles noms divins; suivi de, «La nature eternelle» d'apres Jacob Boehme. Paris: Vega. 1949*). — Видно, что Храму были знакомы как практическая *каббала*, так и *Кундалини* тантризма, по-древнееврейски *nahash*.

кументами, которые церковь впоследствии поспешила уничтожить. Вот почему мало-помалу, по примеру Фридриха Гогенштауфена, императора Германии и короля обеих Сицилий, самого просвещенного суверена своего времени, орден Храма отверг догму о божественности Иисуса и вернулся к Единому Богу, общему для иудаизма и ислама.

И так в самых недрах *официального* ордена образовалось настоящее внутреннее тайное общество с оккультными руководителями, эзотерическими доктринами и секретными целями, что было нетрудно, потому что в 1193 году орден насчитывал всего 900 *рыцарей*.

Отныне тех наивных неопитов, которые на церемониях приема в капитуле отказывались отвергнуть крест, принимая это предложение за банальное испытание прочности их веры, отправляли на поля сражения за море поддерживать доброе имя ордена и покрывать себя славой.

Напротив, тех, кто безропотно, *perinde ad cadaver* (подобно трупу (*лат.*)), покоряясь всем приказам командоров, топтал ногами деревянный крест либо крест на старинном орденском плаще, расстеленном на полу, оставляли в Европе в качестве резерва для выполнения загадочных и отдаленных задач тамплиерской державы. В самом деле, более показательного испытания в то время быть не могло.

Ведь задача состояла в том, чтобы *весь мир* превратить в «Святую землю». Для этого мир надо было прежде всего захватить. И это могло сделать отважное, организованное и богатое меньшинство, очень смутно сознающее свою грандиозную цель, но мудро управляемое группой посвященных и умеющее как хранить тайну, так и слепо повиноваться.

Настал день, когда дело получило огласку, когда перебежчики, надменно-разочарованные и озлобленные, заговорили. Король Франции почуял удачу и сумел сделать своим сообщником папу, уже ставшего его человеком после ночного соглашения в лесу Сен-Жан-д'Анжели. Королевская казна и римская догма вскоре окажутся в выигрыше.

Служители правосудия уже смазывали дыбы и присяжные палачи раскаляли добела свои клещи. А когда захватили все

золото Храма, конфисковали фьефы и командорства, тогда запылали костры.

Их дым, черный, жирный и зловонный, затмевавший утреннюю и вечернюю зарю, на шестьсот лет изгнал надежду на европейское единство и универсальную религию, которая бы объединила всех. Но прежде всего этот дым *удушал истину о величайшем обмане в Истории.*

Именно затем, чтобы изгнать его зловещую тень, и написаны эти страницы — вслед за многими другими, потому что еще до тамплиеров эту тайну знали и распространяли катары.

И окситанскую культуру уничтожили именно затем, чтобы заставить их замолчать, — мы это сейчас докажем.

Ронселен де Фо, «магистр Ронселен» из показаний, был сеньором одноименного маленького порта (Фо-сюр-Мер), еще и в наши дни располагающегося у западного входа в Берскую лагуну. Тогда он был вассалом королей Майорки, зависящих от королей Арагона, которые в битве при Мюре в 1213 году защищали катарскую ересь. Совсем близко находится Безье, город-мученик крестового похода, и то, как крестоносцы Симона де Монфора 22 июля 1209 года перебили все его население (100 тысяч человек), *не разбирая католиков и катаров*, в его время было еще не забыто. Он сумел сохранить в сердце ненависть к католической церкви, которая тогда была синонимом христианства, и исполнился общего отвращения и к той, и к другому.

Протоколы допросов, сохраненные для нас инквизиторами, в отношении оценок, которые еретики давали Иисусу из Назарета, *достаточно сдержанны.*

Судите сами; дальше мы увидим, насколько можно им верить.

В самом деле, «Наставление инквизитору» доминиканца Бернара Ги, озаглавленное «Practica» (он родился в 1261 году и умер в 1331 году), дает нам ценные подробности об этом предмете:

«Кресту Христову нельзя поклоняться и нельзя его почитать, ибо никто не может поклоняться виселице, на кото-

рой повесили его отца, или друга, или родича, ни почитать этот предмет!»

(«Item, dicunt quod crux Christi non est adoranda nec veneranda, quia, ut dicunt, nullus adorat aut veneratur patibulum in quo pater aut aliquis propinquus vel amicus fuisset suspensus...»)

«Item, они отрицают воплощение Господа Нашего Иисуса Христа в лоне Марии, оставшейся девой, и утверждают, что он не обрел подлинного человеческого тела, ни подлинной человеческой плоти, какую имеют другие люди в силу их человеческой природы, что не страдал он и не умер на кресте, что не воскрес он из мертвых, что не вознесся он на небо в человеческом теле и во плоти, но что все это произошло фигурально!..»

(«Item, incarnationem Domini Ihesu Christi ex Maria semper virgine, asserentes ipsum non habuisse verum corpus humanum nec veram carnem hominis sicut habent ceteri homines ex natura humana nec vere fuisse passum ac mortuum in cruce nec vere resurrexisse a mortuis nec vere ascendisse in celum cum corpore et carne humana, sed omnia in similitudine facta fuisse!..»)

Причину этой осторожности в изложении ответов легко понять. Ведь зафиксировать и передать подлинное мнение «совершенных» об Иисусе из Назарета значило свести на нет всю очистительную работу, проделанную отцами церкви и монахами-переписчиками. Это-то и объясняет, почему до нас дошло так мало полных протоколов допроса «совершенных». Что касается допросов простых «верующих», незнакомых с доктриной в целом, они имели гораздо меньше значения. Но истина выглядит совсем иначе.

В самом деле, во времена, когда начался крестовый поход, все рыцари Тулузского графства, вассалы графов Фуа и Транкавелей — виконтов Безье, если не приняли «consolamentum»¹ катарских «совершенных», в большинстве своем были «верующими». *Надо ли в их число уже включать тамплие-*

¹ «Утешение» (лат.); катарская церемония, подобная крещению и проводившаяся в случае тяжелой болезни или приближения смерти (примеч. пер).

ров тех краев, учитывая их странную позицию во время крестового похода? Этот вопрос еще мало прояснен,

Как бы то ни было, вассалы графов Фуа и виконтов Безье давали приют «совершенным», позволяли проводить у себя тайные собрания и порой на смертном ложе принимали «*sop-solamentum*». Женщины, более смелые и более пылкие, не дожидались последнего часа, чтобы облачиться в знаменитое черное платье «совершенных», — тексты допросов инквизиции недвусмысленно дают это понять. И семьи знати, находящейся в вассальных отношениях к графам Фуа и виконтам Безье, Транкавели, Фанжо, Лораки, Мирпуа, Дюрбаны, Сесаки, Шатовердены, де л'Иль-Журдены, Капельбоны, Ньоры, Дюрфоры, Монреали, Мазеролли, де Термы, Минервы, Пьерпертюзы и пр., если упоминать только основных, все насчитывали в своих рядах «переодетых еретиков», к которым относился и их сюзерен Раймунд VII, граф Тулузский. Судите сами.

Прежде всего он был буквально окружен еретиками. При этом он не испытывал никаких комплексов в отношении привилегий католической церкви и ее клириков, что приведет в ужас Петра из Во-де-Сернея, чрезвычайно благочестивого хрониста крестового похода.

Так, например, сеньор, обладавший правом юрисдикции в Памье, и все остальные были «верующими» или сочувствовали им.

Но Раймон-Роже, граф Фуа, имея «совместное владение» с аббатом Сент-Антонена, с особым ожесточением делал все, чтобы отбить у того охоту держать этот фьеф и заставить отказаться от него. Так, он разрешил двум рыцарям своей свиты поместить их престарелую мать в аббатство. Но поскольку эта женщина была известной «совершенной», монахи Сент-Антонена ее бесцеремонно прогнали, как зачумленную. Увидев это, один из братьев перерезал горло канонику, ударившему его мать, и сделал это прямо на алтаре. Далее оба рыцаря привлекли к этому внимание Раймона-Роже, он приехал в Сент-Антонен с воинами и офицерами, изгнал аббата и каноников и велел частично разрушить часовню, дортуар и трапезную, чтобы превратить аббатство в укрепленный дом.

Во время неизбежного разграбления часовни воины разломали распятие из твердого дерева и сделали из его рук и ног ступки, чтобы толочь приправы для своих трапез. На другой день рыцари свиты Раймона-Роже отцепили от креста изображение Иисуса в натуральную величину, надели на него кольчугу и сделали мишенью для конной забавы, называемой «квинтина», *игры с оружием для благородных оруженосцев и рыцарей*, при каждом удачном ударе крича ему, чтобы он «расплатился».

«Квинтиной» называли деревянный манекен *на поворотной оси, вставленной в основание*; к вытянутой правой руке манекена прикрепляли турнирный щит, а к левой, тоже вытянутой, привязывали длинную и прочную жердь. Если боец в галопе наносил неудачный удар копьем в щит манекена и не успевал вовремя пригнуться к шее коня, манекен поворачивался от удара и оглоушивал незадачливого всадника дубиной по шее или по хребту.

Все это не нуждается в комментариях. Ведь проделывание отверстия *в основании фигуры Христа в натуральную величину*, насаживание ее на ось и превращение в потешную куклу, служащую мишенью в «игре с оружием», показывает, как пренебрежительно знать из катарских «верующих» относилась к историческому Христу. Что касается призыва «расплатиться» к персонажу, низведенному до уровня мишени, то речь шла не о выкупе, потому что игра в «квинтину» не была турниром. Легко понять оскорбительный характер такого обращения к историческому лицу, представленному в подобном виде.

К тому же, когда катары говорили о «Святом Духе», это выражение означало существо из гностического пантеона, *эон*, но никоим образом не вечную эманацию, порожденную сущностными связями между «Отцом» и «Сыном».

В эзотерическом и секретном языке, характерном для катаризма, благоразумно использовали традиционную христианскую терминологию — в протоколах допросов сохранилось одно бесспорное доказательство этого. *Речь идет о том фак-*

те, что собственную церковь, образованную только «совершенными» и состоящую из них, они называли «Дева Мария». Кто, случайно услышав это выражение, предположил бы, что речь идет о внутреннем оплоте Ереси? Впрочем, вот показательные в этом отношении тексты:

«Они также отрицают, что блаженная Дева Мария была истинной матерью Господа Нашего Иисуса Христа и что она была женщиной во плоти. *Дева Мария, говорят они, — это их секта и их орден*, то есть истинное целомудренное и девственное покаяние, порождающее сынов Божьих, с тех пор как они посвящены в эту секту и в этот орден».

(«Item, beatam Mariam Virginem negant fuisse veram matrem Domini Ihesu Christi, nec fuisse mulierem carnalem, sed sectam suam et ordinem suum dicunt esse Mariam Virginem, id est veram penitenciam castam et virginem qui generat filios Dei, quando recipiuntur ad eam eandem sectam et ordinem».)

Из утверждения о порождении «сынов Божьих» этой «Девой Марией», чисто условного, следует вывод, что все, кого порождает под этим именем катарская церковь, становятся ipso facto идентичными и подобными Иисусу Христу. Такое умножение до бесконечности сводит на нет христианское представление о едином Спасителе.

Этот вывод влечет за собой другой: обращение к Евангелию от Иоанна, единственному, которое использовали катары с первого по семнадцатый стих, — обманный трюк, потому что их устное учение, как мы только что видели, отрицает *единственность Воплощенного Слова*, утверждаемую этим Евангелием.

Кстати, надо отметить, что с *катарами* часто смешивают *вальденсов*. Последние и сами часто сталкивались с первыми, потому что они жили в одних и тех же краях и в одно и то же время. Вальденсы, равно как и катары, тоже делились на «совершенных» и «верующих». Из-за использования одних и тех же слов часто и весьма ошибочно *ритуалы* вальденсов считали катарскими и вполне искренне могли предполагать, что катары были христианами. Но в абсолютном смысле слова христианами были только вальденсы, хотя и не католиками.

Катары, как мы видели, *таковыми не были абсолютно*. Читателей, желающих убедиться во всем вышесказанном, мы отсылаем к «Practica» инквизитора Бернара Ги.

Очень вероятно, что то же относится и к «Иисусу Христу». Шарль Гигебер показал, что эзотерические иудейские секты *до нашей эры* упоминали существо по имени Иешуа (на древнееврейском — Иисус). Очевидно, что у них еще не могло быть речи об историческом Иисусе. А ведь «Иисус Христос» дословно значит «*Священный Спаситель*» (от древнееврейского «Иешуа» и греческого «Христос»).

Впрочем, любой катар, принимая «consolamentum», сначала должен был вслух произнести формулу «abrenuntiatio», торжественно отрекаясь от крещения водой, принятого при рождении, и объявляя, что не верит в него и отказывается от него. Тем самым в его представлении стирался крест, которым отмечали его лоб, и последующие помазания.

Несомненно, имелось в виду крещение водой, принятое в лоне католической церкви, но никакого другого он взамен не принимал.

После констатации всех этих фактов нам трудно далее соглашаться, что катаризм был всего лишь примитивной формой христианства. Напротив, в реальности это была религия абсолютно манихейского типа, не скрывавшая своего неприятия классического образа Христа, известного нам из истории, и полного неверия ни в его Воплощение, ни в его Страсти, ни в его Воскресение, ни в его Вознесение. Что же тогда остается от христианства? Очевидно ничего.

Тем же путем, в свою очередь, пошли тамплиеры; менее семидесяти лет отделяет костер Монсежюра от костра на острове Сите, и рот Истине заткнула та же железная перчатка. Ибо «оружие во все времена было инструментом варваров. Оно обеспечивало победу материи над духом, и самой тяжелой материи. Оно поднимало из глубины душ грязь самых худших инстинктов» (*Шарль де Голль*. На острие шпаги).

Глава I

ДОКУМЕНТЫ ПО ДЕЛУ

Рассказы, записанные на пергаментах, истребляются теми, кто хочет сохранить невежество, но слова падают в души, как голуби, прилетающие издалека и присаживающиеся лишь затем, чтобы снова отправиться в путь. И это одна из форм правосудия.

Морис Магр. Кровь Тулузы

Ниже мы приводим краткие библиографические данные о *самых древних* рукописях «библиотеки» основ христианства.

Познакомившись с ними, читатель сможет убедиться в том, что мы будем утверждать на протяжении всей книги, а именно: что *реальные документы* (не «упоминаемые» в качестве «исчезнувших»!) *все относятся не ранее чем к IV веку.*

Вслед за каноническими Евангелиями мы привели апокрифические, так как «наибольший интерес они вызывают у нас в том плане, что отражают народное христианство *истоков* (...) Они *дополняют* те хроники первых веков, какими являются великие послания Павла и Деяния апостолов (...) С самой узкой точки зрения апокрифы приводят некоторые *исторические подробности, которыми нельзя пренебрегать*» (Daniel-Rops // *La Bible apocryphe. Evangiles apocryphes.* [Traduction] par F. Amiot... (et Daniel-Rops). Paris: Artheme Fayard. 1952).

РУКОПИСИ ЯЗЫЧЕСКИХ АВТОРОВ

Вошло в обычай петь *laus* [хвалу (лат.)] монахам-переписчикам, этим добрым и превосходным отцам, которые в средневековых монастырях «собирали» и переписывали рукописи греческих и латинских авторов.

При этом забывают уточнить, какой была судьба *оригиналов*. По сути, эта работа отвечала настоятельной потребности истребить всякое упоминание об Иисусе — вожде мятежной политической группировки, деятельность которой *по жизненной необходимости* часто выливалась в разбой и в действиях которой более тридцати лет не было ничего евангельского. А также уничтожить высказывания об этом Иисусе латинских авторов и мирных евреев, тоже имевших свое мнение на этот счет.

Поэтому в плане рукописей древних авторов мы имеем очень печальный итог.

Что касается Иосифа Флавия, то известны его рукописи IX и XII веков, и только во второй содержится знаменитый пассаж об Иисусе, пассаж, который все серьезные католические экзегеты считают грубой вставкой. Старославянский текст «Иудейской войны», иногда называемой «Взятием Иерусалима» или «Иудейскими войнами», и вставки в нем отличаются от греческого текста.

Что касается Тацита, есть его рукописные «История» и «Анналы» IX и XI веков. И недостает как раз того, что относится к ключевым годам зарождения христианства, ко всему периоду с 28 по 34 год. К тому же рукописи изобилуют купюрами и вставками, порой столь грубыми, что проницательный читатель даже без предварительной подготовки может выступить в роли экзегета и обнаружить их сам.

Даниэль-Ропс, не желая того, простодушно дал нам ключ к этим тайнам. В книге «Иисус в Его время» он пишет:

«Отметим эту цифру — IV век. Если тексты Нового Завета грубо датируются периодом с 50 по 100 год, то *их составление и первые полные их рукописи, которыми мы распола-*

гаем, разделены тремя веками. Это может показаться ненормальным, но надо подчеркнуть, что это ничто по сравнению с временными промежутками, отделяющими *неизвестный автограф* от древнейшей *известной копии* всех классиков античности: четырнадцать веков для трагедий Софокла, равно как и для произведений Эсхила, Аристофана и Фукидида; шестнадцать веков для произведений Еврипида и Катулла, тринадцать — для Платона, двенадцать — для Демосфена. В самом благоприятном положении оказались Теренций и Вергилий, потому что для первого разрыв составил только семь веков, а для второго — четыре¹.

Вполне очевидно, что эти древние авторы либо жили до Иисуса и ничего о нем не знали, либо просто сочиняли пьесы, совершенно не нуждавшиеся в купюрах и вставках. Этого нельзя сказать об историках, как Иосиф Флавий, Тацит или Светоний, и в этом отношении даже такой хронист-сатирик, как Петроний, не избежал усердной обработки монахов-переписчиков. В самом деле, его знаменитый «Сатирикон» в рукописных копиях, дошедших до нас, включает всего 250 страниц, тогда как по другим источникам мы знаем, что первоначальные копии оригинальной рукописи насчитывали 3000 страниц. Поэтому очевидно, что это описание «дольче вита» при Нероне было *не таким* и что Петрония подвергли беспощадной цензуре, равно как и Тацита, из «Истории» и «Анналов» которого удалили все главы, относящиеся к событиям в Палестине того времени.

Что касается абсолютной подлинности канонических Евангелий, ограничимся тем, что приведем слова аббата Бержье из его «Словаря теологии»²:

«Люди, по-настоящему сведущие в вопросах экзегезы и, главное, честные, признают, что текст Нового Завета не был *зафиксирован* раньше конца VI века».

¹ *Daniel-Rops, Henri*. Jesus en son temps (Histoire sainte. 2). Paris: Fayard. 1967.

² *Bergier, Nicolas Sylvestre*. Dictionnaire de theologie. Paris: Gauthier 1833.

РУКОПИСИ КАНОНИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ

— *Синайский кодекс* (Codex Sinaiticus). Дата: IV век. Содержит почти весь Ветхий Завет, Новый Завет, Послание Варнавы, «Пастыря» Гермы (частично). Найден в 1844 году Тишендорфом в монастыре Святой Екатерины на горе Синай. В настоящее время находится в Британском музее, Лондон.

— *Ватиканский кодекс* (Codex Vaticanus). Дата: IV век. Содержит Ветхий Завет (кроме полусотни утраченных страниц) и Новый Завет до Послания евреям, 9:14. Очень плохая орфография. Поступил в Ватикан между 1475 и 1481 годами.

— *Александрийский кодекс* (Codex Alexandrinus). Дата: V век. Содержит Ветхий Завет и Новый Завет с Матфея, 25:6. Текст якобы хуже, чем предыдущий, особенно в Евангелиях. Находится в Британском музее, Лондон.

— *Рескрипт Ефрема* (Codex Ephraemi Rescriptus). Дата: V век. Палимпсест. Поверх библейского текста в XII веке были записаны трактаты святого Ефрема в греческой версии. Египетского происхождения, доставлен в Париж Екатериной Медичи, хранится в Национальной библиотеке.

— *Кодекс Беза* (Codex Bezae), или *Кембриджский* (Codex Cantabridgiensis). Дата: V или VI век. Включает с некоторыми лакунами четыре Евангелия и Деяния. Двухязычная рукопись, греко-латинская. С IX века находилась в Лионе. В 1581 году Теодор де Без передал ее Кембриджскому университету, где она в настоящее время и находится.

— *Кодекс Фрира* (Codex Freer). Дата: V век. Содержит четыре Евангелия с некоторыми лакунами. Включает дополнение после Марка, 16:14. Куплен в 1906 году Фриром у арабского торговца. В настоящее время находится в Вашингтоне.

— *Кодекс Коридети* (Codex Koridheti). Дата: VII—IX века. Хранится в Тбилиси, но происходит, судя по маргиналиям, из монастыря Коридети на Кавказе,

— *Королевский кодекс* (Codex Regius), называемый еще *Парижским* (Codex Parisiensis). Дата: VIII век. Многочислен-

ные исправления и маргиналии. Находится в Париже, в Национальной библиотеке.

— *Бератский кодекс* (Codex Bezae Cantabrigiae). Дата: VI век. Содержит Евангелия от Матфея и Марка на пурпурном пергаменте. Находится в Берате (Албания).

— *Афонский кодекс* (Codex Athousiensis). Дата: VIII или IX век. Содержит Новый Завет, кроме Матфея, Марка (с 1:1 по 9:4) и Апокалипсиса.

— *Верчелльский кодекс* (Codex Veracellensis). На латыни. Дата: IV век. В Верчелли.

— *Веронский кодекс* (Codex Veronensis). На латыни. Дата: IV или V век. В Вероне.

— *Кольбертинский кодекс* (Codex Colbertinus). На латыни. Дата: XII век. В Париже.

— *Сен-Жерменский кодекс* (Codex Sangermanensis). На латыни. Дата: VIII век. В Париже.

— *Кодекс из Брешии* (Codex Brixianus). На латыни. Дата: VI век. В Брешии.

— *Палатинский кодекс* (Codex Palatinus). На латыни. Дата: V век. В Дублине.

— *Кодекс из Боббио* (Codex Bobiense). На латыни. Дата: IV или V век. Содержит только Евангелия от Марка (от 8:3 до 16:8) и от Матфея (от 1:1 до 15:36), с некоторыми лакунами.

— *Мюнхенский кодекс* (Codex Monacensis). Дата: VI или VII век. На латыни.

— *Куретонийский кодекс* (Codex Curetonianus). Дата: IV век. На сирийском. Найден в 1842 году в одном монастыре Нитрийской пустыни (Египет).

Существует также несколько *папирусов*, маленькие фрагменты которых содержат некоторые главы канонических Евангелий. Это:

— *Папирус P^L*. Дата: III или IV век. Содержит Евангелие от Матфея (глава 1, стихи 1-9 и 12-20).

— *Папирус P³*. Дата: VI век. Содержит Евангелие от Луки (глава 7, стихи 36-45, глава 10, стихи 38-42).

— *Папирус P4*. Дата: IV век. Содержит Евангелие от Луки (глава 1, стихи 74-80, а также от 5:30 до 6:4).

— *Папирус P37*. Дата: III или IV век. Содержит Евангелие от Матфея (глава 26, 19-52).

— *Папирус P45*. Дата: III или IV век. Содержит четыре Евангелия и Деяния в тетрадах из двух листов. К несчастью, очень поврежден; осталось: Матф., 20:24-21:19, 25:41-26:33, Марк, 4:36-9:31, 11:27-12:8, Лука, 6:31-7:7, 9:26-14:33.

— *Сирийские рукописи*. Разные рукописи «Простой» версии. Дата: V или VI век.

— *Коптские рукописи*. Разные рукописи на саидском диалекте Верхнего Египта. Некоторые из них относятся к IV веку.

— *Коптские рукописи*. Разные рукописи на бохайрском диалекте Нижнего Египта. Самая старинная датируется IX веком.

РУКОПИСИ АПОКРИФОВ¹

— *Аскевианский кодекс* (Codex Askewianus). Он же *Pistis Sophia*. Дата: V век. Написан на коптском фиванском, или саидском, языке. С 1785 года находится в Британском музее.

— *Брукианский кодекс* (Codex de Bruce). Дата: IV или V век для каждой части. Содержит «Книгу великого договора согласно Тайнству». Находится в Бодлианской библиотеке. Был найден в 1769 году. На коптском фиванском.

— *Берлинский кодекс* (Codex Verolinensis 8502). Дата: V век. На коптском фиванском. Был приобретен в Каире в 1896 году и еще раз в Берлине в 1945 году. Содержал «Евангелие от Марии», «Тайную книгу Иоанна», «Премудрость Иисуса» и «Деяния Петра».

— *Протоевангелие от Иакова*. Восстановлено экзегетами при помощи рукописей, относящихся к векам с V по XV. Эти рукописи рассеяны по разным библиотекам.

— *Евангелие от Петра*. Дата: VIII век. Написано на греческом. Найдено в 1887 году в Верхнем Египте.

¹ От греч. ἀπόκρυφος — ТАЙНЫЙ, СКРЫТЫЙ.

— *Апокалипсис Петра*. Дата; VIII век. Написан на греческом. Найден в 1887 году в Верхнем Египте.

— *Евангелие от псевдо-Матфея*. Дата: VI или VII век. Не более чем переработка «Протоевангелия от Иакова».

— *Сказание о детстве Господа*, называемое еще «Псевдо-Фома». Дата: V век. Послужило истоком для «Армянской книги детства» VI века и «Арабского Евангелия детства» VII века.

— *Евангелие от Никодима*. Дата: IV век. Называется также «Деяния Пилата». Разные версии, коптские и сирийские.

— *Евангелие от Гамалиила*. Дата: в зависимости от рукописей, в лучшем случае VII век. Написано на эфиопском языке или же на коптском.

— *Завет в Галилее Г.Н.С.Х.* [Господа Нашего Иисуса Христа]. Дата: в зависимости от рукописей, в лучшем случае VIII век. Версии на коптском и на эфиопском.

— *Чудеса Иисуса*. Дата: в зависимости от рукописей, в лучшем случае IX век. Написано на эфиопском.

— *Евангелие от двенадцати апостолов*. Даты: разные, в зависимости от рукописей. Упоминается в рукописях Руфина (V век), переводилось Оригеном как одно из древнейших апокрифических Евангелий.

— *Евангелие от Варфоломея*. Дата: V век. Мы располагаем только его фрагментами, написанными на коптском.

— *Деяния Иоанна*. Дата: IV век. Написано на греческом. Сохранилось только две трети.

— *Деяния Петра*. Дата: V век. Написано на греческом. Мы располагаем только последней частью. Начало нам известно по коптскому фрагменту и так называемым Верчелльским «Деяниям» на латыни.

— *Деяния Павла*, также называемые «Деяния Павла и Теклы». Дата: VI век для сирийской, славянской и арабской версий. Существуют фрагменты греческой версии, записанные на пергаменте V века.

— *Деяния Андрея*. Дата: VI век. Написано на латыни. Существуют фрагменты рукописей на греческом.

— *Деяния Фомы*. Дата: VI век для латинской версии. Существуют греческая и сирийская версия, предположительно более ранние — вероятно, V век.

— *Апокалипсис Павла*. Дата: V век. Написан на греческом. Существует более поздняя латинская версия.

— *Евангелие от Фомы*, называемое также «Тайные слова Иисуса». Дата: IV или V век. Написано на коптском. Входит в состав текстов, найденных в Хенобоскионе, в Египте, близ Наг-Хаммади.

— *Климентийские гомилии*. Дата: V век, Написаны на греческом. Греческий текст «Гомилий» сохранился, но текст «Возрождений души» (его вторая часть) утрачен. Мы располагаем только латинской версией Руфина.

Что касается 49 рукописей, найденных в 1947 году в Хенобоскионе, надо ждать их публикации, хотя бы в сокращенной форме, чтобы отделить чисто манихейские тексты от других редакций, гностическо-христианских. Вот почему мы не упоминаем здесь ни одного из этих ценных древних документов, датированных приблизительно V веком.

АПОКАЛИПСИС И ЕГО ТАЙНА

Отдельный очерк мы посвятили одному странному тексту, который со времен его появления непрестанно вызывал споры; мы имеем в виду «Апокалипсис» — это греческое слово означает «откровение».

Тридентский собор (1545) окончательно включил его в число канонических текстов, и его решение очевидно и принципиально не подлежало обжалованию со стороны католического мира. Впрочем, многие автокефальные восточные церкви, не связанные с Римом, по-прежнему отвергают его, следуя прославленным и древним образцам.

Так, например, его игнорирует великий Ориген (ум. 254). Евсевий Кесарийский (ум. 340), не осмеливаясь открыто высказать свою позицию, пространно цитирует возражения

св. Дионисия Александрийского (ум. 261) и приводит все аргументы против апостольского характера Апокалипсиса. Чувствуется, что Евсевий Кесарийский внутренне принимает все аргументы Дионисия Александрийского против этого загадочного текста.

Впоследствии Лаодикейский собор (362) отказался внести его в официальный канон. И другие авторитетные отцы церкви выступили против этого чужеродного элемента, характер которого, как необходимо подчеркнуть, не позволяет приобщить его к новым идеям. Упомянем, что Василий Великий (ум. 379), св. Кирилл Иерусалимский (ум. 386), Григорий Назианзин (ум. 390), Григорий Нисский (ум. 400), св. Иоанн Златоуст (ум. 407) и Феодорит не сказали о нем ни слова и не включали его в тексты, которые использовали. Св. Иероним (ум. 420) занимает позицию, сходную с позицией Евсевия Кесарийского.

Официальная традиция утверждает, что Апокалипсис — это рассказ о видении, ниспосланном апостолу Иоанну в его ссылке на острове Патмос. На Патмос он был отправлен в 94 году, на первом году царствования Нервы: отметим эту деталь, она имеет значение.

Можно было бы удивиться, что «медиум», вернувшись в нормальное состояние, сумел запомнить столь продолжительное видение с таким обилием деталей. Прежде всего странно, что в 94 году как пророческий преподносился текст, очень точно описавший пожар Рима, случившийся в 64 году, то есть тридцать лет назад, и разрушение Иерусалима, случившееся в 70 году, то есть двадцатью четырьмя годами раньше. А ведь в главе 18 описан первый, а в главе 11 — второе.

К тому же нам говорят, что апостол Иоанн написал его на греческом, но, как отмечает св. Дионисий Александрийский, «вижу, что пишет он по-гречески неправильно, пользуется иностранными словами и делает ошибки в языке» (*Евсевий Кесарийский. Церковная история. VII, XXV, 26. С. 319¹*).

¹ Все цитаты из «Церковной истории» приводятся по изданию: *Евсевий Памфил. Церковная история. СПб.: Амфора. 2005 (примеч. пер.)*.

На самом деле оригинал был совершенно определенно написан на арамейском, сначала переведен на иврит, а потом на греческий. Во времена, когда появилась греческая версия, в конце I века, оба первых рассказа были уже утрачены.

С другой стороны, то, что мы условились называть Апокалипсисом, представляет собой набор текстов, принадлежащих даже разным авторам, по мнению некоторых экзегетов. Кто говорит о трех разных произведениях, кто — о двух, чаще всего иудейского происхождения, но собранных воедино христианским редактором в довольно поздний период.

По мнению преподобного Буамара, преподавателя Библейской школы в Иерусалиме, представившего эту книгу в рамках «Иерусалимской Библии», чисто пророческая часть Апокалипсиса (главы 4-22) составлена из двух различных «апокалипсисов», первоначально независимых, но после объединенных в один текст. Что касается «посланий семи церквям» (главы 2 и 3), то они, должно быть, существовали раньше, отдельно. В самом деле, трудно представить редактора, который бы соединил все эти послания и отправил их копии всем своим корреспондентам, даже если их основная тема — общая.

Далее, сколь бы мало читатель ни отличался наблюдательностью и недоверчивостью, при чтении Апокалипсиса у него возникают некоторые недоумения.

На самом деле, перед нами текст, якобы написанный в 94 году на Патмосе апостолом Иоанном, а его автору неведомы важнейшие реалии христианского движения, то есть:

- существование двенадцати апостолов, которых Иисус назначил и благословил в качестве руководителей зарождающейся церкви;

- существование Петра как верховного вождя движения;

- существование Павла, его миссия, его выдающаяся роль, его смерть в Риме в 67 году;

- существование четырех основных Евангелий, не считая великого множества апокрифов, которые начали распространяться;

— существование посланий Павла, а ведь они были прочитаны во всех христианских общинах, в которые рассылались;
 — назначение семидесяти двух учеников и их миссия.

Если автор Апокалипсиса ничего этого не знает, значит, текст был написан гораздо раньше. Конечно, упоминается город, «где и Господь наш распят» (11:8), но ведь в Иерусалиме распяли многих мессианских вождей, достаточно упомянуть Езекию, тоже «сына Давидова» и, значит, «государя» Израиля¹.

Конечно, в главе 14:6 упоминается загадочное «вечное Евангелие», но возьмем в руки точный текст: «И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел *вечное Евангелие*, чтобы благовествовать живущим на земле...»

Так вот, в оригинальной греческой версии используется выражение «*evaggelion aionion*», что означает евангелие не в том смысле, в каком мы его понимаем сейчас, а в том, как его понимали греки: «счастливая весть», «добрая новость», «вестник» или «послание с добрыми предзнаменованиями».

К тому же есть доказательство, что оригинал был написан на *арамейском* — народном языке с тех пор, как в IV веке до нашей эры классический иврит стал языком литургии. И это понятно, если Апокалипсис (по крайней мере первоначальный текст, без позднейших добавлений) был адресован — как истинное «воззвание к народу» — еврейской нации, страдающей под римским игом.

Вот это доказательство.

В главе 9, стих 11, мы читаем:

«Царем над собою имела она ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион».

Святой Иероним, составляя свою латинскую «Вульгату», безо всякого стеснения добавил к этому стиху такое окончание: «...et latine habet nomen Exterminans». То есть дословно: «...а по-латыни Истребитель».

¹ Автор имеет в виду не древнего иудейского царя, а отца Иуды Галилеянина, см. далее (*примеч. пер.*).

Преподобный Буамар более благоразумно довольствовался подстраничной сноской: «En français: Destruction, Ruine» [«По-французски: Разрушение, Разорение»].

Легко сделать вывод. Каждый следующий переводчик считал нужным уточнять на собственном языке имя Князя бездны, всякий раз добавляя его к предыдущему переводу.

Каким было арамейское имя, которое первый переводчик на иврит передал как «Аваддон»? Может быть, Абдут (алеф-бет-далет-вав-тав), которое встречается в «Сефер Рациэль» (том 5а), в смысле «Погибель», и еще это имя Ангела восточного ветра в третьей *текуфе*.

Но тогда, если этот текст был просто манифестом, написанным на народном языке того времени, чтобы разжечь сопротивление евреев римским оккупантам, кто был его автором? В какое время была написана его первоначальная основа (без добавлений)?

На последний вопрос мы ответим, что Апокалипсис был написан до 64 года, потому что это год пожара Рима и описание его задним числом нельзя представить как пророчество.

И также до того, как Иоанн Креститель начал проповедовать на броне Вифавара на Иордане на 15 году царствования Тиберия, то есть в 28 году нашей эры. И вот доказательство, подписанное автором:

«Откровение Иисуса Христа¹, которое дал Ему Бог², чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа, и что он видел. Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко» (Ап., 1:1-3).

«Я, Инсус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда свет-

¹ «Христос» по-гречески значит «помазанный». То же, что по-древнееврейски «Мессия».

² Эти четыре слова доказывают, что *в то время* Иисус еще не считал самого себя Богом как единосущный с Ним.

лая и утренняя. <...> Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром. <...> Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро!..» (Ап., 22:16, 17, 20).

Если мы признаем, что Апокалипсис был написан апостолом Иоанном на Патмосе в 94 году, мы должны признать и лживость этого пророчества, потому что Иисус *так и не пришел!* Что касается предвестия пожара Рима и разрушения Иерусалима, то все это уже произошло.

Итак, мы можем сделать вывод. Иоанн, получивший весть от Иисуса как следствие видения, которое имел тот, этого устрашающего *апокалипсиса*, — это Иоанн Креститель. Эта весть пришла к нему из Египта, где Иисус еще находился после провала восстания Переписи, римских репрессий и рассеяния zelотских отрядов.

Иисус и в самом деле собирался скоро прийти, но в самом материальном смысле слова. Ведь скоро, в 28 году, он появится на иорданском броду и заменит Крестителя, роль которого закончена.

Ангел, несущий эту весть, есть только в латинском тексте. Потому что в греческом был «*aggelos*» — греческое слово, означающее «*посланник*», но в *тогдашнем греческом* не имевшее никакого сверхъестественного характера. Для обозначения сверхъестественных существ использовали слова «*daimon*», «*diabolos*», «*kakodaimon*». Причина очень проста — мифология тогдашних греков не знала того вида духов, который мы условились называть ангелами...

Что касается слова «*ekklesia*» (по-гречески «*собрание*»), то оно полностью соответствует древнееврейскому «*kahal*», имеющему то же значение. Это сход всех верующих, живущих в данном месте. И дальше мы увидим, что эта замена не бессмысленна.

Таким образом, автором первоначального Апокалипсиса (без позднейших добавлений) был сам Иисус, как он, впрочем, и говорит об этом в прологе и эпилоге. Текст был написан в 26-27 годах, и его адресатом был не кто иной, как

Иоанн Креститель. Предназначен он был для того, чтобы еще раз подогреть, внушив несбыточные надежды, законное стремление еврейской нации, склонившейся под римским ярмом, к независимости. Автор не скупится на угрозы, судите сами:

«Горе, горе, горе (три раза) живущим на земле...» (Ап., 8:13).

«Горе живущим на земле и на море...» (Ап., 12:12).

Судьба обычных народов будет весьма незавидной, когда этот фанатичный экстремизм, отвергаемый, впрочем, почти всем Израилем, восторжествует:

«Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил власть от Отца Моего; и дам ему звезду утреннюю» (Ап., 2:26-28).

Не считая упоминания об этом странном подарке, понятно, что соседние народы не очень торопились поддержать zelотов в борьбе с Римской империей.

Но также очень легко представить, что, если бы экземпляры этого пылкого призыва к священной войне (потому что это не что-либо иное), как следует переведенного с арамейского на греческий (язык общения между римскими оккупантами и культурными иудеями, ставшими со II века до нашей эры рьяными эллинофилами), противники Иисуса передали разным прокураторам, Пилату, Марцеллу и т. д., их прочтение и передача в секретариат кесаря оправдали бы принятие систематических мер против всех, кто мог бы примкнуть к этому загадочному «Хресту». И не только в Палестине, но и во всех провинциях империи, омываемых морями Леванта.

Отсюда фраза, вероятно урезанная монахами-переписчиками, в «Жизни двенадцати цезарей» Светония:

«Иудеев, постоянно *волнуемых Хрестом*, он изгнал из Рима» (Божественный Клавдий, 25)¹.

¹ Цит. по: Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Гаспарова. М.: -Художественная литература. 1990. С. 43.

Это 52 год. Уже девятнадцать лет как Иисуса распяли в Иерусалиме, но поскольку эти сектанты утверждают, что он воскрес, он по-прежнему плетет заговоры против «рах Романа», и Светоний, доверившись данным допросов, полагает, что он еще жив.

Таким образом, еще в 52 году внутри крупной еврейской колонии в Риме, насчитывавшей при Тиберии более пятидесяти тысяч душ, мессианистский клан навлек гнев имперских властей на мирное большинство, которое ничего не могло с этим поделать.

Так что очень понятно сначала молчание, потом сдержанность и даже неприятие отцов зарождающейся церкви (и не самых малозначительных) по отношению к этому столь компрометирующему тексту. Ведь если римские полицейские власти, а значит, и император познакомились с Апокалипсисом до пожара Рима в 64 году (а это почти наверняка произошло), ясно, что после этого пожара по всей империи принадлежность к христианству была приравнена к *преступлению*,

И отнюдь не исключено, что борьба Рима против мессианства Иисуса началась, как только последнее возникло, *и при жизни* Иисуса физическая активность уступила место этому настоящему «призыву к священной войне», этому объявлению войны «народам», каким является Апокалипсис. И вот почему.

В «Послании Пергамской ekklesia» (Ап., 2:12-13) есть намек на некоего мученика, не рискующий привлечь к себе внимание, мученика, упоминать которого воздерживаются все экзегеты, потому что от одного упоминания о нем может открыться Истина! Вот этот удивительный отрывок:

«И Ангелу Пергамской церкви напиши: так говорит имеющий острый с обеих сторон меч: Знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрелся от веры Моей *даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа*» (Ап., 2:12).

Прежде всего заметим, что «ангелы», которым Иоанн получает приказ написать, не могут быть «angelis» в латинском

смысле слова, это «aggelous» в древнегреческом понимании, то есть *вестники*, а в данном случае — *корреспонденты*, самые обычные люди. Это *писари* каждого иудейского *кагала*, ставшего *ekklesia*, после того как он с арамейского языка через древнееврейский перешел в греческую версию.

Будь это не так, было бы не очень понятно, как означенный Иоанн передаст послание Иисуса ангелу-покровителю *ekklesia*, если этот «ангел» действительно дух в чистом виде!

И возникает проблема: что это за «свидетель» Иисуса, этот мученик по имени Антипа, умерщвленный в Пергаме за верность Иисусу *до того, как последний написал Апокалипсис и отослал его Иоанну?*

«Деяния» Пиония, «Деяния» Карпа, «Церковная история» Евсевия Кесарийского об этом молчат. В четвертой книге, упомянув о мучениках Смирны, Евсевий пишет:

«Есть тут же отчеты и о других замученных в асийском городе Пергаме; о Карпе. Папиле и женщине Агафонике, со славой скончавшихся после многолетнего и славного исповедания» (*Евсевий Кесарийский. Церковная история. IV, XV, 48. С. 164*).

Но католические экзегеты относят эти расправы то к временам Марка Аврелия (161-180), то ко временам Деция (240—251). Это очень далеко от времен Апокалипсиса, даже официально принятых (94 год). Ведь этот Антипа должен был умереть до 94 года, если следовать официальным данным, или до 28 года, если принимать наше толкование.

А для всех католических, протестантских или православных экзегетов первый мученик — это диакон Стефан, побитый камнями в 36 году, когда Марцелл сменил Пилата на посту прокуратора.

Таким образом, этот Антипа, умерший в Пергаме за верность делу Иисуса, Антипа, о котором все экзегеты предпочитают умалчивать (всегда обходя без единого слова этот стих и даже не делая малейшей сноски под строкой), становится для официальной истории христианства столь же неудобным и столь же компрометирующим, как Иуда Галилеянин и город Гамала.

Глава II

ПСЕВДОБЛАГОВЕЩЕНИЕ

Вы скажете, что это очень странно,
Но правда всякой выдумки странней¹.

Лорд Байрон. Дон-Жуан.
Песнь четырнадцатая

«В шестый же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу из рода Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, вошел к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами.

Она же, увидевши его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца.

Мария же сказала Ангелу:

Как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим; вот, и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестый месяц; ибо у Бога не останется бессильным никакое слово.

¹ Перевод Т. Гнедич.

Тогда Мария сказала: се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел. Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету» (Лук., 1:26-40).

Из этого рассказа мы определенно узнаем две вещи. Первая — то, что Мария ни на миг не усомнилась в словах ангела, и это доказывается тем фактом, что она сразу же отправилась в дорогу, долгую и утомительную, за сто шестьдесят километров — из Галилеи в царство Иуды. Следовательно, для нее это явление было реальностью, *она не усомнилась в нем ни на миг*. Во всяком случае, в рассказе IV века, приписываемом Луке, который узнал это от своего учителя Павла, а тот не был непосредственным свидетелем.

Второй несомненный факт: жениха по имени Иосиф не было. Смотрите: вот девушка, официально обрученная с мужчиной из рода Давида, царского рода, который, следовательно, намеревается на ней жениться. Ей сообщают, что она забеременеет, что у нее будет мальчик, что он станет царем Израиля. *И она спрашивает, как это может произойти, «когда Я мужа не знаю»!* Но в таком случае либо она уже знала, что жених бессилен, *либо его не существовало*. Первая гипотеза — во многих отношениях шокирующая, потому что предполагает, что Мария уже испытала жениха по имени Иосиф, и тогда она уже не девственница, по крайней мере, в моральном смысле. Либо она согласилась выйти за человека, бессилие которого известно, официально признано, а это противоречит иудейскому закону. Ведь указанный талмудический закон давал бессильному супругу максимум две недели на то, чтобы согласиться вернуть жене свободу (Талмуд, Арахин 5,6 — Кетубот 13,5 — Недарим 11,12 — Кетубот 5,6). После этого суд провозглашал развод. Таким образом, в Израиле брак, который для мужчины с восемнадцати лет был обязательным, имел целью появление потомства. Значит, брак с

заведомо бессильным мужчиной или бесплодной женщиной считался безнравственным и противоречил закону.

А мы скоро узнаем, что от истинного отца Иисуса Мария родит не *одного* ребенка, а *пару близнецов*, и это совершенно несовместимо с версией, что некое ангельское существо создало в лоне девушки *единственного* «Сына Всевышнего».

Конечно, Иисус получит прозвище «сына плотника» (Матф., 13:55, и Марк, 6:3). Но так же прозывали Иуду из Гамалы, который тоже и прежде своего старшего сына Иисуса изучал магию, если не египетскую, то по меньшей мере еврейскую каббалу. В самом деле, слово «плотник» на древнееврейском языке имеет два значения. Транскрибируемое как «хет-реш-шин» (heresh), оно означает также «чародей», «маг», откуда: «И тот, кто искусен в магии (heresh)» (Ис., 3:7), и «Славный ремесленник, и искусный чародей (heresh)» (Парал., 9:15)¹.

И наконец, мы подходим к последнему (и бесспорному) доказательству того, что Марии, матери Иисуса, ангел не являлся, и его дают нам сами официальные Евангелия.

«И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать» (Марк, 3:31-35).

«И пришли к Нему Матерь и братья Его, и не могли подойти к Нему по причине народа. И дали знать Ему: Мать и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. Он сказал им в ответ: мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лук., 8:19-21).

¹ В обоих случаях в Библии нет ничего и близко. Непонятно, что имел в виду автор (*примеч. пер.*).

Прежде всего отметим, что в этих двух отрывках слово «братья» явно использовано в прямом смысле «родственники», а присутствие *матери* это Лишь подтверждает. Несомненно, они пришли просить у Иисуса денег на жизнь, потому что вести бродячую, странническую жизнь, следуя за почти пятитысячной колонной (Матф., 14:21), которую по пятам преследует римская конная полиция, было очень трудно. Иуда Искариот, *казначей* (Иоан., 12:6 и 13:29), держал казну не только для дюжины учеников.

Далее, как мы уже сказали, откровенное презрение к матери и братьям, выраженное в ответе Иисуса, нечто вроде отречения от родственников по плоти и предпочтение тех, кто слушает его наставления, вполне достаточно показывают, что Мария, его мать, и его братья *не следовали за ними, не были его учениками*. И в самом деле мы читаем у Иоанна: «Ибо и братья Его не веровали в Него» (Иоан., 7:5).

Эта простая фраза окончательно перечеркивает гипотезу, что братья Иисуса могли быть *братьями* в эзотерическом смысле, как в монашеском ордене или во франкмасонстве. Ведь очевидно, что в таком случае «братья» означало бы «ученики», «собратья», они бы верили слову учителя и не сомневались.

С другой стороны, Иисус включает свою мать в число тех, кто не следует его учению, мы это видели у Марка (3:31-35) и Луки (8:19-21), цитируемых выше. Это подтверждает и Иоанн: «ибо и...» (7:5). Как же можно представить, чтобы Мария видела и слышала ангела Гавриила, настолько поверила тому, что он ей обещал, что тут же отправилась в Иудею к Елизавете, а впоследствии не верила в божественную миссию сына?..

Причина этого нового противоречия в том, что она зачала Иисуса, как зачинают все женщины, и не было никакого явления ангела, непорочного зачатия, чудесного рождения. Последнее доказательство этого дает нам фраза «Ибо и братья Его не веровали в Него» (Иоан., 7:5), так как она дока-

зывает, что Мария, их общая мать, никогда не говорила им о чудесном рождении и сверхъестественной миссии их старшего брата, «ибо и..» она не верила в это. Во что же тогда превращается ее восторженное заявление, приведенное Лукой (1 ;46-55) и послужившее сюжетом для «Величания»?

Есть и другие неясные моменты. Так, в Иерусалимском храме, представляющем собой нечто вроде сакрального центрального квартала в Святом городе, специальные священнослужители хранили генеалогии израильских родов по коленам, племенам и т. д.

Ирод, уязвленный тем, что к нему могут относиться только как к необрезанному по рождению, велел уничтожить все это необыкновенное собрание документов, сообщает нам Иосиф Флавий. Он не знал, что каждая семья, сколь бы малозначительна она ни была, заботливо хранила собственную генеалогию в родовом жилище. Очевидно, что так было и во всех семьях, относящихся к роду Давида, то есть царскому.

А для Иосифа, который считался отцом Иисуса, канонические Евангелия приводят совершенно разные генеалогии. Генеалогия у Матфея (1:1-16) совсем не похожа на генеалогию у Луки (3:23-28), и, что еще более удивительно, для Иосифа указываются разные *отец, дед, прадед* и *прапрадед*, хотя в отношении этих четырех «колен» меньше возможность ошибиться, чем в отношении других, менее известных из-за удаленности во времени.

Более того, в тех же канонических Евангелиях нет никакой генеалогии Марии. Когда она, как утверждается, отправилась из Галилеи в Иудею к кузине Елизавете (беременной Крестителем, несмотря на преклонный возраст), ей предстояло пройти долгий путь более ста шестидесяти километров по местностям, опустошенным войной, которые становились еще менее безопасными из-за постоянного разбоя. И притом нам не говорят, как она передвигалась (пешком, на осле, одна или

в сопровождении и в чем в таком случае?), и даже не сообщают, кто были ее отец и мать.

Истина заключается в том, что девушке в ту эпоху было невозможно, *не рискуя честью и жизнью*, пересечь области, где беспрестанно сталкивались и безжалостно дрались между собой римские наемники всевозможного происхождения и бесчисленные разбойники, опустошавшие те края. Это были банды пастуха Афронга и его четырех братьев, банды Симона — бывшего пленника или раба Ирода, прославившегося гигантским ростом, и, наконец, зелотские отряды Иуды из Гамалы, который поднял знамя восстания во время переписи 6 года — того самого года, когда Мария забеременела. Точно так же ей было невозможно совершить обратный путь в тех же условиях, не подвергаясь тем же опасностям. Не существовало ни Женевской конвенции, ни Божьих перемирий, ни рыцарских обычаев. И если, как она заявила ангелу, она никогда «не знала мужа», она узнала бы его как по дороге туда, так и обратно, если бы не попала в руки «ловцов» рабов.

Ведь Палестина того периода — это Франция времен Столетней войны, времен «больших компаний». Если Жанна д'Арк могла пройти из Вокулёра до Шинона, не опасаясь ничего, так это потому, что, помимо вооруженного эскорта, который дал ей сир де Бодрикур, при ней был *герольд* Колле де Вьенн, присланный за ней Карлом VII, а этот герольд, одетый в свой *табар* и с *начальственным жезлом* в руке, был в то время персоной более неприкосновенной, чем посол. У Марии ничего этого не было.

С другой стороны, жених, этот туманный Иосиф, позволил ей отправиться в столь опасное путешествие и не беспокоился. Он, правда, ничего не знал, *потому что Мария ему ничего не сказала*. Женившись, он тоже не узнает, что Мария забеременела, не познав мужчину, по крайней мере его. Перечитаем Евангелие:

«Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его с Иосифом, *прежде нежели сочтались они*, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого. Иосиф же, *муж Ее*, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда помыслил сделать это, — се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал...» (Матф., 1:18-20).

Вполне очевидно, что выражение «сочетаться» здесь использовано (приличия ради) вместо «вступить в связь» в сексуальном смысле слова: это библейское «познать». Ведь если он «ее муж», она, очевидно, уже у него в жилище. Как Иосиф догадался об этом? Как обычно происходит между мужем и женой: ведь если догадался он, не сказано, что того же не могли заметить соседи.

Отсюда можно заключить, что по меньшей мере после рождения Иисуса, судя по рассказу, Мария жила жизнью обычной супруги, чем объясняется появление *братьев* и *сестер* Иисуса.

Итак, ни о явлении архангела, ни о своей чудесной беременности, ни о неслыханной роли, предназначенной впоследствии ее ребенку, Мария ничего не сказала Иосифу, как, впрочем, и братьям Иисуса в дальнейшем. Это дополнительно подкрепляет наш вывод, что архангел Гавриил никогда не являлся Марии, что следует уже из факта ее позднейшего неверия в миссию, которую присвоил себе Иисус, как мы видели в начале этой главы.

Что касается настоящего супруга, мы скоро познакомимся с ним, изучая жизнь Симона Петра, и поймем, что этот загадочный Иосиф сыграл в жизни Марии роль не большую, чем архангел Гавриил. Супруг — это Иуда из Гамалы, Иуда Галилеянин, тот, кто действительно и *в то самое время* станет «гавриилом» (по-древнееврейски — «героем Бога»), сделавшись «героем Переписи».

Чтобы избавить читателя от ненужных поисков, теперь приведем две противоречащих одна другой генеалогии Иисуса.

Генеалогия по Матфею

1. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.
2. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его;
3. Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама;
4. Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона;
5. Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея;
6. Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею;
7. Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу;
8. Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию;
9. Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию;
10. Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию;
11. Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон.
12. По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафииля; Салафииль родил Зоровавеля;
13. Зоровавель родил Авиуда; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора;
14. Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуда;
15. Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова;
16. Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос.

17. Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

Матфей, 1:1 — 17

Генеалогия по Луке

23. Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев,
24. Матфатов, Левиин, Мелхией, Ианнаев, Иосифов,
25. Маттафиев, Амосов, Наумов, Еслимов, Наггеев,
26. Маафов, Маттафиев, Семейев, Иосифов, Иудин,
27. Иоаннанов, Рисаев, Зоровавелев, Салафиилев, Нириев,
28. Мелхией, Аддиев, Косамов, Елмодамов, Иров,
29. Иосиев, Елиезеров, Иоримов, Матфатов, Левиин,
30. Симеонов, Иудин, Иосифов, Ионанов, Елиакимов,
31. Мелеаев, Маинанов, Маттафаев, Нафанов, Давидов,
32. Иессеев, Овидов, Воозов, Салмонов, Наассонов,
33. Аминадавов, Арамов, Есромов, Фаресов, Иудин,
34. Иаковлев, Исааков, Авраамов, Фарин, Нахоров,
35. Серухов, Рагавов. Фалеков, Еверов, Салин,
36. Каинанов, Арфаксадов, Симов, Ноев, Ламехов,
37. Мафусалов, Енохов, Иаредов, Малелеилов, Каинанов,
38. Еносов, Сифов, Адамов, Божий.

Лука, 3:23-38

Прежде всего можно увидеть, что Матфей и Лука приводят разные генеалогии Иосифа. С другой стороны, Матфей изображает Иисуса потомком Давида через Соломона, а Лука — через Нафана. Последний же был третьим сыном

Давида, тогда как Соломон — четвертым. К тому же у них были разные матери. А если Иисус был потомком Соломона, сына Давида и Вирсавии, жены Урии Хеттеянина, которого Давид буквально обрек на смерть, чтобы заполучить его жену, *то он происходил от четы прелюбодеев и преступников*. Странно, что «сыну Божьему» выбрано такое происхождение.

Глава III

РАЗНЫЕ ДАТЫ РОЖДЕНИЯ ИИСУСА

История оправдает все что хочешь! Она не учит абсолютно ничему, потому что в ней есть всё и она дает примеры чего угодно. Она — самый опасный продукт, разработанный химией интеллекта...

Поль Валери. Взгляды на современный мир

На восьмой день апреля 1546 года от Рождества Христова, на четвертом заседании, отцы Тридентского собора издали следующий декрет:

«Святой Тридентский Собор, вселенский и главный, законно собранный во Святом Духе... заявляет:

Признать, что все Книги, как Ветхий, так и Новый Завет, ибо их Автором является сам Бог, как того, так и другого, а равно предания, касающиеся веры и нравов, продиктованы устами самого Иисуса Христа или же Святым Духом и сохранены в католической Церкви путем непрерывного наследования, и принимает их с чувством равного уважения и благоговения.

Он вынес суждение о том, чтобы к настоящему декрету был присовокуплен Перечень Священных Книг, дабы никто не мог усомниться в том, какие книги признаны Собором. Вот они (следует перечисление книг Ветхого и Нового Заветов, классический список).

Если кто-либо не признает священными и каноническими всех этих книг со всеми их частями, как их принято читать в

католической Церкви и каковыя содержатся в древней латинской Вульгате, и умышленно пренебрежет означенными преданиями, тому да будет анафема!»¹

А ведь когда берешься отправлять людей в ад за то, что они недостаточно покорны, чтобы принимать с закрытыми глазами все, что убеленные сединами отцы собора решили якобы для их блага, надо по меньшей мере настроить оркестр.

Согласно святому Матфею, Иисус родился при царе Ироде Великом:

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода...» (Матф., 2:1).

«Услышав это, Ирод встревожился, и весь Иерусалим с ним» (Матф., 2:3).

«Тогда Ирод, тайно призвав волхвов...» (Матф., 2:7).

«И, получивши во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Матф., 2:12).

«И был там до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: "Из Египта воззвал Я Сына Моего"» (Матф., 2:15).

Остановимся здесь и осторожно поставим точку. Ирод умер в 4 году до Рождества Христова. Итак, согласно Матфею, Иисус родился по меньшей мере за год до смерти Ирода, то есть *в 5 году до нашей эры*.

Возьмем теперь святого Луку. Там мы встретим сюрпризы, и изрядные.

«В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сирию. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариною, обрученною ему женою, которая была беременна.

Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его

¹ Cardinal Pallavicini. Histoire du Concile de Trente // *Dictionnaire universel et complet des conciles*. Publ. par M. l'abbé Migne. Paris. 1847. T. 1. P. 20.

в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лук., 2:1-7).

Яснее некуда, и не к чему придаться: на сей раз Иисус родился в Вифлееме, в Иудее, в тот год, когда Квирин, наместник Сирии, велел провести перепись по приказу императора Августа. А эта перепись — реальный факт, исторически бесспорный, отмеченный в истории и имеющий точную, определенную дату. *В самом деле, это произошло после смещения Архелая, сына Ирода, царя Иудеи, за которым последовала его ссылка в Галию, во Вьенн, точнее — в долину Роны (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Книги XVII и XVIII).*

И тогда у нас есть дата, потому что Иосиф Флавий в своей книге «Иудейская война», книга II, глава IX, пишет, что Архелай был вызван в Рим Цезарем и низложен на девятом году своего царствования. Ирод Великий умер в 4 году до нашей эры, прибавим девять лет и найдем, что низложение Архелая, следовательно, произошло в 4 или 5 году нашей эры.

Итак, евангельскому Иисусу по Матфею было уже одиннадцать лет, когда в тех же условиях и в том же месте родился евангельский Иисус согласно Луке. Принимая хоть один, хоть другой вариант, если исходить из анафемы Тридентского собора, мы все равно будем неправы.

Пословица говорит: «Где два, там и три». И в самом деле, у нас есть третья дата, которую на сей раз дает нам св. Иринея. Он в юные годы слушал св. Поликарпа, одного из четырех «апостолических отцов» (знавших апостолов), и узнал от него и «от древних», то есть от первых пресвитеров из числа знаменитых семидесяти учеников, от всех этих «очевидцев», что Иисусу «было более пятидесяти лет, когда он проповедовал». «Он умер в возрасте около пятидесяти, когда уже начал стариться...»

Если он был распят в 33 или 34 году нашей эры, значит, он родился в 16 или 17 году до нашей эры. Итак, мы оказались далеко и от Матфея, и от Луки. Однако другие сопоставления позволяют нам считать, что именно святой Иринея открыл нам правду, и не сомневаться в важности его сообщения. Вот

почему именно 16 или 17 год до нашей эры мы принимаем как дату рождения Иисуса. И конечно, не в Вифлееме!

Рождество Иисуса далеко не всегда отмечалось 25 декабря. В отсутствие всяких документов, указывающих на этот день рождения, христиане поначалу позволяли себе выдвигать самые фантастические и самые противоречивые гипотезы. В самом деле, те, кто их придумывал, могли прибегать только к символике, основанной на аналогиях. В основе всех этих расчетов не лежало и подобия исторической и географической документации. Один поразительный пример сделает читателю более понятным, чего стоили такие гипотезы.

В тексте «De Pascha compustus», обнаруженном в 243 году, рукопись которого явно утрачена, но который включили в состав приложений к трудам святого Киприана (к которым он не принадлежит), мы находим следующее.

Прежде всего «очевидно», что первым днем творения, согласно Книге Бытия, днем, когда Бог создал свет и отделил его от тьмы, могло быть только 25 марта, тогдашний день весеннего равноденствия, когда день и ночь имеют равную длительность.

Впрочем, автор забывает нам сказать, как эклиптика, солнцестояния и равноденствия, понятия придуманные и условные, могли существовать до появления Солнца и Луны.

Установив это и учтя, что Бог создал солнце на четвертый день творенья, мы прибавляем к этой дате три дня и получаем 28 марта. Принимая во внимание, что Христос именуется «солнцем справедливости», делаем вывод, что он должен был родиться в тот же день, что и космическое Солнце, то есть 28 марта.

Столь удивительные расчеты неизбежно вызвали у иных желание попробовать и свои силы. И мы видим, что Ипполит устанавливает: Христос родился 2 апреля или же 2 января, в зависимости от того, как толковать *genesis* — как «рождение» или как «зачатие».

Когда означенному Ипполиту доказали, что он зря производил все свои арифметические действия — он взял слишком короткий лунный год, уменьшенный на восемь часов, и все

его расчеты оказались неверными, — оный Ипполит начал считать заново и на сей раз получил совершенно другую дату.

Обнаружив, что Ковчег Завета имел во всех измерениях пять с половиной локтей, он счел, что Христос, новый Ковчег Завета, родился в 5500 году от сотворения мира. Он якобы умер 25 марта 29 года и, следовательно, был зачат за тридцать три года до этого (длительность каждого из тридцати трех лет равна тропическому году) и родился через девять месяцев, то есть 25 декабря.

Надо признать, что этот выбор не слишком удачен. В самом деле, благочестивые люди, приписывающие дню рождения Иисуса различные качества (при всей романтичности, которую разные церкви сумели придать этому зимнему дню, и при всем, что сумело к этому добавить народное воображение), не ведают, что это (на сей раз установленная точно, бесспорная) *дата рождения Нерона*.

Действительно, взяв «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, в книге шестой, посвященной Нерону, мы прочтем:

«Нерон родился в Анции, через девять месяцев после смерти Тиберия, *в восемнадцатый день до январских календ, на рассвете*, так что лучи восходящего солнца коснулись его едва ли не раньше, чем земли»¹.

Анций — старинный город Лация, где, говорят, укрылся во время своего изгнания Кориолан; он был родиной Калигулы и, как мы только что увидели, *Луция Домиция Агенобарба*, ставшего императором под именем *Цезаря Нерона*.

Кстати, именно в Анции он жил в 64 году, когда в Риме вспыхнул пожар. Предупрежденный слишком поздно, он сумел вернуться, мчась без остановок, только на четвертый день, что, *по единодушному мнению историков*, освобождает его память от ответственности за этот пожар, который он якобы желал лицезреть. Впрочем, он немедленно принял все меры в пользу потерпевших, открыв вход в собственные сады, чтобы их приютить.

¹ Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Гаспарова. М.: Художественная литература. 1990. С. 153.

Но вернемся к дате рождения Нерона, указанной Светонием, то есть к восемнадцатому дню до январских календ. Это дает нам 14 декабря, но *по юлианскому календарю*. Добавим одиннадцать дней, чтобы вернуться к точному григорианскому исчислению, и получим 25 декабря.

Понятно, когда христианский апологет Арнобий (ок. 296) насмехается над язычниками, празднующими день рождения бога, потому что считает недостойным бога появляться на свет в определенный день. Но разумнее ли были сами христиане? Вот почему Климент Александрийский высмеивает тех, кто пытается выяснить не только год, но даже день рождения Христа. И спрашивает, чего стоят расчеты, если одни из них дают в результате 19 апреля, другие — 20 мая.

Как бы то ни было, почти за четыре века в качестве общепринятых сменились следующие даты: 25 декабря, 6 января, 28 марта, 19 апреля и 20 мая.

Наконец, в IV веке церковь, отметив огромную популярность культа Митры, «Sol Invictus», или «непобедимого солнца», сочла, что очень ловким ходом будет присвоение этой популярности, для чего предполагаемая дата рождения Иисуса была объединена с датой рождения «Нового светила», вновь сияющего при восходе солнца по эклиптике. Для тех и других годилась старая формула богослужения, пришедшая из самых глубин древнего Ирана: «Sol novus oritur...» — «Родилось новое солнце».

Так была окончательно установлена дата рождения Иисуса, до тех пор подвижная и не имеющая прочных исторических оснований, и под новым именем увековечен праздник «непобедимого солнца», «Sol Invictus», название которого церковь сумела изгладить из памяти людей.

Рассуждая здраво, мы не можем закончить эту главу, посвященную противоречиям в рассказах о рождестве Иисуса и обстоятельствах этого события, не упомянув о трогательной легенде (потому что это, как мы увидим, именно легенда), посвященной знаменитому «*избиению младенцев*».

Единственный евангелист, упоминающий этот факт, — Матфей, который помещает рождество Иисуса «во дни царя Ирода», как мы видели. Лука, рассказывающий о том же рож-

дестве, ничего об этом не говорит, что понятно, потому что он помещает это событие «во времена Переписи», то есть на двенадцать лет позже. За эти двенадцать лет Ирод умер, и подобное преступление приписать ему уже нельзя. Что касается Марка и Иоанна, они не пишут о юных годах Иисуса, начиная свой рассказ с первых дней его мессианской деятельности.

Это массовое убийство как будто приобрело некоторую историчность у Даниэль-Ропса, который в книге «Иисус в Его время» пишет:

«Это "избиение младенцев", согласно традиционному названию, не выглядит совершенно несовместимым с тем, что мы знаем о характере Ирода. Возможно, древним оно казалось не столь ужасным, как нам. Светоний пересказывает слух, согласно которому незадолго до рождения Августа римский сенат, получив предсказание, что вскоре родится ребенок, который будет царствовать над Римом, предписал произвести аналогичную резню».

Не знаем, в какой версии Светония Даниэль-Ропс встретил этот намек, который он сам квалифицирует как слух, потому что в «Жизни двенадцати цезарей», в книге второй, посвященной Августу, этот факт не упоминается. Что же касается деяния, приписываемого Ироду, то Даниэль-Ропс его не подтверждает, он считает его возможным, принимая во внимание жестокость означенного Ирода, что вполне очевидно.

Итак, вот место из Матфея, повествующее об этом:

«Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: "Глас в Раме слышен, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет"» (Матф., 2:16-18).

Первое противоречие: Ирод «выведал» дату, когда произошло рождение, при котором присутствовали волхвы, чудесным образом приведенные удивительной звездой. В таком случае достаточно было убить новорожденных в Вифлееме, родившихся в последние два-три месяца, а расширять круг до двух лет необходимости не было. Из этого можно было бы

сделать вывод, что между визитом волхвов к Ироду и их тайным отъездом прошло два года, что противоречит рассказу Матфея, согласно которому они уехали на родину сразу же.

С другой стороны, Рама находилась на территории колена Вениаминова, а Вифлеем — Иудина, первая — далеко на северо-запад от Иерусалима, а второй — юго-восточней. Расстояние между обоими городами — около пятидесяти километров по прямой.

К тому же пророчество Иеремии говорит не об избиении, а об *изгнании*:

«Так говорит Господь: голос слышен в Раме; вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет. Так говорит Господь: удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, говорит Господь, *и возвратятся они из земли неприятельской. И есть надежда для будущности твоей, говорит Господь, и возвратятся сыновья твои в пределы твои*» (Иер., 31:15-17).

И в самом деле, вскоре после пророчества Иеремии, возвестившего разрушение Иерусалима, в июле 587 года, Навузардан, полководец Навуходоносора, захватил Святой город, и население Израиля было переселено в Вавилон. Оно вернулось в 536 году, после взятия Вавилона Киром, как предсказывал Иеремиа.

Но чтобы увидеть в этом пророчестве рассказ о резне в Вифлееме новорожденных детей, один из которых мог бы стать царем, надо очень постараться!

Понимая, что это невозможно, некоторые экзегеты обращались к пророку Михею, чтобы найти это избиение, за которое они очень цеплялись, потому что, если его не было, Матфей оказывается фальсификатором истории:

«И ты, Вифлеем — Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных. Посему *Он оставит их* до времени, доколе не родит имеющая родить; *тогда возвратятся к сынам Израиля и оставшиеся братья их*» (Мих., 5:2-3).

Михей, пророк, был из колена Иуды, из деревни Морасфи, селения под Элеутерополем. Он жил в 758 году до нашей эры, то есть более чем за век до Иеремии. И здесь сделан намек именно на выселение в Вавилон. Никакого упоминания о резне младенцев в Вифлееме.

Итак, никакое пророчество этого события не предвещало. Несомненно, как признавал Даниэль-Ропс, Ирод был вполне способен на это. Но незачем правдами и неправдами приписывать ему вымышленные преступления, у него, увы, хватало и реальных. Если мы в этом усомнимся, достаточно вспомнить, что Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях», в книгах XVI и XVII, рассказывая о царствовании этого царя, не щадит его: он не пропускает ни одного из преступлений Ирода. Но ни малейшего намека на подобное избиение младенцев. Более того, панегирист Ирода, его современник Никанор (или Николай), старающийся найти оправдания всем бесчинствам иудейского царька, не испытывает никакой необходимости оправдывать это действие: ему оно абсолютно неизвестно.

Но тогда какие тексты, *которыми мы располагаем в виде оригинальных рукописей*, мы можем принять во внимание как бесспорные хронологические «свидетельства» появления этой легенды? Обратимся к каталогу древних рукописных Евангелий, который читатель уже встречал в нашей книге на с. 32.

Прежде всего у нас есть Синайский кодекс, который официально относят к IV веку; якобы это одна из пятидесяти рукописей, которыми мы обязаны Евсевию Кесарийскому, переведшему их для Константина по его повелению около 331 года. Император разослал эти копии по основным церквям империи, очевидно, чтобы самодержавной властью внести единообразие в зарождающуюся христианскую традицию. Синайский кодекс, в частности, содержит и полный текст Нового Завета. Следовательно, в Евангелии от Матфея (2:16-18) должен содержаться эпизод об «избиении младенцев»¹.

¹ Эти «верные» копии Евангелий, разосланные сериями по 50 штук по церквям империи, — доказательство того, что мы не перестаем утверждать, говоря о безымянных писцах IV века...

Далее, у нас есть Ватиканский кодекс, официально также относящийся к IV веку. Константин якобы получил некоторое количество его экземпляров от святого Афанасия около 340 года. В нем также должен содержаться весь Новый Завет, а значит, и этот отрывок из Матфея.

Далее — Александрийский кодекс, на сей раз V века. Согласно Зодену, этот текст служил эталоном для сверки, которую проводил Лукиан Антиохийский (ум. ок. 311-312), но текст Евангелий здесь худшего качества. В нем отсутствует весь Матфей, от 1:1 до 25:5. Значит, здесь нет и рассказа об «избиении младенцев», но это не значит, что он не мог содержаться в отсутствующем куске.

В папирусах, от которых у нас есть только маленькие фрагменты и самые древние из которых датируются в лучшем случае III веком, у нас есть только вторая глава Матфея. Значит, мы не можем ничего предположить.

Итак, сделаем вывод.

Чтобы, *несмотря на молчание Иосифа Флавия и Никанора, несмотря на намеренные махинации с пророчествами*, якобы относящимися к этому массовому убийству, принять во внимание сам факт, о котором нам сообщает Матфей, надо признать, что Лука заблуждался, что Иисус родился не «во времена переписи Квириния», а двенадцатью годами раньше и что он умер, таким образом, не в тридцать три года, а в сорок пять.

Тогда как уверовать одновременно в столь расходящиеся, столь противоречащие друг другу, столь не связанные между собой рассказы? История пишется на основе документов, а не легенд. Многие экзегеты, протестантские и католические, в наше время уверяют, что «*Евангелия — это не исторические рассказы*», а просто тексты, связанные с «духовным откровением».

В таком случае во что превращаются непорочное зачатие, воплощение, чудеса, воскресение и вознесение?..

Это не более чем еще одно противоречие.

Глава IV

БРАТЬЯ ИИСУСА

Верный свидетель спасает души...

Притчи Соломоновы. 14:25

Одно из доказательств, что имя подлинного отца Иисуса тщательно скрывают, — тот факт, что обе генеалогии, приведенные в канонических Евангелиях, *полностью различны*.

Чтобы оправдать это расхождение, некоторые экзегеты без колебаний утверждают, что одна из них — генеалогия Иосифа, а другая — Марии. Но как евангелист и апостол посмел бы дать генеалогию *Иосифа* и *включить в нее Иисуса*, если, по его представлениям, второй не мог иметь *плотского* отца, коль скоро его отец — это отец всех людей?

С другой стороны, как в Израиле того времени посмели бы дать генеалогию Марии, его матери, если не затем, чтобы скрыть генеалогию его настоящего отца? Ведь привести только генеалогию матери — значит сделать Иисуса незаконно-рожденным, а согласно закону Моисея, уточненному во «Второзаконии», такую мать должны побить камнями, будь она девицей или супругой. Более того, в Израиле того времени положение женщины в обществе было далеко не равным положению мужчины. Она не имела доступа в Храм в один притвор с супругом, братом или отцом. И искупительную жертву за первенца она ни в коем случае не должна была приносить, но только отец. И супруг мог развестись с женой посредством простого письма, на очень спорных основаниях.

Таким образом, генеалогия Марии не могла быть принята во внимание ни в коем случае.

С другой стороны, говорить об одной из генеалогий, что это генеалогия «по плоти», а о другой — что это генеалогия «по закону», значит утверждать, что без исключения *все отцы из первого списка умерли, не оставив потомства*, то есть в каждом колене вдова согласно закону Моисея вышла за брата умершего супруга. И *все предки Иисуса по мужской линии* были зачаты и родились «по закону». Такое объяснение неправдоподобно.

На самом деле (кто слишком хочет доказать, не докажет ничего), сфабриковав две ложные генеалогии, *чтобы скрыть истинную*, наши евангелисты только подчеркнули тот факт, что у Иисуса был плотский отец, имени которого произносить нельзя, запрещено.

Ключ к этой загадке даст нам Симон Петр, *ключник*.

Проблему *братьев* и сестер Иисуса нельзя, сколь бы удивительным эти ни казались, отделить от проблемы Марии, их совершенно плотской матери. И в связи с этим мы приведем суждение католической церкви о последней:

«Прежде всего напомним, что уже очень давно ни один католический богослов больше не рассматривает девственное зачатие Анны (предполагаемой матери Марии) как условие Непорочного зачатия Марии. Напротив, все единодушно говорят, что Марию, зачатую по обычным законам природы, божья милость предохранила от первородного пятна».

Эта фраза, за исключением трех слов, добавленных нами в скобках, написана аббатом Эмилем Аманном, доктором богословия и капелланом коллегии Станислава, в его книге «Протоэвангелие от Иакова» (*Amann, Emile. Le Protoevangile de Jacques. Paris. 1910*), получившее 1 февраля 1910 года *Imprimatur* (разрешение на выпуск в свет) от монсеньора А. Бодрийера.

Мы подчеркнули, что имя матери Марии, Анна, — предполагаемое, равно как и имя ее отца — Иоаким. И это опять-та-

ки мнение католической церкви. В самом деле: «Церковь признает, что не знает никаких его обстоятельств (рождества Марии) и не может нам ничего о нем поведать, потому что об этом ничего не сообщают Писание и апостольское предание...» (там же, с. 49; цитируется знаменитый агиограф Адриан Байе).

Итак, сделаем вывод: мать Иисуса звали Марией, она была зачата и произведена на свет, как все человеческие дети, и это всё, больше ничего католическая церковь официально не может сообщить. В отношении родителей Марии, ее отца по имени Иоаким и матери по имени Анна, ее пребывания в Храме в качестве девственницы, посвященной Господу, Рим, по его утверждению, ничего не знает и отказывается что-либо разъяснять по этим вопросам.

Остается проблема братьев и сестер Иисуса, то есть детей, которых Мария могла иметь после него.

Прежде всего отметим одну фразу у Луки, которая явно указывает, что эти младшие существовали:

«Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына Своего *первенца...*» (Лук., 2:6-7).

Совершенно очевидно: если Лука уточняет, что речь идет о *сыне-первенце*, значит, потом были и другие. Ведь если бы Иисус был единственным ребенком, проще было бы сказать «своего ребенка», «своего сына», своего «единственного сына», чтобы вернее пресечь возможные недопонимания. Лука, напротив, выражается очень ясно. Потому что во всем Ветхом Завете (единственном, который существовал во времена зарождения христианства), в «Книге Бытия», «Книге Исход», «Книге Левит», «Книге Чисел», «Второзаконии» это выражение повсюду, где оно используется, означает наличие позже рожденных детей. Более того, оно синонимично слову «старший». И значит, оно неминуемо предполагает присутствие *младших*.

Существование этих младших, как *братьев*, так и *сестер* Иисуса, настолько очевидно, что разные древние авторы и экзегеты, особенно Ориген, сочли за благо предположить, что

речь идет о сыновьях и дочерях Иосифа от первого брака, до его сочетания с Марией. Мы ответим, что это невозможно: если бы у Иосифа были дети до рождения Иисуса, чьим отцом он был официально, особенно дети мужского пола, он не мог бы при рождении означенного Иисуса пойти в Храм, чтобы принести искупительную жертву за первенца:

«А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу...» (Лук., 22-23).

А ведь Мария не имела доступа в Храм на мужской двор, лишь только на женский. И один лишь Иосиф мог пройти на двор *коганим* и принести упомянутую жертву. А такую жертву мужчина мог принести только раз в жизни — при рождении первенца. Итак, мы имеем абсолютное доказательство, что Иисус был *старшим*, брата, если есть брата, будут только младшими, равно как и сестры.

Но Даниэль-Ропс в книге «Иисус в Его время» отмечает, что арамейское *aha* и еврейское *ah* могли означать одновременно брата, двоюродного брата, кузена и даже близкого родственника. Добавим, что они означают также «сосед» и «сослуживец». К тому же древнееврейский — достаточно богатый язык, чтобы иметь в этих сферах точные термины. И правда, кузен по-древнееврейски называется «сыном дяди». Арабский язык сохранил это выражение, и «Тысяча и одна ночь» часто вкладывает его в уста женщин, которые, обращаясь к избраннику сердца, называют его «сын моего дяди». И французские короли будут обращаться к дворянам высокого ранга, чтобы выразить свое расположение, «кузен».

Впрочем, перевод дискуссии в плоскость арамейского и древнееврейского языков был со стороны Даниэль-Ропса хитрой уловкой: этот автор не мог не знать, что Евангелия никогда не были написаны на древнееврейском, тем более на арамейском, *но только на греческом*.

А греческий язык имеет два очень разных термина, чтобы различать того и другого. Брат называется *adelphos*, кузен — *anepsios*. И повсюду, где упоминаются братья Иисуса, в оригинальных греческих рукописях канонических Евангелий стоит *adelphos* и никогда *anepsios*, в множественном числе — *adelphoi* (братья) и *adelphai* (сестры).

Да к тому же Вульгата святого Иеронима, единственная латинская версия, представляющая собой официальный текст, принятый католической церковью, повсюду использует латинское слово *frater*, означающее «брат», и никогда — термин *consobrinus*, означающий «кузен». А ведь это была единственная возможность восстановить истину, если таковая истина существует. Факт тот, что святой Иероним сохранил термин «брат», переложив его с греческого на латынь.

Более того, если там, где сказано «брат», надо (якобы) читать «кузен», почему ни в одном из переводов на народно-разговорные языки (французский, немецкий, итальянский, испанский и т. д.) один термин не заменен на другой? Потому что факт — католическая версия никогда не использовала слово «кузен» там, где греческие оригиналы и латинская Вульгата говорили о «братьях». А ведь это была единственная возможность восстановить истину.

Разве что в разговорах (и исподтишка) некоторые священники или миряне посмеиваются над теми, кто понимает под «братьями» близких родственников Иисуса, тогда как «эрудиты» великой римской церкви прекрасно знают, что это просто «кузены». Мы только что видели, что надо понимать под этим словом. Если кто-то и решается использовать новый вариант устно, он все-таки не осмеливается так писать.

Наконец, в некоторых, довольно узких инакомыслящих кругах не исключают возможности, что этих *братьев* надо понимать в эзотерическом смысле слова, как во франкмасонстве, христианских рыцарских орденах и других оккультных братствах. И на это мы ответим: ничего подобного.

Если допустить, что братья Иисуса были членами одного и того же братства, они должны были следовать одной и той же доктрине. А ничего подобного не было, судите сами:

«После сего пришел Он в Капернаум, Сам и Матерь Его, и братья Его и ученики Его; и там пробыли несколько дней» (Иоан., 2:12).

«Приближался праздник Иудейский — поставление кушей. Тогда *братья Его* сказали Ему: выйди отсюда и пойдешь в Иудею, чтоб и *ученики Твои* видели дела, которые Ты делаешь; ибо никто не делает чего-либо втайне и ищет сам быть известным; если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру. Ибо и братья Его не веровали в Него» (Иоан., 7:2-5).

Из этих двух отрывков из Иоанна следует, что братья определенно связаны с матерью Иисуса, значит, это слово надо понимать в родственном смысле. Далее, они явно отделены от учеников и «тоже» не верят в него. Так что видеть в них «братьев» в эзотерическом смысле слова довольно затруднительно. Более того, Иисус относится к ним с подозрением, как мы увидим:

«На это Иисус сказал им: ...вы пойдите на праздник сей, а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое время еще не исполнилось. Сие сказав им, остался в Галилее. Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник, не явно, а как бы тайно» (Иоан., 6, 8-10).

Таким образом, он относился к ним с подозрением, и между Иисусом и его братьями не было доверительных отношений, какие существуют между «братьями» одного и того же сообщества. В самом деле, ни его мать Мария, ни его братья не верили в него, в его миссию и в его возможности. Что все-таки довольно удивительно, если речь идет о женщине, которой (якобы) посчастливилось встретиться с архангелом Гавриилом и которая (в принципе) должна была присутствовать при чудесах своего сына, хотя бы на свадьбе в Кане. Судите сами:

«И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья

Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Матф., 12:47-50).

Этот пассаж очень точен: когда речь идет о его братьях, не имеются в виду его ученики. *Более того, его мать и братья считали его обезумевшим!* Об этом сообщает нам Марк:

«И услышавши, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя» (Марк, 3:21).

Святой Иероним в своей Вульгате переводит это как «*figo-rem versus*», то есть «буйно помешанный», и подтверждает, что мать и братья не верили в него, их не убедили его публичные демонстрации, *они считали его опасным*, и это также подтверждает, что на Марию никогда не нисходило откровение от ангела, которое бы сообщало о необыкновенной миссии ее сына-первенца.

Впрочем, один отрывок из Евангелия формально доказывает, что речь идет о братьях *в родственном смысле слова*, и доказывает это окончательно, бесповоротно, в противном случае слова более не имеют смысла. Вот он:

«Не плотник¹ ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? не здесь ли между нами Его сестры?» (Марк, 6:3).

Надо отметить, что Матфей говорит «сын плотника», а Лука — «сын Иосифа», несомненно затем, чтобы пресечь утверждения враждебного направления в еврействе, представители которого считали Иисуса незаконнорожденным. Напротив, Марк, намереваясь тем самым показать, что Иисус не сын Иосифа в плотском смысле слова, говорит о нем «плотник, сын Марии...», тем самым намеренно поддерживая легенду о незаконнорожденности Иисуса. Мы говорим «легенду», потому что это было не так: иначе бы в те времена и в соответствии с законом Моисея Марии, его матери, пришлось бы нелегко, ведь девушку, тайно утратившую невинность, должны были побить камнями, едва скандал обнаружится (Второзаконие, 22:21).

¹ Древнееврейское *heresh* означает либо «плотник», либо «чародей».

Мы не хотели бы закончить эту главу, не упомянув, что Даниэль Массе сообщил об обнаружении такого брата Иисуса, о котором никогда не говорили: о нем известно только, что он носил имя *Сидоний*, то есть «тот, кто живет в Сидоне», городе в Финикии. Он якобы упомянут Иосифом Церковным, почерпнувшего эти сведения у Ипполита Фиванского (*Migne. Patrologie. CVI. P. 187*).

Утверждалось, что именно у этого *Сидония* укрылся Иисус во время бегства в Финикию.

Глава V

БРАТ-БЛИЗНЕЦ ИИСУСА

Привет тебе, мой близнец, второй Христос!..
Евангелие от Варфоломея. 2-й фрагмент

В Евангелиях есть упоминание о загадочном «близнеце», но без всяких уточнений. У Иоанна говорится о Фоме, по прозвищу *Дидим* (11:16 и 20:24). Это ему Иисус предоставит физически удостовериться в наличии раны меж ребер и отверстий на руках и ногах. Но не забудем, что эти рассказы будут записаны только через триста лет. Это примерно то же самое, как если бы в наше время мы решили написать хронику царствования Людовика XIV, основываясь только на том, что сохранилось в народной памяти, и не пользуясь никакими текстами.

Ведь по-гречески *didyme* означает «близнец». Таким образом, Фома — близнец другого персонажа, о котором нам совершенно ничего не говорят. Ситуация становится еще загадочнее, когда мы отмечаем, что «Фома» тоже означает «близнец». Потому что в версии «Святой Библии» в переводе Леметра де Саси под редакцией аббата Жаке, изданной у Гарнье, в конце есть словарь имен. И имени «Фома» приписывается значение «близнец».

В самом деле, взяв словарь древнееврейского языка, мы выясним, что само слово «близнец» передается в единственном числе как *taoma*, во множественном — *taomim*. В *taoma* или *toama* легко узнать «Фому». Таким образом «Фома, называемый Дидим» (Иоан., 11:16 и 20:24), — это «близнец,

называемый близнецом», то есть, если использовать филологический термин, *идиотизм*.

В перечислении двенадцати апостолов, которое сделал Матфей (10:2-4), ученики именуются попарно:

«Первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его» (Матф., 10:2-4).

Этот Фома как апостол упоминается у Марка (3:18), у Луки (6:15), в «Деяниях апостолов» (1:13) и у Иоанна (11:16 и 20:24) — единственное место в Евангелиях, где он квалифицируется как «близнец» по-гречески (*didyme*).

Ему приписывается апокрифическое Евангелие, относящееся к V веку. Еще один апокриф, «Деяния Фомы», создан в VI веке. Но если мы пренебрежем этой литературой, которую святой Иероним называл «безумной» (хотя в ней часто содержатся указания, ценные для гностика и критика), когда будем искать следы Фомы после смерти Иисуса, в нашем распоряжении будет гораздо меньше материалов.

Мы неизбежно обратимся к Евсевию Кесарийскому, к его «Истории церкви», памятнику, значительному по объему. Вот ее различные версии, если брать самые старинные:

а) сирийская версия, сохранившаяся в виде рукописи, хранится в Санкт-Петербурге, датирована апрелем 462 года (отсутствуют V, VI и VII книги), то есть V века;

б) сирийская версия, сохранившаяся в виде рукописи, хранится в Лондоне, также относится к V веку. Включает пять первых книг. Для восполнения отсутствующих частей можно использовать армянскую версию в переводе, сделанном с сирийского около 420 года;

в) латинский перевод Руфина, датируемый 402 годом. Но, как и во всем своем творчестве, Руфин обходится с Евсевием Кесарийским столь же крайне свободно, как и с Оригеном. Экзегеты считают, что доверять ему нельзя.

Таким образом, весь Евсевий Кесарийский относится к V веку, более раннего ничего нет.

А вот места, где Евсевий Кесарийский говорит об апостоле Фоме:

- Книга I, глава XIII, 4, 11. Фома посылает Фаддея к Авгарю.
- Книга II, глава I, 6. *То же*.
- Книга III, глава I, 1. Фома проповедует Евангелие парфянам.
- Книга III, глава XXXIX, 4. Папий ищет сведения об апостоле Фоме.
- Книга III, глава XXIV, 6. Евсевий говорит нам, что Евангелие от Фомы — апокриф.

Об истории царя Авгаря и о его послании «Иисусу, Спасителю благому, явившемуся в пределах Иерусалимских», мы не скажем ничего. Католические экзегеты давно доказали, что это фальшивка.

То, что Эдесса (вместе с Осроэнским царством) была очень рано обращена в христианство, — исторический факт. В III веке в Эдессе был значительный христианский центр. В IV веке город стал полностью христианским. Но это ничего не дает нам относительно Фомы. Посмотрим дальше.

В книге III (I, 1, с. 91) читаем:

«Таковы были события в Иудее. Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, *как повествует предание*, выпала по жребию Парфия, Андрею — Скифия, Иоанну — Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался; Петр, *по-видимому*, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Асии».

Руфин в своем латинском переводе после упоминания Фомы добавляет: «Матфей получил Эфиопию, а Варфоломей — Переднюю Индию».

Парфия — это Хорасан, простиравшийся в качестве Парфянской империи от Каспийского моря до Инда и Евфрата, а главными городами здесь были Экбатаны, Селевкия и Ктесифон.

Но тогда как христиане Индии могли называть себя «христианами святого Фомы», если этот апостол никогда до них не добирался?

С другой стороны, предполагается, что Папий нашел сведения о Фоме. *Но он абсолютно ничего не говорит об обнаруженном:*

«Если же приходил человек, общавшийся со старцами, я расспрашивал об их беседах: что говорил Андрей, что Петр, что Филипп, что Фома и Иаков, что Иоанн и Матфей или кто другой из учеников Господних...» (*Евсевий Кесарийский. Церковная история. Книга III, XXXIX, 4. С. 134.*)

Ведь сочинения Папия утрачены. Их цитируют Ириней в трактате «Против ересей» (V, XXXIII, 4) и Евсевий Кесарийский в «Церковной истории», ссылаясь, впрочем, на Иринея.

Так что мы больше никогда бы ничего не узнали о загадочном Фоме Дидиме, туманном «близнеце-близнеце» Евангелий, если бы об этом сюжете не было одного странного документа, еще сохранившегося в наши дни, который мы вскоре процитируем.

Остается второй пункт, столь же загадочный.

Ориген уверяет, что держал в руках древнюю рукопись Евангелия от Матфея, где упоминается *Иисус бар-Аба*. А ведь имя этого *Бараевы*, упоминаемого в Евангелиях в качестве безвестного разбойника, отчетливо разлагается на *бар*, означающее «сын», и *Аба*, которое на древнееврейском может иметь два совершенно разных смысла.

**иґетноґ еґиґаґ аґґґаґґ иґпотиґо еґвоґ аґґоґґиґґ еґрооґ аґґґаґґе
иґиґаґґ иґтаґе иґ[и]ґраґиґоґ еґґґаґ иґиґоґ хе хеґе паґоґиґскоґпоґ еґґаґиґґ
петрос хеґе еґиґаґс паґиґеґсґаґ. иґхґс.**

***...еґтаґиґ отґаґе... аґґ еґиґ еґвоґ хе аґґер паґсиґоґ иґотеґуґґ аґґґиґоґс
ґиґґеґ отґиґиґ аґґоґґиґґ еґрооґ**

паґеґе петрос иґпеґуґґ хе еґиґ паґиґхоґиґс. аґиґоґ иґґґаґе иґиґаґґ

Tandis qu'ils disaient ces choses, Jésus était debout, les écoutant parler ensemble, sans qu'ils sachent que c'était Jésus.

A cet instant, il se transforma devant eux. Il se révéla à eux. Il parla avec eux en langue hébraïque, disant : « Bonjour, mon évêque vénérable Pierre. Bonjour, Thomas mon second ἰσθῆθης... »

Евангелие от Варфоломея, 2-й фрагмент. Коптская рукопись V века.
Перевод д-ра Э. Ревийу (*Evangile de Barthelemy / trad. du Dr. E. Revillout.*
Paris: Firmin-Didot & Cie. 1904).

В самом деле, если мы транскрибируем «Аба», начав с буквы «алеф», мы получим «Иисус, сын Отца».

Если мы транскрибируем «Аба», начав с буквы «хет», мы получим «Иисус, сын Скрытый»; в самом деле, то и другое странно.

Что же это был за *скрытый сын*? Был ли это загадочный близнец, тот «Фома», чьих следов обнаружено так много? Действительно, не исключено, что наши анонимные писцы IV века, *составлявшие* Евангелия, добрую часть придумали от себя, часть, вышитую по смутно-исторической канве, использованной ими в качестве основы романа. Это мы теперь и проверим, не забывая о загадочном брате, жившем в Сидоне под скромным именем *Сидония* (см. с. 72).

На самом деле, во втором фрагменте Евангелия от Варфоломея, коптской рукописи V века, мы находим такую поразительную фразу:

«Он (Иисус) заговорил с ними на еврейском языке, сказав: "Здравствуй, мой достопочтенный епископ Петр. Здравствуй, Фома, мой второй *chrestos*.."»

Этот перевод принадлежит доктору Э. Ревийу и опубликован издательством Фирмен-Дидо в серии коптских апокрифов, с разрешением на выход в свет. Мы без колебаний скажем, что он, возможно, соответствует ортодоксальным представлениям, но неточен. В те времена не было епископов, а прозвища — не имена. Вот наш перевод, совершенно еретический, но соответствующий истине и коптскому тексту:

«Он (Иисус) заговорил с ними на еврейском языке, сказав: "Привет тебе, *Кифа*, мой *смотритель*, привет тебе, мой близнец, второй *христос*"» То есть по-древнееврейски: «*Schalom, taoma, scheni messiah!*..»

Учитывая, что «Фома» — всего лишь варваризм, поставленный вместо еврейского *taoma*, нарицательного существительного, означающего «близнец», следует, в самом деле, восстановить точный смысл этой фразы, *чрезвычайно показательной*. Что касается его настоящего имени, его, похоже, тоже звали Иудой¹.

¹ Действительно, Татиан в своем «Диатессароне» и святой Ефрем в своих гимнах называли его этим именем.

Если бы мы усомнились в общем значении признания факта, что уже *в самые первые времена движения* существовал близнец Иисуса, нам следовало бы обратиться к «Деяниям Фомы», апокрифу, рукописи которого, относящиеся к VI веку, еще существуют в их латинской, греческой и сирийской версиях. Там мы прочтем: «Иисус явился тогда в образе Фомы и сел на ложе...» Читатель, увлекающийся логикой, сможет поменять местами слова в этой фразе, не изменив ее *практического* смысла: «Фома явился тогда в образе Иисуса и сел на ложе...» Ведь очевидно, что это в точности то же самое! Если Иисус появлялся в образе Фомы, это будто бы Фома появляется в образе Иисуса! И тогда мы можем перевести, на этот раз корректно, этот совершенно разоблачительный отрывок из «Деяний Фомы»:

«Иисус явился тогда *в образе близнеца* и сел на ложе...» (дословно: «Иисус явился тогда в образе *таота* и сел на ложе...»).

Впрочем, вот начальный фрагмент, точно переписанный и переведенный:

«И когда, завершив молитву, он (апостол Фома) вышел и все присутствующие удалились, супруг вернулся в брачный покой. И вот, явился Господь, *в образе апостола Фомы*, сидящего на ложе. И молодой человек, испугавшись, сказал ему: "Не ты ли только что вышел? И как ты снова возвратился?..." И Господь ответил: "Я не Фома, *но его брат*... Он поручил вас мне, чтобы я хранил вас от всякого зла... Слушайте же мой совет. Оставьте все мирские заботы и уверуйте в Бога Живого, которого проповедует вам *мой брат Фома*..."» («История святого Фомы», III, согласно «Апостолической истории» Авдия и тексту «Странствие и мученичество святого апостола Фомы» в «Словаре апокрифов» аббата Миня¹).

А теперь несколько моментов, вызывающих большие подозрения.

¹ *Dictionnaire des Apocryphes*. Publiee par M. l'Abbe Migne. Petit-Montrouge: J.-P. Migne. 1858. Tt. 22 et 23.

а) После так называемого воскресения Иисуса Мария Магдалина не узнала его, приняв за садовника (Иоан., 20:15), значит, он скрывался, потому что чего-то боялся, что странно для бесплотного духа¹...

б) Дальше, его не узнали паломники, идущие в Эммаус. Только после того, как он повторил жесты и слова Тайной вечери, его опознали как Иисуса. Но, как все восточные люди, они любили чудеса и предположили, что он преобразился, *чтобы иудеи и римляне его не опознали* (Лук., 24:13-32). И они, не зная этого, *были правы*]

в) Он «в ином образе» явился двоим из них (Марк, 16:12), которые его тоже не узнали. Значит, он был все еще загримирован, он продолжал скрываться, потому что по-прежнему чего-то боялся.

г) С другой стороны, когда Матфей рассказывает о последнем явлении Иисуса одиннадцати, «в Галилее, на горе», он говорит: «И, увидевши Его, поклонились Ему; *а иные усумнились*» (Матф., 28:17). Конечно, они подозревали какой-то подвох.

д) Наконец, все эти «явления» имеют обычный материальный характер. Иисус ест и, следовательно, поглощает пищу. Видение этого сделать бы не могло (Лук., 24:38-43), поскольку это предполагает наличие *органов и функций*, пищеварительных и выводящих.

Из наших критических замечаний можно заключить:

- 1) они его не узнают, значит, это не он;
- 2) он ест и пьет, значит, это обычный человек;
- 3) он производит те же обряды, что и Иисус, значит, это все-таки он или по крайней мере кто-то, кому хорошо известны его слова и намерения.

И этот кто-то — Фома, его брат-близнец, *таота* Иисуса, «скрытый сын».

Итак, сделаем вывод: если только упомянутый текст Иоанна (20:24) не был очень ловко вставлен, это была удачная идея — доверить Фоме, что по-древнееврейски означает

¹ По Евангелиям, он и воскрес во плоти, а не в качестве бесплотного духа... (примеч. пер.).

«близнец» (*taoma*), роль недоверчивого ученика, тогда как на самом деле этот *близнец*, этот самый *taoma* и станет сообщником в необыкновенном обмане. На самом деле, в саду с Марией Магдалиной, как и на эммаусской дороге с несколькими из семидесяти двух учеников, *близнец* встречался загримированным, его не могли бы принять за Иисуса, никакого сходства не было. И это было сделано затем, чтобы изумленные римские легионеры *не узнали его и не арестовали снова*. Но в частных жилищах, в Эммаусе, как и в Галилее «на горе», во всех пустынных местах, где были «только свои», *taoma* уже не гримировался, он позволял себя узнать и таким образом вполне мог играть роль якобы воскресшего Иисуса.

Ведь если воскресение было подлинным, реальным событием, зачем же мнимый воскресший скрывал свой облик в общественных местах, даже от друзей? Почему они не узнали его на дороге в Эммаус, почему Мария Магдалина приняла его за садовника? Да потому, что он принял облик Иосифа Аримафейского. Именно с лица последнего сняли *гипсовую маску*, расписали и отделали накладными волосами, и эта маска позволяла якобы воскресшему Иисусу свободно ходить повсюду, не опасаясь нового ареста, за которым бы неминуемо последовало новое распятие.

На самом деле не будем забывать роль *масок (personna)* в античном мире. Металлических масок для актеров — в театре, гипсовых масок для тех, кто хотел изменить свой облик. — на улицах. О том, для чего применялись маски, сообщил Лукиан из Самосаты, писатель II века родом из эллинистической Малой Азии, рассказав о некоем Перегрине, который после преступной жизни (он был отцеубийцей) стал христианином и умер на кресте.

Ведь если Иисус действительно воскрес, что мешало ему, несмотря на стены, явиться Пилату, ужинающему в окружении своих чиновников? Что мешало ему явиться Ироду Антипе или Кайафе, не взирая на стражу, частоколы и окованные бронзой ворота? Какой триумф для того, над чьим бессилием все наперебой глумились, когда он агонизировал на позорном кресте.

Более того, что мешало ему явиться *коганим*, прямо над мужским притвором, в святом Храме, чтобы наконец оправдать собственные слова: «Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и *войти в славу свою?*» (Лук., 24: 25-26). Пока что «вхождение в славу» ограничивалось робкими ночными демонстрациями своего существования. Этого очень мало. О выполнении великого пророчества — мессианского богоявления — нет и речи. А это пророчество — вот, ясное, четкое и точное.

«Yalkouth Schimeoni», полный комментарий к Ветхому Завету (изд. Вюнше), переполненный цитатами из ныне утраченных работ, в комментарии к главе LXX Исаяи (*Yalkouth Schimeoni*. Wunsche. Bd. II. S. 56c) изображает Мессию, который явился народу, чтобы произнести перед ним речь, *вознесшимся на самый верх Храма*. Отсюда он *должен будет* провозгласить свое царство, освобождение Израиля и *обратиться в бегство римских оккупантов*.

Но такой неосмотрительный поступок наш *таота* совершить воздержится. Хватит и одного распятия на семью, а перенести такое мучение в свою очередь — значит навсегда погубить результаты этого необыкновенного подлога, так хорошо организованного, *который, впрочем, из осторожности не следует затягивать слишком надолго*. Ведь точные инструкции он получил заранее:

«Близнец Христа, апостол Всевышнего, ты тоже посвящен в скрытое учение Христа, ты получил тайные инструкции...» («Деяния Фомы», XXXIX).

Итак, «уход» нашего *таота* близок, и в связи с этим изобретательным зелотам надо отдать должное. Отправлять этого природного двойника Иисуса переходить границы провинций, охраняемые легионами, без надлежащих предосторожностей было крайне опасно. И придумали вот что. Искаженный отгосок этой истории до нас дошел в том же «Евангелии от Варфоломея», которое уже цитировалось.

Таота, то есть Фому, продадут как раба. Утратив тем самым гражданскую правосубъектность, став простой движимо-

стью, подобием домашнего животного, не чем иным, кроме как собственностью работорговца, он не будет подлежать никакой проверке. Перед римским законом за него несет ответственность хозяин, и если он взбунтуется или сбежит, его ждет казнь для беглых или мятежных рабов — крест.

Но еврейскую общину в месте назначения, за пределами Палестины, и особенно мессианистов в ее составе, вовремя предупредят, что имеется важный еврейский раб, из царского и Давидова рода, и наш *таота* будет выкуплен у работорговца за цену, какая понадобится. Что и было сделано, очень просто. Вот текст «Евангелия от Варфоломея». Разумеется, это Иисус продает своего *близнеца*, а почему — сказать забыли. Фактически эту сделку, чтобы обеспечить бегство *таота*, заключал Симон Петр:

«Кифа (Петр) сказал торговцу: "Вот наш господин, пойди и скажи ему, на что ты согласен в отношении нас".

Тогда торговец сказал Иисусу: "Привет тебе, сильный и достопочтенный человек, похоже, ты человек важный и хорошего рода..." И торговец глянул на лицо Фомы. Он нашел, что тот ближе к расцвету лет, чем Матфей¹. Он сказал: "Получи плату за него и отдай его мне..." Иисус сказал ему: "Дай мне за него столько фунтов золота". И торговец согласился. Он сказал Иисусу: "Напиши мне расписку". Иисус написал: "Я признаю, что продал своего человека..."» (Евангелие от Варфоломея. 2-й фрагмент).

И дело было в шляпе. Будущий выкуп у тогдашних евреев считался в порядке вещей. Когда в наказание семье римляне

¹ Из тех же Деяний Фомы мы узнаем, что он тоже *плотник*, как и Иисус, а также каменотес. И действительно, два этих ремесла в Израиле входили в один и тот же цех, *имевший особые синагоги*. Тем важнее то, что пишет Миллар Барроуз, профессор библейской теологии из Йельского университета, в книге «Рукописи Мертвого моря» (*Burrows, Millar. Les Manuscrits de la Mer Morte. Trad de l'americain. Paris: Laffont. 1957*), — то, что зелоты пользовались особым календарем «Книги Юбилеев», притом Анни Жобер в своей книге «Дата Тайной вечера» (*Jaubert, Annie. La Date de la Cene: calendrier biblique et liturgie chretienne. Paris: J. Gabalda. 1957*) показала, что именно это и был календарь Иисуса и его учеников. Вот еще одно доказательство, что Иисус и его сторонники были зелотами.

выставляли еврейскую девушку голой в доме терпимости, ее очень быстро выкупала городская община. Так же выкупили и Фому, близнеца Иисуса.

О существовании у Иисуса брата-близнеца довольно значительное время знали в посвященных кругах ранних христиан, и это никого не смущало. Как благочестиво сказали бы современные экзегеты, «христология еще не была разработана как следует».

Конечно! Но что имеет значение — *подлинный исторический факт* или рассуждение теолога, лезущего из кожи вон, чтобы сказать нечто оригинальное?

Ведь те же «Деяния Фомы» были широко известны еще в V веке, в греческой и сирийской версиях, и есть латинская версия — VI века. А в них мы находим очень ясный намек на то, что Мария разрешилась двойней:

«Приди, о святое могущество Духа! Приди, *святая Голубка, производящая на свет двух близнецов!* Приди, о Скрытая Матерь...» («Деяния Фомы», 50).

Конечно, знаменитый «канон Муратори», названный по имени коллекционера, который (как утверждается) обнаружил его в Милане в 1740 году, якобы относится к VIII веку и представляет собой копию (еще одну) списка произведений, которые римская церковь в 180-190 годах нашей эры считала священными. И этот «канон Муратори» относит наши «Деяния Фомы» к числу апокрифов.

А вот аббат Ф. Амио, предисловие к книге которого написал Даниэль-Ропс, в «Апокрифической Библии» представляет извлечения из основных апокрифов¹.

И он сообщает нам, что «Деяния Фомы» имеют краткий пересказ: «De miraculis beati Thomae apostoli», который Боссюэ приписывал Григорию Турскому (538-594) и который, следовательно, относится к VI веку. И аббат Ф. Амио также пишет: «Считается, что оригинальный текст был записан в Сирии или Верхней Месопотамии; *если*, как предполагается, он испытал влияние еретика Бардезана, *его следует датировать началом III века*. Но в этом отношении возможно лишь

¹ *La Bible apocryphe*. Par F. Amiot. Paris: A. Fayard. 1952.

строить гипотезы» (*La Bible apocryphe*. Paris: Fayard. 1952. P. 262).

Тот же экзегет уточняет, что гностические влияния в тех же «Деяниях Фомы» не очевидны, а неприятие брака во II веке при зарождении христианства было широко распространено. Что касается нас, нам причина этого понятна. Между 200 и 300 годами существование у Иисуса брата-близнеца никого не смущало. Лишь позже посмели выдумать сказку о чудесном зачатии, о воплощении «Сына Божия» и об абсолютной девственности Марии. И тогда потребовалось убрать этого близнеца, ставшего слишком неудобным.

И поэтому мы представляем Марию, мать Иисуса, пятнадцатилетней девочкой, тогда как несчастная женщина умерла, вероятно, в преклонном возрасте, пережив, как нам говорит Иоанн, смерть Иисуса, своего сына-«первенца» (Лук., 2:7).

Ведь в то время, в 33-34 годах нашей эры, к моменту его распятия, ей было уже лет шестьдесят пять, потому что, если, как уверяет нас святой Ириной, Иисус умер в пятьдесят лет, «близко к старости», а она родила его в пятнадцать лет, получается, ко времени этого распятия ей было шестьдесят пять лет. Если учесть, какую бедную и суровую жизнь ей приходилось вести, как быстро стареют женщины Ближнего Востока и какие тяжелые душевные испытания она перенесла, она никак не могла выглядеть младше своего возраста.

Глава VI

КЛЮЧИ К ЗАГАДКЕ

Люди не умеют быть ни совершенно добрыми, ни совершенно дурными.

Макиавелли. Мысли

Симона Петра принято изображать с двумя ключами, и все считают, что это ключи от Царства Небесного: один — чтобы отпирать его, другой — чтобы запирасть. Но для любого, кто проникнет в сердцевину истинного первоначального христианства, эти ключи самым банальным образом станут не более чем ключами к загадке. Ведь именно Симон Петр среди апостолов — это *ключ к Тайне*.

Поэтому внимательно присмотримся к этому персонажу, и он откроет нам великую тайну происхождения своего старшего брата — Иисуса.

В Новом Завете есть шесть персонажей по имени *Симон* (по-еврейски *Симеон*), упоминаемых в Евангелиях и отличающихся от носителей того же родового имени, которых можно встретить при чтении остального текста. Эти шесть имен входят в длинный перечень разных слов, используемых апостолами то как реальные имена, то как прозвища.

Исключим прежде всего *Симона Прокаженного*, дом которого находился в Вифании (Марк, 14:3; Матф., 26:6). Вероятно, он был отцом Лазаря (настоящее имя — Элеазар), Марфы и Марии (вероятно, кузин Иисуса), и именно у него произошла знаменитая сцена загадочного миропомазания, к которой мы еще вернемся. Также именно в его жилище Иисус скрывался, когда не имел постоянного жилья в Иерусалиме.

Есть также *апостол Симон*, которого можно встретить под самыми разными прозвищами и которого теперь называют *Симоном Петром*. Это *Симон Кифа* (Cephas, или, точнее, на правильном древнееврейском, *Керфа*). Это имя означает (по «Раввинскому словарю» Сандера) «скала», «каменный пик». Отсюда французское слово *Pierre* (камень).

Есть также очень близкое существительное, которое дало возможность для несложной игры слов и в разных древнееврейских словарях следует из нее. Это слово *kipaha*, означающее «пальмовая ветвь». В древней мессианской символике это был символ целого движения, знаменитой «ветви Иисуса».

«И произрастет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его...» (Исайя, 11:1).

Это также символ увеселений, радости во время «праздника кушей»:

«В первый день возьмите себе... ветви пальмовые...» (Левит, 23:40).

И значит, знаменитый каламбур: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...» (Матф., 16:18) — некорректный перевод главной мысли первоначального высказывания.

Читать надо так:

«Ты — *керфа* (скала), а я сделаю из тебя *kipaha* (пальмовую ветвь, символ победы)...»

Но при переходе от устного еврейского предания к письменной греческой версии, потом от греческой к латинской, потом — на народно-разговорные языки первоначальный эзотерический текст претерпел заметные изменения.

Впрочем, можно отметить, что прозвище «скала» (*керфа*) дал Симону не Иисус. Тот уже носил его:

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, *Симона, называемого Петром*, и Андрея, брата его...» (Матф., 4:18)¹.

Сам этот *Симон Кифа* был из Вифсаиды (Иоан., 1:44), но дом его был в Капернауме (Марк, 1:29). В этом не обязательно есть противоречие. Он был братом Андрея (Иоан., 1:40).

¹ У Иоанна (1:42), наоборот, это имя дает ему Иисус (*примеч. пер.*).

Он был сыном Марии и братом Иисуса, Иакова, Иосифа и Иуды¹:

«Не плотников ли он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? И сестры Его не все ли между нами?» (Матф., 13:55-56).

Это *великий рыбак* — не в том смысле, что он закидывал сеть и ловил рыбу в Генисаретском озере (pescheur), а в нравственном смысле слова (pescheur)²:

«Увидев это, Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лук., 5:8). Позже мы увидим, что под его грехами имеются в виду рэкет и убийство.

Действительно, он именуется «сыном Ионы»:

«Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?..» (Иоан.. 21:15)

А у Матфея (13:55 и 27:56) говорится, что он *сын Зеведей*³. На самом деле, что мы сейчас и покажем, эти определения — не более чем другие прозвища.

Безымянные писцы, записывавшие в IV веке евангельские тексты на греческом языке на основе устного предания, не понимали древнееврейского (и не читали на нем). Это заметить нетрудно. Они забыли (или не знали), что любой язык в конкретную эпоху состоит из вкладов более древних языков. В современном английском есть слова, попавшие в него непосредственно из старофранцузского благодаря нормандскому вторжению. И в современном французском есть слова, привнесенные английскими наемниками во времена Столетней войны и происходящие непосредственно от древней германо-саксонской основы. Та же ситуация была и с древнееврейским.

¹ Отметим, что к имени Симон у Р. Амбелена странное отношение: все евангельские Симоны (почему-то кроме Прокаженного) для него — одно и то же лицо (*примеч. пер.*).

² Во французском языке слова «рыбак» (pescheur) и «грешник» (pescheur) очень похожи (*примеч. пер.*).

³ В первом из этих мест нет речи о Зеведее, во втором — о Петре (*примеч. пер.*).

В классический древнееврейский язык внесли существенный вклад шумерский, ассирийский, арамейский и даже древний аккадский языки.

Таким образом, наши греческие писцы IV века приняли старинное аккадское слово *barjonna* за обозначение степени родства и записали «Симон бар-Иона», то есть «Симон, сын Ионы». Это противоречит всем прочим местам в Евангелиях, где он называется «сыном Зеведея»: у Матфея (10:2 и 26:37), у Марка (1:19-20, 3:17, 10:35), у Луки (5:10) и у Иоанна (21:2)¹.

Так вот, аккадское и арамейское слово *barjonna* означает «человек вне закона», «анархист». Эту характеристику подтверждает и признание Симона Петра: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лук., 5:8). Но еще больше его подтверждают другие определения Симона, сделанные в Евангелиях.

Нам известно, что некоторые комментаторы в имени «Иона» хотели видеть сокращение от «Йоханнес». Но вместе с просвещенным Оскаром Кульманом мы утверждаем, что имя Иона (Jona, Jonas) никогда не встречается в качестве сокращения от «Йоханнес».

Напротив, слово *barjonna* (на аккадском и арамейском — «человек вне закона», «анархист») имеет прочные позиции. Роберт Эйслер в своей книге «Iesous Basileus ou Basileusas»² пишет, что это слово имеет такое значение согласно Элиезеру бен Иехуде³. То же утверждает Г. Дальман в своем «Арамейско-новоеврейском словаре»⁴.

Подобным же образом в коптском тексте «Евангелия от двенадцати апостолов», во втором его фрагменте, пишется «Бариона», а не «Бар-Иона».

А вот различные подтверждения, содержащиеся в тексте самих канонических Евангелий.

¹ Ни в одном из этих мест Петр не называется сыном Зеведея: сыновьями последнего именуются только Иаков и Иоанн (*примеч. пер.*).

Среди двенадцати апостолов есть некий *Симон Зелот*. Это греческое слово, на самом деле «zelotes» означает «рьяный», «фанатик», «последователь». Мы знаем из Иосифа Флавия, как по его «Иудейской войне», так и по «Иудейским древностям», что словом «зелоты» называли *сикариев*, еврейских террористов, вооруженных *сиками* — кривыми кинжалами, которыми они вспарывали животы противникам.

А ведь Симон Зелот — *брат Иисуса*, как и Симон Кифа; это упоминается у Луки и в «Деяниях апостолов»:

«... *Симона, прозываемого Зилоном, Иуду Иаковлева и Иуду Искарюта, который потом сделался предателем*» (Лук., 6:15-16).

«...где и пребывали Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома. Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и *Симон Зилот*, и Иуда, брат Иакова...» (Деян., 1:13).

Несомненно, в двух этих отрывках говорится о двух людях по имени Симон. Мы знаем, что это одно и то же лицо, и настоящая глава написана затем, чтобы это показать. Ведь было бы странно, если бы анархист Симон, скала, человек вне закона, и Симон Сикарий, Зелот, были разными людьми. А будь это так, было бы еще хуже, так как было бы абсолютным доказательством, что Иисус набирал себе учеников почти исключительно в этой среде¹.

Далее появляется некий *Симон Кананит*. Как замечает Оскар Кульман в своей книге «Святой Петр, апостол, ученик и мученик»², уже цитировавшейся, это то же самое, что Зе-

² *Eisler, Robert. Iesus Basileus ou Basileusas: die missianische Unabhangigkeitsbewegung... Heidelberg: C Winter. 1929-1930. S. 67.*

³ *Ben Jehuda, Elieser. Thesaurus totius Hebraicitatis et veteris et recentioris. Schoenebergi; Berolinum. 1908-1959. T. II. P. 623.*

⁴ *Dalman, Gustaf Hermann. Aramaisch-neuhebraisches Handwörterbuch zu Targum, Talmud und Midrasch. Frankfurt a. Main: Kauffmann. 1922. 2 Aufl. S. 65.*

¹ Одна из главных мыслей книги, что именно в этой, но в таком случае выглядит странным, что в отряде зелотов есть человек по прозвищу Зелот (*примеч. пер.*).

² *Cullmann, Oscar. Saint Pierre: disciple, apotre, martyr: histoire et theologie. Neuchatel; Paris: Delachaux et Niestle. 1952.*

лот, и не имеет никакого отношения к Ханаанской земле. В самом деле, древнееврейское *кана* означает «рьяный», «фанатик», «страстный». Это эквивалент греческого слова *zelotes*.

Симон Кананит упоминается у Марка (3:18), а в деревне Кана надо видеть штаб-квартиру *зелотов*, или *сикариев* (Иоан., 2:1, 4:46, 21:2). Это была родина Нафанаила (Иоан., 21:2 и 1:46).

Теперь мы встречаем некоего *Симона Искарюта*. Он упоминается у Иоанна (6:71) как отец Иуды Искарюта:

«...но один из вас диавол. Это говорил Он об Иуде *Симонове* Искарюте, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати» (Иоан., 6:70-71).

«Тогда один из учеников Его, Иуда *Симонов* Искарют, который хотел предать Его...» (Иоан., 12:4).

Симон Искарют упоминается и в некоторых рукописях. Такую рукопись использовал святой Иероним для создания своей латинской Вульгаты, официальной версии Библии католической церкви:

«Dicebat autem Iudam *Simonis Scariotis*...» (Iohannem, 6:70). Протестантская синодальная версия 1926 года передает это имя так же: *Simon Ishkarioth*.

Имя «Искарют» производят от селения под названием Кариот. Якобы Иуда и Симон были «люди (по-древнееврейски *ish*) из Кариота». Но сам Даниэль-Ропс признает это толкование очень «спорным». Действительно, в messiанистское время древние авторы ни разу не упоминали деревню с таким названием. На самом деле Иуда и его отец Симон — *люди* (по-древнееврейски *ish*) *сики*, страшного кинжала сикариев, который наделил их и именем — *ishsikarioth*.

К тому же как Симон и Иуда, его сын, могли происходить из городка под названием Кариот, если в другом месте уточняется, что дом Симона и Андрея, его брата (общий, стало быть, родовой), находился в Капернауме:

«И приходят в Капернаум... Вышедши вскоре из синагоги, пришли в дом Симона и Андрея с Иаковом и Иоанном. Теща же Симонова лежала в горячке...» (Марк, 1:21, 29-30).

Наконец, этого Иуду, сына Симона Зелота, в одном эфиопском апокрифе, под названием «Завет в Галилее Г. Н. Иисуса Христа», глава II, стих 12, самого называют так: «Мы, Иоанн, Фома, Петр, Андрей, Иаков, Филипп, Варфоломей, Матфей, Нафанаил и *Иуда Зелот...*»

По всем эти причинам, на основании строк, которые мы добросовестно процитировали, *Симон Скала*, *Симон Зелот*, *Симон Кананит* и *Симон Искаримот* — одно и то же лицо, он же *Симон Анархист*, *Симон Человек-вне-закона* (*barjona*). Он — брат Иисуса, как доказывают процитированные стихи. Он — *отец Иуды Искаримота*, он — *один из сыновей Марии*, как свидетельствуют те же места. И на этом же основании он — наследник самого Иисуса по линии Давида, на этом основании после смерти Иисуса он на его месте из *kerha* (человека скал, человека вне закона) делается *kipaha*, то есть «отраслью» Иессея.

Все это ясно показывает значение зелотского движения в первоначальном христианстве. Впрочем, Оскар Кульман, доктор теологии, крупный протестантский экзегет, честно отмечает в своей книжечке «Бог и кесарь»:

«Во-первых, не следовало бы упускать из виду, что римляне приговорили Иисуса к смерти на кресте именно как *зелота...*» (*Cullmann, Oscar. Dieu et Cesar: le proces de Jesus, saint Paul et l'autorite, l'Apocalypse et l'etat totalitaire. Paris: Delachaux et Niestle. 1956. P. 14*).

«Впрочем, тот факт, что в рассуждении, упомянутом в "Деяниях апостолов" (5:37), Гамалиил ставит Иисуса на одну доску с двумя зелотскими вождями (Иудой из Гамалы и Февдой), похоже, доказывает, что в глазах посторонних наблюдателей Иисус и зелотские вожди должны были иметь некоторые общие черты...» (*Idem. P. 16*).

«Согласно "Деяниям апостолов" (21:38). римский трибун, к которому Павла привели в Иерусалиме, принимает последнего за зелота и даже думает, что это вождь египетских зелотов, о восстании которых рассказал также Иосиф Флавий: "Так не ты ли тот египтянин, который перед семи днями про-

извел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек зелотов¹?"» (*Idem.* Р. 16).

Впрочем, слово «египтянин» означает не национальность, а статус *чародея*. Точно так же любого астролога, из какой бы страны он ни был, называли *халдеем*.

И действительно, в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского мы находим такое место, подтверждающее эти выводы:

«Климент в 6-й книге своих "Очерков" утверждает это. <...> В 7-й книге того же произведения он говорит о нем следующее: "Иакову Праведному, Иоанну и Петру Господь после Воскресения передал знание (gnose)..."» (*Евсевий Кесарийский.* Церковная история. II, I, 4. С. 52).

Это знание — чудотворная магия, которую Иисус усвоил в Египте. Так, например, когда «Деяния апостолов» говорят, что тень Симона Петра исцеляла больных, осеняя их лишь на краткое мгновенье, надо уметь толковать наших писцов IV века и понимать их греческие выражения.

Под *тенью* здесь не имеется в виду неосвещенная зона, возникающая, когда тело Петра заслоняет больного от солнца. Это его «флюидный двойник», древнееврейский *nephesh*, который надо воспринимать в том смысле, какой это слово имеет по-гречески: тень, *маны*, *призрак*. Он действовал, когда Петр спал, на расстоянии, как, впрочем, делают и по сей день с помощью фетишей некоторые колдуны черной Африки и как делали *розенкрейцеры* XVII века, по их утверждениям.

Был ли он в курсе измены, которую готовил Иуда Искариот, его сын? Этого нельзя утверждать с очевидностью. Однако некоторые факты можно толковать так, что другие апостолы отстранили его от верховного руководства после смерти Иисуса. Мы скоро это увидим. И один факт, выявленный мэтром Изорни в его книге «Подлинный процесс Иисуса»², как будто доказывает его лицемерие. Когда Иисус спро-

¹ В русском (и французском) переводе — «разбойников», в Вульгате — «сикариев» (*sicariogum*) (*примеч. пер.*).

² *Isorni, Jacques.* Le vrai proces de Jesus. Paris: Flammarion. 1967.

сил его, любит ли тот его больше, чем другие, он схитрил, не ответил напрямую и сыграл словами:

«Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня *больше, нежели они?* Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Иоан., 21:15).

Симон Петр обошел самую важную часть вопроса. Иисус еще дважды повторил его и наконец довольствовался утверждением, что Петр его любит, не более того.

И того «наследства», которое передал ему Иисус, другие впоследствии не признают за ним:

«Тогда же... Иаков, которому в древности было дано прозвище "Праведный" за его исключительную добродетель, первый, как рассказывают, получил епископский престол в Иерусалимской Церкви. Климент в 6-й книге своих "Очерков" утверждает это и пишет так: "Петр, Иаков и Иоанн, хотя и были особо Спасителем почтены, однако после Вознесения Спасителя не оспаривали друг у друга эту честь, *но избрали епископом Иерусалима Иакова Праведного*"» (Евсевий Кесарийский. Церковная история. II, I, 2, 3. С. 52).

К тому же почему Симон *один* после ареста Иисуса, своего старшего брата, бродил в непосредственной близости от помещения, где проходило заседание суда? Из верности или из опасения, что Иисуса освободят и он потребует отчета у него, Симона, и у Иуды, его сына, прежде всего за то, что из Гефсиманского сада все разбежались, а потом и за измену своего племянника? Ведь к измене Иуды добавился побег остальных:

«Тогда все ученики, оставивши Его, бежали» (Матф., 26:56; Марк, 14:50).

Вот почему в «Климентийских гомилиях», которые поначалу назывались «Изначальным писанием», послание Климента к Иакову начинается так:

«Климент, Иакову, *брату Господню, епископу епископов*, каковой управляет святой церковью евреев в Иерусалиме, *а равно церквями, счастливо основанными повсюду* Провидением Божиим, с пресвитерами, диаконами и прочими братьями, мир тебе навсегда...»

Можно отметить, что Руфин в *IV* веке, тот самый Руфин, который позволял себе, переводя Оригена век спустя после смерти последнего, исправлять его произведение, когда оно казалось ему недостаточно ортодоксальным, переводил так: «Иаков, брат Господень» (То Kurion adelfos). Он тоже не говорит о «кузене» (anepsios). Равно как и святой Иероним в своей Вульгате.

Итак, все понятно. Это Иаков руководил Иерусалимской церковью, *как и всеми остальными*. Симон Петр отнюдь не стоял во главе церкви. Утверждение о «князе апостолов», всегда изображавшемся первым папой, — историческая ошибка, что и предстоит доказать.

Прежде всего отметим: после того как Иисус сказал Симону Петру слова, приведенные у Матфея (16:18): «Ты — Петр, и на сем камне...», апостолы еще продолжали спорить, кто из них в общине важнее всех после Иисуса (Марк, 9:34; Матф., 18:1). То есть они не признавали «передачи прав» Иисуса Петру и ставили ее под сомнение. Значит, были какие-то проблемы, позволявшие им так поступать и *не дошедшие до нас*.

С другой стороны, последователи Иисуса, вышедшие из иудаизма и, следовательно, обрезанные, настолько мало верили в верховенство Симона Петра, что искали с ним ссоры и упрекали его за то, что он вошел к необрезанным и ел с ними (Деян., 11:2-3). И он сам после этого оправдывался перед ними, перед апостолами и старцами. Таким образом, он отнюдь не считал себя главой зарождающейся церкви (Деян., 15:7-11).

По этому случаю он потребовал себе право проповедовать Евангелие язычникам, *с чего и началось его соперничество с Павлом!* Лишившись всякой власти примаса над евреями, принявшими новую идеологию, он рассчитывал на язычников. И эту новую сферу перехватил у него другой!

К тому же не он открыл синод в Иерусалиме, этот первый церковный собор (Деян., 15:7), и не он его закрыл, но в обоих случаях это сделал Иаков (Деян., 15:13). Это другие апосто-

лы, узнав, что в Самарии уже есть круги, сочувствующие их идеологии, приняли в Иерусалиме решение *послать туда Симона Петра и Иоанна* (Деян., 8:14).

Даже Павел, будучи совсем новичком в зарождавшейся церкви, не боялся держать себя с ним на равных. Если внимательно перечитать Второе послание к коринфянам, главу 10, стихи 12-18, и главу 11, стихи 4 и 5, это будет совершенно ясно.

В «Послании к галатам» (2:9) Павел не говорит абсолютно ни о каком первенстве Петра, он называет его как второстепенное лицо, наряду с Иаковом и Иоанном, его братьями, одним из трех «столпов» нового движения. И помещает его на второе место:

«И узнавши о благодати, данной мне, *Иаков* и *Кифа* и *Иоанн*, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения...» (Гал., 2:9).

В той же главе «Послания к галатам» мы видим, что Симон Петр соглашается разделить с Павлом территорию влияния, которая первоначально была его собственной, чего бы он не мог допустить, если бы был убежден, что он глава церкви.

Павел не боится его журить, *как равный равного*:

«Когда же Кифа [в русском переводе — Петр] пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых *от Иакова* (настоящего главы церкви), ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием» (Гал., 2:11-13).

Мы вполне узнаем лицемера, который в ночь ареста Иисуса трижды отрекся от своего брата и своего царя.

Говоря о разных назначениях, которые Иисус сделал в рамках движения (Еф., 4:11-12), Павел не упомянул ни о верховном главе, ни о центральной власти, которая была бы вверена одному человеку. Похоже, он даже не знает о власти Иакова, которая была, однако, хорошо известна. Более того, несомненно исходя из слов Иисуса: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Марк, 9:35), он упо-

мянул *равенство* в качестве одного из даров, принесенных Иисусом:

«Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность» (2 Кор., 8:13).

А такое наставление по тем временам вполне можно рассматривать как теорию анархического толка по отношению к обществу, основанному на рабстве, на неравенстве индивидов и полов¹. Таким образом, все, как и Симон Петр, — «*barjon-pa*», анархисты.

Сам Симон Петр, сознавая, что все его прошлое было малопривлекательным (Лук., 5:8), не приписывает себе никакого иерархического верховенства над другими апостолами:

«Пастырей ваших умоляю я, *сопастырь...*» (1 Пет.. 5:1).

Впрочем, не надо упускать из виду, что это движение в точности подобно движению «зелотов», созданному Иудой из Гамалы. Последний учредил двойную власть:

— *светскую*, которую представлял он сам как потомок Давида;

— *духовную*, которую представлял один *коген*, ранее принадлежавший к фарисейской секте, по имени Саддук.

А в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского мы прочтем следующее очень любопытное сообщение:

«И Иоанн, возлежавший на груди у Господа, священник [по-древнееврейски *cohen*], носивший золотую дощечку [*petalon*], мученик и учитель, покоится в Эфесе» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, XXXI, 5. С. 125).

А ведь *petalon* был знаком различия иудейских первосвященников; он описан в «Книге Исход» (28:36-38) как золотая пластинка с надписью «Святыня Яхве» и крепился к передней части тиары первосвященника.

В другом месте у того же Евсевия читаем:

«*Кресло* Иакова, первым принявшего от Спасителя и апостолов епископство в Иерусалимской Церкви и неизменно называемого в Писании братом Господним, сохранилось до сих

¹ В данном отрывке речь шла всего-навсего о том, что разные общины вправе жертвовать на церковь в соответствии со своими возможностями (*примеч. пер.*).

пор» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. VII, XIX. С. 308).

А ведь епископские троны в виде каменных или мраморных кресел с высокими спинками появились только тогда, когда у христиан уже были базилики, то есть в IV веке. Таким образом, это *кресло*, которое, по мнению католических экзегетов, было сделано из дерева, вероятно из кедра, представляло собой атрибут власти Иакова, а *золотая дощечка* — власти Иоанна.

Делаем вывод: если последний носил золотую дощечку, предназначенную для израильских первосвященников, в качестве символа *духовной* власти, то кресло Иакова воплощало *светскую* власть. Значит, это был *царский трон*, а не престол духовного владыки. Следовательно, обе власти были четко разделены по обычаю зелотов, описанному выше.

Следовательно, после смерти Иисуса произошло разделение обеих властей.

Впрочем, многие места в Евангелиях показывают, что Иисус не наделял никого из числа братьев и учеников *духовной* или *догматической властью* и что фраза, где фигурирует знаменитая игра слов, вероятно, так никогда не исполнилась, поскольку этого не позволили дальнейшие события. В доказательство сошлемся на следующие места: Матф., 23:8-9; Марк, 10:42-45; Лук., 20:24-26; Второе послание к коринфянам, 11:5; Послание к галатам, 2:6, 11, 14; Первое послание Петра, 5:1-3.

И следующие стихи бесспорно свидетельствуют о том, что Симон Петр никогда не рассматривался как верховный глава зарождающейся церкви: Иоан., 20:22-23; Матф., 22:8, 12; Деян., 5:29; Второе послание к коринфянам, 11:5.

О проблеме прибытия Симона Петра в Рим и его смерти в этом городе *мы не находим в Новом Завете ни малейшего упоминания. Ни четыре Евангелия, ни Послания Павла, Иакова, Иоанна или Петра* не говорят об этом и не дают даже смутного намека.

Более того, Апокалипсис говорит обратное и подтверждает то, что рассказывает официальная история. И Павел в Послании к римлянам, приветствуя многочисленных христиан, поселившихся в столице империи, ни намеком не упоминает ни о Петре, ни о его теперешнем либо предыдущем пребывании в Вечном городе.

Так что если Петр там и был, то ничего существенного не сделал, не оставил никакого следа, и *во времена апостолов* об этом не возникло никакого устного предания. Легенда появится лишь гораздо позже, в конце II века и начале III века, вместе с текстом Тертуллиана (впрочем, весьма двусмысленным), вопреки эдикту папы Каликста, заметке Гая и указанию Макария Магнесийского, упомянутому неоплатоником Порфирием. *Двести лет молчания* до того, как появилось предание, — вот что сильно снижает ценность последнего, кстати, чисто устного.

Напротив, предположение о его смерти в Иерусалиме обосновано гораздо лучше, и читатель сможет судить об этом сам.

Прежде всего отметим, что Симон Петр исчез из новозаветных текстов сразу после Иерусалимского синода. В Деяниях апостолов после главы 15, сообщающей об этом первом церковном соборе под председательством его брата Иакова, о Петре больше абсолютно ничего не сказано.

Когда произошло это важное собрание? Хронология событий в христианстве I века очень неточна. *С точностью до года невозможно установить ни одну дату.* В самом деле, древние авторы сообщают очень мало; даты приводятся либо от основания Рима, либо от начала правления того или иного цезаря. Так что нам приходится рассматривать факты не иначе как *в упорядоченной перспективе*, но безо всякой хронологической точности. Действительно, ведь только в IX веке, при Карле Великом, начали отсчитывать годы от предполагаемого рождения Иисуса.

Тем не менее мы можем установить следующую хронологическую схему.

Согласно общему мнению, Павел был отправлен на Кипр с Марком, он же Иоанн, и Варсавой в 45 году. На поездку понадобился год, после довольно долгих странствий, которые мы проанализируем в свое время, он вернулся в Антиохию и от туда направился в Иерусалим, на собор. Таким образом мы как будто получаем 46 год.

Тогда свирепствовал голод, в чем, с учетом повсеместного разбоя и нескончаемых гражданских войн, не было ничего удивительного, но этот факт подтверждает, что борьба за независимость, которую вели zeloty, просто охватывала новые территории.

А прокуратором Иудеи в 46 году был Тиберий Александр, племянник Филона Александрийского (называемого Филоном Иудеем), римский всадник, занимавший этот пост по 47 год, потому что в конце 47 года его сменил Вентидий Куман, сам же Тиберий Александр сменил в 46 году Куспия Фада.

С другой стороны, взяв «Иудейские древности» Иосифа Флавия, в книге двадцатой мы прочтем:

«В это же самое время [при Тиберии Александре] и случился в Иудее тот большой голод, когда, как я рассказал выше, царица Елена [царица Адиабены] на большие деньги закупила хлеба в Египте и раздала его нуждавшимся. Тогда же были казнены и сыновья галилеянина Иуды, Иаков [у Амбелена — Яков] и Симон, который, как мы упоминали выше, во время переписи Квирина возбудил народ к отпадению от римлян. Александр велел «пригвоздить их к кресту...» (*Иосиф Флавий. Иудейские древности. XX, V, 2. Т. 2. С. 415¹*).

Вполне очевидно, что Яков, еврейское имя, — это наш апостол *Иаков* (по латыни *Jacobus*, по-гречески *Jacobos*). Его спутник — наш *Симон Петр*.

И по этой самой причине после Иерусалимского собора (Деян., 15) его следы теряются, равно как, впрочем, и следы его брата Иакова, он же Яков. Евсевий Кесарийский в «Истории церкви» просто сообщает нам, что тот был в Иерусалиме

¹ Все цитаты из «Иудейских древностей» приводятся по изданию: *Иосиф Флавий. Иудейские древности* / Пер. Г. Генкеля. М.: Ладомир. 2003.

«во время голода» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, VII, 8), то есть в 46-47 годах.

Таким образом, Иаков и Симон Петр были распяты в 46 или 47 году, после синода, в Иерусалиме. Неизбежный вывод: значит, Симон Петр не умер в Риме, распятый на кресте вниз головой, в 67 году.

Иначе нам должны были бы сказать, где он был и что делал в течение семнадцати лет между 47 годом, когда его имя исчезло из всех новозаветных текстов, при Клавдии, и его предполагаемой смертью в Риме в 64 году, при Нероне. Судьбы апостолов, отвергнутые легенды о них известны очень мало. В своей «Истории церкви» Евсевий Кесарийский пишет:

«Таковы были события в Иудее. Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею — Скифия, Иоанну — Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался; Петр, по-видимому, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Азии. Под конец жизни он оказался в Риме, где и был распят головой вниз» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, I, 1-2. С. 91).

Петр, по-видимому... И Евсевий пишет это в IV веке.

С веками это предположение, ловко препарированное, превратилось в достоверный факт.

Впрочем, Папская археологическая академия 27 ноября 1969 года очень честно сообщила, что так называемый «престол» святого Петра, со времен Урбана VIII (1666) хранящийся внутри монумента, который был специально заказан Бернини, — на самом деле трон императора Карла Лысого, использованный во время его коронации в Риме в 875 году и потом предложенный папе Иоанну VIII. Проверка с помощью углерода-14 позволила подтвердить то, что только что открыли или, вернее, напомнили архивные документы, к которым обратились ученые. Предыдущая проверка производилась в 1867 году, когда торжественно отмечали тысячу восьмисот лет со дня мнимой мученической смерти Симона Петра в Риме в 67 году. Но в те времена папа Пий IX, несомненно, не

знал о существовании этих архивных документов, да и углерод-14 был неизвестен.

Что касается нас, мы свое мнение составили. Как точно сообщает Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях», в книге двадцатой, Симон и его брат Иаков были распяты по окончании Иерусалимского синода, *в Иерусалиме же*, по приказу Тиберия Александра, прокуратора Иудеи, и эта деталь позволяет нам уточнить дату.

В 46 году прокуратором был Куспий Фад.

В 46 году на этом посту его сменил Тиберий Александр.

В конце 47 года Тиберия Александра сменил Вентидий Ку-ман.

Таким образом, распятие Симона и Иакова в Иерусалиме следует датировать концом 46 — началом 47 года.

Впрочем, подтверждение этого факта есть в Апокалипсисе; там сам Иисус пишет:

«И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во ретище. <...> Они имеют власть затворить небо, чтобы *не шел дождь на землю* во дни пророчествования их, и имеют власть над водами — *превращать их в кровь и поражать землю всякою язвою*, когда только захотят» (Отк., 11:3, 6).

Переведем: в период сильной засухи оба «свидетеля» развяжут гражданскую войну, так что кровь будет в таком же избытке, как и вода. Дальше:

«И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, *где и Господь наш распят*» (Отк., 11:7-8).

Снова переведем: оба свидетеля (Иаков и Симон Петр) будут казнены так, что они будут *выставлены* (11:9) в течение *трех дней* (11:9), а потом брошены в *позорную яму* (11:9). Такой была судьба тел *распятых*. Потому что обезглавленно-го на месте не оставляли.

Впрочем, Иисус смерть на кресте предсказывал Симону Петру в довольно двусмысленной форме: «Когда ты был мо-

лод, ты препоясывался сам и ходил, где хотел; *а когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь*» (Иоан., 21:18). Простертые руки явно намекают на распятие, а опоясывание — это предварительное бичевание, когда приговоренного приковывали за пояс к колонне или столбу.

Город, «духовно» называемый Содом и Египет, — это Иерусалим, и назван он так за духовные прелюбодеяния и за пленение обоих свидетелей. К тому же это город, *«где и Господь наш распят...»*

Куда уж точнее!¹

В остальном тексте все так же преувеличено, как и в начале, когда речь идет о чудесах, которых, впрочем, не произошло. Чтобы в этом убедиться, читателю довольно прочесть главу 11, и он поймет, что к чему.

Итак, сделаем вывод.

Оба свидетеля, распятые в Иерусалиме во время голода и гражданской войны, согласно Апокалипсису, — это, конечно, Симон Петр и Иаков. И это соответствует историческому рассказу Иосифа Флавия, находится с ним в полном согласии.

Но в «Иудейских древностях» (книга двадцатая, V, 2) он отмечает, что этот *Яков (Иаков)* и *Симон* были сыновьями *Иуды Галилеянина*, то есть *Иуды из Гамалы*, и, следовательно, *братьями*.

А ведь в главе, где речь идет о братьях Иисуса, мы цитировали строки, доказывающие, что Иаков (по-древнееврейски, очевидно, Яков) и Симон были младшими братьями Иисуса. Отсылаем туда читателя².

Следовательно — неопровержимый силлогизм, — если Иаков и Симон были, с одной стороны, сыновьями Иуды Гали-

¹ Все-таки надо уточнить, что в главе 2 ту же фразу автор относит к Езекии, якобы деду Иисуса; а здесь получается, что Иисус сам говорит о себе: «Господь наш распят», притом в прошедшем времени, хотя в главе 2 делался вывод, что Апокалипсис написан до 28 года (*примеч. пер.*).

² Заодно напомним: в той главе особо подчеркивалось, что братья Иисуса не верили в его учение (*примеч. пер.*).

леянина (он же Иуда из Гамалы), с другой — братьями Иисуса, значит, и Иисус *тоже* был сыном Иуды Галилеянина...

Это и объясняет, почему в своих наставлениях он использует многие элементы учения означенного Иуды из Гамалы, того учения, которое лежало в основе деятельности четвертой секты, основанной последним, о чем пишет Иосиф Флавий в «Иудейской войне» и в «Иудейских древностях».

Впрочем, отметим, что Иисус часто называл себя «сын человеческий». Что он хотел этим сказать? Мы все на этом свете дети человеческие. Сказать, что по-древнееврейски это пишется *bar-aisch*, — значит не сказать ничего. Но, к счастью, для обозначения человека есть и другое слово. Древний германский язык знал слово *bar*, означающее «свободный человек», откуда наше «барон». В древнееврейском было слово *geber*, означающее то же самое и плюс к тому «герой».

Таким образом, если мы переведем «сын человеческий» уже не как *bar-aisch*, а как *bar-geber*, мы получим «сын свободного человека», «сын героя» — определения, полностью подходящие Иуде из Гамалы, «герою Переписи», человеку, призвавшему Израиль к восстанию *во имя Яхве* и велевшему чеканить монеты с надписью *medina*, означающей «республика», организовавшему Израиль по этому образцу и разработавшему учение, согласно которому царем избранного народа является один лишь Бог.

Итак, юную деву по имени Мария действительно оплодотворил «Герой Божий» (*Geber-ael*), но это был не бесплотный дух (ведь имя архангела Гавриила тоже означает «Герой Божий»), а трехмерный герой, человек в полном смысле слова.

И последний аргумент в пользу утверждения, что Симон Петр и Яков-Иаков, его брат, были сыновьями Иуды из Гамалы. Он содержится в «Климентийских гомилиях», апокрифе, созданном на основе «Изначального писания», другого апокрифа II века; они имеют сирийское или трансйорданское происхождение и приписываются Клименту Римскому, ученику самого Петра.

И в этих «Климентийских гомилиях» мы находим такое странное место, формально противоречащее каноническим Евангелиям:

«На эти слова Петр ответил: "...Ибо мы с Андреем, моим братом одновременно во плоти и в Боге, не только выросли *сиротами*, но к тому же, по причине нашей бедности и нашего тяжелого положения, с детства привыкли к труду. Поэтому мы теперь легко выносим дорожные тяготы..."» (*Климент Римский*. Климентийские гомилии. XII, VI).

Таким образом, Симон Петр и Андрей, его брат, очень рано сиротели, все детство жили в бедности и были вынуждены работать с самого юного возраста. Это легко понять, если оба были сыновьями Иуды из Гамалы, умершего во время восстания Переписи. И это противоречит наличию живого отца, псевдо-Зеведея¹, специально придуманного².

Учитывая все вышесказанное, вполне понятно, что безымянным писцам IV и V веков было абсолютно необходимо скрыть фигуру Иуды из Гамалы, дав Симону Петру и Андрею, «его брату во плоти», отца с другим именем и на сей раз живого! И наши писцы придумывают Зеведея:

«Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с *Зеведеем*, отцем их, починивающих сети свои...» (Матф., 4:21).

А мы знаем из Матфея (13:55), что Симон и Иаков — *братья*, хотя Лука (5:10) стыдливо называет их «товарищами»³.

Таким образом, согласно каноническим текстам, Симон неявно становится «сыном Зеведея». Впрочем, его же называют и сыном загадочного Ионы (*barjonna*), а мы уже видели, как это следует понимать (Иоан., 21:15). На самом деле он не был ни сыном Зеведея, ни сыном Ионы, он был сиротой по отцу, и этого отца звали Иудой из Гамалы. Противоречие между Мат-

¹ Еще раз напомним, что согласно Евангелиям Зеведей был отцом Иоанна и Иакова (старшего), а не Петра и Андрея (*примеч. пер.*).

² В следующем томе мы вернемся к этому *Андрею*, его греческое имя скрывает еврейское, говорящее слишком о многом...

³ Та же логика, что и в отношении Симона: во всей Иудее всего один человек носил имя Иаков (*примеч. пер.*).

феем (4:21), называющим его сыном Зеведея, и Иоанном (21:15), называющим его сыном Ионы, лишь подчеркивает лживость писцов.

Если только Мария, супруга Иуды из Гамалы, после смерти последнего не вышла второй раз замуж. Это было дозволено, если кончина была признанной. В противоположность общему праву, согласно которому факт должны подтвердить два свидетеля, для подтверждения кончины было довольно одного свидетеля, а смерть супруга могла быть даже предполагаемой (Талмуд: Иевамот, 88а), если свидетель вполне достойный. А ведь не все соратники Иуды из Гамалы погибли вместе с ним, и подтвердить его смерть было, конечно, нетрудно, тем более что сообщение о ней распространили римляне. В таком случае Зеведей мог быть вторым мужем Марии, вдовы Иуды, потому что в те смутные времена для вдовы, которой надо было поднять нескольких детей, жизнь была ужасной.

Одним и не последним из мотивов для второго замужества была необходимость спасти сыновей великого галилеянина и сберечь род Давида, потомков царя. И такое замужество, на которое, может быть, Марию заставила пойти партия zelotim, позволяло сохранить существование этих сыновей в тайне. Ведь официально они после этого назывались «сыновьями Зеведея».

В самом деле, не в обычае римлян было щадить потомство мятежников. Известна история, когда еврейские девочки и мальчики, посаженные на корабль для отправки в публичные дома Италии, узнали от экипажа, предприимчивого и развеселого, куда их везут. По сигналу одного из них все без исключения бросились в море, чтобы избежать такого унижения. А когда равви Анания, заместитель главы *cohanim* и сын Терадиона, решил продолжать проповедь Торы вопреки римскому запрету (при Адриане), его приговорили к сожжению заживо со свитком этой Торы, обернутым вокруг тела. Его жена тоже была приговорена к смерти за то, что не помешала мужу проводить священнодействия, а их дочь была заключена в дом терпимости. Равви Меир, женатый на ученой женщине Берурии, сестре равви Ханании, выкупил девушку.

И римляне искали выживших потомков Давида, чтобы надзирать за ними в периоды мира и истреблять их в периоды мятежей. В самом деле, у Евсевия Кесарийского мы читаем:

«Рассказывают, что Веспасиан после взятия Иерусалима велел разыскать *всех потомков Давида*, чтобы не осталось евреям никого из царского рода. Поэтому поднялось опять на иудеев великое гонение» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, XII. С. 108).

«Есть древнее сказание о том, что когда Домициан распорядился истребить всех из рода Давида, то кто-то из еретиков указал на потомков Иуды (он был *братом Спасителя по плоти*), как происходящих из рода Давида и считающихся родственниками Христа. Об этом так дословно повествует Егезипп: "Еще оставались *из рода Господня* внуки Иуды, называемого *по плоти братом Господним*. На них указали как на потомков Давида. *Эвокат*¹ привел их к кесарю Домициану: тот боялся, так же как и Ирод, пришествия Христа². Он спросил их, не из рода ли они Давидова; они сказали, что да. Тогда спросил, какое у них состояние и сколько денег у них в распоряжении. Они сказали, что у них, у обоих, имеется только девять тысяч динариев, из которых каждому причитается половина; они у них не в звонкой монете, а вложены в тридцать девять плетров³ земли. Они вносят с нее подати и живут, обрабатывая ее своими руками. Затем они показали свои загрузелые руки в мозолях, свидетельствовавшие о тяжком труде и непрестанной работе. <...> Домициан, не найдя в них вины, презрительно посчитал их глупцами и отпустил на свободу"» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, XIX-XX. С. 111).

¹ Солдат сверхсрочной службы (*прим. издателей Евсевия*).

² Имеется в виду знаменитое «второе пришествие» Христа на облаках. Первые христиане повсюду твердили о нем и настаивали, что оно произойдет неизбежно и скоро, исходя из слов Матфея (24:30 и 34).

³ Греческая мера площади, четвертая часть гектара (*прим. издателей Евсевия*).

В самом деле, у настоящих сикариев было не в обычае обрабатывать землю, и на их руках не могло остаться явных следов тяжелой работы. Тем не менее преследование рода на том не закончилось:

«После Нерона и Домициана, при императоре, чье время мы теперь описываем [при Траяне], частичные гонения по городам *поднимала восставшая чернь*. В таком гонении, как передают, мученической кончиной завершил жизнь Симеон, сын Клеопов. <...> Некоторые из этих еретиков донесли на Симеона, сына Клеопова, *что он потомок Давида и христианин*. <...> Обвиняемый в принадлежности к христианству и многообразно мучимый в течение многих дней, он потряс судьбу и его окружающих и снискал конец жизни, напоминая страдания Христа» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, XXXII. С. 126).

«Пасхальная хроника» относит эту смерть к 105 году. Как и Симон Петр и Яков-Иаков в 48 году, он тоже был распят:

«...Simon, filius Cieophae, qui in Hierosolymis episcopatum tenebat, cricifigitur cui succedit Iustus...» (*Chronic, ad anum 107*. P. 194).

Все-таки отметим, что эти гонения (мы бы ради точности предпочли термин «репрессии»)) произошли оттого, что «чернь восстала». Пусть мы уверены, что это была еще одна попытка зелотов вернуть Израилю независимость — стремление законное и похвальное. Но избавим такого императора, как Траян, известного высокими нравственными достоинствами и суровостью, от обвинения в антихристианской нетерпимости. Он проводил репрессии в связи с *восстанием политического характера*, но не гонения на религиозное верование.

РЕЗЮМЕ

Поскольку эта глава — одна из самых насыщенных и самых важных в книге и является ключом к ней, следует резюмировать ее содержание, *учтя все, что сообщалось в предыдущих главах*, и подытожить наши выводы.

Мы констатировали, что:

— ангел Гавриил никогда не являлся Марии и Святой Дух не оплодотворял ее;

— Иисус был зачат, как все человеческие дети, совершенно плотскими и нормальными отцом и матерью;

— далее, у Иисуса были младшие братья и сестры, а также, очень вероятно, брат-близнец;

— среди этих братьев Иисуса названы Иаков (по-древнееврейски Яков) и Симон Петр;

— Иаков (Яков) и Иоанн (Йоханнан) внутри мессианистской фракции нового движения представляли соответственно светскую власть (*кресло*) и духовную (*золотая дощечка*);

— в Евангелиях, Деяниях апостолов и Посланиях нет и следа сообщений о пребывании Симона Петра в Риме. Это предание, поначалу чисто устное, появилось лишь два века спустя;

— исторически установлено и признано всеми церквями (католической, православной, реформатской), что Иаков (Яков) умер в Иерусалиме;

— в самом деле, Симон Петр и Иаков (Яков) находились в 47-48 годах в Иерусалиме, во время великого голода и первого собора, состоявшегося в этом городе, и после этой даты исчезли из Нового Завета;

— Апокалипсис *предсказывает* или *сообщает*, что оба «свидетеля» Иисуса будут умерщвлены в городе, «где и Господь наш распят» и что их трупы останутся выставленными на обозрение в течение трех дней. Так делалось с *распятыми*. Таким образом, речь шла о *распятии обоих «свидетелей» в Иерусалиме*;

— Иосиф Флавий сообщает в «Иудейских древностях», что Симон и Яков (Иаков), «сыновья Иуды из Гамалы», были распяты в Иерусалиме по приказу Тиберия Александра, прокуратора Иудеи;

— а Тиберий Александр был прокуратором Иудеи только с конца 46 по начало 47 года, как раз во время Иерусалимского собора и «великого голода», во время которого, как мы видели, Симон Петр и Иаков (Яков) *были в Иерусалиме, а потом исчезли из Нового Завета*.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СИЛЛОГИЗМ

- а) Симон и Яков, которых велел распять Тиберий Александр, — те же лица, что Симон Петр и Яков, называемый Иаковом, из Евангелий;
- б) как таковые они являются «сыновьями Иуды из Гамалы», он же Иуда Галилеянин или Иуда Гавлонит, «герой восстания Переписи»;
- в) если установлено, что они — младшие братья Иисуса, *Иисус неизбежно и сам является «сыном Иуды из Гамалы», притом старшим сыном...*

Если читатель считает, что силлогизм об истинном плотском отце Иисуса недостаточно обоснован приведенными выше наблюдениями и выводами из них, совершенно очевидно, что он тогда обязан вернуться к легенде о «святом Иосифе, приемном отце Иисуса».

Тогда остается выяснить, почему нам неизвестно ничего о том, *что он делал с того времени, когда внезапно исчез из Евангелий* (то есть когда евангельскому Иисусу было всего двенадцать лет, согласно Луке, или двадцать четыре, по Матфею), когда и как означенный Иосиф умер; почему на эту тему не удастся найти ни одного предания, как в Евангелиях и Деяниях апостолов, так и в Посланиях, почему о нем ничего не сообщают Папий и Евсевий Кесарийский, и т. д.

Короче, этот сюжет окружен совершенно загадочным молчанием, еще более показательным, чем если бы существовали предания.

Согласно апокрифическим Евангелиям, называемым Евангелиями «детства», он умер в сто одиннадцать лет, и у его смертного ложа находились Иисус и Мария.

В таком случае и с учетом этой детали он скончался самое позднее в 32 году, за год до официально принятой даты смерти Иисуса на кресте; это распятие состоялось в апреле, когда по «официальным» данным Иисусу было тридцать три года.

Таким образом, ему было бы $(111 - 32 = 79)$ лет в год, официально признанный годом рождения Христа, а его супру-

ге Марии тогда было 16 или 17 лет. А мы видели, что по иудейскому закону половое бессилие было законным препятствием для заключения или продолжения брачного союза. И в восемьдесят лет...

К тому же надо было бы признать, что младших братьев и сестер Иисуса Иосиф зачал, когда был в возрасте между *80 и 87 годами*. Бесспорно, поставить проблему — значит ее решить!

Наконец, те же апокрифические Евангелия «детства» еще уточняют, что он *впервые* женился в сорок лет. А ведь мы знаем, что в древнем Израиле предельным возрастом, когда отец семейства должен был женить сына, было восемнадцать лет.

Итак, сделаем вывод: все предания, касающиеся смутного образа Иосифа из канонических Евангелий, вымышлены безымянными грекоязычными писцами IV или V века, неизвестными с еврейскими обычаями, поскольку с *70 года*, года взятия Иерусалима, еврейской нации *больше не существовало*.

А теперь вернемся к ясному, четкому, но чреватому серьезными последствиями решению, которое нам подсказали «Иудейские древности» Иосифа Флавия: в реальности настоящим отцом Иисуса был Иуда из Гамалы.

Глава VII

ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО: ГАМАЛА

Кто не надеется победить, уже побежден!..
Х. Ольмедо. Песнь Боливару

К востоку от Тивериадского, или Генисаретского, озера, иногда громко называемого Галилейским морем, находится гора, увенчанная подобием горба, откуда ее название — *gatal*, означающее «верблюды». На вершине этого горба стоит деревня, некогда довольно большое селение, настоящее орлиное гнездо, которая называется *Гамала*. В молодости Иосиф Флавий был правителем Галилеи и Гамалы (*Иосиф Флавий*. Иудейская война. II, 11). Тот факт, что это укрепленное место упоминается отдельно, подчеркивает его значение.

Вот что пишет о нем наш автор, описывая поход Веспасиана:

«Галилеяне, которые и после взятия Иотапаты продолжали борьбу с римлянами, смирились после победы над иудеями в Тарихее. Римляне заняли все крепости и города, за исключением Гисхалы и гарнизона на горе Итавирион [Фавор]. К последним примкнула также Гамала — город, лежащий против Тарихеи, по ту сторону озера и составлявший вместе с Согапой и Селевкией границу владений Агриппы. [...] Селевкия же была расположена на берегу Самахонитского озера. Это озеро имеет 30 стадий ширины и 60 длины; его топи простираются до чрезвычайно живописной местности Дафна, водные источники которой питают так называемый малый Иордан и вместе с ним, ниже храма Золотого быка¹, впадают

¹ У Р. Амбелена: одного из золотых тельцов Иеровоама, 3 Цар., 12:28 (*примеч. пер.*).

в большой. Согану и Селевкию Агриппа в начале восстания привлек на свою сторону, Гамала же не сдавалась, так как [...] могла надеяться на свое защищенное от природы местоположение. Крутой хребет отделяется от высокой горы и по самой середине образует горб. Последний своей возвышенной частью вытягивается немного в длину и спадает спереди так же круто, как и сзади, так что все в целом изображает из себя вид верблюда, хотя в произношении туземцев не слышится в точности его происхождение¹.

С боков и спереди местность окружена недоступными пропастями, только сзади недоступность уменьшается, так как с этой стороны Гамала соединена с горой. Жители, однако, прокопав здесь поперечный ров, постарались и с этой стороны отрезать город и сделать его недоступным. Дома, построенные на отвесном боковом склоне холма, лепились и громоздились друг к другу. [...] Внутри стены, на самой окраине города, находится водяной источник.

Таким образом сама природа сделала город почти неприступным. Но Иосиф укрепил его еще больше подземными ходами и окопами².

Несмотря на это примечательное положение в плане обороны, Гамала была взята Титом, сыном Веспасиана, на 23 день месяца гиперберетай, то есть 10 ноября 67 года нашей эры, за три года до падения Иерусалима. Четыре тысячи евреев было убито и пять тысяч брошено в пропасть. Спаслись только две женщины, дочери одной из сестер Филиппа, полководца Агриппы. Но эта осада стоила жизни и одиннадцати тысячам римских легионеров, включая иноплеменные вспомогательные части.

До этого город уже брали вместе с Гавланой, Селевкией и Фарегой, когда Арета, царь набатейских арабов, став царем Келесирии, двинулся на Иудею и разбил Александра Янная, а потом заключил с ним мир. Тогда Александр Яннай, связан-

¹ У Р. Амбелена: поэтому он и назывался *Гамал*, и местные жители не могли называть его настоящим именем *Камил* (галилейское произношение слова «Гамал»), потому что ненавидели это животное (по-гречески *katelos*) (*примеч. пер.*).

² *Иосиф Флавий*. Иудейская война / Пер. Я. Чертока. IV. 1. 1. Мн., Беларусь. 1991. Далее все цитаты из «Иудейской войны» будут даваться по этому источнику (*примеч. пер.*).

ный договором, напал на эти четыре города и занял их. Это произошло около 80 года до нашей эры.

Таким был город, давший имя настоящему отцу Иисуса, предводителю восстания Переписи. Иногда его называют *Иудой из Галилеи*, или *Иудой Галилеянином* (Деян., 5:37), а также *Иудой Гавлонитом*:

«После него (Февды) *во время переписи* явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались...» (Деян., 5:37)

«Шел сорок второй год царствования Августа и двадцать восьмой с покорения Египта и смерти Антония и Клеопатры, на которой окончилась египетская династия Птолемеев, когда, согласно пророчествам о Нем, *во время первой переписи* в правление Квирина Сирией, родился Спаситель и Владыка наш Иисус Христос» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. I, V, 2. С. 25-26. и Лук., 2:1-5).

«Однако некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Саддуком стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение *переписи* поведет лишь к рабству. Они побуждали народ отстаивать свою свободу» (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности. XVIII, 1. Т. 2. С. 302).

«...Иуда, прозванный Галилеянином... который,., укорял иудеев в том, что они, *кроме Бога*, признают над собой еще и власть римлян...» (*Иосиф Флавий*. Иудейская война. II, 17. С. 188).

«Был там также *некий Иуда*, сын могущественного атамана разбойников *Езекии*, которого Ирод с большими трудностями держал в повиновении. Этот Иуда собрал около *галилейского* города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец¹, захватил все находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги. Так как он грабил и брал в плен всех, кто ему попадался на пути, то он всюду вселял ужас. При этом им руководило желание добиться высшего положения и даже *царского достоинства*; впрочем, он рассчитывал достигнуть этого не столько доблестью, сколько

¹ Речь идет о дворце Ирода Антипы, сына Ирода Великого.

дерзким захватом» (*Иосиф Флавий. Иудейские древности. XVII, 10. Т. 2. С. 289*).

Иосиф Флавий тем самым уточнил, что Иуда Галилеянин был сыном Езекии, назвав последнего «могущественным атаманом разбойников». А в предыдущей главе он привел любопытные подробности смерти этого Езекии, которые Леметр де Саси упомянул в своей библейской хронологии.

В 46 году до нашей эры Ирод, второй сын Антипатра, был правителем Галилеи *по велению Цезаря*. После долгих преследований и боев ему удалось взять в плен Езекию, грабившего Сирию, *в то время римскую провинцию*. Ирод приказал его распять.

Его немедленно вызвали к Гиркану, израильскому первосвященнику, *который резко упрекнул его за смерть Езекии*. Ироду удалось оправдаться благодаря как умелой защите, так и своим разгневанным римским покровителям, которым Гиркан все-таки не смел противиться¹.

Тогда возникает вопрос: почему израильского первосвященника так возмутил тот факт, что Ирод казнил атамана разбойников? Просто-напросто потому, что этот «разбойник» в действительности был главой царского рода, «сыном Давидовым», что этот потенциальный царь уже предварительно получил и *помазание* и что его разбой был на деле проявлением еврейского сопротивления.

То, что Иуда из Гамалы и его отец Езекия не были обыкновенными разбойниками, как это утверждает Иосиф Флавий, вполне доказывает тот факт, что существовало учение, созданное Иудой из Гамалы и положенное в основу его движения.

В «Иудейских древностях» Иосиф Флавий описывает четыре секты, на которые делился еврейский народ. Сначала он называет *фарисеев, саддукеев*, а потом *есеев*. А вот четвертая:

«Однако некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Саддуком стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение *переписи* поведет лишь к рабству. Они побуждали народ от-

¹ Согласно Иосифу Флавию, до суда дело довели завистники Ирода, сославшиеся на то, что тот произвел казнь самочинно, без суда синедриона; как раз Гиркан, сочувствовавший Ироду, и замял дело (*примеч. пер.*).

стаивать свою свободу. Их не может постигнуть неудача, говорили они, потому что налицо самые благоприятные условия; даже если народ ошибется в своих расчетах, он создаст себе вечный почет и славу своим великодушным порывом; Предвечный лишь в том случае окажет иудеям поддержку, если они, добиваясь великого, не отступят перед осуществлением своих планов. <...>

Отсюда возникли всевозможные возмущения, происходил ряд политических убийств, отчасти вследствие кровавой междоусобной борьбы, так как люди, озверев, кидались друг на друга и в своем увлечении не желали оставлять в живых никого из своих противников, отчасти же вследствие избиения врагов. Наконец, наступил голод, доводящий людей до крайнего бесстыдства, города брались насильно и разрушались, пока наконец эта смута не довела до того, что самый храм Предвечного стал жертвой пламени, брошенного врагами. Такое горе и такие осложнения приносят с собой нарушение и отвержение родных установлений для всех участников этого дела.

Между тем Иуда и Саддук ввели у нас *четвертую философскую школу*. Имея большое число горячих приверженцев, они не только в настоящий момент преисполнили государство смутой, но и необычными философскими учениями положили на будущее начало всевозможных бедствий. Я думаю на этом несколько подробнее остановиться, особенно уже потому, что гибель нашему государству принесла ревностно приверженная к этому учению *молодежь*. <...>

Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них отмечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе¹. *Единственным руководителем и владыкой своим они считают Господа Бога*. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собой главенства человека. Так как в этом может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры, напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности

¹ Вспомним слово *barjonna* — по-аккадски «анархист», прозвище, которое Иисус дал Симону Петру (Иоан., 21:16)...

их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблениями своей власти до восстания против римлян. Таковы были философские школы иудеев» (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности. XVIII, 1. С. 302-305).

Этот текст побуждает сделать несколько замечаний.

Прежде всего ошибочно утверждение, что безумное увлечение сектой, основанной Иудой из Гамалы, началось при Гессии Флоре, так как он был прокуратором Иудеи в 65 году. А Иуда из Гамалы поднял восстание Переписи в 6 году нашей эры. Следует понимать, что в 65 году эта секта значительно укрепилась и привлекала еврейскую молодежь. Но очевидно, что с 6 по 65 год она тоже поднимала мятежи.

Далее, надо отметить, что ее учение в точности соответствует учению Иисуса, который говорит:

«Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и маммоне» (Матф., 6:24; Лук., 16:13).

«Ибо один у вас учитель — Христос, все же вы — братья» (Матф., 23:8).

О бесчувственности приверженцев этой доктрины к мучениям ближних можно судить по тому факту, что в Евангелиях нет ни одного упоминания о нравственных страданиях Марии, его матери, стоящей близ позорного креста, к которому пригвожден ее сын. *Она там*, с несколькими другими женщинами, не более того. Многочисленные женщины, сопровождающие судебную процессию, которая поднимается на Голгофу, плачущие и бьющие себя в грудь, — обычные *плакальщицы* всякой погребальной процессии в этих ближневосточных местностях.

На самом деле надо признать, что этот мессианский интегритизм не был в Израиле в новинку. Так, во второй (в русском переводе — в четвертой) Книге Царств мы видим, что Исмаил, сын Нефании, убивает Годолию и тех евреев, которые сотрудничали с халдеями:

«Но в седьмый месяц пришел Исмаил, сын Нефании, сына Елишама, *из племени царского*, с десятью человеками, и поразил Годолию, и он умер, и иудеев и халдеев, которые были с ним в Массифе. И встал весь народ, от малого до большого, и военачальники, и пошли в Египет, потому что боялись халдеев» (4 Цар., 25:25-26).

Больше подробностей о деятельности этого Исмаила «из племени царского» можно найти у Иеремии (41:1-18). Но где рвение этого человека, мстителя за честь Израиля, становится подозрительным, так это в предыдущей главе:

«Между тем Иоанан, сын Карея, и все военные военачальники, бывшие в поле, пришли к Годолии в Массифу и сказали ему: *"Знаешь ли ты, что Ваалис, царь сыновей Аммоновых., прислал Исмаила, сына Нафании, чтобы убить тебя?"* Но Годолия, сын Ахикама, не поверил им» (Иер., 40:13-14).

Годолии предлагают опередить события и приказать убить Исмаила, но Годолия отказывается, заявляя, что у Исмаила нет никаких причин желать его смерти. Он просто забыл или не знает о роли Ваалиса, царя аммонитян. Таким образом, на деле наш мститель — всего лишь наемный убийца.

Если обратиться ко второй Книге Царств [в русском переводе — к четвертой] (4 Цар., 9:1-37), можно отметить, что Елисей, чтобы расправиться с Иорамом, царем Израиля, и Охозией, царем Иудеи, а также с царицей Иезавелью, матерью Иорама, сначала велит одному из сыновей пророка *помазать на царство* юного Ииуя, сына Иосафата, сына Намессиева.

Таким образом, похоже, существовала оккультная традиция, согласно которой любое убийство, любая расправа становились легитимными, если их совершал или заказывал *человек царской крови* или помазанный на царство.

Так что, с учетом этой давней традиции, которой во время восстания Переписи было уже девятьсот лет, сектанты Иуды из Гамалы и их последователи считали, что совершенно законно казнят своих противников.

На основе этого факта нам становится понятней приказ, отданный Иисусом по выходе из Иерихона, когда он направлялся в Иерусалим, о том, чтобы перебить заложников и пленных:

«Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте передо мной»¹ (Лук., 19:27-28).

¹ В тексте Евангелия ни о каких заложниках и пленных нет речи; свое толкование этих слов Р. Амбелен подробнее объясняет в другой главе (*примеч. пер.*).

Таким образом, Гамала, орлиное гнездо, откуда бойцы еврейского сопротивления бросали вызов власти римлян, и есть настоящая родина Иисуса, сына Иуды Галилеянина, или Иуды Гавлонита, и внука Езекии. А бесплодная и дикая гора, силуэт которой дал имя городу, вознесшемуся на ее вершину подобно хищной птице, озирающей долину, — она, каким бы парадоксом это ни казалось, та самая, где была произнесена знаменитая «*Нагорная проповедь*».

В самом деле, если тщательно выбрать в Евангелиях все места, где говорится о *горе* (не о *горах*), мы заметим, что всякий раз в тексте либо уточняется название горы, либо сказано просто «гора».

Так, когда речь идет о «*святой, горе*», — это Сион, где построен Иерусалим и святой Храм. Когда речь заходит о Масличной горе, написано «*гора Елеонская*». Где речь идет о Фаворе, или горе Соблазна, говорится о «*высокой горе*».

Но иногда упоминается просто о «*горе*». Для некоторых стихов можно догадаться, что имеется в виду *высокий берег Генисаретского озера*. Но есть другие, не дающие возможности для двоякого толкования, где говорится о горе *Гамала*.

Как ученики могли понять, в каком конкретно месте назначена встреча, когда Иисус передал им через «ангела» (по-гречески *aggelos* — вестник):

«Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в *Галилее...*» (Марк, 16:7).

«Предвещает вас в *Галилее*: там Его увидите...» (Матф., 28:7).

По этому выражению, очень неопределенному, понятно, что посвященные заранее знали точное место встречи:

«Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, *на гору*, куда повелел им Иисус...» (Матф., 28:16).

А ведь сказано было просто-напросто:

«Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в *Галилею*, и там они увидят Меня» (Матф., 28:10).

Но, как видно, в уточнениях необходимости не было!

Глава VIII

ПОДМЕННЫЙ ТРЮК: НАЗАРЕТ

Он Назореем наречется...¹
Матф., 2:23

Нам осталось выяснить одну проблему — идентификации Назарета. Этот город (Nazaret, Nazara, Nazareth) не встречается ни в одном из древних текстов. Ни Ветхий Завет, столь изобилующий географическими названиями, ни Иосиф Флавий, ни Талмуд, ни рукописи Мертвого моря о нем не упоминают. Он появляется только в рукописях официальных Евангелий, то есть в IV веке. Это умолчание объяснится впоследствии, когда читатель поймет, что имеется в виду всего лишь прозвище: это просто «*город назиреат*», «*город чистых*», по-древнееврейски *kadoshim*.

На самом деле современный городок физически появился только в VIII веке, потому что надо было раз и навсегда найти место для того Назарета, о котором говорят Евангелия; паломников становилось все больше, и они хотели посетить Назарет. Поэтому были приняты меры, чтобы его создать.

Однако это название получил не подлинный «*город Иазиреат*», мы только что видели — какой. Ведь открыть его настоящее название значило привлечь внимание к истинному отцу Иисуса. Однако невежда лжет всегда неумело, и истина рано или поздно торжествует.

¹ А не «назаретянином». что было бы, если бы это слово происходило от названия города.

Если бы Иисус происходил из нынешнего Назарета, своего *официального* места рождения, он был бы подданным Ирода Антипы, тетрарха Галилеи и Переи. А жители Гамалы стали подданными Цезаря, то есть Рима, только в 34 году и были подчинены его прокуратору, которым *в то время был Понтий Пилат*. И это показывает, что Иисус был распят самое раннее в 34 году, если не позже.

На самом деле, что говорит Юлиан Отступник, цитируемый Кириллом Александрийским в своем трактате «Против Юлиана»? Вот что:

«Человек, распятый Понтием Пилатом, *был подданным Цезаря, и мы это докажем...*»

Подданным, вполне понятно, по рождению.

Конечно, Кирилл Александрийский как хороший христианский епископ опустил обещанное доказательство. Но это неважно. Ведь всякого значения современный Назарет лишает его географическое положение. На самом деле, в официальных Евангелиях мы встречаем:

«Вы — свет мира. Не может укрыться город, *стоящий на верху горы*» (Матф., 5:14).

«Услышавши это, все в синагоге исполнились ярости и, вставши, выгнали Его вон из города и повели *на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его; но Он, прошед посреди них, удалился*» (Лук., 4:28-30).

Из этой сцены следует, что совсем рядом, в нескольких шагах, должна была находиться пропасть или глубокий овраг с отвесными стенками. Еретика выводят из синагоги, ведут к склону и сбрасывают в бездну. И этот вид казни, *который был ритуальным в еврейском законе* и сопровождался побиванием камнями, берет исток в Гамале, орлином гнезде, окруженном крутыми склонами, как мы только что отмечали. Но в современном Назарете это, собственно говоря, *совершенно невозможно...*

В самом деле, этот городок расположен *на пологом склоне холма*, юго-западнее обширного цирка, среди слегка скругленных возвышенностей. Мало того, этот Назарет расположен *в складке местности*; следовательно, нет ни пропастей.

ни оврагов, горизонт ограниченный, и абсолютно немислимо кого бы то ни было сбросить в бездну.

Чтобы объяснить эту несуразность, придумали, что описанная сцена «низвержения» должна была произойти *на соседней горе*, которую безо всякого доказательства назвали «горой Низвержения». Увы, до этой горы от Назарета добрый час ходу. Похоже ли на правду, чтобы Иисус согласился идти час по самой жаре и далее взобраться на гору лишь затем, чтобы, достигнув вершины, наконец пустить в ход свою военную хитрость, незаметно лишив своего общества враждебную толпу, желавшую его убить, и снова *в течение часа* идти, чтобы вернуться на дорогу, которая позволит ему покинуть Назарет?

И как можно говорить об этой горе: «*на которой город их был построен*» (Лук., 4:29), если, чтобы дойти до нее и вернуться, нужно два часа?

От лжи, а это именно она, толку мало.

Напротив, если эта сцена произошла в Гамале, все могло занять едва лишь несколько минут: выход из синагоги, Иисуса теснит враждебная толпа, приближение к склону, использование волшебства (несомненно, какое-то проявление коллективного гипноза), и Иисус исчезает, прежде чем чары рассеиваются.

Если только, еще проще, снова не вмешались его обычные телохранители, что более чем вероятно. Если они были не евреями, а идумеянами, сирийцами или египтянами, они не могли войти в синагогу и должны были держаться в стороне.

Идентичность Назарета и Гамалы подтверждается еще одной деталью.

Маркион в своем Евангелии от Господа пишет: «На пятнадцатом году царствования Тиберия Иисус *низошел* с небес в Капернаум...»

В представлении Маркиона, убежденного гностика, речь идет об зоне Иисуса, который материализовался, воплотился, в Капернауме. Для этого он *низошел с небес*. Но в первоначальном тексте Маркиона, который, конечно, утрачен, говорилось ли «с небес»? Или их добавил Тертуллиан, чтобы

скрыть подлинный смысл фразы? Ведь это он пересказал нам эту фразу из Евангелия от Господа, уничтоженного по велению церкви при поддержке императорской власти в IV веке, и за хранение этого текста всякий маркионит или инакомыслящий христианин подлежал смертной казни, а за согласие с этим учением — бессрочной отправке в рудники.

Если эти слова добавил Тертуллиан, можно задаться вопросом, не говорилось ли в первоначальном предании: «На пятнадцатом году царствования Тиберия Иисус спустился из Гамалы в Капернаум...» Ведь Капернаум, стоящий на берегу Тивериадского озера, намного ниже орлиного гнезда Гамалы, расположенной напротив него на востоке.

Мы не хотим закончить этот краткий очерк о Назарете, не упомянув и не рассмотрев один довод, часто выдвигаемый экзегетами.

Поэма Элеазара Калира, написанная в VII веке, упоминает Назарет как «одно из галилейских поселений, где после разрушения Иерусалима, в 70 году, нашли убежище священнослужители двадцати четырех классов» (*Bulletin du Cercle Ernest Renan*. № 137. Октябрь 1965 г.).

Неправдоподобность этого утверждения Элеазара Калира легко доказать. Ведь:

а) все население Иерусалима, включая священников, было захвачено римлянами в плен и обращено в рабство, за исключением тех, кого сначала использовали для сравнения города с землей, а потом разослали во все концы старого света;

б) насколько похоже на правду, чтобы римляне согласились на уход и воссоединение членов касты *cohanim*, если они перебили всех стариков, сохранив только пленных старше семнадцати лет, дети же были отправлены на рынки старого света, по большей части предназначаясь для отправки в дома терпимости, особенно девочки;

в) как могли допустить совместное поселение представителей касты священников, составлявших душу еврейского сопротивления, те, кто впоследствии под страхом смертной казни на костре запретил изучение и преподавание Торы?

Наконец, эта поэма Элезара Калира относится к *VII* веку, к эпохе, когда фальсификация уже много пятилетий правила бал и когда официальная церковь начала заниматься вопросом *географического* положения Назарета.

Этого довольно, чтобы определить подлинную ценность этой поэмы.

Отметим, впрочем, что если городок по имени Назарет совершенно отсутствует в текстах того времени, то средние века и даже наша современная эпоха наделяют его беспорочным блеском.

На самом деле, в 1291 году, в тот самый год, когда пала крепость Акра и это падение ознаменовало конец франкского присутствия в Палестине, Сирии и т. д. и конец крестовых походов, произошло необыкновенное событие. 10 мая 1291 года, то есть 21 мая по григорианскому календарю, предвидя будущее нашествие турок, а затем монголов, ангелы подняли дом Святого семейства в Назарете и по небу перенесли его в Хорватию, в Сушак, на холм Трсат. Точно на этом месте теперь находится церковь XV века — Морской Богоматери.

Через три с половиной года, несомненно посоветовавшись с ангелом Пророчества и предвидя нашествие турок на Хорватию, тот же ангельский легион забрал дом Святого семейства из Сушака и по воздуху перенес его в Италию, в Лоретто, селение близ Анконы, на другой берег Адриатического моря. И кто, очевидно, утром 10 декабря 1294 года был очень удивлен, так это владелец земли, где ангелы поставили дом. В силу Латеранского трактата святилище, которое впоследствии было возведено, чтобы вместить «Santa Casa», принадлежит Святому престолу, его чрезвычайно почитают, и туда ежегодно приходят многочисленные паломничества (праздники: 25 марта, 15 августа, 8 сентября, 8-10 декабря). Впрочем, с 1920 года Лореттская Богоматерь стала покровительницей летчиков, и это был лучший выбор.

Тем не менее Назарет потерял не все: чтобы сохранить для него часть «паломнических» ресурсов, которые привлекал дом Святого семейства, ангелы, ответственные за первоначальный перенос, оставили городу на сохранение мастерскую святого

Иосифа. Действительно, в сотне метров севернее церкви Благовещения стоит другая церковь, заново возведенная в 1914 году по средневековому плану и находящаяся на том самом месте, где орудовал шерхебелем и фуганком добрый святой Иосиф, который, как всякий знает, был плотником.

В шестистах метрах от мастерской святого Иосифа, на Тивериадской дороге, находится так называемый источник Святой **Девы**. В результате современных усовершенствований он несколько утратил древнюю живописность. Согласно Прото-евангелию от Иакова, Мария услышала голос архангела Гавриила именно тогда, когда набирала воду из этого источника. Она в страхе бежала в свое жилище, смежное с мастерской ее супруга Иосифа, но Гавриил догнал ее там и на сей раз явился ей, чтобы сообщить удивительную весть о ее чудесной беременности.

Надо полагать, это не удивило ее сверх меры, потому что то же Протоевангелие от Иакова несколько дальше сообщает: придя к Елизавете, своей кузине, Мария «забыла о тайнах, которые открыл ей архангел Гавриил» (12:2).

Читатель, который пожелает отправиться в паломничество хоть в Сушак в Хорватии, хоть в Лоретто в Италии, найдет все сведения о доме Святого семейства в обычных путеводителях для туристов. Однако специалисты по ангелологии еще не опознали с уверенностью тот «хор», к которому принадлежали небесные перевозчики 1291 и 1294 годов.

Глава IX

ЗАГАДОЧНЫЙ ИОСИФ И СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Я, Иосиф, беру твою руку и говорю тебе:
«Сын мой, будь осторожен». Ты говоришь
мне: «Не ты ли *мой отец по плоти?*..»
История плотника Иосифа, 17¹

Для любого ортодоксального христианина приемный отец Иисуса зовется Иосиф. А канонические Евангелия, правду сказать, довольно сдержанно сообщают об этом загадочном, размытом персонаже, играющем в христианской легенде очень второстепенную роль и исчезающем неизвестно куда и неизвестно как. Изучим же теперь фигуру этого Иосифа.

У Матфея мы читаем: «Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос» (Матф., 1:15-16).

Но у Луки мы обнаруживаем, что у Иосифа был другой отец: «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев...» (Лук., 3:23).

Таким образом, у Матфея и Луки отец Иосифа, официальный дед Иисуса, не один и тот же. И так в обеих генеалогиях на всем их протяжении — от 76 колен, через которые Лука возводит происхождение Иисуса от Адама (!), до 50 колен, через которые Матфей более скромно делает его потомком Авраама.

Чтобы объяснить это противоречие, Юлий Африканский осуществляет в «Послании к Аристиду» целую экзегезу. По-

¹ Греческая рукопись IV века, коптская версия.

следний совершенно неизвестен. Послание было частично воспроизведено Евсевием Кесарийским в «Вопросах к Стефану» и обнаруживается также в «Гомилии к Святой Деве», приписываемой разным авторам, прежде всего Андрею Критскому.

Мы избавим читателя от экзегезы Юлия Африканского, который, чтобы вознаградить нас за трудности при чтении его текста, заканчивает таким категорическим требованием:

«Так это или нет, но лучшее объяснение, по-моему, да и по мнению всякого благоразумного человека, вряд ли найдется. Его мы и будем держаться, хотя оно и не подтверждено свидетельствами, ибо нет лучшего или более верного, Евангелие же по крайней мере истинно во всем» (*Евсевий Кесарийский. Церковная история. I, VII, 15. С. 33*).

Следовательно, так и не иначе... Тем не менее у Юлия Африканского есть угрызания совести в отношении написанного им корреспонденту. И, отдавая себе отчет в невнятности своего изложения, он его резюмирует последний раз:

«Матфан, потомок Соломона, родил Иакова. По смерти Матфана Мелхий, потомок Нафана, родил от той же женщины Илия; значит, Илий и Иаков были единоутробными братьями. Илий умер бездетным, Иаков восстановил семя его и родил Иосифа, который был его сыном по природе и сыном Илия по закону. Таким образом, Иосиф был сыном того и другого» (*Idem. I, VII, 16. С. 33*).

Всякий благоразумный человек возразит, что этот вариант с персонажем, который умер бездетным и брат которого, единоутробный или родной, женился на его вдове и родил ему сына по закону, не объясняет 76 генеалогических колен, упомянутых Лукой, или 50, упомянутых Матфеем. Давать такое объяснение, по сути, значит смеяться над читателем.

С другой стороны, чтобы объяснить, почему Павел в Послании к галатам (1:19) называет Иакова «братом Господним», Климент Александрийский и Ориген, его ученик, предположили, что означенный Иосиф уже был женат раньше и женился на Марии, после того как овдовел. Но тот факт, что он взошел в Храм после рождения Иисуса, чтобы принес-

ти искупительную жертву за первенца, доказывает, что раньше у него не было детей.

Теперь мы обнаружим у Иосифа брата по имени Клеопа: «Егезипп пишет, что Клеопа был братом Иосифа» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, XI. С. 108). Значит, он — дядя Иисуса. Кроме того, у него есть сын по имени Симеон, который наследует Иакову, главе иерусалимской общины, когда римляне в 47 году казнят Иакова и Симона Петра, как мы уже показали благодаря Иосифу Флавию и его «Иудейским древностям».

Итак, если мы принимаем этот официальный ряд первосвященников в Иерусалиме, мы видим, что первый его «епископ» — Иаков, брат Иисуса, а второй — Симеон, кузен того же Иисуса: «После мученической кончины Иакова... апостолы и ученики Господни, оставшиеся еще в живых, сошлись отовсюду, по преданию, вместе *со сродниками Господа по плоти* (многие из них были тогда еще живы) и стали все вместе держать совет, кого счесть достойным преемником Иакова. Все единодушно признали достойным здешнего престола Симеона, сын Клеопова, о котором упоминается в Евангелии. Говорят, что он приходился Спасителю двоюродным братом» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, XI. С. 108).

Теперь в евангельском рассказе появится невестка Иосифа. В самом деле, вот что уточняет Иоанн:

«При кресте Иисуса стояли Мать Его, и сестра Матери Его Мария Клеопова, и Мария Магдалина» (Иоан., 19:25).

Таким образом, эта Мария, жена Клеопы, — невестка Иосифа, а также тетка Иисуса. Именно женщины из семьи окружали крест или, согласно Матфею, «смотрели издали» (Матф., 27:55). О Марии Магдалине мы поговорим позже.

Итак, вот этот загадочный Иосиф в окружении родни. Тщательно исследовав все, что говорят о нем канонические тексты, больше мы почти ничего не узнаем. Из апокрифических текстов, которые группируются под общим названием «Евангелия детства», тоже нельзя извлечь чего-либо стоящего и определенного. Они входят в число тех наивных текстов, где вера и воображение автора соперничали с желанием любой ценой найти чудеса.

Теперь снова приступим к двойной проблеме достоверности евангельского рассказа и реального существования некоего Иосифа, приемного отца Иисуса. Вернемся к Матфею:

«Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого. Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, — се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою: ибо родившееся в ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их. <...> Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус» (Матф., 1:18-25).

Достаточно прочесть все, что говорится о рождестве Иисуса, связанном с различными чудесами, у Матфея и Луки, чтобы осознать, что Иосиф и Мария не могли рассматривать этого ребенка как появившегося на свет обычным образом. Ангелы, пастухи, старец Симеон, пророчица Анна — все указывали Иосифу и Марии, что это воплощенное божество, «Сын Всевышнего». И тот, и другая рады, что они избраны для выполнения подобной миссии — вырастить ребенка-божество. Так, Лука берет на себя заботу сообщить:

«А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лук., 2:19).

Итак, теперь перенесемся на двенадцать лет вперед и продолжим чтение Луки;

«Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник; когда же, по окончании дней праздника, возвращались, *остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его*, но думали, что Он идет с другими; прошедши же дневный путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми; и не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учи-

телей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И увидевши Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему. Чадо! что Ты сделал с нами? вот, *отец Твой* и Я с великой скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лук., 2:41-51).

Теперь подведем итог всех этих противоречий.

1. Иосиф и Мария, как тот, так и другая, полностью осведомлены, что они — хранители и опекуны воплощенного божества. Следовательно, в этом загадочном ребенке, рожденном вне всяких природных норм, их ничто не должно удивлять. Более того, всё в нем должно быть для них материалом для наблюдений, размышлений, раздумий. Ведь уточняется, что Мария «сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лук., 2:19 и 51).

2. Невзирая на все чудеса, к которым они, должно быть, уже начали привыкать, несмотря на все большее сознание ответственности, возрастающее изо дня в день, они, покидая Иерусалим, ничуть не беспокоятся об этом драгоценном ребенке, который, согласно христианскому преданию, *их единственное дитя*. И за весь день долгого и утомительного пути они никоим образом не озаботились выяснить, где он, с кем, поел ли он, смог ли утолить жажду, и это на дороге из Иерусалима в Иерихон, в которой больше тридцати километров и которая кишит разбойниками, обирающими и убивающими мирных путников.

3. К концу дня они заметили его отсутствие, вернулись тем же путем, снова пройдя восемь лье, отделяющих Иерихон от Иерусалима, и два дня его повсюду искали. К концу третьего они вошли в Храм, несомненно, чтобы принести искупительную жертвы ради его обретения, и увидели, что он сидит среди учителей Закона, слушает их и задает им вопросы.

Но ведь они знали, что этот ребенок — «Сын Всевышнего» (Лук., 1:32), с чего бы им опасаться за него?

С другой стороны, они целый день были в пути, пройдя его то ли пешком, то ли, что очень сомнительно, проехав на осле. Это километров двадцать-тридцать. *И тотчас* они поворачивают обратно и проделывают то же расстояние в обратном направлении, что, видимо, составило сорок-шестьдесят километров зараз.

Наконец, когда Иисус им отвечает, что он должен быть *в том, что принадлежит его отцу*, ни Иосиф, ни Мария не понимают, что, коль скоро он — «Сын Всевышнего», его отцом не может быть никто иной, кроме означенного Всевышнего. Похоже, ни тот, ни другая явно не отличаются особой сообразительностью.

4. Ангел Гавриил уточнил для Марии во время благовещения, что «Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; <...> рожаемое Святое наречется Сыном Божиим...» (Лук., 1:32 и 35).

Как же после этого Мария может сказать Иисусу: «*Вот, отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя*» (Лук., 2:48), как будто она уже не верит в то, что говорил ей ангел, и *вправду считает Иосифа настоящим отцом Иисуса?*

Уже отмечалось, что она не верила в него (Матф., 12:46-50; Марк, 3:31-35; Лук., 8:20-21), и того хуже: «*И услышавши, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя*» (Марк, 3:21).

Протестантские версии Сегона и Остервальда, оба — известные экзегеты, используют слово «родственники». Католическая версия Леметра де Саси говорит «близкие». В других сказано «*les siens*» [близкие, родные (*фр.*)]. Имеются ли в виду родители Иисуса, то есть Иосиф и Мария, или его братья? Или все вместе? Как бы то ни было, если Мария ничего не сказала другим сыновьям о чудесах, сопровождавших рождение ее «первенца», Иосиф также, похоже, не знает ни об этих чудесах, ни о фантастической судьбе и происхождении приемного сына, и это несмотря на инструкции, которые ангел Гавриил когда-то продиктовал ему в двух снах и которым он поверил, потому что означенный Иосиф скрупулезно выполнял эти инструкции.

Вот сколько нестыковок и даже противоречий, так что нужна немалая наивность, чтобы поверить во все эти чудеса, рассказы о которых слишком уж рассчитаны на детей.

На самом деле все вышеописанное неизбежно было сочинено, чтобы замазать роль, деятельность и трагический конец Иуды из Гамалы, погибшего в ходе восстания Переписи, которое началось в 6 году нашей эры.

Для этого придумали *противоположный образ*. Иуда из Гамалы — молодой мужчина, самое большое — в расцвете сил, потому что в Израиле женились до восемнадцати лет. Ему противопоставили старика Иосифа. Иуда из Гамалы был человеком энергичным, бойцом; ему противопоставили безликого Иосифа, неприметного и абсолютно кроткого старика. Иуда из Гамалы мог умереть только молодым, самое большое в сорок пять лет. «Евангелия детства» сообщают, что Иосиф умер в сто одиннадцать лет.

Выдумка была ловкой, потому что этот *противоположный образ*, столь непохожий на оригинал, превратился в стену, долго остававшуюся неприступной, которой безымянные писцы V века оградили труп Истины.

Теперь обратимся к загадке Марии из Магдалы, потому что, как увидим, она тоже принадлежит к Святому семейству.

«Движения духа почти всегда воплощаются в красоте женщины, которая тогда становится ожившей статуей», — писал Морис Магр¹.

Первоначальному христианству, мрачному, пессимистическому, враждебному к женщине, к любви, к красоте, к браку и рождению детей, легенда противопоставила образ прелестной молодой женщины, богатой, щедро одаренной, имеющей многочисленных и льстивых поклонников, которая, по крайней мере духовно, влюбилась в Иисуса и раскаялась².

Истина, как мы выясним, не столь романтична.

¹ Морис Магр. Чародеи и просветленные: Эсхармонда (*Magre, Maurice. Magiciens et Illumines. Paris. 1930*).

² Эта женщина существовала. Мы встретим ее в последней главе этой книги под именем Саломеи. Но это не Мария из Магдалы.

Папы Иоанн XXIII и Павел VI вычеркнули из календаря католических святых двадцать пять — двадцать восемь имен святых, никогда не существовавших либо о которых, во всяком случае, ничего не известно. Среди них можно выделить имена святого Георгия, одного из покровителей рыцарства, святого Христофора, покровителя путников, и святой Филомены, заступничеству которой Арский кюре обязан большинством явлений благодати.

На самом деле «дева, посвященная Господу», по имени Филомена, существовала в действительности. Она жила в 145 году при Апеллесе, ученике Маркиона, которого христиане большой церкви уважали, как пишет Евсевий Кесарийский в «Истории церкви», «за образ жизни и за старость». Дева Филомена тоже принадлежала к маркионитской церкви, в то время очень влиятельной, и поэтому Рим не может рассматривать ее как «законную» святую. Но вернемся к Марии из Магдалы.

Она упоминается у Матфея (27:56 и 61, 28:1), у Марка (15:40 и 47, 16:1), у Луки (8:2), у Иоанна (19:25 и 20:1). Зато она совершенно отсутствует в Деяниях апостолов и в различных Посланиях, как Петра и Павла, так и Иакова или Иоанна. Не знают ее также ни Папий, ни Евсевий Кесарийский.

Это не обязательно означает, что ее никогда не существовало, но, может быть, ее можно обнаружить *под другим именем...* Мы скоро увидим под каким.

Легенда отождествила ее, без всякого серьезного основания, с женщиной «дурной жизни», которая однажды омыла ноги Иисуса дорогими духами и вытерла своими волосами. Этот эпизод есть только у Луки (7:37). Дальше мы увидим, что эту «грешницу» отождествили с Марией из Магдалы из-за плохого перевода первоначального греческого текста.

С другой стороны, та же легенда утверждает, что, покинув Палестину через две недели после Вознесения Иисуса, она удалилась в Прованс, в пещеру Святого Утешения, что также никак не подтверждается историей. Ведь священное повествование гласит, что, когда Магдалина (назовем ее своим именем) подошла к подножию горы, покрытой непроходимым лесом, пещера, расположенная на высоте 886 метров, была *совершенно недоступна для людей.*

Поэтому ангелы должны были поднять ее в воздух и перенести в пещеру, невидимую снизу. Эта пещера выходит на се-

веро-запад, она темная и сырая. Поэтому каждое утро те же ангелы поднимали Магдалину на сто метров выше, на Святой Пест, освещенную солнцем площадку, а вечером опускали обратно.

Полностью отрезанная от мира, она вынуждена была питаться кореньями и пить дождевую воду из трещин в скалах. Поскольку в Провансе дождей почти не бывает, Бог явил ей свое милосердие, и через семь лет в пещере пробился источник. Так она прожила тридцать лет, без одежды, непрестанно оплакивая прежние грехи. По окончании тридцати лет, когда она подошла к завершению своей жизни и своего покаяния, ангелы опустили ее близ отшельнического жилища святого Максимиана, у подножия гор. Там добрый Максимиан дал ей отпущение грехов и похоронил близ своей молельни. С этого момента Магдалина больше не плакала.

На самом деле это святой Кассиан и его монахи в V веке проделали дорожку и ступени в пещеру, и именно той эпохой датируются мнимые могилы Магдалины и Максимиана.

Теперь вернемся к серьезной истории.

Магда (по-арабски *Мигдал*) — это *Мидгдал Нунайя* Талмуда и *Тарихея* греков. Это слово означает соленую рыбу, и такая реминисценция *Ikhtus* очень любопытна. Город находится в пяти километрах к северу от Тивериады; Иосиф Флавий сделал его своей штаб-квартирой и центром еврейского сопротивления войскам Веспасиана. Левее, на прибрежных скалах, еще можно видеть развалины крепости Симона Бар-Кохбы, предводителя последнего восстания 132 года.

От названия Магдалы произошло наше имя «Магдалина» (*Magdeleine, Madeleine, Maguelone*), что по-гречески означает «возвышенная, великолепная» (*megalon*), а по-древнееврейски *migedol* — «башня, цитадель», и оба этих значения очень близки. Мимоходом отметим, что литании Деве Марии называют ее «Башней Давида» и «Башней из слоновой кости».

Теперь мы можем начать уточнение личности Марии из Магдалы.

1. Матфей говорит, что рядом с Иисусом было *две* Марии, «которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему». Он называет их: Мария Магдалина и «другая Мария». Очевидно, что это Мария «Клеопова», «сестра Матери Его». Если внимательно перечитать стихи Матфея, процитированные выше,

можно отметить, что их всего две¹. Марк это подтверждает; он только добавляет к ним Саломею. Зато Иоанн как будто говорит о трех женщинах, носящих одно имя — Мария.

2. Таким образом, для троих синоптиков матерью Иисуса неизбежно была одна из двух Марий (Магдалина или «Клеопова»), потому что иначе Дева Мария, которой было Благовещение, у подножия креста не стояла².

3. Лука (8:2) говорит о «Марии, называемой Магдалиной, из которой вышли семь бесов». В некоторых рукописях сказано «Мария по прозвищу Магдалина». *Этот самый стих* в его первоначальной греческой форме, как мы сейчас увидим, *и представляет собой ключ ко всей загадке*.

Марк (3:17) говорит, что Иаков и Иоанн были названы *Вонергес*, что по-гречески означает «сыны грома».

Иоанн в Апокалипсисе (то есть Иисус, потому что автором этого «откровения» является он) описывает семь персонажей, говорящих, как грома:

«Тогда семь громов проговорили голосами своими. <...> скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего» (Отк., 10:3-4).

А ведь мы знаем, что Евангелия совершенно ясно сообщали нам о шести сыновьях Марии, а именно: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? не здесь ли между нами Его сестры?» (Марк, 6:3).

В самом деле: Иисус, близнец Фома, Иаков, Иосиф, Иуда и Симон — итого шесть. Недостает одного, чтобы стало семь. Он еще слишком юн, чтобы собеседники Иисуса упоминали его. Это будущий евангелист, «любимый ученик», юный Иоанн. Он также брат некоего Иакова. И мы его встретим в главе, где речь пойдет о потомстве Иисуса; чтобы у читателя не возникло скабрзных предположений, уточним: тот, кто «приклонился к груди» Иисуса, — младший брат, нежно любимый, но не более того.

¹ Строго говоря, там говорится о «матери Иакова и Иосифа» и «матери сыновей Зеведеевых» (Матф., 27:56). С Зеведеем у автора сложные отношения, но с Клеопой тот пока не отождествлялся... (примеч. пер.).

² Судя по всему, трое синоптиков именно так и считали, поскольку непонятно, зачем вместо «Его Мать» они бы написали «мать Иакова и Иосифа» или «мать сыновей Зеведеевых» (примеч. пер.).

Они и есть семь «громов», *воанергес*, чьи апокалиптические откровения должны остаться неизвестными. И теперь мы поймем подлинный смысл слов Луки (8:2) о «Марии, называемой Магдалиной, из которой вышли семь бесов».

Ведь возьмем латинскую Вульгату святого Иеронима, тот же стих: «*Maria quae vocatur Magdalene, de qua daemonia septem exierant*».

Латинское *daemonia* означает, конечно, «злой дух», но также «одержимый». Этот смысл придает стиху святой Иероним, текстуально воспроизводя выражение из первоначально-го стиха оригинальной греческой рукописи:

«*Maria, e kaloumene Magdalene, aph' hes daimonia hepta exeluthei...*»

А ведь по-гречески *daimonios* и *daimonikos* означают «вдохновленный, медиум-прорицатель». И древние греки не придавали этим словам уничижительного смысла. Видно, что при переводе с греческого на латынь, а с латыни на французский подлинный смысл этой фразы претерпел существенные изменения¹.

Таким образом, не было ни одержимой куртизанки, ни кающейся грешницы, нуждающейся в акте экзорцизма, который совершил Иисус. И тогда вполне понятно, почему Тертуллиан, приехав в Магдалу (*она же Тарихея*) для разысканий в христианской колонии, не обнаружил на месте *никакого предания, никакого следа существования означенной Марии Магдалины*.

Как полностью понятна и причина абсолютного умолчания в Деяниях апостолов. Посланиях, рассказах Папия и «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, огромном труде, написанном при Диоклетиане. *Потому что Марию Магдалину никто из них не знает*.

Причина в следующем: это то же лицо, что и Мария, мать Иисуса, которая тоже происходила от Давида по его второй

¹ С другой стороны, напомним, что изгнанием бесов Иисус в Евангелиях занимается довольно активно. И все они. надо полагать, в греческом оригинале называются *daimonios*. К тому же Евангелия сочиняли даже если греки, то все-таки христиане. Поэтому не очень понятно, почему именно в данном случае это слово надо переводить иначе (*примеч. пер.*).

жене Вирсавии (бывшей жене Урии Хеттеянина) и тоже принадлежала к царскому и Давидову роду. По этой причине ее можно называть «Башней Давида» и «матерью семи громов», главный из которых — Иисус. И теперь следует внимательно перечитать такой стих у Марка:

«И услышавши, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что *Он вышел из себя*» (Марк, 3:21).

Святой Иероним в своей Вульгате, официальной версии Библии католической церкви, передает это так: «...*quoniam in furorem versus est!*»

In furorem versus означает «безумно разъяренный». И это очень близко к *daimonios* первоначальных греческих рукописей.

Впрочем, нужно признать, напомним, что среди «святых жен», описанных в канонических Евангелиях стоящими у подножия креста, невозможно ясно опознать мать Иисуса. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить эти строки.

Матфей (27:56):

«Между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых».

Марк (15:40):

«...Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшого и Иосии, и Саломия».

Иоанн (19:25):

«...Матерь Его, и сестра Матери Его Мария Клеопова, и Мария Магдалина».

Лука (23:49) просто говорит, не называя имен:

«...и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи».

Из этих противоречивых описаний мы просто можем заключить, что его матерью может быть только та, которая в них встречается постоянно, безо всяких двусмысленных толкований.

Если исключить Саломею, это может быть только «Мария Магдалина», или «Мария, мать Иакова и Иосии» (*он же* Иосиф), или «*мать сыновей Зеведеевых*». Притом во всех стихах подчеркивается, что речь идет о *матери нескольких детей*, а не об их мачехе. Если только имеется в виду одна и та же женщина. Во всяком случае, тем самым исключается утверждение о *неизменной девственности* Марии, матери Иисуса: это утверждение относится к области мифов и народных легенд.

Глава X

ГОДЫ, ПРОЖИТЫЕ ИИСУСОМ В БЕЗВЕСТНОСТИ

Если бы мы знали других, как самих себя, их самые предосудительные действия заслуживали бы снисхождения в наших глазах.

Андре Моруа

В главе 14, посвященной «Магии в жизни Иисуса», мы рассмотрим основное предание оккультистов и эзотериков, считающих вместе с талмудистами, что Иисус был в Египте и после долгих лет испытания получил там главное посвящение.

Эта гипотеза первых, она же историческая традиция последних (но имеют ли они в виду одного и того же Иисуса?), достойна внимания столько же, сколько и любые рассуждения на исторические темы, не содержащие под собой почти непровержимых оснований. Мы упоминаем ее, потому что ее придерживаются многие эрудиты. Но чего она стоит? Можно ли допустить, чтобы Иисус, если он в самом деле, как доказывают все наши материалы, был старшим сыном Иуды из Гамалы, а после него — главой иудейского интегризма, мог обратиться к источнику, столь нечистому с точки зрения правоверного иудея, как египетская магия и религия, почти неотделимые друг от друга?

Мы этого не думаем, и, вероятнее всего, Иисуса посвятили в высшие тайны своего искусства иудейские каббалисты в ев-

рейской общине Александрии, то есть действительно в Египте, но совершенно вне зависимости от египетской традиции.

Однако, даже если мы признаем или установим это, для этого ему не обязательно было проводить более двадцати лет жизни за пределами родины, так что тайна знаменитых «годов, проведенных в безвестности» Иисусом, остается.

Если только ключ от этой загадки не скрывается в Евангелии от Луки, 18:35-19:28. Теперь мы и изучим внимательно этот отрывок.

В книге «Иисус в Его время» Даниэль-Ропс пишет:

«Иногда это были настоящие сражения с римлянами или иродианскими князьями, их прислужниками. Мы уже видели тот бой, который обогрел кровью *восхождение на престол* Архелая: забаррикадировавшись в атриии Храма, повстанцы отбили первые атаки, и пришлось мобилизовать все имеющиеся силы, чтобы подавить сопротивление, потеряв убитыми три тысячи бойцов. Потом, когда Архелай был в Риме, волнения возобновились; вся страна оказалась в огне и крови. В Иудее две тысячи воинов Ирода, *уволненных в отставку*¹, напали на римские части... Иуда, сын того самого Езекии, который уже создал столько мороки для Ирода, захватил арсенал в Сепфоре и тоже объявил себя царем. Вару, легату Сирии, пришлось прийти с двумя легионами и в назидание распять на холмах две тысячи евреев. *В 6 году нашей эры* произошел новый взрыв ненависти²...» (*Daniel-Rops, Henri. Jesus en Son temps. Paris. 1945. P. 158*).

Впрочем, на с. 138 своей книги Даниэль-Ропс уточняет имя вождя этих непрерывных мятежей:

«Иуда, *повстанец, который вступит в борьбу с Архелаем*, получит прозвище *Гавлонит*».

¹ То есть они перешли на службу к какой-то антиримской политической партии.

² Речь идет о знаменитом восстании Переписи, которым руководил Иуда из Гамалы, он же Иуда Галилеянин.

В самом деле, это третье прозвище Иуды из Гамалы, он же Иуда Галилеянин, сына Езекии, отца Иисуса, которого упоминает Лука в Деяниях апостолов (5:37).

А на с. 136 своего труда наш автор сообщает нам дату этого первого восстания:

«Ирод умер в марте или апреле 750 года от основания Рима, и ему сразу же наследовал Архелай. Казнь трех тысяч повстанцев произошла в самом начале его царствования» (*Daniel-Rops, Henri. Jesus en Son temps. Paris. 1945. P. 136*).

Значит, эта казнь последовала за первым восстанием, которое он подробно описывает на с. 158. Следовательно, это 6 год *до нашей эры*, год смерти Ирода Великого, за одиннадцать лет до низложения Архелая и того второго восстания, называемого восстанием Переписи, которое случилось *в 6 году нашей эры*. Таким образом, два этих выступления разделены одиннадцатью годами.

Итак, Архелай объявил себя царем по смерти своего отца Ирода Великого. Но из своей столицы Иерусалима он тем не менее правил только Самарией, Идумеей и Иудеей. Потому что одновременно с ним два других брата отрезали себе фьефы и в свою очередь воцарились в своих уделах.

Так, под властью Филиппа оказались Гавланитида, Трахонитида, Ватанея со столицей Панаеда, которую впоследствии назовут Кесарией Филипповой.

Что касается Ирода Антипы, он царствовал над Галилеей, Переей и имел столицу в Тивериаде.

Уязвленный этой независимостью братьев, обошедшейся ему в две трети наследия, которое он рассчитывал получить целиком, Архелай решил отправиться в Рим, чтобы добиться от императора подтверждения своих прав. Как и он, Ирод Антипа в свою очередь отплыл в столицу империи, чтобы за ним утвердили то, что он занял. Наконец, туда прибыла еврейская делегация из пятидесяти народных старейшин, получившая поддержку восьми тысяч евреев, живших в Риме. Чего хотели они? Избавиться от необрезанных царьков и поступить под прямое правление кесаря.

Выслушав заинтересованных лиц, император Август принял решение в пользу статус-кво. Каждый сохранил свою тетрархию, четвертая четверть осталась римской, и Архелай вернулся в Иудею, снедаемый бессильной злобой. Во время его отсутствия восстали две тысячи наемников его отца Ирода Великого, которых он отправил в отставку перед отъездом в Италию. Мотив — неоплаченная отставка. Это означало: чтобы выжить, надо заниматься разбоем. Вмешались римские легионы. Между этими «большими компаниями» и легионами произошла битва.

В этой-то атмосфере гражданской войны Архелай и вернулся в свое царство. В качестве одной из первых мер он лишил сана первосвященника Иоазара, сына Боэта, обвинив в том, что тот с самого начала состоял в сговоре с мятежниками, возглавляемыми Иудой из Гамалы, и поддерживал их в Храме. На его место он посадил своего брата Элезара. Потом, вопреки иудейскому закону, он женился на своей невестке Глафире, хотя такой союз запрещен Второзаконием (25:5) и книгой Левит (18:16 и 20:21). Потом он сместил означенного Элезара и заменил его Иисусом, сыном Сия. В такой атмосфере деспотизма и бесчинств проходили годы.

Именно тогда евреи и самаритяне, больше не в состоянии выносить Архелая, принесли официальную жалобу императору. Тот велел его арестовать во время праздника в Иерусалиме и, выслушав его в Риме, приговорил к ссылке во Вьенн, в долину Роны, где Архелай и умер.

Осуждение Архелая сопровождалось конфискацией его имущества, и Квирин, легат Сирии, в сопровождении прокуратора Колония отправился проводить их опись. Это предполагало и *перепись населения*. Последняя-то и вызвала восстание, известное как восстание Переписи, которым руководил Иуда из Гамалы¹.

Это 6 год нашей эры, то есть Ирод Великий умер двенадцать лет назад. Иисусу, который, согласно Матфею, «родил-

¹ Все эти подробности мы взяли из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия в переводе Теодора Рейнаха, книги XVI-XX (Flavins Josephhe. Antiquites Judaiques / trad. de Th. Reinach. Paris: Leroux. 1929).

ся... во дни царя Ирода» (Матф., 2:1), тогда было двенадцать лет. Иисус Луки еще только родился на свет (Лук., 2:1-7), ему всего несколько дней! Иисусу святого Иринея, непосредственного ученика поколения апостолов, в то время почти двадцать три года. Значит, он родился, как выяснено в одной из предыдущих глав, в 16 или 17 году *до нашей эры*, во время, когда Ирод Великий велел перестроить Иерусалимский храм. И именно вследствие этого совпадения сторонники Иисуса к III—IV векам уподобят его некоему мистическому «храму»: они увидят в этом знамение.

А мы приближаемся к путеводной нити, которая проведет нас через знаменитые «годы безвестности» Иисуса.

Возьмем теперь Луку, главу 19. Иисус идет с севера и направляется в Иерусалим. Значит, ему нужно сначала миновать Иерихон, а до того, как написано, «идя в Иерусалим, Он проходил между Самариєю и Галилеєю» (Лук., 17:11). Вот что было дальше:

«Когда же подходил Он к Иерихону, один слепой сидел у дороги, прося милостыни; и услышав, что мимо него проходит *народ*, спросил: что это такое? Ему сказали, что Иисус Назорей идет» (Лук., 18:35-37). Из этого можно заключить, что толпа сторонников Иисуса была значительной и производила сильнейший шум. Это было явно движение воинского отряда, а не дюжины робких просветленных, сопровождавших духовного учителя.

Но продолжим:

«Когда же они слушали это, присовокупил притчу: ибо Он был близ Иерусалима, и они думали, что скоро должно открыться Царствие Божие. Итак, сказал: некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться; призвав же десять рабов своих, дал им по десять мин¹ и сказал им: употребляйте их в оборот, пока я возвращусь. Но граждане ненавидели его и отправили

¹ *Мина* — старинная золотая или серебряная монета, довольно значительной ценности.

вслед за ним посольство, сказавши: не хотим, чтоб он царствовал над нами.

И когда возвратился, получив царство, велел призвать к себе рабов тех, которым дал серебро, чтобы узнать, кто что приобрел. Пришел первый и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин. И сказал ему: хорошо, добрый раб! за то, что ты в малом был верен, возьми в управление десять городов. Пришел второй и сказал: господин! мина твоя принесла пять мин. Сказал и этому: и ты будь над пятью городами. Пришел третий и сказал: господин! вот твоя мина, которую я хранил, завернув в платок; ибо я боялся тебя, потому что ты человек жестокий: берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял.

Господин сказал ему: твоими устами буду судить тебя, лукавый раб! ты знал, что я человек жестокий, беру, чего не клал, и жну, чего не сеял; для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтоб я пришел получил его с прибылью? И сказал предстоящим: возьмите у него мину и дайте имеющему десять мин. И сказали ему: господин! у него есть десять мин. Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у *неимеющего отнимется и то, что имеет*¹; врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите передо мной.

Сказав это, Он пошел далее, восходя в Иерусалим» (Лук., 19:11-28).

Дальнейшее совершенно ясно. Иисус, достигнув Иерусалима, поднимется на осленка, заранее привязанного вместе с ослицей, его матерью, чтобы исполнить пророчество Захарии: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле. <...> Он возвестит мир народам, и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли» (Зах., 9:9-10).

¹ Эта фраза, *не имеющая абсолютно никакого смысла*, — один из многочисленных примеров мистагогических несообразностей, допущенных нашими безымянными редакторами Евангелий.

По въезде его в Иерусалим вся еврейская молодежь провозгласит его царем: «Осанна сыну Давидову!», что значит: «Освободи нас, сын Давида», и тогда-то произойдет атака на Храм, нападение на менял иностранных монет, на торговцев приношениями *и на паломников*, «покупающих в храме» (Матф., 21:12).

А теперь сделаем выводы.

Мнимая притча, рассказанная Иисусом по выходе из Иерихона, — никакая не притча, потому что из нее не следует никакого благочестивого заключения, никакого морального урока, как раз наоборот.

Иисус соотносит с собой злоключения Архелая, которого сограждане не хотели видеть царем, который был вынужден отправиться в чужую страну для получения необходимой инвеституры и который после этого требует у них отчета и сурово наказывает тех, кто противился его воцарению. Вполне вероятно, что выход Иисуса и его многочисленных войск («народа») из Иерихона сопровождался казнью пленных, после чего можно было без этой обузы в правильном порядке двинуться на Святой город. Для тогдашних нравов это было в порядке вещей, и наши zeloty были не чувствительнее своих противников. Да и кому бы пришлось в голову их упрекнуть?

Но, отождествляя себя с Архелаем и кратко пересказывая историю последнего, как она изложена у Луки (19:11-27). *Иисус знал только начало этой истории, ему еще было неизвестно, что за наказание тех, кто не желал видеть его царем, Архелай будет низложен императором Августом и в 6 году нашей эры отправлен в изгнание в Галлию, во Вьенн, где вскоре умрет.*

И тогда последний вывод: выход из Иерихона, казнь пленников или заложников, поход на Иерусалим и нападение на Храм — все это происходило *раньше 6 года нашей эры, до восстания Переписи*, разразившегося в этом году под руководством Иуды Галилеянина, для которого оно было вторым мятежом.

Следовательно, последний был еще жив; Иисус, как всякий старший сын законного царя, был «дофином»; при всем

том он в полной мере был «сыном Давидовым», наследником. И он командовал (как а свое время принцы) военной частью в армии отца.

Таким образом, нападение на Храм и вступление крупными силами в Святой город под приветственные возгласы еврейской молодежи произошло в тот самый период, который Даниэль-Ропс в своей книге «Иисус в Его время» (издание 1945 г.) описывает на с. 158: «Потом, когда Архелай был в Риме, волнения возобновились; вся страна оказалась в огне и крови. В Иудее две тысячи воинов Ирода, уволенных в отставку, напали на римские части... Иуда, сын того самого Езекии, который уже создал столько мороки для Ирода, захватил арсенал в Сепфорисе и тоже объявил себя царем» (*Daniel-Rops, Henri. Jesus en Son temps. Paris. 1945. P. 158*).

Более чем вероятно, что нападение на Иерусалимский храм под руководством Иисуса имело целью захват сокровищ Храма и его арсенала. Любым повстанцам необходимы две вещи: *деньги* и *оружие*. Шел где-то 2-3 год нашей эры, и Иисусу было около двадцати лет. Это был один из эпизодов латентного, непрерывного восстания (в ожидании большого, так называемого восстания Переписи, в 6 году), которое Даниэль-Ропс резюмирует так: «Иуда, повстанец, *который вступит в борьбу с Архелаем*, получит прозвище Гавлонит» (*Daniel-Rops, Henri. Jesus en Son temps. Paris. 1945. P. 138*).

Кроме того, не кажется бессмысленным предположение, что, по примеру отца, Иуды из Гамалы, прежде всего захватившего арсенал Сепфориса *и казну, которая там находилась*, Иисус во время этого набега на Храм попытался захватить оружие, сложенное в арсенале храмовой охраны, и заодно *ее казну*. О существовании в Храме такой казны знали все, и на нее уже покушались сначала Ирод, потом римляне. К тому же Пилат обложил ее податью, якобы на снабжение Иерусалима водой.

Иисус вполне мог помыслить об этом, чтобы наполнить свою военную казну и прежде всего чтобы сохранить свой отряд, состоящий из бродяг, неприкаянных людей, не владеющих ремеслом либо владеющих множеством ремесел, чьи

жилища было сожжены в ходе римских репрессий. В самом деле, написано, что Иисус очень часто наблюдал за сосудами для пожертвований в Храме *и отмечал, какие большие суммы бросают в них паломники:*

«И сел Иисус против сокровищницы, и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу» (Марк, 12:41).

С другой стороны, как мы уже упоминали, очень вероятно, что именно во время второго и последнего нападения на Храм римлянами был схвачен знаменитый Иисус Бар-Абба и брошен в тюрьму вместе с другими бунтовщиками за убийства, совершенные во время мятежа (Марк, 15:7), поскольку невозможно, чтобы римляне позволили дважды захватить себя врасплох, притом *с очень коротким интервалом между этими случаями.*

Да и последующие обстоятельства ареста Иисуса показывают, что с ним обращались не как с проповедником-визионером, а как с командиром партизан, как с повстанцем. И этот факт подтверждает предыдущее предположение.

В самом деле, для доказательства того, что в Гефсиманском саду шел бой, мы хотим привести такое место из Луки: «*Бывшие же с ним, видя, к чему идет дело, сказали ему: Господи! не ударить ли нам мечом?»* (Лук., 22:49)¹.

Значит, *все они были вооружены.* В этом они лишь последовали указанию, которое Иисус дал им накануне: «А у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лук., 22:36).

Первый вывод: *те, у кого еще не было мечей,* составляли ничтожное меньшинство, ведь Иисус сказал «а у кого...», подразумевая «если у кого-то, по небрежению, еще нет меча...» Второй вывод: они были достаточно многочисленны, чтобы осмелиться противостоять когорте ветеранов (шести отборным центуриям) и охране Храма, поддерживающей ее. Это далеко не одиннадцать человек, окружающих миролюбивого Иисуса. Воинственная позиция вооруженных людей, окружающих своего вождя, подтверждается знаменитой фразой Иисуса: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? нет,

¹ Тем не менее, судя по последующему тексту. Иисус это предложение отверг и боя не было (*примеч. пер.*).

говоря вам, *но разделение*» (Лук., 12:51). Как после этого фразу «Все, взявшие меч, мечом погибнут» не расценить как позднейшую вставку (сделанную все в том же IV веке), ведь она полностью противоречит отданному Иисусом приказу вооружаться, при необходимости продав свое тряпье. Разве что он непоследователен или насмехается над приверженцами. В конце концов, возможно и это...

И теперь мы подходим к проблеме неизбежных эксцессов со стороны zelотов, которые обвинительный акт объединяет словом *«разбой»*. Ключ к ней в одной из ближайших глав тоже даст Симон Петр.

Глава XI

ИИСУС СРЕДИ УЧИТЕЛЕЙ

В пять лет достигают возраста, который требуется, чтобы изучать Писание, в десять — чтобы изучать Мишну, в тринадцать — чтобы соблюдать заповеди...

Талмуд. Тракта́т «Аво́т». 5:24

Мы уже видели, что родители Иисуса, Иосиф и Мария, не побеспокоившись о нем в течение целого дня пути по опасной дороге, когда возвращались из Иерусалима после Пасхи, наконец осознали его отсутствие, вернулись в Иерусалим и после трех дней напрасных поисков обнаружили его «в храме, сидящего посреди учителей, *слушающего их и спрашивающего их*; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лук., 2:46-47).

Текст очень ясен. Иисус спрашивает учителей Закона, они ему отвечают, он их выслушивает. В свою очередь его спрашивают, и он разумно отвечает. Перед нами обычное занятие по изучению основ иудейской веры. Из этой очень простой сцены, типичной для всех маленьких евреев, тоже попытались, как мы сейчас увидим, сделать эпизод, полный чудес. И он как у художников, так и у специалистов по «священной истории» превратился в хорошо известный шаблон: *Иисус наставляет Учителей.*

Как представить себе, чтобы учителя Закона, все без исключения искушенные в толкованиях тонкостей Торы и Талмуда, а некоторые из них — в загадочных арканах Каббалы, как допустить, что эти люди опустились до уровня неофитов,

смирненно внимающих поучениям *двенадцатилетнего* мальчика? Ведь, согласно Луке (2:42), Иисусу в этом эпизоде было двенадцать лет.

Так вот, именно это последнее уточнение позволяет нам точно выяснить природу этого эпизода, ставшего в течение веков очень важной ритуальной церемонией — *Бар-Мицва*.

В иудаизме, когда мужчина достигает в тринадцать лет религиозного совершеннолетия, он в силу того же факта становится совершеннолетним юридически и приобретает статус полноценного мужчины. Его коммерческие сделки любой природы действительны в юридическом смысле, и он также имеет право обручаться и вступать в брак. Он становится ответственным за все свои действия, преступления и нарушения закона и в силу того же факта подлежит всем санкциям, которые предписывает означенный закон.

С этого дня он рассматривается как взрослый иудей и обязан соблюдать позитивные предписания, а также не нарушать негативных заповедей. Кроме того, его присчитывают к кворуму, необходимому для выполнения публичной службы, и могут предложить читать Тору в местной синагоге.

Однако самое важное из внешних проявлений нового статуса, связанных с Бар-Мицвой, — бесспорно, обязанность носить каждый будний день на утренней молитве ритуальные филактерии, тогда как раньше мальчик был от этого избавлен.

Одно время особой церемонии приема в число совершеннолетних в религиозном и гражданском отношениях не было. Позже, в эпоху, которую невозможно определить точно, создали набор ритуальных процедур. Но, вероятно, в Иерусалиме во времена Иисуса они сводились к обычному экзамену, который принимали учителя Закона и целью которого была проверка, способен ли новый член общины взять на себя всю новую ответственность в рамках религиозного закона, в равной мере определявшего в Израиле и гражданскую жизнь.

Впоследствии Бар-Мицву начали отмечать как официальный семейный праздник. В шаббат той недели, когда мальчик праздновал тринадцатый день рождения, его приглашали на утреннюю молитву в синагогу для чтения Закона и давали

ему прочесть раздел «Мафтир» в Торе, а также отрывок из книг пророков, что сопровождалось вступительными и заключительными благословениями. Приглашение читать Тору и пение гимна «Хафтара» составляли нечто вроде публичной церемонии посвящения в члены религиозной общины. Сначала отец Бар-Мицвы, читая свой отрывок из Торы, произносил особое благословение, в котором благодарил Бога за то, что тот снял с него ответственность за дальнейшее поведение сына. В свою очередь мальчик Бар-Мицва произносил в синагоге или на семейной трапезе, которой отмечали это событие, короткую речь религиозного содержания.

Таким образом, событие, пышно названное «Иисус наставляет учителей», имеет более простое и скромное содержание и сводится к экзамену на *религиозную и гражданскую зрелость*. И это очень вероятно, потому что тем самым он становился совершеннолетним и Иосифа с Марией, достаточно занятых младшими детьми, нельзя упрекнуть за то, что они отправились в обратную дорогу, не позаботившись о старшем, по закону уже дееспособном.

Но это также еще раз показывает, сколь мало значения они придавали откровениям ангела Гавриила относительно своего старшего сына.

Глава XII

ИОАНН, ПРЕДТЕЧА И КРЕСТИТЕЛЬ

Христос поднимает глаза, замечает меня, и его взгляд мутнеет, его глаза меняют цвет, он задает мне вопросы, которые вертятся у него на языке, он говорит со мной на все лады...
Книга Иоанна. Священный мандейский¹ текст

«Первый закон Истории состоит в том, чтобы не сметь лгать. Второй — чтобы не бояться высказывать всю правду», — сказал Лев XIII.

Надо полагать, безымянные писцы, которые в IV и V веках создали символическое христианское учение, ориентированное на метафизическое существование чистых архетипов, ставшее официальным христианским учением, смутно представляли себе различие между ложью и исторической правдой.

В самом деле, если в Евангелиях и есть место, где противоречие безраздельно правит бал, так это в описании отношений между Иисусом и Иоанном, который зовется «Предтечей», а также «Крестителем». Вот почему пусть простит нас читатель, что мы навяжем ему сверку мест из канонических Евангелий, посвященных отношениям между Иисусом и Иоанном; итак, возьмем Матфея, у которого Креститель говорит:

¹ *Мандеи*, ошибочно называемые «христианами святого Иоанна», — потомки учеников Крестителя. Их тексты ставят проблемы подлинных отношений между Иисусом и означенным Крестителем, потому что отличаются сильной антихристианской направленностью.

«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь; я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницы, а солому сожжет огнем неугасимым.

Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну — креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Матф., 3:10-17).

Марк (1:1-11) пишет то же, но короче.

Лука (1:5-80) сообщает о зачатии и рождении будущего Крестителя и уточняет, что Мария, будущая мать Иисуса, — родственница Елизаветы, матери Крестителя. Потом (3:1-22) он в свою очередь излагает историю крещения Иисуса Иоанном. Однако у него Иоанна хватают подручные Ирода и бросают в тюрьму, причем об этом говорится до рассказа о крещении Иисуса. Из-за этого в версии Луки непонятно, крестил ли Иисуса сам Иоанн или один из его учеников.

У Иоанна (евангелиста) об этом говорится еще точнее.

Судите сами:

«На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира; Сей есть, о Котором я сказал: "За мной идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня"; и не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем; я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: "На кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на

Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым"; и я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Иоан., 1:29-34).

Ясно и определенно следующее: Иоанн увидел Иисуса, догадался, что это и есть Мессия, и тот в ходе крещения восприимчив Святого Духа. А теперь снова возьмем Матфея:

«Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Матф., 11:2-3). Этот стих очень ясен: Иоанн не доверяет Иисусу, он сомневается.

Здесь полнейшее противоречие. Как согласовать оба рассказа Матфея? Очень просто — обратившись к Луке:

«Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился...» (Лук., 3:21).

Итак, когда Иоанн крестил Иисуса, тот всего лишь поступил как «весь народ». В интересах будущего, из любопытства? Этого мы никогда не узнаем. Но Иоанн отнюдь не отождествил Иисуса с Агнцем Божьим, не видел отверзающихся небес и голубя, спускающегося на Иисуса. Он окрестил Иисуса, как других, не обратив на него большего внимания. И это меняет всё.

В конце концов, они были кузенами, их матери знали друг друга, Иоанн получил Апокалипсис, написанный Иисусом во время долгого пребывания в Египте. Именно после получения этого текста он и взялся проповедовать и крестить:

«Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное чрез Ангела Своего рабу своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа, и что он видел» (Отк., 1:1-2).

Но греческое слово *aggelos*, означающее «послание» или «посланник», от перевода к переводу постепенно превращалось в *angetus*, «ангела», «чистый дух». Мы оказались очень далеко от банального первоначального смысла.

Доказательство же того, что Иоанн Апокалипсиса — именно Креститель (не евангелист), содержится в следующих словах:

«Я не знал Его; но *Пославший меня крестить в воде* сказал мне: "На кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым"; и я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Иоан., 1:33-34).

Тот, кто послал его крестить в воде, кто дал сигнал к мессианистскому «наступлению», и есть «вестник», принесший ему текст Апокалипсиса. И они не знакомы между собой, кроме как по имени, потому что Иисус уже давно находился в Египте, а Иоанн — в иорданской пустыне.

У Матфея (23:35) и у Луки (11:51) мы узнаем от самого Иисуса, что Захария, отец Крестителя, был убит «между храмом и жертвенником».

О причинах этой насильственной смерти человека, который был первосвященником или священником (cohen), выдвигались разные версии. Его преемником якобы был старец Симеон, автор пророчества о младенце Иисусе (Лук., 2:27 и 34).

По одной из этих версий его убили наемники Ирода во время «избиения младенцев». Действительно, он якобы спас будущего Крестителя от этой резни, совершенной по велению Ирода. Мы знаем, насколько можно верить в эту мнимую резню. Следовательно, эту версию надо отклонить.

Другую версию, имеющую гностическое происхождение, сохранил для нас Епифаний («Ереси», 16:12), обнаружив ее в гностической рукописи «Genna Marias». Согласно этому преданию, когда Захария в соответствии с вечерним ритуалом курил фимиам один в святилище, ему было внезапное видение — человек с ослиной головой. Он сразу же выскочил, перепугавшись, и хотел сказать толпе, чем в действительности является существо, которому поклоняются в Храме. Он не смог этого сделать, онемев от страха и ужаса. Впоследствии он обрел дар речи и смог заговорить, но толпа, возмущенная тем, что она сочла богохульством, убила Захария.

На самом деле эта смерть произошла во время восстания Переписи, которое развязал и возглавлял Иуда из Гамалы, его кузен, в 6 году нашей эры, и была лишь эпизодом этого восстания.

О смерти самого Крестителя ходило много рассказней, но мы попытаемся восстановить истину и о ней.

Ирод Антипа, сын Ирода Великого, тетрарх Трахонитиды, Ватанеи и Гавланитиды, сначала женился на дочери Ареты, царя Петры в Аравии. Приехав в Рим к императору, он остановился у Ирода Филиппа, тетрарха Авилинеи, своего единокровного брата, который был женат на своей племяннице Иродиаде, дочери их общего брата Аристобула. И там Ирод Антипа безумно влюбился в Иродиаду и предложил ей выйти за него замуж, как только он вернется из Рима, пообещав развестись с нынешней женой, дочерью Ареты. Последняя, когда до нее дошла эта удивительная весть, догадалась, что ее ждет в соответствии с нравами того времени, и бежала к отцу в Петру. Из-за нее вспыхнула война, в которой войска Ирода Антипы были разбиты.

Как бы то ни было, Ирод Антипа привез к себе Иродиаду, которая считала себя разведенной с Иродом Филиппом и жила с Антипой в сожительстве. Именно тогда в ответ на яростные обличения со стороны Иоанна Крестителя, упрекавшего тетрарха за то, что Иоанн рассматривал как непрерывное прелюбодеяние, Ирод Антипа велел его арестовать и заключить в крепость Махера, или Махеронт. А у Матфея мы читаем:

«Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею» (Матф., 4:12).

Это место дает возможность для интересных предположений, потому что:

а) если Иоанн был *отдан*, значит, он скрывался. Это поведение заговорщика, а не пророка, провозглашающего свои истины в лицо тирану или грешнику;

б) если Иоанн был арестован просто за то, что упрекал Ирода Антипу в непрерывном прелюбодеянии с Иродиадой, какое это имеет отношение к Иисусу? Напротив, если, как мы подтвердим в другом месте, Иоанн Креститель — публичный пропагандист, правая рука Иисуса в чисто политической и мессианской сфере, понятно, что Иисус, его руководитель, принял меры предосторожности.

Следовательно, в 28-29 годах Иисус и Иоанн проводили кампанию по политической агитации, а не занимались банальной мистическо-моральной проповедью. И доказательство этого мы находим у Иосифа Флавия, который о Крестителе пишет следующее:

«Так как многие стекались к проповеднику, *учение которого возвышало их души*. Ирод [Антипа] стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне *подчинившуюся* ему) не повело к каким-либо *осложнениям*» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. XVIII, 5, 18. Т. 2. С. 318).

К этой краткой биографии добавим две важные даты жизни Крестителя. В цитадель Махеронта он был заключен якобы 28 мая 31 года нашей эры. А 29 марта следующего года, то есть 32-го, его, как утверждается, казнили.

Отметим также мимоходом, что пожар Рима в 64 году вспыхнул в момент, когда в Иудее разразилось восстание, которому предстояло завершиться разрушением Иерусалима, и что начался этот пожар с цирковых конюшен через 33 года после смерти Крестителя¹. Бывают очень показательные совпадения. Мы к нему вернемся в одной из ближайших работ.

Но что все-таки представлял собой Махеронт?

Махеронт был крепостью в Трансиордании, на самой оконечности Переи, на границе с Набатейским царством и поднимался на 750 метров над свинцовой гладью Мертвого моря.

Согласно Ренану, Ирод Антипа возвел крепость, внутри которой находились дворец, оборудованный с величайшей роскошью, и тюрьма, поскольку в те страшные времена дворцов без тюрем не бывало. Именно там, по мнению того же Ренана, произошла сцена танца, а после — сцена отрубания головы.

Ренан ошибается. В отношении деталей и подробностей этого сюжета евангельские тексты особенно явно чего-то недоговаривают. Ведь если предположить, что праздник и танец, послуживший предлогом для казни, имели место в обычном дворце Ирода Антипы в Тивериаде, рассказ стано-

¹ Число тридцать три у иудеев соответствовало полному очищению (Левит, 12:4).

вится не слишком правдоподобным. Между Тивериадой, стоящей на чарующих берегах Генисаретского озера, или Галилейского моря, и Махеронтом, расположенным на восточном берегу Мертвого моря, минимум сто сорок километров *по прямой*. Получается, что палач Ирода покрыл не менее трехсот километров, считая прямой и обратный путь, ночью за несколько часов. В ту эпоху такое было совершенно невозможно.

С другой стороны, Иосиф Флавий, рассказывая о постройке крепости Махеронт, первоначально называвшейся Иродион, ничего не говорит о внутреннем дворце, и мы скоро поймем почему.

Напротив, он описывает нам дворец, также называвшийся Иродионом, который Ирод Антипа возвел близ Иерусалима и оборудовал с большой роскошью. Значит, надо полагать, именно там происходила сцена танца во время ночного праздника и были приняты последующие решения. Но не о казни Крестителя.

Еще одно противоречие. В обоих Евангелиях, где повествуется об усекновении главы Крестителя, у Матфея (14:11) и Марка (6:28), танцовщица, которая очаровала Ирода Антипу, — это Саломея, дочь Иродиады. Эти тексты в IV веке стали известны всему христианскому миру. Но ведь в то же время, а также в V веке танцовщицей считали саму Иродиаду. Прежде всего Иоанн Златоуст, который сравнивал императрицу Евдоксию с последней и сравнивал себя с Иоанном Крестителем, потому что она добилась его высылки из Византия¹. Афанасий Александрийский также знал в качестве танцовщицы только Иродиаду.

И это создает новую проблему. Ирод Антипа, арестовывая и заточая Крестителя *вдалеке*, хотел из политической осмотрительности заставить его замолчать и пресечь все его контакты с народом. Махеронт, расположенный на границе

¹ Пожару Рима при Нероне, который был делом рук христианских фанатиков, как мы покажем в свое время, соответствовал пожар в Византии *в ночь, когда Иоанн Златоуст должен был покинуть город* по приказу императора Аркадия, супруга Евдоксии. Сгорели базилика Святой Софии, Сенат, великолепная библиотека и т. д. Императрица Евдоксия умерла в следующем году (404) родами.

Набатейской пустыни, и послужил для этого. Однако Ирод не приговаривал Иоанна к смерти, потому что боялся его. Креститель в его глазах был пророком, ходили слухи, что это вернувшийся Илия, к тому же он был *назиром*, то есть посвященным Господу, и, значит, поднимать на него руку было нельзя. А за этим страхом, может быть, крылось неосознанное восхищение, смешиваемое с угрызениями не очень чистой совести.

Поэтому, когда якобы было произнесено неосторожное обещание, несомненно, в праздничном опьянении, и когда Ирод Антипа должен был его исполнить, возможно, сама удаленность назначенной жертвы позволяла ему надеяться избежать последствий своих неосторожных слов.

Резюмируем. Саломея (или Иродиада, ее мать) восхитительно танцевала перед Иродом и его двором. Ирод в награду пообещал отдать ей все, что она попросит, хоть половину своего царства. Тогда Саломея (или Иродиада) попросила голову Крестителя.

Была ли она с ним знакома? Маловероятно, что она когда-либо его видела. Женщины ее ранга редко выходили из дворца, а если и покидали его, то лишь в закрытых носилках, под охраной вооруженных евнухов и рабов, и дорогу перед ними расчищали заранее. И это было на руку Ироду Антипе.

Он позвал одного из своих офицеров, тихо отдал ему приказ, и тот исчез. Через несколько минут праздник прервался вновь, офицер вернулся; за ним палач нес на широком блюде голову Крестителя. То есть бескровную голову человека с длинными волосами и бородой, с исхудалым лицом. Так, по крайней мере, рассказывают Матфей и Марк, у которого, впрочем, этот рассказ — очевидная вставка¹.

¹ Кстати, надо отметить, что этот вставной рассказ у обоих евангелистов различается по общему тону. У Марка (6:20) Ирод испытывает к Иоанну определенную симпатию, бережет его и даже советуется с ним. У Матфея (14:1-12) об этом нет и речи. Креститель связан в своей темнице, и чисто духовных отношений с Иродом Антипой у него нет. Если читатель захочет проверить, не вставка ли это, ему достаточно закончить рассказ Марка после стиха 6:13 и вернуться к нему со стиха 6:30, и он легко убедится, что перерыва в повествовании нет и все удаленное было вставкой

Может быть, это была голова аскета, который из-за обетов своего назирата никогда не стриг волос и бороды и чья худоба была следствием поста и самого аскетизма.

А может, это была голова и самого обыкновенного человека, который долгие годы прожил в темной камере и не мог из-за этого стричь себе ни волос, ни бороды с тех пор, как его посадили в тюрьму, а исхудал просто из-за недостатка питания, характерного для всех заключенных в те страшные времена.

Но была ли это голова Крестителя, сидевшего в тюрьме в ста сорока километрах отсюда, на границах Трансиорданской пустыни? Приказ был выполнен слишком быстро, чтобы это было так, и Тивериада слишком далека от Махеронта.

Но, в конце концов, скажут нам, почему праздник не мог происходить в Махеронте? А потому, что Махеронт, о постройке которого рассказывает Иосиф Флавий, — цитадель, затерянная в пустынях, без воды, и ни о каком пышном дворце в Махеронте не говорится. А также потому, что Ирод Антипа был бы слишком глуп, если бы остановился надолго на самой границе с землями своего врага Ареты, отца супруги, которую он бросил ради Иродиады, в крепости, где арабы легко могли осадить его и взять в плен. И от Иосифа Флавия мы тоже узнаем, что он никогда не ездил в это место. Кроме того, мог ли он подвергнуть женщину, которую так страстно любил, мести со стороны дочери Ареты, равно как и судьбе, которая бы впоследствии ожидала подобную пленницу? Все это немыслимо.

Напротив, Тивериада во времена смерти Крестителя отличалась чудесным климатом. Зато Махеронт находился в эпицентре ужасных песчаных бурь, которые в ту эпоху мели на пустынном плато Моав.

Кроме того, мысль направиться в Махеронт могла вызвать у Иродиады мало восторга и по другим соображениям. Для этой женщины, издавна привычной к роскоши, в Махеронте не было ни очаровательных садов, ни искрящихся фонтанов, как в Тивериаде. Вода была лишь в цистерне, в одном-единственном колодце и в источниках, находившихся более чем в двадцати километрах отсюда. И среди нынешних руин цитаде-

ли, все еще возвышающихся более чем на сто метров над защитным рвом, нет и следа, указывающего, что на этой выжженной солнцем земле когда-либо мог стоять дворец, достойный Ирода Антипы и особенно женщины, которую он боготворил.

Дальнейшая история не отличается большей ясностью.

Предание, изложенное Феодоритом, византийским богословом и одним из исторических авторитетов для церкви, утверждает, что в 362 году язычники из Севасты в Самарии в месте под названием *Макрон* осквернили могилу Крестителя и сожгли его останки.

Мы имеем дело с заблуждением, вероятно преднамеренным. Иоанн Креститель был похоронен в *Махеронте*, а не в Макроне, на границах Каменистой Аравии, в самой крепости, где он был заточен, а потом казнен. Близ Севасты в Самарии, более чем в семидесяти километрах отсюда по прямой линии, место погребения, о котором пишет Феодорит, называется, как сказано выше, *Мигрон* или *Макрон*. Это место упоминается у Исаяи (10:28) и в первой Книге Самуила [в русском переводе — первой Книге Царств] (14:2). И там погребли не тело Крестителя, а тело *Иисуса*, после того как его извлекли из «позорной ямы» близ Голгофы¹.

Недалеко отсюда была гробница Елисея, и, по преданию, в этом месте были похоронены патриархи.

Другое предание, идущее от Созомена и упоминаемое отцом Лагранжем, напротив, утверждает, что *голова* Крестителя была перенесена из Иерусалима в Киликию, а потом из Киликии в Константинополь.

Согласно третьему преданию, ее перенесли в Дамаск и в IV веке, в церкви Феодосия, поклонялись голове, которую считали головой Иоанна Крестителя. И в наше время в мечети Омейядов есть пристройка из мрамора, где якобы находится эта голова.

¹ «Позорная яма» (*fossa infamia*) представляла собой подвал, закрытый решеткой. Если римляне после казни отдавали тела семьям, то евреи их возвращали лишь тогда, когда от них оставались одни кости. В «позорную яму» сбрасывали тела казненных, оставшиеся там до этого момента.

Надо отметить, что о теле речи не идет.

На самом деле голова, которую принесли на блюде Саломее (или Иродиаде), должна была испытать участь голов всех обезглавленных на Ближнем Востоке. Их насаженными на копья или колья выставляли на вершине самой высокой башни на растерзание птицам небесным, прежде всего грифам, столь многочисленным в тех краях. Когда от человеческой «главы», лишенной плоти и расчлененной, оставался лишь череп, его бросали в огонь, разожженный из дров, смешанных с нечистотами, и обугливали.

Так поступили с головами английских солдат, обезглавленных в Йемене в мае 1964 года. По сообщениям прессы за конец июня 1964 года, их обнаружили обугленными. В этих краях, где жизнь не меняется веками, продолжают существовать неизблемые и жестокие обычаи.

Также очень возможно, что Ирод Антипа вспомнил угрозу общего характера, когда-то произнесенную пророком Амосом и неявно осуждавшую посмертную кремацию в Израиле:

«Так говорит Господь: за три преступления Моава и за четыре не пощажу его, потому что он пережег кости царя Едомского в известь. И пошлю огонь на Моава, — и пожрет чертоги Кериофа, и погибнет Моав среди разгрома с шумом, при звуке трубы. Истреблю судью из среды его и умерщвлю всех князей его вместе с ним, говорит Господь» (Амос, 2:1-3).

В таком случае Ирод Антипа отдал бы приказ, чтобы голова не подвергалась осквернению. Только, несомненно, Иродиаде вручили голову безымянного обезглавленного.

Что касается Иоанна, он, конечно же, умер через несколько дней после праздника. Ирод не мог уклониться от исполнения слова и оставить в живых того, кто, снова дав знать о себе, лишил бы его любви Иродиады, которой он солгал. Должно быть, на заре в Махеронт уехал гонец. Чтобы добраться до места, ему понадобилось четыре дня. И меч упал во второй раз. Если только просто не прекратили давать пленнику какую-либо пищу, чтобы избежать *пролития крови* пророка.

С учетом же длины дороги и жары маловероятно, чтобы близ цитадели находились ученики, которые заранее узнали о

казни учителя и добились разрешения забрать останки в Самарию. Иоанн Креститель был похоронен в *Махеронте*, где он и умер, притом похоронен без всяких церемоний, как в то время поступали с приговоренными к смерти, если только его тело беспощадно не сбросили со стены. Впрочем, как бы его ученики могли за пределами цитадели выжить в этом пустынном хаосе? А гарнизон потерпел бы их присутствие? Более чем сомнительно. Их бы постоянно подозревали, что они готовят его побег. По этой причине останки, похороненные в Севасте, в Самарии, *не могли быть останками Крестителя*. Отметим это — мы скоро поймем важность этой констатации.

В качестве доказательства того, что Креститель был последователем учения Иуды из Гамалы, так же как и Иисус, мы хотим привести отрывок из «Иудейской войны» Иосифа Флавия в славянской версии:

«Был тогда человек, ходивший по Иудее в странных одеждах из звериных шкур, облежавших тело в местах, где его не покрывали собственные волосы, и лицом похожий на дикаря. *Подходя к евреям, он призывал их к свободе*, говоря: "Бог послал меня показать вам путь Закона, на котором *вы спасетесь от того, чтобы иметь многих господ*, и не будет более над вами смертного господина, *но только Всевышний*, каковой меня послал..."» (Иосиф Флавий. Иудейская война. II, 2).

«Слыша эти слова, народ радовался, и вся Иудея следовала за ним, и окрестности Иерусалима. И не делал он им ничего другого, кроме как погружал в поток Иордана. И отсылал их, наставляя перестать творить зло и говоря, *что даст им царя, который освободит их и покорит всех непокорных*, сам же не будет покоряться никому. Одни над его словами смеялись, другие верили им...» (Иосиф Флавий. Иудейская война. II, 2).

Достаточно лишь сравнить эти два параграфа, чтобы убедиться, что второй противоречит первому. Это позднейшая вставка христианских переписчиков. Первый же параграф по

своим выражениям полностью соответствует доктрине Иуды из Гамалы, и мы считаем его подлинным. К несчастью, позднейшие вставки подменили у Иосифа Флавия те места, которые, конечно, сообщили бы нам гораздо больше, чем Евангелия IV и V веков.

Что касается причины, по которой Иоанн облек звериными шкурами те части тела, которые обычно не покрыты волосами, в этом легко увидеть провокацию, предупреждение для узурпаторской династии Ирода. Сделав это, он стал напоминать Исава, покрытого шерстью (Быт., 25:25-26 и 27:16-17). Именно этот прием использовал Иаков, чтобы обмануть своего отца Исаака и выдать себя за Исава, его старшего сына. Но ведь Иаков означает «вытесняющий», а Иисус (приход которого возвещает Иоанн) должен будет вытеснить тетрархов, пособников Рима. Наконец, Исав, «косматый», был тем из двух близнецов, который первым вышел из материнского чрева. А из двух близнецов, рожденных Марией, Иисус был старшим.

Для евреев, понимавших образную манеру, в которой говорили пророки, чьим речам всегда предшествовали символические жесты или позы, Иоанн играл свою роль в совершенстве и выражался в эзотерическом духе, сообразно Преданию.

До сих пор мы покорно следовали классическому сюжету легенды о Крестителе, довольствуясь тем, что отмечали в ней анахронизмы и несообразности с точки зрения исторической реальности. Проверим теперь ее суть.

Ирод Великий умер в 5 году до нашей эры. После его смерти, случившейся в месяце нисане (21 марта — 21 апреля), Архелай, его старший сын, отплыл в Рим, чтобы император Август утвердил его восхождение на престол Иудеи. Так же поступил его брат Ирод Антипа, но с противоположными намерениями. Возвращаясь из Рима, последний склонил Иродиаду, жену другого своего брата Ирода Филиппа, отправиться вместе с ним для сожительства, взяв с собой ее дочь Саломею, рожденную Иродиадой от своего супруга Ирода Филиппа. Это решение Иродиада приняла, согласно Иосифу Флавию (*Иосиф Флавий. Иудейские древности. XVIII, V. Т. 2. С. 293*), вскоре после рождения Саломеи.

Следовательно, означенная Саломея уже появилась на свет в 5 году до нашей эры, и к тому времени ей было около года. Смерть Крестителя имела место в 32 году нашей эры, значит, к тому времени Саломее было (5 + 32) не менее тридцати семи лет.

История, верно рассказанная Иосифом Флавием в «Иудейских древностях» (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности. XVIII, V. Т. 2. С. 293), сообщает, что первым браком она вышла за своего кузена Филиппа, сына того же Ирода Антипы, который одновременно был ее родным дядей и (вследствие брака с Иродиадой) отчимом.

После того как Филипп Антипа умер, *не оставив потомства* от этого брака с Саломеей, она повторно вышла замуж — за Аристобула, брата Агриппы.

От этого второго брака у Саломеи родилось три сына: Ирод, Агриппа и Аристобул. Время шло, и к моменту смерти Иисуса Саломее было около сорока лет.

И здесь поставим проблему, насколько достоверно канонические Евангелия сообщают реальную причину смерти Крестителя.

Ирод Антипа в своем дворце в Тивериаде устраивает большое празднество. На этом пиру рядом с ним сидит Иродиада, его нежно любимая жена. А также, несомненно, Саломея и ее тогдашний супруг — вероятно, Аристобул, если она впервые вышла замуж в пятнадцать лет за Филиппа, который умер в 10 году нашей эры. Рядом с ними, за большим подковообразным столом античных пиров — высшие сановники Ирода, его двор.

Насколько правдоподобно, чтобы иудейский тетрарх попросил Саломею, мать семи, танцевать перед своим супругом?

На Востоке в те времена не танцевали, как в наше время в европейских дансингах, «в своем кругу» и «для своего удовольствия». Существовали танцовщицы, для которых это было ремеслом, и ремеслом весьма презренным. И попросить у своей падчерицы, которая в то же время была его племянницей, начать выделывать соблазнительные антраша на глазах

супруга и перед всем двором было вeshью немыслимой: это значило бы нанести тяжкое оскорбление обоим. Тем более речь идет о женщине тридцати семи лет, которая, как бывает на Востоке и с учетом эпохи, скорее всего, преждевременно расплылась.

Насколько также правдоподобно, чтобы идумейский тетрарх предложил в награду за это исполнить любое желание Саломеи, *вплоть до половины своего царства*, как написано в Евангелии от Марка (6:23)? Для этого нужно, чтобы Ирод Антипа, столь любивший власть и старавшийся увеличить свои владения, потерял разум.

Если же в этой проблеме заменить Саломею Иродиадой, которой в то время было лет пятьдесят, такая гипотеза исключена! Не заставляют плясать на публике свою жену, особенно когда ей уже полвека, и не предлагают полцарства той, которая уже совместно с вами царствует над всеми вашими владениями.

Итак? Итак, сделаем вывод, что Ирод Антипа просто арестовал Иоанна Крестителя и заключил его в отдаленных местах, в Махеронте, в пустыне Моав, чтобы лишить его всякого влияния на еврейское население. А через год велел обезглавить его в той же крепости Махеронт, когда действия zelотов, возглавляемых Иисусом, вождем этого движения, начали приобретать опасный размах. Эта была лишь простая и жесткая мера предосторожности, но ни Иродиада, ни Саломея тут ни при чем. Это и объясняет, почему уже упоминавшиеся отцы церкви ничего не знали о пресловутом «танце Саломеи», эпизоде, который следует отнести к сфере легенд, равно как и историю об учениках, которым было позволено год обитать в тени крепости без пищи и воды, а потом получить и забрать с собой голову казненного пророка и унести ее более чем на сотню километров оттуда.

Глава XIII

МАГИЯ В ЖИЗНИ ИИСУСА

Не должен находиться у тебя... вопрошающий мертвых.

Второзаконие. 18:10-11

Нет экзегета, который бы не обращал внимания и не признавал, что в жизни Иисуса есть темное место, период, о котором не известно абсолютно ничего. Для доцетов и вообще для всех гностиков, начиная с Маркиона, Иисус объявился внезапно, и никто не знал, откуда он взялся. Его первое появление также отмечено в Капернауме. Другие считают местом этого первого появления брод на Иордане под названием Вифавара или деревню Вифания. (В главе 11 мы видели, что на эти «безвестные годы» приходится период политической и даже повстанческой деятельности.)

В этот неизвестный период жизни Иисуса молва, ходившая в еврейском обществе, включала его пребывание в Египте с целью изучения магии.

В самом деле, согласно прочно утвердившемуся в Израиле преданию, именно Египет был родиной всех наук и не было учителя лучше *египтянина*. Для всякого настоящего, сведущего талмудиста, владеющего эзотерической традицией Священного Писания, это было одним из сокровищ, похищенных у египтян во время исхода из Египта (Исх., 12:35-36), а знаменитые «золотые и серебряные вазы», которые израильтяне ловко позаимствовали у жителей Египта накануне великого исхода в Землю обетованную, были не чем иным, как ключами (*сосудами, тайнами*) двойной магической власти (*золота и*

серебра), еще и в наши дни эзотерически изображенными в виде двух ключей, золотого и серебряного, на папском гербе.

Эта вера столь крепко укоренилась в умах древних израильтян, что всякого путника, направлявшегося из Египта в Палестину, при переходе через границу тщательно обыскивали. Того, кто ввозил какой-либо трактат по магии, с момента, когда он пересекал пределы набатейских краев или древней земли Мемфиса, ждала смертная казнь — *согласно словам Писания*:

«Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых» (Втор., 18:10-11).

Вот почему:

«Ворожеи не оставляй в живых» (Исх., 22:18).

И этот остракизм заходил очень далеко. В I веке нашей эры равви Исмаил бен Элиша, внук первосвященника, казненного римлянами, не позволил своему племяннику бен Даме, чтобы христианин исцелил его от укуса змеи. Свой запрет он аргументировал ссылкой на талмудический трактат «Авода Зара» (27Б), который учит:

«Лучше погибнуть, чем быть спасенным магией».

Таким образом, по мнению евреев, Иисус творил свои чудеса благодаря магии, которую изучил в Египте и принес оттуда, причем, переходя границу, он сумел спрятать ее существенные элементы под одеждами (Киддушин, 49Б; Шаббат, 75А и 104Б). Все его ученики — такие же, как он, потому что он научил их всем секретам. Это и объясняет их чудеса и их успех у невежественной толпы.

В те же времена равви Элиезер бен Гиркан, обвиненный в тайном переходе в христианство, в конечном счете был помилован, потому что рассудили так: столь ученый человек, столь верный последователь закона мог впасть в подобное заблуждение лишь под влиянием чего-то вроде духовной порчи, наведенной учениками Иисуса.

Признаем, что в V веке это мнение еще разделяла значительная часть христиан. В самом деле, доказано, что так называемые Евангелия «детства», куда входят «Протоевангелие от

Иакова», «Евангелие от псевдо-Матфея», «История плотника Иосифа» и «Евангелие от Фомы», делятся на фрагменты, одни из которых могли появиться в самом конце II века, другие — в V веке.

Так вот, в этих текстах действует Иисус-ребенок, наделенный необыкновенными медиумическими способностями, который уже может творить чудеса сообразно своим детским реакциям. Он проникает в пещеру, где только что окотилась львица. И она со своими львятами играет и резвится с Иисусом. По его приказу наклоняется пальма, чтобы дать его матери Марии фиников, которых она захотела. По его повелению пробивается источник, чтобы его родители утолили жажду. Когда он входит в храм Гермополя в Египте, на землю падают триста шестьдесят пять статуй божеств каждого дня — паранателлонов. Когда, вернувшись в Иудею, он играет с землей и водой, те, кто рушит его хрупкие постройки, падают у его ног мертвыми. Он лепит дюжину глиняных птиц и наделяет их жизнью, хлопнув в ладоши.

Народ, недовольный тем, что Иисус злоупотребляет своими способностями, негодует, и родители запирают его в доме и не выпускают. Тогда для того, чтобы добиться прощения, а равно показать свое могущество, Иисус возвращает жизнь ребенку, которого недавно поразил насмерть своими чарами. Ему назначают учителя очень почтенного возраста, чтобы научить его читать. Ударив Иисуса прутом из стираксового дерева, учитель тут же падает мертвым. Злобный характер Иисуса подтверждается и одним фактом из канонических Евангелий — эпизодом со смоковницей (Матф., 21:19; Марк, 11:21), от которой он хотел немедленно получить смоквы, *не в сезон*, и проклял ее за отказ.

Во всех этих апокрифах отец Иисуса, естественно, зовется Иосифом. Но фрагменты истины, которую сумели искусно скрыть, сохранились. Таков фрагмент из псевдо-Матфея о братьях Иисуса:

«Когда Иосиф пришел на пир со своими сыновьями, Иаковом, Иосифом, Иудой и Симоном, а также с двумя дочерьми, туда пришли также Иисус и его мать со своей сестрой по име-

ни Мария, дочь Клеопы» (Евангелие от псевдо-Матфея, 42:1).

«Тогда Иосиф послал своего сына Иакова связать дров и принести в дом, и за ним пошел ребенок Иисус. Но когда Иаков собирал хворост, в руку его укусила гадюка. И когда он страдал и умирал, приблизился Иисус и подул на рану. Тотчас боль прекратилась и гадюка умерла, а Иаков стал здоровым и невредимым» (Там же, 16:1).

Та же картина в эфиопских апокрифах. Мы встречаем Иисуса в зрелом возрасте, сообщающим ученикам странные магические формулы, причем некоторые из них мы найдем в сборнике, который непременно должен быть у каждого хорошего абиссинского *дабтара*¹.

Такие суеверия разделяли иудеи и христиане в отношении «способностей» Иисуса.

Что бесспорно и чего не смогут отрицать даже христиане, самые невосприимчивые к рациональному анализу текстов, — *то, что Иисус использовал определенные приемы*. И вот доказательство.

Обычные верующие наивно полагают, что Иисусу достаточно было *повелеть*, чтобы совершилось чудо. Ничего подобного, существуют оттенки, и приемы различаются в зависимости от природы искомого результата. Это доказывают тексты:

«Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, Сын Давидов! Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он *коснулся глаз их* и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их» (Матф., 9:27-30).

«Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, *вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки, и спросил его, видит ли что?* Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. *Потом опять*

¹ *Дабтара* в Абиссинии — хорист церкви и в то же время практикующий «белый» маг. Черная магия сурово пресекается.

возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел и стал видеть все ясно» (Марк, 8:22-25).

«И проходя увидел человека, слепого от рождения. <...> Сказав это, он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойдя, умойся в купальне Силоам, что значит "посланный". Он пошел и умылся, и сделался зрячим» (Иоан., 9:1, 6-7).

Купальня Силоам находилась недалеко от одних из ворот Иерусалима. Именно там священники в праздничных облачениях черпали воду для ритуалов очищения в Храме. С тех пор как ее похвалил пророк Исайя (Ис., 8:6), ее считали святой, и даже в средние века и среди мусульман ее вода имела репутацию чудотворной. Видно, что в трех этих случаях Иисус применяет три разных приема:

а) в первом случае гарантией результата была вера слепых, достаточно было коснуться их глаз;

б) во втором случае он накладывает на веки слепого свою слюну и возлагает на него руки. Результат получился неполноценным, он повторил прием, и слепой наконец прозрел;

в) в третьем случае он использует старый рецепт из античной фармакопеи. Один медицинский кодекс III века, приписываемый Саммонику Серене, рекомендует для излечения опухолей глаз нанесение слоя грязи. Но Иисус советует в качестве дополнения к этому погрузиться в чудотворную купальню Силоам или хотя бы промыть глаза в этой знаменитой воде.

Что касается использования слюны в лечении болезней глаз, Иисус лишь применяет очень старинный античный рецепт, основанный на лечебных свойствах слюны. В «Анналах пластической хирургии», статья «Пересадка протоков околушных слюнных желез при ксерофтальмии» (*Les derivations salivaires parotidiennes dans la xerophthalmie // Annales de chirurgie plastique*. Avril 1961. P. 235-242), можно прочесть:

«Ксерофтальмический синдром, развивающийся на глазу со слабым или отсутствующим слезоотделением, приводит к ороговению и отслоению высохшей конъюнктивы с образованием спайки... Роговица мутнеет... Трение, создаваемое рес-

ницами, способствует образованию язв... Снижение остроты зрения часто заканчивается полной слепотой. Слюна и слезы имеют очень сходный состав и содержат лизоцим, защитное бактериостатическое вещество». Поэтому хирург слизистым интрадуральным путем соединяет проток слюнной железы с конъюнктивальной полостью. И «при этом у больного самопроизвольно улучшается острота зрения».

Бессознательно понимая это, многие школьники, когда у них болят глаза, при помощи указательного пальца смачивают уголки больного глаза слюной, делая уроки под домашней лампой.

В случае экзорцизма, описанного Матфеем (17:21), тоже применяется особая техника. Судите сами:

«Тогда ученики, приступивши к Иисусу *наедине*, сказали: почему мы не могли изгнать его [беса!? Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "Перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможно для вас; *сей же род изгоняется только молитвой и постом*» (Матф., 17:19-21).

Прежде всего отметим, что здесь есть противоречие. Текст говорит нам, что для *веры*, абсолютной и искренней, нет ничего невозможного. Но тот же текст уточняет элементы *техники* для получения данного результата, аскетической и мистической: *молитва* и *пост*. Тут бесспорно присутствует противоречие: конечная фраза подразумевает, что в соответствии с природой бесов и с их видом надо использовать такой-то и такой-то прием. Таким образом, одной *веры* недостаточно, к ней надо добавить *психологическую поддержку*: пост, молитву, тайнодействие (масло, слюну, грязь, воду и т. д.)¹.

В других случаях анализ должен быть тоньше, осторожней. Такова история с одержимым из Герасы. Один человек

¹ Иисус едва ли постился, ведь он признавал сам (Матф., 11:19), что имеет репутацию человека, который «ест и пьет». А святой Иероним в Вульгате использует латинский термин *potator*, который переводится как «пьяница», потому что происходит от слова *potus* (питье, напиток).

одержим множеством бесов. Он живет в пустынных местах и гробницах. Он разрывает цепи и оковы, которые хотят на него наложить. Приходит Иисус и повелевает бесам покинуть этого человека. Те умоляют его:

«И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и селениях» (Лук., 8:31-34).

Прежде всего отметим, что это не дикие кабаны, а домашние свиньи, потому что говорится о стаде и пастухах. Сцена происходит «в стране Гадаринской, лежащей против Галилеи». Таким образом, это *Галаадитида*. Какова вероятность, чтобы там разводили свиней, животных, есть мясо которых было официально запрещено Законом и использование, приготовление и продажа которого тем самым были более чем проблематичны? К тому же ни в Герасе, ни в ее окрестностях нет озер. Чтобы обойти этот подводный камень, сцену пытались перенести в *Вифсаиду-Юлию*, на берег Тивериадского озера, оно же Генисаретское, оно же Галилейское море. Но тогда дело происходит уже не в области Герасы, не в Галаадитиде, а в Гавланитиде, более чем в 80 км по прямой от Герасы... И здесь тоже безымянные писцы IV века сочиняли как попало, не задумываясь. В «Путешествии на Восток» Жерара де Нерваля мы прочтем следующие слова Авиценны:

«Я всегда говорил, что конопля, из которой делают гашишную массу, была той самой травой, которая, по словам Гиппократата, вызывала у животных нечто вроде бешенства, *побуждая их бросаться в море*».

В самом деле, сделав выборку из чудесных событий, происхождение которых не поддается проверке, которые иудеи объясняют магией и в которых христиане видят чудеса, мы увидим, что жизнь Иисуса определяют три важных события:

а) встреча с Князем тьмы на вершине Сорокадневной горы, в Иудейской пустыне;

- б) призывание Моисея и Илии на вершине горы Фавор;
- в) финальный диалог, незадолго до ареста, на Масличной горе с загадочным «отцом».

Так вот, все это представляет собой последовательность магических операций, запрещенных иудейской религией *под страхом смерти*.

В сцене Искушения (Матф., 4; Марк, 1; Лук., 4) Дух побуждает Иисуса на сорок дней и сорок ночей уединиться на вершине горы, которую в наши дни называют Сорокадневной, и уточняется, что это было сделано «для искушения от диавола». Речь идет об инициационном испытании: на самом деле посвящаемый должен победить Низшие силы, если хочет получить поддержку Высших. Такой же эпизод есть в жизни Будды и других великих чудотворцев. После этого победитель «получает помощь от всего Неба, и ему повинуются весь Ад», согласно выводу, хорошо знакомому всем каббалистам.

Но имел ли место вызов некоего существа при помощи ритуалов и заклинаний, вследствие которых оно обязано было явиться, или, напротив, этот уход от людей на сорок дней, уединение и пост не предполагали такого явления непременно, и оно было неожиданным? Ни один текст этого не уточняет. Кстати, утверждение, что Иисус *сорок дней ничего не пил* в ужасном безлюдье Иудейской пустыни, надо считать явным преувеличением. Он был подвержен всем плотским страданиям, он мучился от бичевания, на кресте, он умер — либо потому что был распят, либо от удара копьём римского легионера, и совершенно немыслимо, чтобы он вынес такое обезвоживание организма *в тропической жаре и среди раскаленных камней*.

Как бы то ни было, встреча с «явлением» Повелителя зла — первое важное магическое событие в легендарной жизни Иисуса. Было и второе, которого обычно не замечают: с этим Повелителем была и *вторая встреча*, самое меньшее одна. Она произошла перед самым арестом, самое большее за несколько дней до него:

«И сказал Господь: Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не

оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лук., 22:31-32).

Вульгата святого Иеронима точно передает — *conversus*, что значит «превращенный», «измененный».

Какой вывод можно сделать из столь частых «контактов» с Врагом?

Второе великое теургическое действо имело место на горе Фавор — это знаменитая сцена так называемого *Преображения*, в подробностях описанная у Матфея (17), Марка (9:2), Луки (9:29), Иоанна (1:14) и во Втором послании Петра (1:16).

«По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую *одних*, и преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот. *явились им Моисей и Илия*, с ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И, услышавши, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме Иисуса.

И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем *видении*, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Матф., 17:1-9).

Прежде всего отметим, что это вызов двух *мертвых*, потому что Моисей умер на вершине горы Нево четырнадцать веков назад. Что касается Илии, то уж одиннадцать веков как «огненная колесница и огненные кони» вознесли его на небо к великому изумлению его ученика Елисея. Будь здесь дело только в демонстрации, что он сын Бога, Иисус мог бы провести ее в Иерусалиме, в высокой комнате жилища кого-нибудь из друзей. Но поскольку предстояло *вызывать мертвых*, это надо было делать *не на виду у всех, в пустынном месте,*

близком к небу, по двум причинам. Первая состояла в том, что неожиданное появление непосвященных могло сорвать ритуал. Вторая — что в Израиле с такими вещами не шутили и их изобличение *повлекло бы смертную казнь* на основе слов Писания: Второзакония (18:10-11) и Исхода (12:35-36). Отсюда и указание Иисуса — «никому не сказывайте о сем видении» (Матф., 17:9).

Что касается цели этого вызова, о ней нам сообщает Лука, когда пишет:

«И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия: явившись во славе, *они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме*» (Лук., 9:30-31).

Таким образом, Иисус вызвал Моисея и Илию, двух главных вождей в истории Израиля, чтобы узнать свою ближайшую судьбу¹. Тот факт, что при этом применялось окуривание сильными галлюциногенами, как обычно в магических практиках, подтверждается экстазом и иступлением, охватившими учеников, и бессвязными словами Симона Петра, который грезит наяву и хочет поставить шатры для пришельцев. Ведь Лука прежде всего пишет, что «Петр... и бывшие с ним отягчены были сном» (Лук., 9:32), а Петр «не знал, что говорил» (Лук., 9:33).

Что касается светящегося облака, объяснение здесь очень простое. Если находишься на вершине горы в краях, где небо неизменно голубое, то, когда появляется облако и окутывает человека, солнце, продолжающее палить гору, превращает облако в настоящий *светорассеиватель*, и возникает такой контраст, что человек, *особенно если он одет в белое*, кажется еще более ослепительным.

Теперь перейдем к последнему заклинанию духов, которое состоялось в вечер ареста Иисуса, на Масличной горе, близ Вифании, в месте, именуемом *Гэфсимания*, что значит «пресс для маслин». Возьмем рассказ Луки:

¹ Так он не знал ее? Не знал, для чего он пришел?

«И вышел, пошел по обыкновению на гору Елеонскую; за ним последовали и ученики Его. Пришед же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение. И Сам отошел от них на вержение камня и, преклонив колена, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет. *Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его.* <...>

Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали, и сказал им: что вы спите? Встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лук., 22:40-43, 45-46).

Здесь зададим первый вопрос: как можно было заснуть от печали? Тревога и тоска, напротив, не дают спать. Этот «сон от печали», *сатурнический* сон, является опять-таки результатом окуривания, вероятно, парами дурмана (*Datura stramonium*) или белены, смешанными с парами гальбана, *helbenah* храмовых курений. Потому что здесь происходит *новое заклинание духа*, но он вопрошает уже не Моисея и Илию, а *своего отца. Кого это?* Мы пойдем позже.

Второй вопрос: коль скоро ученики заснули, а он удалился от них на расстояние *броска камня*¹, откуда известны слова его диалога с отцом?

Не от них, потому что они спали. Не от него, потому что *Иисус еще не закончил отчитывать учеников*, наконец проснувшихся, когда римские солдаты из Когорты и служители Храма, вооруженные мечами и дубинками, ведомые Иудой Искарриотом, его племянником, явились с факелами и тотчас приступили к его задержанию.

Знаем мы это от того персонажа, о котором пишет только Марк и о котором нам известно следующее — детали весьма любопытные:

«Тогда, оставивши Его, все бежали. *Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них*» (Марк, 14:50-52).

Прежде всего удивимся, как это в марте в Иудее какому-то юноше пришлось в голову оказаться в одном покрывале в каче-

¹ Дальность броска из обычной пращи того времени.

стве одежды на вершине Масличной горы, да еще ночью, в самые холодные часы, настолько холодные, что на дворе дома Каиафы люди грелись у костра, где через несколько минут Петр отрекся от своего Учителя (Иоан., 18:18).

Это не шерстяное покрывало, потому что Вульгата святого Иеронима, официальный церковный текст, использует латинский термин *pannus*, означающий «ткань».

Это не покрывало с постели, потому что в те времена таких еще не было. Евреи спали на циновках, как и все народы этого региона. Римляне использовали складные матерчатые койки, покрытые шерстяными тканями или мехами. У галлов были матрасы, в крайнем случае соломенные тюфяки, покрытые шкурами. Но тканевых покрывал не было, они появились очень недавно, потому что в Германии и Австрии еще в наше время в деревнях постели состоят из одной простыни.

На самом деле Вульгата святого Иеронима использует латинское слово *sindon*, точное значение которого — «саван» (*suairge*)¹. А *саван* не имеет ничего общего с ритуальной одеждой, которую в то время должен был носить иудей.

Именно этот юноша играл роль ангела, явившегося с неба, чтобы укрепить Иисуса, о чем нам сообщил Лука (22:43). Благодаря ему и стала известна молитва Иисуса, обращенная к «его отцу». Это *соучастник*, классическая фигура в любом спектакле этого жанра; на арго это называется «барон».

И мы понимаем, что смыслом всей этой мизансцены на самом деле было не укрепление Иисуса в исполнении его миссии: он знал, что эта миссия грозит ему страшной смертью, не оставляющей надежды на освобождение Израиля и восстановление Давидова царства. Он знал, что после бегства в Финикию уже перенес эту миссию в другое «царство», которое для него было не от мира сего. Но окружавшие его фанатики были глухи к подобным вещам.

Одни устроили этот подлог, чтобы снова активизировал, мессианизм Иисуса, чисто политический и не имевший на

¹ Согласно латинско-русскому словарю И. Х. Дворецкого, *sindon* — род тонкой хлопчатобумажной ткани, муслин или кисея, а также платье из этой ткани (*примеч. пер.*).

дежд на успех. Другой пошел еще дальше и уже выдал его — это был *его родной племянник, сын Симона Петра, Иуда Искариот*. С исчезновением Иисуса право на царский престол Израиля переходило к Симону Петру, а он, Иуда, становился «дофином»... Что касается третьих, то, пользуясь ночной темнотой, скудным светом от солдатских факелов, они растворились во мраке Гефсиманского сада, без зазрения совести обратившись в бегство¹.

Но для тогдашних евреев не было сомнений, что Иисус воспользовался запретными знаниями. Слух о его встрече с Самаилом в безлюдье Иудейской пустыни уже должен был распространиться. Знали, что он победил Князя тьмы. После этого по общей магической традиции последний должен был ему служить, потому что Иисус его укротил:

«А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского» (Матф., 9:34).

«Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух (подразумевается: у него "в распоряжении")» (Марк, 3:30).

В эпизоде с прелюбодейкой он, похоже, использует магический прием — не то прорицание, не то очищение:

«Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень (подразумевается "побивание камнями", наказание неверных жен по закону)» (Иоан., 8:6-7).

Вероятно, здесь он прибег к геомантии. Еще и в наше время в Марокко, Тунисе и на всем Ближнем Востоке некоторые гадатели используют способ, называемый *дарб-эль-ре-*

¹ В самом деле, Симон был братом Иисуса «...и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда?» (Матф., 13:55). С другой стороны, Иуда Искариот был сыном Симона: «...один из учеников Его, Иуда Симонов Искариот» (Иоан., 12:4). И другие тексты также уточняют, что речь идет о братьях по плоти (Послание к римлянам, 9:5. — *Евсевий Кесарийский*. Церковная история. III, XX, 1). Что касается пресловутых «тридцати сребреников», то рассказ о них был добавлен в IV веке безымянными фальсификаторами, составившими подложные Евангелия, чтобы оправдать слова Захарии (11:12): «И они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников». Ведь если голова Иисуса и была оценена, то в гораздо более значительную сумму.

мель, «песочное искусство». При помощи точек и линий, изображаемых пальцем на песке, получают предсказательные фигуры, обязательно ровно шестнадцать, которые дают ответ на заданный вопрос.

Также возможно, что был использован прием особого магического «освобождения». На песке или на земле чертят определенные магические диаграммы, над ними проводят пациента, и он излечивается, потому что злой дух, наведший болезнь, не может вынести прохождения над сакральными знаками. Для того же делают и защитные татуировки.

Снисходительность Иисуса к неверным женам и блудницам объясняется тем, что в его родословной много таких.

Прежде всего это Фамарь, которая в Книге Бытия (37:12-19) отдалась своему свекру, не узнавшему ее, на перекрестке дорог, чтобы потом принудить его жениться на ней. Далее — Раав, профессиональная проститутка из Иерихона, которая прячет шпионов, посланных Иисусом Навином, перед разрушением города и тем самым спасает свою жизнь. Потом она выйдет замуж за Салмона, сына Наассона, князя Иудеи, и станет матерью Вооза (Нав., 2:1-6:24; Матф., 1:5). Далее — Руфь, супруга Махлона, потом жена Вооза, по происхождению *моавитянка*, то есть женщина из племени, возникшего в результате инцеста между пьяным Лотом и двумя его дочерьми, — такое происхождение должно было бы закрыть Руфи доступ в традиционалистскую иудейскую семью (Руф., 1:4, 2:2, 3:9, 4:5; Матф., 1:5). Наконец, Вирсавия, жена Урии, военачальника Давида, которого этот царь велел убить, чтобы оставить себе его жену, что не вызвало протеста со стороны последней. От этого адюльтера родился Соломон (2 Цар., 11; Матф., 1:6).

Наконец, похоже, как ученики, так и сам Иисус не мог исцелить всех, кто обращался к нему:

«Когда же Иисус был в Вифании, в доме *Симона прокаженного*, приступила к нему женщина с алавастровым сосудом...» (Матф., 26:6).

А ведь это жилище его друга Лазаря, брата Марфы и Марии, которые неизменно давали ему пристанище, когда он

бывал в Иерусалиме¹. И означенный Симон — все еще прокаженный².

Эпизод вызова Моисея и Илии на горе Фавор — главное перепутье в жизни Иисуса. До тех пор он был, после своего отца Иуды из Гамалы, законным претендентом на царский трон Давида. Его ученики, друзья, братья «по плоти» иногда называли его «господи» (*adonai*), потому что он был им господином. Во всех государствах Ближнего Востока в то время и веками это слово было равнозначно слову «сир» в средневековой Европе. Публично супруга короля называет его «мой дорогой сеньор» или «сир».

Но после этой странной церемонии, проведенной в присутствии Петра, Иакова и Иоанна (*они же* будут сопровождать его на церемонию в Гефсимании), он будет уже не тем. Видимо, он один понял, что политическое, земное мессианство бесперспективно. В планы провидения не входит возвращение потомков Давида ни на какой престол. После этого вызова духов в нем поселилось нечто, им овладело некое высшее существо, *которое отныне будет его использовать для переустройства мира*. Для него оно носило имя *Илии*. Что удивительного? Он знал только собственную национальную мифологию. Для легионов, марширующих впереди своих армий, это существо уже веками носило другое имя: *Митра*.

Этот феномен психической «одержимости» Иисус в полной мере сознавал. Отсюда его трезвая фраза, обращенная к Симону Зелоту, его брату «по плоти» и законному наследнику

¹ Отметим, что *Иисус никогда не ночевал в священном городе Израиля*. С наступлением вечера он делал то, что следовало, и немедленно *отправлялся спать в Вифанию*, к подножью Масличной горы, несмотря на усталость. Потому что на закате *ворота Иерусалима закрывали*, а у деревни Вифания ворот не было. И в ночном мраке неосвещенных улиц, когда ворота были заперты и охранялись, *Иерусалим превращался в западню*. А когда положение станет еще тяжелее, он будет ночевать уже не в Вифании, а в Гефсимании. местечке на Масличной горе, в сарае для масличного пресса. Отсюда фразы Матфея (8:20) и Луки (9:58).

² Заодно отметим, что означенный Симон — единственный из евангельских Симонов, которого Амбелен почему-то не отождествляет с апостолом Петром (*примеч. пер.*).

по праву первородства, относившаяся к тому времени, когда его, Иисуса, не будет:

«Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состарешься, то прострешь руки свои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь» (Иоан., 21:18).

И на Голгофе, прибитый к позорному кресту, он снова обратится к Илии:

«А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани?» (Матф., 27:46).

Безымянные писцы, составившие подложные Евангелия, всегда это переводили так: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Матф., 27:46). Но иудеи, присутствовавшие при распятии, не ошибались, говоря: «Илию зовет он» (Матф., 27:47)¹.

Некоторые экзегеты и лингвисты, специалисты по мертвым языкам, сочли, что это финикийская фраза и означает: «Господи! Господи! Тьма... тьма...», что может объясняться постепенным угасанием зрения умирающего или появлением перед его взором в медиумическом состоянии, вызванном последними мгновениями, страшных образов, которые описаны в тибетской «Книге мертвых» или в апокрифе «Книга плотника Иосифа» и представляют собой не более чем внутренние фантазмы, вышедшие из подсознания умирающего.

Оставим ответственность за этот перевод на них, потому что, по нашему мнению и как скоро станет ясно, эти последние слова имели совсем другое значение.

¹ Снова отметим, что в главе 20 слово «Или» Р. Амбелен толкует не как «Илия», а как одно из имен Бога, произносимое в целях проклятья (примеч. пер.).

Глава XIV

ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ

Сан, которым вас наделяют, — это часто рабство, которое вам навязывают.

Раббан Гамалиил II, II век

Верующие постоянно и до бесконечности повторяют фразу (которая, как мы утверждаем, представляет собой вставку, сделанную греческими писцами IV века), где Иисус провозглашает себя царем неземного царства:

«Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; *если бы от мира сего было Царство Мое*, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но *ныне* Царство Мое не отсюда» (Иоан., 18:36).

Если мы вдумаемся в слова этой фразы, мы сделаем из нее один очень важный вывод: самим своим ответом Иисус признает, что обманулся. *До ареста он верил, что его царство от мира сего*; но поскольку его сторонники покинули его, предали, захватили в плен, быть царем ему уже не судьба. Отныне, если на этом свете он не царь, он будет им в другом месте, *среди мертвых*, и, заявляя это, он бессознательно использует и относит к себе легенду, которую не мог не знать, — легенду об Осирисе. Отсюда странная форма заключительной фразы: «Но *ныне* (в смысле: "я понимаю") Царство Мое не отсюда» (Иоан., 18:36).

Если мы усомнимся в верности такого толкования, нам достаточно обратиться к другой фразе из канонических Евангелий:

«Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да. И когда пошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? *цари земные* с кого берут пошлыны или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: *итак, сыны свободны...*» (Матф., 17:24-26).

Таким образом, этой простой фразой Иисус дает понять, что отнюдь не считает себя сыном некоего небесного царя, но вполне считает себя сыном одного из царей *земных*, в данном случае — земли Израиля, потому что как «сын Давидов» он имел права только на нее.

К тому же есть и еще стихи канонических Евангелий, которые сохранились и ускользнули от цензоров, несмотря на строгие проверки в течение первых пяти веков. Сделаем их последовательный обзор:

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят: где родившийся *Царь Иудейский*? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Матф., 2:1-2).

Здесь ни мессианское пророчество, ни сам евангельский текст не говорят ни о *царе Мира*, ни о *воплощенном божестве*; речь идет только о *царе иудеев*, который будет царствовать над Израилем, что подразумевает важное политическое событие для того времени — восстановление единства еврейской земли, расчлененной сначала из-за отпадения Самарии, потом вследствие создания тетрархий и римского протектората над остальной частью.

Но текст Иоанна очень ясен; судите сами:

«Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты *Царь Иудейский*? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или *другие сказали тебе обо Мне?*» (Иоан., 18:33-34).

Эта простая фраза показывает, что Иисус остерегается. Прежде чем признаться, что он хочет быть царем Израиля, каковое желание может стоить ему жизни, он хочет знать, насколько с этим притязанием знаком Пилат. Но отсюда также

следует, что молва воспринимала Иисуса как царя — в качестве «сына Давидова». Отсюда последующее признание:

«Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь...» (Иоан., 18:37).

Синоптические Евангелия еще яснее:

«И спросил Его правитель: Ты *Царь Иудейский*? Иисус сказал ему: ты говоришь» (Матф., 27:11; Марк, 15:2; Лук., 23:3).

Не может быть никаких возражений — развитие событий показывает, что Иисус предстал перед Пилатом как *царь иудеев, царь Израиля*:

«Он (Пилат) сказал им в ответ: хотите ли, отпущу вам *Царя Иудейского*?. Что же хотите, чтобы я сделал с *Тем, Которого вы называете Царем Иудейским*?» (Марк, 15:9 и 12).

Эта фраза демонстрирует, что для большей части населения Иисус был законным царем.

Тем же он был и для римских солдат. Смеясь над ним в претории, они называли его этим титулом; над «царем иудейским» жестоко глумилось шесть центурий ветеранов, составляющих легионерскую Когорту; они также в курсе всего, ни о колебаниях, ни о неведении и речи нет:

«Тогда воины правителя, взявши Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздевши Его, надели на Него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Матф., 27:27-29).

Марк (15:18) и Иоанн (19:2) описывают ту же сцену, но у Иоанна плащ пурпурный [в русском синодальном переводе везде «багряница»], а не алый, чем он подчеркивает намерение римских легионеров облачить Иисуса в мантию, напоминающую мантии государей. Потому что легионерские хламиды были, очевидно, красными, а не пурпурными.

Кстати, и табличка над головой распятого Иисуса воспроизводила этот титул или же это обвинение:

«И поставили над головою Его надпись, *означающую вину Его*: Сей есть Иисус, *Царь Иудейский*» (Матф., 27:37).

Марк лаконичней, согласно ему, на табличке значилось только:

«*Царь Иудейский*» (Марк, 15:26).

Эта краткость лишь подчеркивает основное обвинение Иисусу — *восстание против кесаря*, преступление, наказуемое смертной казнью, а к нему добавились и другие обвинения, столь же тяжкие, которые мы разберем отдельно: *зловредная магия, мятежи, разбой и т. д.*

И когда его противники из числа евреев пришли к месту его казни, именно в качестве *царя иудеев* они подбивали его освободиться от креста:

«*Христос, Царь Израилев*, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем» (Марк, 15:32).

Наконец, последнее невольное свидетельство того, что Иисус притязал на сан царя Израиля, нам дает Иоанн:

«Первосвященники же иудейские сказали Пилату: не пиши "Царь Иудейский", но *что Он говорил: "Я Царь Иудейский"*» (Иоан., 19:21).

Однако был период, когда Иисус мог бы стать царем если не всего Израиля, то по крайней мере его части. Ведь у Иоанна мы находим такое характерное место:

«Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один» (Иоан., 6:15).

В этом нежелании Иисуса, чтобы его провозглашали царем, читатель может увидеть противоречие с тем, что цитировалось ранее. Ничего подобного. Ведь Иисус желал *трона Израиля*, именно на него претендовал он; какое попало царство было ему не нужно. Он хотел воссоединить два враждебных царства — Иудею и Самарию, разделенных со времен смерти Соломона, то есть с 930 года до нашей эры; это доказывает одна фраза:

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Матф., 23:37)

Отсюда связи Иисуса с нечистой землей Самарии, несмотря на иудейские запреты. Ведь если бы он добился успеха перед лицом римского могущества, наконец объединенная Палестина могла бы надеяться на освобождение.

Так вот, те, кто хотел *взять* Иисуса и сделать его *своим царем*, — это были не его последователи, а сомнительная толпа без кола и двора, скопище, где было столько же бродяг, сколько и разбойников. Во всяком случае, это, похоже, были не настоящие иудеи, а очень смешанная масса, следовательно, не внушавшая доверия иудею, домогающемуся легитимной царской власти. Чтобы понять это, достаточно перечитать текст Иоанна:

«После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады...» (Иоан., 6:1).

«Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, вошедши в лодку, отправились на ту сторону (Галилейского) моря в Капернаум. Становилось темно, и Иисус не приходил к ним...» (Иоан., 6:16-17).

Итак, достаточно взять карту местности, чтобы констатировать:

а) Иисус и его последователи сначала отправились в Тивериаду и пересекли Галилейское море. Там возник заговор с целью забрать его ночью, чтобы сделать царем;

б) поэтому они ушли оттуда и вновь пересекли Галилейское море, но уже в направлении Капернаума.

Простой осмотр карты показывает, что в первый раз они причалили на территории, которая называется *Декаполис*, эллинистическая федерация десяти городов, населенная в основном греками, которая провозглашением своей свободы была обязана Помпею. А Иисус вовсе не был склонен царствовать над *нечистым*, нееврейским населением¹. Вот и весь

¹ Некоторая несогласованность: во-первых, Тивериада не входила в состав Декаполиса, во-вторых, причиной, по которой Иисуса собрались сделать царем, состояла в том, что его восприняли как «Пророка. Которому должно прийти в мир» (Иоан., 6:14), — греки, в отличие от евреев, никаких пророков не ждали. Да и чудо с пятью хлебами. Которое вызвало такой эффект, было совершено в связи с иудейской Пасхой (*примеч. пер.*).

секрет его отказа. Напротив, укрывшись в Капернауме, он оказывался в Галилее, у себя дома.

Зато существует один коптский апокриф. Евангелие от двенадцати апостолов, которое просвещенный Ориген считал старейшим апокрифическим Евангелием вместе с Евангелием от египтян — по его мнению, то и другое древней Евангелия от Луки. И это Евангелие от двенадцати апостолов излагает очень любопытное предание о возможной царской власти Иисуса, разумеется, при жизни.

Перевод этого Евангелия принадлежит д-ру Э. Ревийу, профессору и хранителю Лувра, и сделан к 1904 году; переводчик полагает, что «очень обстоятельные рассказы этого евангелия, приводящие немало любопытных подробностей, должно быть, написаны не позже II века, потому что в III веке Ориген считал этот текст очень древним апокрифом, возможно, произведением святого Луки» (*Revillout, Eugene. L'evangile des douze apotres. Roma: typ. del cav. V. Salviucci. 1903. P. 128*).

Так вот, в первых фрагментах, переведенных Э. Ревийу, сведения из которых дополняются в других частях того же текста, идет речь о некоем Карию, которого якобы послал кесарь Тиберий для назначения нового тетрарха в то самое время, когда, согласно каноническим Евангелиям, Иисуса пытались провозгласить царем (Иоан., 6:15).

Г-н Робинсон предполагает, что Карию (Karios) — это в действительности Квирин (Kirinos) Евангелия от Луки (2:2). Д-р Ревийу считает, что это скорее Гай, который, согласно Тациту, был послан Тиберием для умиротворения Армении и назначения ей царя по своему выбору.

Согласно одному новому фрагменту, вероятно предшествующему другим, Тиберий решил назначить нового тетрарха взамен Филиппа после того, как получил от Ирода Антипы, брата последнего, донос, сообщавший, что Филипп готовит заговор. Тогда Тиберий якобы приказал конфисковать имущество и тетрархию Филиппа и оставить ему лишь жизнь, равно как его жене и дочери. Ирод Антипа, видимо, на самом деле хотел аннексировать тетрархию Ирода Филиппа.

Можно ли сделать вывод, что именно этой возможностью воспользовался Ирод Антипа, чтобы захватить свою невестку Иродиаду и ее дочь Саломею? Это вполне вероятно; в таком случае дело происходило в 29 году нашей эры.

Как бы то ни было, *это объясняло бы то, чего канонические Евангелия не объясняют*, а именно причину загадочной ссоры между Пилатом и Иродом Антипой, которые примирились только после ареста Иисуса, потому что Ирод Антипа понял, что Пилат больше не поддерживает кандидатуру Иисуса (Лук., 23:12).

Фрагмент из Евангелия от святого Петра, найденный в начале этого века, похоже, это вполне подтверждает.

Итак, вот те места из Евангелия от двенадцати апостолов, где говорится о намерении Тиберия провозгласить Иисуса царем вместо Ирода Филиппа, тетрарха Гавланитиды, Трахонитиды, Ватанеи и Панаеды:

«Ирод также был тетрархом Галилеи. Наконец вошел в него сатана. Он поднялся. Он пошел к императору Тиберию. Он обвинил при том Филиппа, а именно... (фрагмент отсутствует).

Сей император весьма рассердился, сказав: вот, значит, весь мир подчинен моей власти с тех пор, как Бог передал эти предметы в руки моего отца Августа. А Филипп хочет поднять мятеж против моей царской власти и моего могущества. Я не позволю ему этого. И повелел... (фрагмент отсутствует).

"Ты конфискуешь [имущество] Филиппа, ты отберешь у него дом. Ты захватишь его имущество, его слуг, его животных, все его богатства и все, что принадлежит ему, и отправишь это в средоточие моей императорской власти. Все это имущество ты считаешь для меня и не оставишь ему ничего, кроме его жизни, жизни его жены и дочери". Вот что сказал Тиберий нечестивому Ироду (Антипе).

Он отправился, равно как и те, кого с ним послали. Он захватил Филиппа, который ничего не знал и который ничего не ведал об этом деле (из-за которого с ним так обошлись).

И случилось, что в те дни, когда Иисус воскресил Лазаря, один вельможа из Галилеи явился к Ироду по поводу управления, которое им надлежало осуществлять над землями Фи-

липпа, каковой Филипп был обвинен перед императором за разорение этих земель под предлогом, что Ирод отобрал у него жену.

Карий (Гай) же, вельможа императора, услышав о чудесах, которые творит Иисус, поспешил к нему и увиделся с ним. Тогда Карий принес вести об Иисусе. Он сказал Ироду: "Онный достоин быть сделан царем над всей Иудеей и над землями Филиппа".

Когда Ирод услышал эти слова об Иисусе, он весьма обеспокоился и произнес против Иисуса великие обвинения, добавив: мы не хотим, чтобы он был царем Иудеи. Он собрал также всех иудейских вельмож. Он сказал им, что Карий помышляет сделать Иисуса царем. В тот миг Ирод отдал повеление, сказав: тот, кто окажется с этим согласен, будет умерщвлен мечом, а все, что находится в его жилище, будет отобрано.

Анна и Каиафа, вельможи иудеев, встретились с Карием, вельможей императора Тиберия. Они произнесли лживые слова и ложные свидетельства, каких против Иисуса не говорили со времени его рождения до самой смерти. Одни утверждали, что это чародей, другие — что он произведен на свет женщиной¹, третьи — что он не соблюдал субботы, четвертые — что он разрушил синагогу иудеев (Храм).

Когда все это случилось, Ирод (Антипа) потребовал от каждого из иудейских вельмож по фунту золота. Он собрал большую сумму. Он передал ее Карию, чтобы тот не говорил о славе Иисуса императору Тиберию. Карий принял деньги из рук Ирода и не довел дело до кесаря» (*Евангелие от двенадцати апостолов. II фрагмент*).

Так вот, все это не так нелепо, как кажется на первый взгляд из-за наивной формы изложения.

Ведь такая реставрация, согласно намерениям Тиберия, предполагала желание раз и навсегда замирить все террито-

¹ Косвенный намек на утверждения некоторых, что Иисус якобы родился от внебрачной связи его матери с римским или сирийским наемником.

рии, постоянно грозившие отколоться, дав им легитимного суверена, который мог претендовать на этот сан по закону, с полным правом, потому что был «сыном Давидовым». Тот же претендент, в то время предводитель постоянных мятежей, сын и внук мятежников, став законным правителем, сам бы успокоил страну. Ему было бы назначено нечто вроде гражданского листа за счет пошлин и налогов, и больше он незаконно ничего бы не отбирал. С другой стороны, Рим удовлетворил бы большинство евреев, с большим трудом терпевших деспотизм идумейских царьков. Но это очевидно не устраивало Ирода Антипу.

Таким образом, этот тезис, который дает нам Евангелие от двенадцати апостолов, объяснил бы два загадочных места в канонических Евангелиях:

«В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили Ему: выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя» (Лук., 13:31).

«Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один» (Иоан., 6:15).

В самом деле, вполне очевидно, что, если бы Иисус ограничивался тем, что исцелял больных и произносил моральные наставления, у Ирода Антипы не было бы никаких оснований убивать его. Если коварный царек решил это сделать, значит, Иисус представлял для него угрозу, которая могла относиться к единственной сфере — сфере его интересов, к его собственному маленькому царству. *А значит, эта угроза выражалась в поведении Иисуса, в его словах, в его действиях.* Это очень далеко от описанной, а скорее выдуманной Эрнестом Ренаном пасторали.

Но Иисусу не было написано на роду когда-либо стать царем, и вопреки легенде о Благовещении «Господь Бог» не дал ему «престол Давида, отца Его», и не царствовал он «над домом Иакова вовеки». Потому что менее чем через сорок лет после его казни дома Иакова не стало, и Израиль перестал существовать.

И однако в «Завете в Галилее», самые древние списки которого относятся в лучшем случае к VIII веку, уточнена дата знаменитого «второго пришествия» Иисуса во всей славе —

факт, который доказывает, что *первоначальная редакция* текста составлена раньше этой даты, потому что иначе бы это не было пророчеством. Вот этот текст, переведенный с эфиопского по древнейшей из известных рукописей:

«Воистину говорю вам, я приду, как солнце, что восходит, в своей славе я буду сиять в семь раз ярче, чем оно, тогда как передо мной пойдет мой крест. Мы ему сказали: о Господи, в каком году ты вернешься? И он сказал нам: когда истечет сто пятидесятый год, во дни Пятидесятницы и Пасхи» (*Завет в Галилее*. 28, folio 16).

Таким образом, первоначальная редакция была составлена до 150 года, но незадолго.

Как бы наш герой ни рассчитывал на свой приход, он не вернулся ни в 150-м, ни в 1000 году. Ожидание продолжается.

Глава XV

МЕССИАНИСТСКАЯ ДЕСЯТИНА

Обучение Торе не должно быть лопатой для загребания денег.

Равви Цадок. 50 г. от Р. Х.

Чтобы понять, почему сикарии проводили реквизиции у жителей Израиля, облагали их данью, насильственно забирали средства, что затрудняло для последних выплату податей римлянам или идумейским тетрархам и напоминало им разбой, надо вспомнить две вещи:

а) любая партизанская армия живет за счет края, где она действует, и тут ничего не попишешь, нравится это или нет мирному населению — иначе быть не может;

б) на стороне наших сикариев, убежденных, что они — поборники иудейской монархии во всей ее легитимности и чистоте (эдакая армия Конде образца 1792 года, считающая герцога Нормандского законным королем под именем Людовика XVII), формально было и слово Писания.

Когда евреи пожелали, чтобы ими правили уже не мудрецы, называемые «судьями», а царь, как у соседних народов, пророк Самуил им заранее предсказал, что у этого царя будут на них такие права, которые они больше не смогут обойти:

«И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя. И сказал: вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и Приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, И будут они бегать перед колесницами его; и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они

возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти¹, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнохам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами» (1 Цар., 8:10-17).

Именно ссылаясь на эти слова Писания, во всех христианских государствах впоследствии оправдывали вассальную зависимость, «налог кровью», военную службу суверену, право первой ночи, десятину, барщину и пр. А из последних слов 17-го стиха выросло рабство.

Когда фанатики убеждены, что они служат правому делу и с ними Бог, они достаточно быстро переходят любые пределы. Это доказывает история шуанов, которых сельское население очень быстро стало называть «разбойниками» за их неизбежные «разбои». Такими же были «компании Иегу», разновидность шуанства на Роне. Такими же были некоторые отряды маки, которых регулярные части Сопrotивления были вынуждены в 1943-1944 годах обуздывать и даже уничтожать, потому что бесчинства этих отрядов грозили скомпрометировать движение. Такие партизаны особого рода фактически оказывались вне закона.

Теперь, сознавая все это, мы лучше поймем дальнейшее в поведении Иисуса и его отрядов, потому что повсюду «нужда закона не знает», а деньги — нерв войны.

В Евангелиях есть одна фраза, явно разоблачающая мессианскую вербовку:

¹ То есть благоволия; подразумевалось, что они станут придворными дамами, фрейлинами, камеристками, для которых обязательным было сексуальное услужение суверену, очень быстро превращавшее их в наложниц, то есть в проституток.

«Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие; ибо пришел к вам Иоанн (Креститель) путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видевши это, не раскаялись после, чтобы поверить ему» (Матф., 21:31-32).

Блудницы на самом деле были исключены из еврейского общества, это доказывают такие строки:

«Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых. Не вноси платы блудницы и цены пса¹ в дом Господа, Бога твоего, ни по какому обету; ибо то и другое есть мерзость перед Господом, Богом твоим» (Втор., 23:17-18).

Из двух приведенных цитат можно сделать вывод, что, коль скоро жители Израила в огромном большинстве не доверяют мессианству, которое проповедовал Иоанн Креститель, коль скоро их мало интересует новое восстание (за предыдущих семьдесят два года восстаний было около сорока, и безрезультатных), они не получают ни места, ни должности в царстве, когда оно будет восстановлено для Сына Давидова, законного наследника, то есть для Иисуса.

Зато мытари и блудницы, вставшие на сторону повстанцев, получают в восстановленной таким образом монархии Давида привилегированные места. Можно отметить, что эти люди, занимая последние места в иерархии еврейского общества, ничего не теряли, примыкая к мессианству, и могли все приобрести в случае его успеха.

Действительно, следует вспомнить, что мытарей, называемых также публиканами, население особо презирало. Талмуд говорит:

«Разбойников, убийц и мытарей следует ставить на одну доску».

Эти люди, представляя собой нечто вроде откупщиков пошлин, таможенников, сидели в каменных клетушках на входе в города и деревни, у мостов и бродов. Они взимали в пользу

¹ *Пес* — гомосексуалист, занимающийся проституцией; можно догадаться, почему он так назывался...

римлян (на территории, управляемой последними) или тетрархов (на территориях тетрархий), то есть властей, подчиненных Риму и сотрудничающих с ним, сумму, равную десятой части стоимости того, что ввозили в данное место или провозили через него. Разумеется, гораздо больше они взимали в свою пользу, ведь им надо было жить.

Так вот, наши сикарии изыскали очень простое средство наполнять партийный денежный ящик, из которого свободно черпал Иуда Искариот, и никто ему в этом не препятствовал (Иоан., 12:6) по той превосходной причине, что он был одним из мастеров его регулярного пополнения. Это средство состояло в том, чтобы *брать десятину с тех, кто взимает десятину*. В наши дни это называется *рэкетом* — от английского глагола *rack*, означающего, в частности, «вымогать».

У безымянных писцов, которые в IV и V веках редактировали Евангелия, известные нам, не было воображения. Как для того, чтобы не слишком удаляться от магистрального направления традиции, так и затем, чтобы иметь канву для рассказа, они сохранили основной исторический каркас. Факты налицо, и неопровержимые; вымышлены некоторые детали и, главное, комментарии, добавленные впоследствии.

Прежде всего отметим, что Иисус (или Симон Зелот, его брат и заместитель) установил в мессианском движении суровую дисциплину, распространившуюся даже на семью.

Так, например, когда его мать Мария хочет просить у него милости для двух других сыновей, *она кланяется ему*: разве он не царь Израиля, не господин, не сын Давидов? Судите сами:

«Тогда приступила к нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у него» (Матф., 20:20).

Мы знаем, что жену Зеведея звали Марией:

«Между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» (Матф., 27:56).

Это также Мария, мать Иисуса, потому что Иаков, сын Зеведея, — брат Иисуса:

«Другого же из апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня» (Гал., 1:19).

Во время знаменитого брака в Кане он ей высокомерно отвечает:

«Женщина! Что общего между тобой и мной?»¹ (Иоан., 2:4).

Итак, теперь понятней, что, когда он отдавал приказы братьям и «ученикам», ему беспрекословно подчинялись. Там, где наивный верующий видит авторитет, возникший чудом, потому что мгновенно, размышляющий наблюдатель отметит просто определенную власть, которой располагает Иисус, и полное подчинение со стороны его сотрудников. В то время и долгие века повеление царя исполнялось без малейшего подобия споров. И вот как была организована новая форма налогообложения.

Для начала заметим, что *мытарь Левый* — то же лицо, что и *апостол Матфей*. Это упростит понимание дальнейшего:

«Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфей, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним» (Матф., 9:9).

«Проходя, увидел он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним» (Марк, 2:14).

«После сего Иисус вышел, и увидел мытаря, именем Левия, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, оставив все, встал и последовал за Ним» (Лук., 5:27-28).

Тут ничего сложного нет: Левий получает приказ своего брата или кузена, который в то же время его царь, и повинуется. Что может быть обычной? Дальнейшее также очень просто:

«И сделал для Него Левий в доме своем *большое угощение*; и там было *множество мытарей и других*, которые возлежали с ними» (Лук., 5:29).

¹ В русском синодальном переводе: «Что Мне и Тебе, Жено?» (примеч. пер.).

«И когда Иисус возлежал в доме (очевидно, Левия Матфея), *многие мытари и грешники* пришли и возлегли с Ним и учениками Его» (Матф., 9:10).

«И когда Иисус возлежал в доме его (Левия), возлежали с Ним ученики Его и *многие мытари и грешники...*» (Марк, 2:14).

Это «большое угощение», таким образом, еще и *сходка*, сбор преступного мира, и такое утверждение нельзя считать слишком смелым, потому что сам Иисус ставит означенных мытарей на последние места в обществе:

«Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?» (Матф., 5:46).

Он уже ассоциировал мытарей с блудницами, следуя тем самым еврейской традиции, выраженной в Талмуде, который уподобляет их разбойникам и убийцам.

Надо сказать, что в тех краях, еще менее тридцати лет назад подверженных непрерывному разбою, где до сих пор (в политических событиях) неизменно господствует «партизанский» подход (Йемен, Ирак и т. д.), мытари в то время, производя свои личные поборы, соединенные с официальными, вели себя как настоящие грабители с большой дороги.

Тем не менее сам Иисус платить означенные подати не любит:

«Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказал: Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да. И когда пошел он в дом (сборщиков), то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? *цари земные* с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: *итак, сыны свободны...*» (Матф., 17:24-26).

Это он сказал потому, что прекрасно понимал: он — сын царя (Иуды из Гамалы, который был «сыном Давидовым» до него) и должен получать деньги, а не платить. Отсюда его горькое суждение об означенных публиканах:

«Если же согрешит против тебя брат твой... то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Матф., 18:15, 17).

Здесь мытарь-публикан поставлен даже в один ряд с язычником. Но при обычном порядке вещей с мытарем следует обходиться бережно, потому что именно благодаря ему наполняется партийный денежный ящик, которым заведует Иуда Искариот и из которого берет деньги, о чем *было известно* (Иоан., 12:6), но что не имело значения, потому что этот ящик легко наполнялся. Настолько легко, что он находился при Иуде Искариоте *даже в вечер, когда арестовали Иисуса*.

На самом деле главным сборщиком был Левий Матфей, мытарь. Он собирал и объединял суммы, вносимые другими мытарями, а Иуда Искариот, который был казначеем движения, подсчитывал их и хранил весь зелотский бюджет. Вероятно, масса блудниц недавно «поверила ему», чтобы заслужить «Царство Божие». Их средства пополнили зелотский бюджет.

С другой стороны, зелоты знали, что Иуда тратит средства движения в личных интересах, однако не передавали их кому-нибудь более честному, *не рискуя их у него отбирать*. В этом заключается небольшая тайна, не лишенная интереса. *Что же знал Искариот, благодаря чему был таким бесменным?* Очевидно, что-то не очень красивое и грозившее кое-кому наказанием, столь же позорным, сколь и неизбежным.

В качестве доказательства того, что мытари в свою очередь платили налог зелотам (они же сикарии), у нас есть только следующие строки Павла:

«Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь — *брать по закону десятину с народа*, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых» (Евр., 7:5).

А Иисус назовет себя священником по чину Мелхиседека. Но вот что дальше:

«И... сам Левий, принимающий десятины... дал десятину...» (Евр., 7:9).

Так вот, здесь речь идет не о Левин, сыне Иакова и Лии, племяннике Рахили и внуке Авраама. Потому что тот Левий

никогда и никому десятины не платил¹. Его жестокость и необузданность вошли в поговорку — см. о нем в Книге Бытия (49:5-7). Это Левин, очень близкий к Павлу, это Левий — он же Матфей, мытарь. И он не только платил десятину, но и организовал ее сбор с братьев-мытарей. Разумеется, в пользу мессианистской кассы.

После смерти Иисуса, как и до нее, еврейские восстания с целью восстановить царство Давида продолжались. Равно как и сбор этой «десятины». Судите сами. Вот что мы читаем у Иосифа Флавия:

«Во время наместничества Фада в Иудее некий *Февда*, обманщик, уговорил большую массу народа *забрать с собой все имущество* и пойти за ним, Февдой, к реке Иордан. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться² и без труда пропустить их. Этими словами он многих ввел в заблуждение. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, которая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живьем. Остервенившись, воины отрубили самому Февде голову и повезли ее в Иерусалим» (*Иосиф Флавий. Иудейские древности. XX, V, 1. Т. 2. С. 414-415*)³. Это 45 год.

Мы знаем, что в 44 году Иаков Младший, «Иаков Алфеев», был обезглавлен в Иерусалиме (*Евсевий Кесарийский. Церковная история. II, I. С. 52*). Так вот, у него был сын, апостол

¹ Автор очень тенденциозно сокращает цитату из Послания к евреям — там сказано: «И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его» (Евр., 7:9-10). То есть речь идет вовсе не о выплате налога лично Левию (*примеч. пер.*).

² Как это сделали Елисей, преемник Илии, и его учитель Илия (4 Цар., 2:8 и 14). Этот Февда (он же Фаддей, он же Иуда), обращаясь к Илии, следовал примеру Иисуса.

³ Куспий Фад был прислан императором Клавдием в 45 году. В 46 году его сменил Тиберий Александр, распявший Симона Зелота (он же Петр) в Иерусалиме в 48 году вместе с его братом Иаковом Старшим.

Иуда, которого еще звали Фаддеем¹. В этом сходятся все католические и протестантские экзегеты. Этот самый сын и есть Февда, он же Фаддей, который был обезглавлен, как и его отец, по приказу Фада. Его называли *чародеем* по той замечательной причине, что он унаследовал от отца навыки магии, которую Иисус привез из Египта. И как астрологов в те времена называли *халдеями* (это факт), чародеев называли *египтянами*. Еще в средние века этим словом будут называть *цыган*.

Вот почему, когда Павла арестуют в Иерусалиме во время нового мятежа (Деян., 21:27-36), мы обнаружим и такое свидетельство:

«Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто? А тот сказал: ты знаешь по-гречески? Так не ты ли тот *египтянин*, который пред сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?» (Деян., 21:37-38).

Здесь не мог подразумеваться житель Египта, которым явно не было дела до еврейской независимости и царства Давида, а только «египтянин» — синоним «чародея».

Все это происходило в самый разгар восстания, потому что Евсевий Кесарийский и Иосиф Флавий единодушно относят к этому времени страшный голод:

«В это же самое время и случился в Иудее тот большой голод...» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. XX, V, 2. Т. 2. С. 415).

Это только под пером безымянных писцов, составивших весь Новый Завет в IV и V веках, эти нескончаемые и страшные восстания становятся банальными мелкими волнениями, к которым подстрекают плохие фарисеи назло хорошим христианам, а замечательные римляне умело пресекают мятежи и служат третейскими судьями во имя сохранения общественного порядка. Историческая реальность совсем иная. Но в то время, когда писали Новый Завет, вся Римская империя волей-неволей стала христианской. Императора и римский на-

¹ Традиционно он считается не сыном, а братом Иакова Младшего (примеч. пер.).

род приходилось щадить. Поэтому все свалили на евреев, оставшихся верными своей религии.

А теперь один эпизод зелотских поборов, написанный с натуры, который безымянные составители подложных Евангелий сочли нужным воспроизвести в назидание простакам и со всей необходимой изощренностью добавив к нему обычный мотив чуда:

«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из своего не называл своим, но все у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и *полагали к ногам апостолов*; и каждому давалось, *в чем кто имел нужду*» (Деян., 4:32-35).

Немного умерим восторг и учтем, что в оценке этой «нужды» должен был господствовать большой произвол, потому что в другом месте можно прочесть следующее:

«В эти дни, когда умножились ученики, произошел у эллинистов ропот на евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей» (Деян., 6:1).

Продолжим чтение предыдущего эпизода:

«Некоторый же муж именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, утаил из цены, *с ведома и жены своей*, а некоторую часть принес и положил к ногам апостолов. Но Петр (не забудем, что это Симон Зелот) сказал: Анания! для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? для чего ты положил это в сердце своем? ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех слышавших это. И, вставши, *юноши* приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили.

Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за столько ли продали вы землю? Она сказал: да, за столько. Но Петр сказал ей: что это согласились вы искутить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух; и *юноши*, вошедши, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее. И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это» (Деян., 5:1-11).

Отметим несколько странных моментов в этом рассказе, явно подправленном, чтобы получить обычную «подкладку», но где жестокость Симона Сикария, отца Искарриота, чья бесчувственность еще раз оправдывает его прозвище «Камень», сквозит в каждой строчке.

Прежде всего Святой Дух Симона весьма удобен. Когда его сын Иуда Искарриот запускал руку в денежный ящик, Святой Дух *не вмешивался*. Он «был вор» (Иоан., 12:6), но Святого Духа это не беспокоило. Зато когда Анания продал свое имение, чтобы принести в дар апостолам часть денег, полученных за продажу, он не имел права оставить часть выручки себе. Это заслуживало смерти.

И его жена, которая непременно ему подчинялась, как по еврейскому закону, так и просто из супружеской любви, не выдав своего мужа, тоже заслуживала смерти.

И, согласно нашим безымянным редакторам IV и V веков, именно тот «Дух-Утешитель», тот «Параклет», которого Иисус якобы послал после вознесения на небо верующим в него в качестве последнего подарка (Иоан., 15:26), исполнил работу палача.

Успокоим читателя. Из поговорки «Яблоко от яблони недалеко падает» следует не только, что «каков отец, таков и сын», но и — неопровержимый силлогизм — обратное: «каков сын, таков и отец».

Симон Зелот, он же Сикарий, заслуживший прозвище «Камень» за бесчувственность, — достойный родитель вора, каким был Иуда Искарриот. Ведь когда Иисус вывел его на сцену, он уже носил это прозвище:

«Проходя же мимо моря Галилейского, Он увидел двух братьев, *Симона, называемого Петром (скалой)*, и Андрея, брата его...» (Матф., 4:18).

«Двенадцати же апостолов имена суть сии: *первый Симон, называемый Петром*, и Андрей, брат его...» (Матф., 10:2).

«Увидев это, *Симон Петр* припал к коленам Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! *потому что я человек грешный*» (Лук., 5:8).

«Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, *брат Симона Петра*» (Иоан., 1:40).

Отметим: есть веские основания предполагать, что именно тот самый злополучный Анания и принял Павла в Дамаске во время обращения последнего¹. Если оно произошло в 39 году, то Ананию и его жену убили уже после того, как они покинули Дамаск и перебрались в Иерусалим, возможно, из осторожности, после событий, связанных с обращением Павла. Проданное имение (в Деян., 5:1, речь идет именно о имении, а не о поле), несомненно, было их жилищем в Дамаске. Отблагодарили их за это очень плохо.

Что касается вида их смерти, то все очень просто. Страшная *сикка* (сирийская, иорданская, палестинская), кинжал, давший сикариям их название, — оружие грозное. Уроженцы тех краев и тогда, и в наши дни добавляют к ней ударное оружие — либо хлыст из жилки пальмового листа, либо дубинку из древесины каменного дуба, либо бычье сухожилие с привязанными свинцовыми шариками. Так, например, стража Иерусалимского храма, которой были положены мечи, в случае народных волнений или для разделения враждующих группировок использовала просто хлысты или дубинки.

Анания и Сапфира были просто убиты на месте — этим и объясняется их внезапная гибель. И если «юноши», гвардия Симона Зелота, потратили три часа на дорогу туда и обратно, когда хоронили Ананию, это потому, что им надо было унести

¹ Судя по Деяниям, обращение Павла произошло после смерти Анании и Сапфиры (*примеч. пер.*).

труп подальше от Иерусалима. Все происходило днем. На ночь ворота города закрывались, и они бы не смогли выйти.

Возможно, труп спрятали в мешок или ящик, согнув в позу зародыша и связав. За пределами Иерусалима хватает пустынных мест, пригодных для тайного захоронения. Достаточно было отойти подальше, чтобы можно было действовать спокойно. Если считать час на дорогу туда, полчаса на копанье могилы (почва, страшно каменистая, поддается очень плохо; ессеи, чтобы выкапывать ямки под естественные выделения, использовали топор, называвшийся *ascia*) и час на обратную дорогу, место тайного захоронения Анании должно было находиться примерно в четырех километрах пути.

Вероятно, ходили они в направлении Иерихона, потому что, по словам Иисуса, там надо было идти через пустынную местность, кишашую разбойниками, которые обитали в многочисленных пещерах этой области:

«Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым» (Лук., 10:30).

Несомненно, Симон Зелот вполне мог бы поступить, как большинство сикариев, которые оставляли свои жертвы прямо в городе, на улице или перекрестке, судя по рассказу Иосифа Флавия (*Иосиф Флавий. Иудейская война. III, 5*). Но эти жертвы их кровавого террора обычно были фарисеями или саддукеями. Если бы в Анании опознали приверженца новой секты, расследование могло быстро показать, что совершено *уголовное преступление*. И вместо отсечения головы, смерти быстрой и безболезненной, виновникам грозило бы распятие, самая жестокая из казней, к которой поэтому и приговаривали за серьезные преступления. Что, впрочем, и произошло в 47 году с Симоном Петром и Иаковом, как мы видели.

Теперь перейдем к одному из загадочных эпизодов раннего христианства — истории с «торговцами в Храме». Современные христиане никогда не упускают случая упомянуть о том, как Иисус изгнал их вместе с менялами, чтобы продемонстрировать, что христианство не приемлет крайностей капита-

лизма. Они забывают о папских обличениях социализма, «порочного по сути», как дословно подчеркивал папа Пий XII.

Итак, вот этот эпизод. Мы не будем его толковать с восхищением легковверных богомольцев, а посмотрим на него с позиции стратига храмовой стражи, отвечающего за общественный порядок.

Прежде всего отметим, что, где бы ни проводились богослужения, там с давних пор совсем рядом оказывались поставщики принадлежностей для этих богослужений.

В Иерусалиме наших дней, в Мекке, Бенаресе, Риме, Лурде, Лизье, Фатиме паломник найдет все необходимое, чтобы продемонстрировать Богу свою веру. Так же было и в далекие времена в великом Иерусалимском храме. Это никого не удивляло. Это положение исчезнет еще не завтра, уточнял пророк Захария. Представляя тот далекий день, когда Иерусалим станет мессианской столицей всего мира, когда Израиль, победитель народов, увидит их приходящими «для поклонения Царю» (Зах., 14:16), — что, разумеется, будет не завтра, — великий ясновидец говорит:

«В то время даже на конских уборах будет начертано: "Святыня Господу", и котлы в доме Господнем будут, как жертвенные чаши перед алтарем. И все котлы в Иерусалиме и Иудее будут святыней Господа Саваофа, и будут приходить все приносящие жертву и брать их и варить в них, *и не будет более ни одного торговца* (в русском синодальном переводе: хананея] *в доме Господа Саваофа в тот день*» (Зах., 14:20-21).

А теперь евангельский рассказ. Иисус поднимается из Иерихона в Иерусалим; *за ним следует большая толпа* (Матф., 20:29), отметим это.

«И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязавши, приведите ко Мне; *и если кто скажет вам что-нибудь*, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их.

Все же сие было, да сбудется реченное через пророка, который говорит: "Скажите дочери Сионовой: се, *Царь твой* грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной" (Зах., 9:9). Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус: привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их. Множество же народа [сопровождавшего Иисуса) постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!» (Матф., 21:1-9).

Здесь остановимся. Если выйти из тогдашнего Иерихона и дойти до Виффагии, перед путником открываются две дороги. Одна, направо, то есть на северо-восток, поднимается на вершину Масличной горы. Другая идет прямо, пересекает «Масличный сад» (находящийся не на одноименной горе, а у ее подножия) и проходит через местечко *Гефсимания*, где находится пресс для маслин и сарай для него. Это место впоследствии прославится. Но деревень до самого Иерусалима нет.

Прямо позади есть деревня Вифания, где жили Симон Прокраженный, Лазарь и его сестры Марфа и Мария — все это родственники и друзья Иисуса. Были ли ослица и молодой осел привязаны к маслине в упомянутой Гефсимании, находились ли они в деревне Вифании (что предполагает возвращение обратно) или в Виффагии — они были там поставлены с целью подготовить это «воплощение» видения Захарии. Это последний штрих. И понятно, их стерегли, чтобы их не украли и чтобы тот, кому они предназначались, вовремя их забрал.

И когда Иисус велел ученикам отвечать, что «они надобны Господу», он подразумевал свой царский сан («господин» означает «царь»), а не божественность. Эта фраза — пароль, и сторож двух ослов без возражений должен был их отдать тем, кто придет за ними. Это называется «подклеивать пророчества». Продолжим.

«И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорили: кто Сей? Народ же (следовавший за ним

от Иерихона) говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского.

И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано: "Дом Мой домом молитвы наречется", а вы сделали его вертепом разбойников» (Матф., 21:10-13).

Действительно, Исаяя говорил так:

«И сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему... я приведу на святую гору Мою, и обрадую их в Моем доме молитвы...» (Ис., 56:6-7).

Но при чем тут разбойники? Вполне очевидно, что иноплеменники и евреи, пришедшие в Иерусалим как паломники, обязательно приносили жертву в Храме. Этот Храм делился на две основные части. Был сам Храм, его многочисленные притворы с оградами и портиками, куда допускались иноплеменники, женщины Израиля, мужчины Израиля, священники, жертвователи, первосвященник. Все они разделялись перегородками, заходить за которые запрещалось под страхом смерти. Было *святилище* как таковое и, наконец, *Святая святых*, куда раз в год входил только первосвященник. То же самое было в *Фиолетовом городе* Пекина и в Московском *Кремле*, Значит, мелкие торговцы и менялы иностранных монет располагались в полусакральных помещениях. Они были необходимы для отправления культа, никто и никогда к ним не цеплялся, без них было не обойтись. Без них, без жертвенных животных культ был невозможен.

Кроме того, такую суровость к этому миру торговцев и менял проявил человек, сам включивший в число своих апостолов двух убийц, отца и сына, а сын к тому же вор, — Симона Зелота и Иуду Искариота. К тому же изгнаны и побиты были даже паломники — «покупающие».

На самом деле все это было подготовлено заранее и тщательно. Иисус не в одиночестве опрокинул все лотки менял и разогнал торговцев, ждавших на папертях покупателей для своих животных. Все это занимало очень большое пространство, как ярмарка или сельскохозяйственная выставка. Для

этого и было собрано «множество народа», следовавшее от Иерихона. Эта потасовка была организована заблаговременно. И она началась по слову Иисуса. С учетом всего предшествующего можно задаться вопросом: все ли деньги, раскатившиеся по полу, сотни золотых и серебряных монет, разлетевшихся во все стороны, впоследствии вернулись к законным владельцам? Может быть, определенное число «Искарियों», пришедших для этого из Иерихона, наклонилось и собрало их. Может быть, наши менялы и торговцы оказались не такими покорными, как мытари.

Можно также задаться вопросом: не отправил ли «стражи» Храма, начальник его стражи, при виде этой агрессии вооруженный отряд, чтобы остановить бунтовщиков, и не подняли ли часовые по тревоге римскую центурию в цитадели Антония, чтобы напасть с тыла на Иисуса и его группу zelotim? Обо всем этом канонические Евангелия неизбежно не обмолвились и словом.

Возможно, при подобных же обстоятельствах (потому что нападений на Храм было несколько) некий Иисус бар-Аба был арестован и брошен в тюрьму вместе с другими мятежниками, «которые во время мятежа сделали убийство» (Марк, 15:7). Можно допустить, что такая ситуация не относится к абсолютно невероятным в такой среде и для таких людей, считавших свою борьбу священной войной, как показывают некоторые из рукописей Мертвого моря.

С другой стороны, не будет нелепым предположение, что по примеру своего отца Иуды Галилеянина, первым захватившего арсенал и дворец Сепфориса, Иисус во время этого налета попытался присвоить оружие из арсеналов храмовой стражи, а заодно и сокровищницу Храма, о ее существовании знали все, и изымать из нее средства уже пытались Гиркан, Ирод и римляне. Это было бы законным военным трофеем.

Тот факт, что Иосиф Флавий не пишет о нападениях на Храм до падения Иерусалима, не доказывает абсолютно ничего. Нельзя же забывать, что оригинальные рукописи исчезли. *У нас в распоряжении есть только списки, сделанные не-*

рез несколько веков; они прошли через руки монахов-переписчиков и христианской цензуры.

Тут сделаем отступление. Среди многочисленных документов, называемых «рукописями Мертвого моря», есть медные свитки, древнееврейский текст на которых был расшифрован в 1956 году в Великобритании Райтом Бейкером из Манчестерского университета. Они относятся к I веку нашей эры. Текст написан на разговорном диалекте — языке Мишны, древнейшей части Талмуда, а не на неоклассическом иврите.

Известно (об этом *dixit* Дюпон-Соммер в своих «Рукописях Мертвого моря»¹), что зелоты первоначально были военно-политическим крылом *есеев*, от которых в конечном счете отделились. По мнению Сесила Рота, жители Кумрана (местности, где нашли все эти рукописи) были зелотами. Так вот, эти свитки сообщают о значительном сокровище, включавшем около *двухсот тонн золота, серебра и других драгоценных материалов*, рассеянном и зарытом в шестидесяти разных точках Святой земли. Сказано, что Нерон, которому, несмотря ни на что, претили бесполезные преследования, предпочитал принимать за зелотских вождей огромные выкупы, предоставляя рядовых бойцов действию римских законов и страшным обычаям, вытекавшим из этих законов. Иосиф Флавий опять-таки показал себя превосходным историком, его слова были подтверждены кумранскими медными свитками, хотя численные данные явно завышены.

Как далеко мы уже оказались от «восхитительного Иисуса», от «Сострадательного сердца», от «Агнца, приносящего себя в жертву за грехи людские». Это *Иешуа* иудейского тайного знания, Невидимый Спаситель, тот, кого *все религии спасения* в своих инициационных «тайнствах» обнаруживают в числе *Вечных архетипов*. Это Эон Иисус гностиков-валентиниан. Это иудаизированный Митра IV века, придуманный псевдоевангелистами на службе Константина. Это *идеализированный Христос*, которого искренние христиане почитают с давних пор.

¹ Dupont-Sommer, Andre. Les manuscrits de la mer Morte. Paris 1950.

Но это не претендент на вполне материальный израильский престол, который идет на Иерусалим во главе своих си-карриев, чтобы избить безобидных паломников и ограбить мелких торговцев и менял. Это не тот, кто, презирая мытарей, использует их и облагает данью для своей военной казны. Это не тот, кто, избирая себе ближайших помощников, прежде всего назначает ими двух убийц, отца и сына, а последний еще и вор. Тот, кто таким образом совершает свой «марш на Рим», кого распнут по приказу прокуратора Понтия Пилата, — это отважный политический лидер, маг, делающий честь своим александрийским учителям, *но человек*, немолодой, стоящий на пороге старости, чья смерть уже близка.

Это тот, кого гностики, манихеи, тамплиеры и катары откажутся считать Богом. Тот, орудие казни которого, позорный крест тех времен, те же тамплиеры и катары никогда не сочтут священным и будут питать равное отвращение к этому орудию, потому что в их глазах его почитание — настоящее святотатство по отношению к истинному божеству, которое позаботилось о *Спасении мистов всех культов*. Тот, кого распнут, — это *низший, земной Христос, поработенный и плененный Материей*, что открывают нам манихейские тексты, противопоставляемый *Христу высшему, небесному, чисто духовному и пневматическому*. И материалы допросов тамплиеров бесспорно показывают, судя по некоторым *очень точным* вопросам, что инквизиторов беспокоило именно *это*, то есть такое дифференцированное представление...

Так вот, утверждать, что в действиях Иисуса не было ничего подобного позднейшим бесчинствам Симона Петра, — значит заблуждаться. И вот доказательство.

У Матфея (27:24-27) мы прочтем такой рассказ, очень неосторожно оставленный безмянными писцами IV века, поскольку он еще раз показывает особую форму доходов, которые обычно получали Иисус и zeloty:

«Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм¹ и сказали: Учитель ваш не даст ли дид-

¹ Две драхмы; греческая драхма стоила 0,9 франка 1926 года.

рахмы? Он говорит: да. И когда пошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? *цари земные* с кого берут пошрины или подати? с *сынов ли своих*, или с *посторонних*? Петр говорит Ему: с *посторонних*. Иисус сказал ему: *итак, сыны свободны*; но, чтобы нам не соблазнить их, пойдя на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и, открыв у ней рот, найдешь статер¹; возьми его и отдай им за себя и за Меня» (Матф., 17:24-27).

Вот уж чудо так чудо, и изрядное. Однако в качестве воплощенного бога Иисус мог бы просто щелкнуть пальцами, чтобы в них появился нужный статер. Он мог бы просто сказать Симону Петру: «Сунь руку в свой пояс и найдешь монету, которой заплатишь за обоих нас пошрину...» Ничего такого он не сделал. У Симона, вместе с которым они бродили по Галилее, заранее запасена за поясом удочка *с наживкой*. С какой — не говорится. И после поимки рыбы, немедленно, в ту же секунду, Иисус материализует у ней во рту, на расстоянии, нужный статер, чтобы заплатить пошрину. Лучше некуда! Мы никогда не узнаем, давно ли рыба плавала с этой монетой во рту, подобрав ее неведомо где и неведомо когда и храня все время, пока наконец не попала на крючок Симона Петра. Что и позволило ей умереть с открытым ртом вне родной стихии. Нам так и не объяснят, как она могла ухватить крючок, не выпустив при этом монеты. Ведь для наивных людей, падких на чудеса, все замечательно. Только истина проще. А также гнуснее и открывает нам настоящее лицо исторического Иисуса, без маски.

Когда умирает римский папа, ударом булавы ломают его перстень, называемый «перстнем рыбака». А для его преемника вырезают новый.

Этот обряд установлен в честь фразы Иисуса: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Матф., 4:19). На самом деле тем, к кому она была обращена, в частности Симону, не предстояло сильно менять свою профессию. Ведь Симон, как и его сын Иуда, тоже носил прозвище *Искарот*

¹ *Статер* стоил четыре драхмы, то есть 3,6 франка тех же времен (1926).

(Иоан., 6:71), а также *Varjonna* (Иоан., 21:15), (см. с. 88-89). То есть оба наших убийцы и грабителя были вполне готовы действовать под высоким руководством одного из сыновей «царей земных». Ведь следовало бы договориться: Иисус — *сын царя небесного* или *одного из царей земных*? Противопоставление очевидно. В своих прежних преступлениях Симон искренне признается: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лук., 5:8).

То есть *рыба* из этих эпизодов — то же самое, что «голубь» современного арго. Действительно, когда это рыбу извлекали из родной стихии, чтобы обеспечить ей духовное будущее? Выловленную рыбу ждала неизбежная судьба: сначала ее *чистили* (отнимали одежду), потом *потрошили* (отнимали деньги) и, наконец, *варили* или даже *жарили* ради пропитания того, кто ее *поймал*. Современного «голубя» точно так же «ощипывают», «потрошат», «варят». Читателям, не знакомым со значением этих специальных терминов, поможет словарь арго.

Так вот, на «перстне рыбака», атрибуте преемника Симона Петра, *изображен именно последний, забрасывающий сеть*. Опять-таки символы красноречивы. *Рыбу извлекают из воды не ради ее блага, а только в интересах рыбака*, и она заранее «поджарена».

Теперь истолкуем описанный выше евангельский эпизод. Иисус называет себя «сыном царей земных», отказывается платить подать и, наоборот, претендует на то, чтобы ее получать. После этого проблема, которую поставил перед ним мытарь из Капернаума, решается очень просто. Симон спустится к озеру, найдет там «голубя», простите, «рыбу», в данном случае кого-нибудь, и заберет у него сумму, которая требуется для входа в Капернаум. Это очень просто — к делам такого рода Симон привычен. Левую руку он протянет понятным жестом за четыремя дидрахмами либо статером, стоившим столько же, а правой слегка приоткроет спрятанную под плащом *сикку*, страшный палестинский кинжал, давший сикариям их название. Так, не отказываясь от принадлежности к «сынам

царей земных», Иисус и Симон войдут в Капернаум, не развязав кошелька.

Бесспорное доказательство, что речь идет о грабеже прохожего, а не о сотворении чуда, состоит в том, *что добычу статера не берет на себя сам Иисус.*

Воплощенный бог мог бы сделать так, чтобы монета появилась внезапно, из ничего, как делает фокусник. Незачем всякие сложности, удочка, крючок, наживка, рыба и т. д. И однако совершил операцию не Иисус. Почему? Да потому, что он слишком маленького роста, стар, слаб и т. д. и *не произведет нужного впечатления на жертву.* И это дело возьмет на себя Симон, «скала», «крутой». Потому что рост у него достаточен, чтобы запугать жертву, и он привычен.

И это вполне доказывает, что речь не идет об обычной «рыбе». К тому же есть еще одно, последнее замечание, которое подтвердит обоснованность этой точки зрения.

Известна латинская аббревиатура ICHTYS, передающая латинскими буквами греческую монограмму титула Христа и содержащая первые буквы слов: *lesous Christos Theou Uios Soter* (Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель).

И та же латинская аббревиатура ICHTYS (по-гречески *ikhthus* — рыба) откроет нам хитрый прием, который использовали безымянные писцы IV века, чтобы замаскировать неприглядную правду в эпизоде со статером в рыбе.

Известно, что Иисус делил людей на две очень разные категории. Есть *овцы*, то есть «хорошие», свои (Матф., 15:24 и 25:32-33; Иоан., 10:2). Их ставят на правую сторону, и им уготовано вечное блаженство. И есть *козлы* (Матф., 25:32-33), то есть «плохие», противники. Их ставят слева, и их ждут вечные муки...

И теперь мы подошли к настоящему значению латинского слова ICHTYS. Потому что фонетически оно эквивалентно древнееврейскому *ish-thyss* (алеф-йод-шин и тав-йод-шин), дословно означающему «человек-козел». Эти «люди-козлы» почти век и будут неизменно жертвами zelотов, как показал Иосиф Флавий в «Иудейской войне» и в «Иудейских древностях».

Тем не менее мы не можем обойти молчанием другую гипотезу, касающуюся мнимого чуда со статером в рыбе. Известно, что в древней Палестине (особенно в Декаполисе), помимо еврейского этноса, жило множество греков. И погребальные традиции требовали, чтобы их мертвецы отправлялись в иной мир с монетой, *оболом*, в зубах, что позволило бы им заплатить Харону, перевозчику мертвых, который переправит их через Стикс и избавит от перспективы бесконечно блуждания в промежуточном «мире».

Такой монетой был самое меньшее *обол*, греческая монета небольшого достоинства. Но, очевидно, богатые семьи в уста своим покойникам клали более дорогие монеты.

Возникает вопрос: может быть, *человек-козел* был просто трупом, положенным в морт до окончательного захоронения или кремации, и это у него Симон Петр украл монету? У кого хватает смелости грабить живых, тот не побоится обобрать и мертвого.

Еще один эпизод из того времени, пересказанный Иосифом Флавием, подтвердит все вышесказанное. В его «Иудейских древностях», в двадцатой книге, мы прочтем историю, которая якобы произошла в 63 году.

«Узнав о смерти Феста, император послал в Иудею наместником Альбина. Около того же времени царь (Агриппа) лишил Иосифа, первосвященника, сана и назначил преемником ему Анана, сына Анана же. Последний, именно Анан-старший, был очень счастлив; у него было пять сыновей, которые все стали первосвященниками после того, как он очень продолжительное время занимал это высокое место. Такое счастье не выпадало на долю ни одного из наших первосвященников. Анан же младший, о назначении которого мы только что упомянули, имел крутой и весьма беспокойный характер; он принадлежал к партии саддукеев, которые, как мы уже говорили, отличались в судах особой жестокостью. Будучи таким человеком, Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока еще Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения своей суровости). Поэтому он

собрал синедрин и представил ему *Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц*, обвинил их в нарушении законов¹ и приговорил к побитию камнями. Однако все усерднейшие и лучшие законоведы², бывшие (тогда) в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбой запретить Анану подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права, помимо его разрешения, созывать синедрин. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анану гневное письмо с угрозой наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея.

Когда Альбин приехал в Иерусалим, он приложил всяческое старание и усердие, чтобы *умиротворить страну*. При этом он *умертвил множество сикариев*³. Тем временем влияние первосвященника Анана росло со дня на день, и он пользовался любовью и почетом среди своих сограждан. Дело в том, что он давал займы деньги⁴» (*Иосиф Флавий. Иудейские древности. XX, IX, 1-2. Т. 2. С. 426-427. Перевод (на французский) Арно д'Андийи*).

Вполне очевидно, что монах-переписчик внес в этот фрагмент рукописи Иосифа Флавия изменения, и изменения неумные. Потому что:

а) написано, что дети Анана стали первосвященниками после него, и в то же время один из них наследовал некоему Иосифу. Налицо противоречие;

¹ Во французском тексте: Закона (*примеч. пер.*).

² Во французском тексте: все жители Иерусалима, отличавшиеся благочестием и истинной любовью к соблюдению наших законов (*примеч. пер.*).

³ Во французском тексте: этих воров (*примеч. пер.*).

⁴ Во французском тексте: не было человека, который бы не почитал его за его щедрость (*примеч. пер.*).

б) написано, что Иаков, брат Иисуса (это Иаков Младший, потому что Старший умер вместе с Симоном Петром в 47 году), был вместе с некоторыми другими побит камнями за нарушение иудейского Закона. Так вот, этот самый иудейский Закон, который саддукеи так строго соблюдали, запрещал выносить в один день несколько смертных приговоров. Против этого и протестовали жители Иерусалима, но не против самого приговора нарушителям закона, потому что выразить подобный протест значило бы также нарушить этот закон! Значит, Иакова Младшего «и некоторых других» осудили и приговорили *по другим причинам*. По каким? Вот они:

в) в последнем абзаце приведенной цитаты сказано, что Альбин «приложил всяческое старание и усердие, чтобы умиротворить страну» и «умертвил множество *этих воров*». *Но где в предшествующем тексте упоминание о ворах? Нет такого.* По крайней мере в рассказе монахов-переписчиков, потому что у Иосифа Флавия оно было! Как, впрочем, и в более ранних главах, потому что он подробно описывает бесчинства сикариев.

На самом деле отрывок, тщательно удаленный монахами-переписчиками, по существу рассказывал о казни этого «Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом»: дело было не в нарушении *религиозных* обычаев по иудейскому закону, а просто-напросто в нарушении закона уголовного. В отрывке, удаленном переписчиками, фигурировало слово «воры», потому что впоследствии на него ссылаются. Но наши переписчики, более или менее невежественные, если учитывать эпоху (позднее средневековье), с трудом разбирали строчку за строчкой, проводя по ним пальцем и останавливаясь на каждом слове, они не читали так же легко, как мы, и не заметили, что их вставка не вяжется с остальным текстом.

Чтобы избежать использования современного перевода, на котором могли бы сказаться идеологические бои и религиозные предпочтения переводчиков, мы взяли текст Иосифа Флавия в переводе Арно д'Андийи (1588-1674), переводчика многих религиозных произведений, старшего брата «великого

Арно» — защитника янсенистов от иезуитов и Анжелики, его сестры, аббатисы Пор-Рояля.

В самом деле, в те времена либеральной критики христианства еще не существовало, и Арно д'Андии не подозревал, как важна его честность в этой сфере. Текст, которым мы пользуемся, от этого стал только более выразительным¹.

¹ *Flavius Josephe. Histoire ancienne des Juifs et la Guerre des Juifs contre les Romains. Textes traduits sur l'original grec par Arnauld d'Andilly, adapte en francais moderne par J.A.C. Buchon, preface de Valentin Nikiprowetzky, maitre-assistant au College de France. Paris: Lidis. 1968.*

Глава XVI

БЕГСТВО В ФИНИКИЮ

Тот, кто милосерден ко всем людям, достоин милосердия небес.

Раббан Гамалиил III. III век

Передвижения Иисуса в течение четырех лет его публичной жизни не случайны. Они неизбежно связаны с потребностью обезопасить себя. Он претендовал на восстановление религиозной царской власти, был наследником престола Давида, его окружали zeloty, иные — весьма дурной репутации, судя по их прозвищам, и за ним обязательно должна была следить римская полиция, а также полиция идумейских тетрархов.

Вот почему, когда христианские историки называют его поездку в Финикию «удалением» (*retraite*), мы можем только удивиться или принять это слово в его военном значении («отступление»).

Действительно, если ты находишься в Иерусалиме, *Святом городе*, где, как всякий этнический еврей, имеешь право ежедневного доступа в предпоследний, мужской, притвор (а Иисус не был лишен этого права) Храма, где только и осуществляется регулярный культ, и другого места для этого нет, — как объяснить, что ты удаляешься в Финикию, государство, где население все еще враждебно к еврейскому народу, культы — по существу языческие и где, следовательно, тебя ежеминутно окружает ритуальная нечистота?

На самом деле речь идет о военном «отступлении», то есть бегстве, и как раз в те края, в отношении которых никому бы

и в голову не пришло, что Иисус может укрыться там. От Иерусалима, где он тогда находился, до Сидона через Иудею, враждебную Самарию и Галилею в целом около ста девяноста километров *по прямой*.

Мы никогда не узнаем, какой дорогой направился Иисус, но можем предположить, что вместе с несколькими учениками, сопровождавшими его (несомненно, теми же, что и всегда, — Симоном, Иаковом и Иоанном), он смешался с караваном паломников, шедших на север, в Финикию, для участия в церемониях, проводившихся в память смерти и воскрешения Адониса.

Ведь если верить работам католических экзегетов и историков, Иисус скрылся в Финикию в июне 29 года. И значит, прибыл туда точно к ежегодным церемониям, проходившим, как мы увидим, в день летнего солнцестояния, как раз когда расцветает «роза Дамаска» — анемон, *посвященный Адонису*.

Однако он оставался там недолго, самое большее дней десять, потому что его узнали:

«И, вышед оттуда (из Иерусалима), Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина-хананеянка, вышедши из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, *Сын Давидов!* Дочь моя жестоко беснуется. Но Он *не отвечал ей ни слова*. И ученики Его, приступивши, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами» (Матф., 15:21-23).

У Марка мы находим уточнение, что он не желал быть узнанным:

«И, отправившись оттуда (из Иерусалима), пришел в пределы Тирские и Сидонские; и, вошед в дом, *не хотел, чтобы кто узнал*; но не мог *утаиться*. Ибо услышала о нем женщина, у которой дочь одержима была нечистым духом, и, пришедши, припала к ногам Его...» (Марк, 7:24-25).

Итак, он не хотел, чтобы его узнали, он скрывался. Для воплощенного божества, явившегося возглашать массам истину, странная позиция — бежать, прятаться «в доме» и желать «утаиться».

Это дом, вероятно, принадлежал его таинственному брату, имя которого неизвестно и который жил в Сидоне под прозви-

щем «Сидоний» — сидонянин. Был ли это тот загадочный *скрытый сын*, о котором мы говорили на с. 72?

Продолжение этой истории известно. Но Иисус не мог больше оставаться в Финикии, потому что его опознали. *Он снова бежал.*

«Вышед из пределов Тирских и Сидонских, Иисус опять пошел к морю Галилейскому¹ чрез пределы Десятиградия» (Марк, 7:31).

Так вот, если рассмотреть карту этих мест (с. 6), можно отметить, что Иисус попытался ввести в заблуждение жителей Тира. В самом деле, из этого города он вдоль побережья Средиземного моря дошел до Сидона, города, расположенного в пятидесяти километрах *северней Тира*. Значит, тиряне могли предположить, что он в конечном счете направляется в Палестину. И если они дали такие сведения римской жандармерии, сведения эти были ложными. Из Сидона, повернув на восток, он вернулся в Галилею, *но через Декаполис*.

Все это совершенно нормально со стороны человека, голова которого оценена и против собственных отрядов которого римские легионы постоянно проводят полицейские операции. Но зачем скрывать это от нас?

«Удаление» в Финикию, прерванное из-за вмешательства хананейки и ее болтливости, пришлось, как мы видели, на момент церемоний, посвященных Адонису. Культ этого бога, представлявшего собой не что иное, как воплощение хлебного зерна в частности и растительности в целом, был очень древним. Специалисты по истории религий отождествляют его с египетским Осирисом, и это его чтили в разных краях под именем Эшмуна, Афлада, тогда как в других местах обнаруживали поклонение ему под именем Думмузи, Таммуза, Сандона и, наконец, Адониса.

Даже Израиль во времена тех попыток прийти к религиозному синкретизму, которые пророки с ужасом рассматривали как духовную измену Яхве, иногда почитал Таммуза:

¹ Во французском тексте: тогда покинул территорию Тира и через Сидон вернулся к Галилейскому морю (*примеч. пер.*).

«И привел меня, ко входу во врата дома Господня, которые к северу, и вот, там сидят женщины, плачущие по Фаммузе» (Иез., 8:14).

Он носил имя «пастуха Неба», или «Небесного пастуха», а также «Истинного сына». Спускаясь в обитель мертвых, он становился их господином и тогда принимал имя «пастуха Земли». А когда при воскресении он из этой мрачной обители вновь поднимался к свету, мертвые поднимались вместе с ним. До того, во время его (символического) погребения, его статую омывали, умащали благовониями, облачали в темно-красный саван. Вот почему специалисты по древним религиям Вавилона и Ассирии, прежде всего Эдуард Дорм, могли заключить:

«Смерть, воскресение, вознесение — в мистериях Думузи есть все» (*Dhorme, Edouard. Les Religions de Babylonie et Assyrie. Paris: Presses universitaires de France. 1949*).

И А. Море вместе многими другими авторами без колебаний пишет: «Мы считаем подтвержденным, что в *адониях* финикийцы черпали надежду на возрождение существования человека после смерти» (*Moret, Alexandre. Histoire ancienne. Premiere partie, Histoire de l'Orient. Paris: Presses universitaires de France. 1941*).

Надо признать, что безымянные писцы, редактировавшие современные Евангелия в IV веке и позже, дали нам на выбор два возможных вывода:

а) либо сам Иисус, пораженный мистериями в честь Адониса, увиденными им во время краткого пребывания в Финикии, решил кончить жизнь подобным же образом, спровоцировав события и дав соответствующие указания тем, кто будет заниматься его телом после его смерти;

б) либо мы не знаем, как все произошло в действительности. И как раз писцы IV века, сочиняя Евангелия, заимствовали детали из религии Адониса и религии Митры, с которой мы тоже скоро встретимся, заполняя пробелы в их документах.

Ведь Иисус тоже сравнивал себя с *Небесным пастухом*, называл себя *единственным Сыном Божьим*; спустившись в

Шеол, он разрушил царство Князя тьмы и освободил мертвых, ждавших его там; легенда утверждает, что в момент его смерти видели, как они вышли из могил и бродили по Иерусалиму. К тому же его труп умащают благовониями. Он воскресает на третий день и занимает место на небесах, рядом с Богом. Во всем этом он *сходен с Таммузом и Адонисом*, ничего не пропущено, плагиат очевиден.

А ведь это пребывание в земле в течение трех дней и ночей с последующим воскресением в Евангелиях упоминается только в трех местах. Оно выводится, *по аналогии*, из пребывания Ионы в желудке большой морской рыбы, причем авторы не сознавали *абсолютной невозможности* такого события. В самом деле, очень странно для «Сына Божьего» верить в подобную глупость и распространять ее: якобы человек прожил три дня и три ночи в желудке кашалота и вышел свежим и бодрым.

Итак, вот эти евангельские тексты:

а) «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Матф., 12:39-40)¹.

б) «Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка» (Матф., 16:4).

в) «Род сей лукав; он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо, как Иона был знамением для ниневитян, так будет и Сын Человеческий для рода сего» (Лук., 11:29-30).

Хронологически пребывание Иисуса в Финикии приходится на время между высказываниями «а» и «б». Либо «а» — позднейшая вставка (а у Матфея они нередки), *либо он, отправляясь в Финикию, уже задумывал осуществить нечто*

¹ Этот отрывок явно вставлен позже, потому что разрывает текст и речь Иисуса. Достаточно перейти от стиха 37 к стиху 42, чтобы констатировать, что речь совершенно последовательна и вставка стихов 38-41 [42?] очевидна. Напротив, в 16:4 рассуждение об Ионе вполне на месте.

подобное мистериям Таммуза и Адониса. Эту вставку могли сделать для того, чтобы читатель не связал встречу Иисуса с церемониями в честь Адониса и позднее утверждение Иисуса относительно своего *воскресения*. Ведь *до тех пор о таком речи не было*. Эта мысль пришла ему в голову и он начал утверждать это *только после поездки в Финикию*.

С другой стороны, севернее Сидона, на широте острова Кипр, в области Арвада, Хамы, Эмесы, расквартированные в Финикии римские легионы с давних пор внедрили культ Митры. Отсутствуя в Палестине (понятно почему), он вновь появился в Александрии и охватил древний мир.

Самое древнее из известных его проявлений единодушно относят к XIV веку *до нашей эры*. Последний же документ, где речь идет о европейском Митре, датируется V веком *от Р. Х.* Значит, этот бог царил в сердцах верующих в него тысячу девятьсот лет. Его исчезновение совпало с мерами, принятыми христианскими императорами по наущению отцов церкви против всего, что не было христианским, притом ортодоксальным. Пифагорейцы, платоники, гностики, сектанты разных независимых ответвлений христианства тогда познакомились с мессианистской и христианской терпимостью.

Митра на самом деле был богом легионов. Эта религия, в 181 году до нашей эры внесенная в самое сердце Рима, получила поддержку императоров. Коммод, Диоклетиан, Галерий, Лициний, Юлиан, Аврелиан были яркими приверженцами Митры. Может быть, Нерон, родившийся 25 декабря, в тот самый день, когда праздновали рождение Митры, был одним из первых императоров, принявших этот культ.

Так вот, Митра родился в *гробе*; при его рождении присутствовали *пастухи*; он — божественный лучник, пронзающий своими стрелами отродья Зла. В ритуале причащения верующих в Митру есть такая удивительная фраза:

«Кто не будет есть мое тело и пить мою кровь так, чтобы он слился со мной, а я с ним, не получит доли в Спасении» (Цит. по: *Vermaseren, Martin (Maarten Jozef). Mithra, ce dieu mysterieux / trad. du neerlandais. Paris; Bruxelles: Sequoia. 1960*).

С другой стороны, считается, что Иисус во время своей Тайной вечери провозгласил:

«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную...» (Иоан., 6:54).

Таким образом, когда христиане откроют текст митраической литургии, они придут в ярость. Взбешенный Тертуллиан заявит, что это дьявол тысячу лет назад спародировал причастие, чтобы принизить слова Иисуса.

Как и последнему, Митре *на Востоке* первоначально поклонялись *маги*¹. Они это делали в качестве жрецов религии Зороастра, где культ Митры представляет лишь один из аспектов. Когда Митра поднялся на небо, он занял место рядом со своим отцом *Ахурамаздой*, и тот заявил, что «молиться Митре — то же, что молиться Ахурамазде».

Пусть читатель сравнит это с высказываниями: «Дабы все чтити Сына, как чтут Отца» (Иоан., 5:23) и «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну» (Иоан., 5:22). Аналогия очевидна.

Пересечений между культом Митры и христианством не признать невозможно. Но если культ Адониса, *stricto sensu* [в строгом смысле (*лат.*)], поразил воображение Иисуса, то митраические черты были (сознательно или нет) привнесены впоследствии, в течение первых веков, безымянными редакторами Евангелий.

Другие эпизоды показывают, и возразить здесь нечего, что Иисус, *не имея возможности стать царем при жизни*, как из-за присутствия римских легионов, так и из-за враждебности к нему части еврейского народа, а также в силу самого учения его отца Иуды Галилеянина (и учения всех zelotov: «единственный царь — это Бог»), отказавшись от предложения Тиберия стать тетрархом после смещения Филиппа, Иисус, скажем так, *вообразил, что станет богом после смерти*, и это произошло после того, как он увидел в Финикии церемонии, изображающие смерть и воскресение Адониса.

¹ Во французском языке это слово обычно передается как *Mages* (маги), в русском — как «волхвы» (*примеч. пер.*).

Это значит, что он прежде всего собрал некоторое количество данных, связанных с ожидаемым Мессией (полностью проигнорировав некоторые другие, осуществить которые было невозможно), и при этом постарался увязать некоторые эпизоды своей публичной жизни с этими предсказаниями пророков. Он также позаимствовал эзотерические обычаи и ритуалы из уже существующих культов. Во-первых, *сущность* и *форму* евхаристии — в культе Митры. Во-вторых, крещение путем погружения в воды (пусть и *нечистые*) Иордана — в индуизме. На самом деле, еще по меньшей мере двадцать-тридцать веков назад в Индии и Непале воду священных рек, таких как Ганг, «великая мать Ганга», индийцы использовали для очищения от грехов, погружаясь в жизнетворные потоки.

Таким образом, когда в 27 году нашей эры Иисус отправит своему кузену Иоанну, будущему крестителю, свои указания о связи между *живой водой* и *будущей жизнью* (Отк., 22:17), он просто спародирует ведическую религию.

В том же своем Апокалипсисе, проводя связь между Злом (Зверем) и числом 666 (Отк., 13:18), он делает заимствование из даосизма. Читателю достаточно лишь обратиться к книге «Китайская мысль» Марселя Гране¹ и к научному исследованию о магическом квадрате, разбитом на девять клеток, «Ло-Шу», хорошо знакомому геомантам, практикующим «И Цзин». Он отметит, что 50 — это число Логоса (ср.: «пятьдесят ворот Разума» в каббале), а 666 — число демона, Зла. И здесь Иисус не изобрел ничего нового. Тем не менее все это означает, что он вполне имел магическую подготовку и, следовательно, *получил ее*, пусть все благонамеренные люди всегда с возмущением отказывались это признавать, несмотря на утверждения тогдашних противников означенного Иисуса (см. выше, с. 177-178).

¹ Granet, Marcel. La Pensee chinoise. Paris; Albin Michel. 1947.

Глава XVII

ЗАГАДКИ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Суд, который раз в семьдесят лет произнес бы смертный приговор, заслуживал бы название суда-убийцы.

Рабби Элеazar бар-Азария. II век

Даниэль-Ропс в своей книге «Иисус в Его время» соглашается, что краткая хронология последних дней жизни Иисуса была такой:

- четверг, 6 апреля: Тайная вечеря, (вечер), арест в Гефсиманском саду;
- пятница, 7 апреля; (ночь) процесс, распятие, смерть;
- суббота, 8 апреля: пребывание в могиле;
- воскресенье, 9 апреля: воскресение (на заре).

Теперь мы внимательно рассмотрим то, что утверждает христианская традиция, и подвергнем эти утверждения критике.

На самом деле, те, кто в IV и V веках писал синоптические Евангелия, Евангелие от Иоанна и апокрифы, не располагали всеми необходимыми данными, чтобы составить неуязвимое произведение. В отсутствие средств сообщения, библиотек, куда доступ был бы простым, возможности так же легко переписываться, как в наше время, им было очень сложно, если не сказать — невозможно, полностью синхронизировать свои сочинения. В ту эпоху, без таких средств проверки и контроля, как сегодня, каждый мог выдумывать что хочет.

Кроме того, эти люди отнюдь не были евреями. Их ошибки доказывают это более чем достаточно. Еврейских обычаев и

ритуалов они совершенно не знали. Воспроизведем здесь очень уместный анализ, проведенный Огюстом Олларом в книге «Происхождение христианских праздников»¹.

«Последняя трапеза Иисуса со своими учениками в четверг, накануне его смерти, неизгладимо врезалась в их память: именно тогда в последний раз их любимый Учитель произнес благословение, преломив хлеб, чтобы сразу же раздать его как символ единения, наполнил чашу и благословил ее, прежде чем передать ученикам.

Там не было ничего, что не полностью соответствовало бы еврейским обычаям, включая формулы благословения, звучавшие так: "Благословен будь, Господи, Бог наш, Царь Вселенной, благодаря Кому на земле произрастает хлеб!" — "Благословен будь, Господи, Бог наш, Царь Мира, каковой создал лозу!" Именно в ходе этой трапезы Иисус заявил ученикам: "Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божиим" (Марк, 14:25). Предполагалась, что именно это их последняя встреча: больше собираться им не будет ни возможности, ни времени, ибо грядет Царствие. Если у Иисуса было предчувствие, что, прежде чем установить это Царствие, он пройдет через смерть, именно так он и должен был думать. Через несколько мгновений, в Гефсиманском саду, он будет просить Бога избавить его от этого предельно тяжелого испытания.

Вот почему у Иисуса не могло быть намерения в связи с этой трапезой и в память о своей смерти учредить некое "причастие", которое перспектива близкой встречи на небесах во всяком случае делала излишним. *Последняя трапеза Иисуса не имеет никаких черт пасхальной*, кроме лишь заключительного гимна (Марк, 14:26; Матф., 25:30), который можно было бы в крайнем случае назвать "галлел". Но нет ни горьких трав, ни четырех чаш; нет даже агнца, который символизировал бы Христа лучше, чем любой другой эле-

¹ *Hollard, Auguste. Les origines des fetes chretiennes. Paris: Ed. de la Nouvelle revue critique. 1936.*

мент трапезы, и опресноков нет, только обычный хлеб (по-гречески *arton*)».

У Марка (14:22-23) и у Матфея (26:26-27) мы читаем: «И, когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое. И. взяв чашу, благодарив, подал им...». Чтобы увидеть в этой трапезе *пасхальную* — как бы мало она ни *Напоминала последнюю*, — надо признать, что эта чаша благословения, поданная после раздачи хлеба, была *третьей чашей ритуальной иудейской трапезы*. Лука был более проникновенен: у него трапеза началась (22:17) с благословения чаши. Он уже не ввел его, «когда они ели», что на самом деле нарушает порядок трапезы, и закончил трапезу тем, что по столу была пущена чаша, которая в конце концов могла быть четвертой (ср.: *Guignebert, Charles. Jesus. Paris: Albin Michel. 1947*).

Но нас ждут другие противоречия. Как объяснить, что очевидцы Иоанн и Матфей пишут такие нелепости, а благочестивые иудеи Лука и Марк не знают традиционных иудейских ритуалов, где придается такое значение деталям?

У синоптиков, то есть у Матфея, Марка и Луки, Иисус отпраздновал Пасху того года до своей казни, передав им хлеб и вино, мистически претворенные в плоть и кровь.

У Иоанна, напротив, *в тот самый момент, когда готовились к Пасхе*, принося в Храме в жертву ритуальных агнцев, кровь которых пропитает жертвенник (каждый отец семейства забирал животное, чтобы съесть его дома, в кругу семьи, *согласно строгому обычаю*), — как раз в этот миг, в чем заключалась явная эзотерическая символика, Иоанн принял последнее дыхание Иисуса.

Так вот, здесь очевидное противоречие: согласно синоптикам, в вечер перед казнью на Голгофе Иисус в кругу учеников учредил причастие. Значит, это происходило в четверг вечером, а поскольку по иудейскому Закону сутки начинаются с захода солнца, это было начало 15-го дня месяца нисана. Именно этот день в Храме приносили в жертву пасхальных агнцев. Ближайшей ночью Иисуса арестовали в Гефсиманском саду, а осудили и казнили, таким образом, *на следую-*

щий день, то есть в пятницу. Значит, его положили в могилу в субботу, а воскрес он в воскресенье утром.

Напротив, в рассказе Иоанна присутствует легкий ужин, трапеза, чему доказательство — эпизод с хлебом, который Иисус, обмакнув в вино, подает Иуде, но нет речи ни об учреждении причастия, ни о пасхальной трапезе *в ритуальном и иудейском смысле этого слова.* Арест Иисуса происходит уже не на 15-й день месяца нисана, а ночью 14-го. Следующим утром иудеи не входят в римскую преторию из страха оскверниться и потерять право вечером есть пасхального агнца (Иоан., 18:28).

Таким образом, в тот самый момент, когда этих агнцев тысячами приносят в жертву в Храме, Иисус умирает на кресте. *Это вторая половина дня 14 нисана. Таким образом, расхождение с синоптиками в два дня.* И тем не менее — о, чудо! — эти события выпадают на одни и те же дни недели: в пятницу — казнь, в воскресенье — воскресение. Смысл этих махинаций ясен. Ведь пятница [*фр. vendredi*] — это день Венеры, то есть Люцифера, и Иисус умирает в день своего Врага. Поэтому веками существовал запрет причащаться с помощью чаш и блюд, содержащих *медь* — металл Венеры и Люцифера. Суббота, день шаббата, отдыха, — это день, проведенный в безмолвии Гроба. А в воскресенье, день Солнца, света, на заре произошло воскресение.

Кто слишком хочет доказать — ничего не докажет, гласит мудрость многих народов.

Цепь событий, описываемая синоптиками Матфеем, Марком и Лукой, приводит к анахронизмам, которых невозможно принять, и демонстрирует, что анонимы, писавшие наши Евангелия в IV и V веках, не знали элементарнейшей логики.

В самом деле, как допустить, чтобы в первый день Пасхи, который обязательно следовало посвящать отдыху, *и этот обычай соблюдался столь же строго, как и в шаббат* (Исх., 12:16), кому-то пришло в голову арестовывать Иисуса, обвинителям — совещаться меж собой, а потом с Понтием Пилатом, Иосифу Аримафейскому — покупать плащаницу и хоронить Иисуса?

В своей «Пасхальной хронике» (во вступлении) древний автор Аполлинарий совершенно справедливо отмечает, что смертная казнь в Иерусалиме в столь священный день, как 15 нисана, осквернила бы праздник Пасхи и даже могла бы вызвать восстание еврейских масс. Рим, осторожный в отношении всех этих деликатных моментов, соглашавшийся убирать и прятать значки своих легионов во время их пребывания в Иерусалиме, забравший золотые щиты, предназначенные для Храма, потому что они были преподнесены людьми необремененными, и столько раз выказывавший уважение к иудейской культуре, на подобную судебную провокацию не пошел бы.

С другой стороны, евреи едва ли могли бы уклониться от присутствия на казни, коль скоро они (согласно Евангелиям) умоляли Пилата арестовать Иисуса. Так вот, Закон относительно Пасхи однозначно гласит: «Никакой работы (в этот день) не работайте» (Числ., 28:18).

В эти священные дни Иерусалим наполняли тысячи паломников. В такой день ни римской претории, ни иудейскому синедриону было не до суда над Иисусом. Когда через несколько лет Симон Петр был арестован также на пасхальной неделе (за новый мятеж), Ирод Агриппа позаботился перенести суд над ним на время «после Пасхи» (Деян., 12:4).

Кстати, сами синоптики подтверждают, что этот арест и последующий суд не могли произойти подобным образом: «(Первосвященники и книжники) говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущение в народе» (Марк, 14:2; Матф., 26:5).

К тому же допрос Иисуса в пасхальную ночь был невозможен с юридической точки зрения, а как фарисеи и законоучители были связаны теми тонкостями и теми табу, которые накладывал Закон, известно.

На самом деле в городе без ночного освещения, где, как во всех античных городах, действовал драконовский комендантский час (во избежание пожаров), было физически невозможно сразу после ареста Иисуса и *к часу ночи* собрать синедрион, состоящий из семидесяти двух членов — сплошь стариков, глав «коганим», писцов, старейшин народа и многочисленных свидетелей.

Помимо того, синедрион для суда по уголовным делам мог по Закону *собираться только днем и ни в коем случае ночью*, «ибо сумерки искажают суждение человека». С другой стороны, по уголовным делам, когда обвиняемого признавали виновным, *приговор можно было выносить только на следующий день*.

Вот почему по Закону «уголовный процесс никогда нельзя начинать накануне любой субботы или накануне религиозного праздника» (Мишна, Санхедрин IV // *Вавилонский Талмуд*. С. 32).

С другой стороны, 15 нисана, в день, когда отдых был столь же обязателен, как в шаббат, Симон Кириянин не мог «идти с поля» (Марк, 15:21), где он, стало быть, работал (Числ., 28:18), равно как нельзя было его заставить помогать Иисусу нести перекладину креста, потому что это работа.

Наконец, выход Иисуса, за которым следовали ученики, после пасхальной (или претендующей на это название) трапезы, описанный у Марка (14:26), не соответствовал формальному предписанию Книги Исход (12:22), *категорически запрещающему покидать жилище, где проходила священная трапеза, до следующего утра*:

«А вы никто не выходите за двери дома своего до утра» (Исх., 12:22).

На улицах Иерусалима могли находиться и передвигаться по ним только римские патрули, следившие, чтобы праздник не был испорчен новым мятежом. И любой еврей (которого по характерному костюму было легко узнать) был бы немедленно задержан как подозрительный.

Ряд несуразностей и очевидных противоречий продолжается и далее.

Главная претензия, оправдывавшая арест Иисуса, заключалась в том, что он называет себя *царем*. Именно это будет гласить надпись, которую Пилат напишет лично и велит, по обычаю, прибить над крестом. Именно в этом прокуратор об-

винит его во время допроса, и Иисус не станет этого отрицать (Марк, 15:2).

Это типичный мятеж. И чтобы захватить Иисуса, окруженного своими людьми, причем все они были вооружены мечами, которые он советовал им купить, продав при необходимости плащ (Лук., 22:36), Пилат отправил целый вооруженный отряд, состоявший из *когорты*¹, то есть шестисот ветеранов, *отборных* солдат под командованием *трибуна*², военного магистрата в ранге *консула* (Иоан., 18:3 и 12). Контингент вооруженных левитов, который синедрион добавил к этой маленькой римской армии, присутствовал там лишь для демонстрации лояльности официального иудаизма.

Таким образом, все заставляет полагать, что Пилат, отправив этот карательный отряд, *сделал это затем, чтобы Иисуса наконец взяли в плен и привели к нему*. Ничего подобного! Согласно безымянным составителям Евангелий, Иисуса повели к представителям иудейских религиозных властей, и весь процесс по сути строился *на обвинении в богохульстве*.

В крайнем случае можно было бы допустить, что его для начала поведут к Ироду Антипе, поскольку последний был тетрархом Галилеи и Переи и представлял светскую власть, которую Рим признавал законной. Ирод Антипа как раз в те времена находился в Иерусалиме, у себя во дворце, и Иисус как галилеянин был подвластен ему.

Так вот, наши Евангелия утверждают, что поначалу Иисуса повели:

- а) «к Каиафе первосвященнику» (Матф., 26:57);
- б) «к первосвященнику» (Марк, 14:53);
- в) «в дом первосвященника» (Лук., 22:54);
- г) «к Анне; ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником» (Иоан., 18:13).

¹ В русском синодальном переводе — «отряд» (*примеч. пер.*).

² В русском синодальном переводе — «тысяченачальник» (*примеч. пер.*).

Так к Анне или к Каиафе в конце концов повели сначала Иисуса?

И Даниэль-Ропс в смущении замечает: «Неприятность состоит в том, что текст четвертого Евангелия в этом месте довольно невнятен. Сказано, что Иисуса поначалу повели к Анне, тестю Каиафы, "который был на тот год первосвященником" (Иоан., 18:13). Далее следует сцена допроса и отречение святого Петра, похоже, тот же эпизод, который у синоптиков происходит в доме Каиафы; далее стих 24 гласит: "Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе". Чтобы одновременно соблюсти логическую последовательность и добиться согласования с синоптиками, стих 24 надо поместить после стихов 13-14, где, кстати, он и находится в древнем сирийском манускрипте и у святого Кирилла Александрийского. Но в таком случае неизвестно, что сказал Иисусу Анна!» (*Daniel-Rops, Henri. Jesus en Son temps. Paris. 1945. P. 496*).

Фактически Даниэль-Ропс, не желая этого, через несколько страниц (с. 501) показал, что в ходе этого допроса израильский первосвященник не смог найти никакого повода для обвинения Иисуса в богохульстве. Таким образом, в эпизоде, когда Иисус предстает перед синедрионом, мы видим вымысел безымянных писцов IV века, которые, будучи греками и антисемитами, пытались избавить Рим от ответственности за смерть Иисуса. В ту эпоху христианство было государственной религией Римской империи, и императорскую власть надо было обелять во что бы то ни стало.

Напротив, вполне возможно, что Иисуса для начала и в первую очередь привели к тетрарху, потому что Ирод Антипа представлял *светскую еврейскую власть*, тогда как Пилат — *светскую римскую власть, оккупационную и покровительствующую первой*, а значит, *более высокую инстанцию*.

И опять-таки обвиняли Иисуса в притязаниях на *царский* титул. Доказательство этому мы находим в таком отрывке, относящемся к прежней деятельности Иисуса:

«В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили Ему: выйди и удались отсюда, *ибо Ирод хочет убить Тебя*. И сказал им: пойдите, скажите этой лисице...» (Лук., 13:31).

Почему Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Переи, уже в то время хотел убить Иисуса? Да потому, что тот имел законное право на престол как потомок царского и Давидова рода, после своего отца Иуды из Гамалы, и декларировал это право, называя себя царем. Ведь иначе откуда такая ненависть со стороны тетрарха? Потому что тот не прочел ему наставлений в морали и благочестии, какие читал народу? И не принес ему тем самым мнимую благую весть?

Так вот, Иисус действительно предстал перед ним после своего ареста, и рассказ об этом противоречит предыдущему:

«Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве он галилеянин? И, узнав, что он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме.

Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал ему многие вопросы; но Он ничего не отвечал ему. Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над Ним, *одел Его в светлую одежду* и отослал обратно к Пилату. И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом» (Лук., 23:6-12).

Так вот, Даниэль-Ропс пишет: большинство комментаторов считает, что эта одежда была белой туникой, *аналогичной той, какую надевали в бой римские военные трибуны*, либо речь идет о белой одежде, какую были обязаны носить в Риме *кандидаты во время выборов*, — *toga Candida* [белоснежная тога (лат.)].

Как в том, так и в другом случае Ирод хотел этим показать, что рассматривает Иисуса как *военачальника* либо как человека, *домогающегося должности*. Намек ясен и подтверждает наш тезис: Иисуса преследовали как мятежника, претендента на престол, партизанского командира, в конеч-

ном счете и по жизненной необходимости занявшегося разбоем¹, но ни в коем случае не как богохульника. Процесс Иисуса — *полуполитический* и *полууголовный*, не более того, но разделить две этих стороны не представляется возможным.

И анализ обвинительного акта нам теперь это покажет.

¹ В наше время это бы назвали *реквизициями*, *обложением данью*. Но римляне предпочитали термин «разбой». Так вот, армии Монархии, Революции, Империи занимались не чем-либо иным, и еще в 1943 году устав французской армии предоставлял *цветным войскам* право на грабеж и насилие (маршал Жюэн определенно сказал это папе Пию XII).

Глава XVIII

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПРОТИВ ИИСУСА

Возлюбил проклятие — оно и придет на него.
Псалом 108:17

Различные волнения, вызванные мессианистской и интегральной деятельностью Иисуса, то, что мы назовем «Великим восстанием» с учетом его важности для последующей мировой истории и которое закончилось лишь с окончанием эры Рыб, продлились самое большее года четыре.

Чтобы иметь возможность свободно перемещаться по стране с массой в несколько тысяч человек — вооруженных партизан, которые, по обычаям всего Ближнего Востока, ввели с собой жен и детей, не работали, потому что оторвались от своей обычной жизни, понемногу став людьми вне закона (*barjonnas* по-аккадски), а значит, неизбежно, волей-неволей жили за счет населения (Марк, 6:35), Иисус должен был либо внушать страх оседлому и «неприсоединившемуся» населению, либо пользоваться его молчаливым содействием.

Впрочем, то же было и в Иерусалиме, и нижеприведенный отрывок из канонических Евангелий показывает это так ясно, что возразить невозможно:

«В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили Ему: выйди и удались отсюда, ибо Ирод¹ хочет убить Тебя» (Лук., 13:31).

А если взять Иоанна (7:30 и 7:44), видно, что стражники Храма уклонялись от его ареста, а члены синедриона благодушно довольствовались видимостью объяснения.

¹ Имеется в виду Ирод Антипа, разумеется.

Легко понять, что эти места были целиком выдуманы безымянными писцами IV века, которые пытались объяснить эту удивительную и постоянную безнаказанность.

Ведь в ту эпоху было немыслимо, чтобы храмовые или какие-то другие безвестные стражники могли свободно обсуждать приказ, полученный от законной власти, решая, выполнять им его или нет. Впрочем, и в последующие двадцать веков во всех армиях мира отказ от повиновения со стороны солдата карался смертью.

Таким образом, Иисус долгое время пользовался тайным сочувствием одних, осторожным нейтралитетом некоторых других и враждебным равнодушием третьих.

Потом Рим, потеряв терпение, наконец решил с ним покончить, и тогда официальному иудаизму пришлось занимать определенную позицию. Вероятно, Пилат решил взять заложников и даже нанести удар по всей еврейской общине в целом, которую он не без оснований подозревал в соучастии. И тогда синедриону пришлось выбирать.

Это подтверждает одна фраза из Евангелий:

«Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы *весь народ* погиб» (Иоан.. 11:49-50).

Таким образом, деятельность Иисуса и его отряда zelотов в конечном счете навлекла угрозу гибели на весь еврейский народ.

Это никого не удивит, если вспомнить рассказы Иосифа Флавия, в которых римляне депортируют и продают в рабство целые селения, виновные в поддержке еврейского сопротивления.

А первосвященника Каиафу никак нельзя заподозрить в эгоистичном расчете: Евангелие от Иоанна в этом месте уточняет, что он говорил не от себя, а в настоящем *пророческом* исступлении, то есть по божественному наитию, которое при этом обстоятельстве признает за ним само Евангелие.

Вполне вероятно, что Павел, «визионер», распространил представление об Иисусе, умирающем за духовное (а уже не материальное) спасение всех народов (а уже не одного

израильского), исходя из этой очень ясной и очень простой фразы.

Таким образом, только чтобы польстить императорской власти, Риму, и в частности Константину, безымянные писцы IV века, уже будучи антисемитами, постарались представить дело так, что евреи остервенело преследовали Иисуса, а Пилат упорно пытался его оправдать, тогда как все было явно наоборот. Потому что некоторые события и их продолжительность опровергают утверждения, будто евреи хотели погубить Иисуса.

Если бы они этого желали, сделать это им было бы очень просто, и достаточно давно; это подтверждают и Евангелия: «Каждый день с вами сидел Я, уча в Храме, и вы не брали меня» (Матф., 26:55).

Какой очевидный, известный истории факт мог переполнить чашу и побудить Пилата покончить с этим делом? Следует принять во внимание одну гипотезу, и сейчас мы ее рассмотрим.

У Луки мы читаем:

«В то время пришли некоторые и рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лук., 13:1).

Согласно хронологии, принятой Даниэлем-Ропсом в книге «Иисус в Его время», этот эпизод можно отнести к январю 30 года. Допустим, что эта дата верна, и возьмем Иосифа Флавия, его «Иудейские древности», книгу восемнадцатую:

«Также и самаряне не удержались от возмущения. Их смутил некий лживый человек, который легко влиял на народ. Он побудил их собраться к нему на гору Гаризим¹, которую они считают особенно священной. Тут он стал уверять пришедших (отовсюду) самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея. Самаряне *вооружились*, поверив этой басне, и расположились в деревушке Тирафане. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большей толпой подняться на гору. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, не ожи-

¹ Близ Снхема.

данно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен. Пилат же распорядился казнить *влиятельнейших* и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

Когда этим дело кончилось, представители верховного совета самарян явились к бывшему консулу Вителлию, который теперь был прокуратором сирийским, и стали обвинять Пилата в казни их погибших единомышленников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Тогда Вителлий послал Марцелла, одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на него обвинениях. *Проведя в Иудее десять лет*, Пилат поехал в Рим, так как не смел ослушаться приказания Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиберий умер» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. XVIII, 4. Т. 2. С. 313-314).

Сделаем краткие выводы. Пилат стал прокуратором Иудеи в 25 году. Он там провел десять лет, говорит нам Иосиф Флавий. Значит, восстание самаритян пришлось на 35 год. Тиберий умер за 17 дней до апрельских календ 37 года нашей эры, то есть 18 марта по юлианскому стилю или 29 по григорианскому (ср.: Светоний, «Жизнь двенадцати цезарей», «Тиберий», LXXIII). Когда этот император умер, Пилат был еще в море. Значит, он получил приказ ехать в Рим, чтобы оправдаться, и был заменен Марцеллом в 36 году.

Так вот, тут возникает одна проблема. Кем был этот загадочный неизвестный, «который легко влиял на народ» и организовал это восстание? Сразу же напрашивается одно имя — Иисуса, который в течение всей своей деятельности не скрывал симпатий к самаритянскому народу, к великому возмущению особо правоверных иудеев.

И еще одна хитрость безымянных писцов IV века как раз и состоит в том, что они в уже цитировавшемся отрывке из Луки (13:1) на место «самаритян» поставили «галилеян», что-

бы скрыть тот факт, что это новое восстание еще организовал Иисус.

Увы, оно было последним. Должно быть, в числе беглецов, о которых говорит Иосиф Флавий, он сумел добраться до Иерусалима и раствориться среди огромной толпы, уже прибывавшей в город по случаю близкой Пасхи, значительно увеличивая обычное население Святого города.

И именно тогда Пилат выдвинул синедриону свой ультиматум и Каиафа дал уже упомянутый совет:

«И не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, *нежели чтобы весь народ погиб*» (Иоан., 11:50).

Если наша гипотеза верна, значит, Иисус был казнен не в 34 году, как считали мы лично, а в 35-м. В любом случае хронология, которой придерживается Даниэль-Ропс, представляет собой чистой воды фантазию, если только она не была намеренно искажена. Некоторые протестантские хронологии относят эту казнь к 31 году, уточняя, однако, что общая эра отстает на четыре года, что нам дало бы 35 год. У Леметра де Саси в «Святой Библии» он умирает в 37 году. Видно, что в среднем казнь надо отнести к промежутку времени между 34 и 36 годами, потому что в 36 году Пилат находился в дороге в Рим.

Если репрессии этого прокуратора на горе Гаризим были тактической ошибкой, неуклюжим шагом, что, возможно, объясняет его отправку в Рим, то за казнь Иисуса он по административной линии не получил никаких упреков. И латинский мир всегда знал, как относиться к реальным и законным мотивам этого приговора.

Вспомним императора Траяна, правившего с 98 по 117 год, который, расспрашивая мессианистского вождя, «апеллировавшего к кесарю», спросил, перебив его: «Ты говоришь о том, кого распял Понтий Пилат?» Это внезапный вопрос заставляет о многом задуматься.

Надо ли упоминать Максимиана Дазу, который, став императором, велел в 311 и 312 годах оповещать по всей империи законные основания для приговора Иисусу? Надо ли напоминать слова, которые использовал латинский писатель и пламенный христианин Минуций Феликс в своем «Октавии», подытоживая традиционные возражения: «Человек, казнен-

ный за свои преступления на зловещем древе креста... почитать злодея и его крест... Нет! Считать человека богом... Особенно обвиненного в подобных преступлениях...»¹. А ведь Минуций Феликс вместе с Тертуллианом был одним из первых *латинских* христианских писателей *III* века. Гиерокл, судья в Никомедии при Диоклетиане, ожесточенный гонитель христиан, говорил: «Бандит...» Римские палачи внушают ужас. Но, если учесть, какими в те страшные времена были всеобщие нравы, надо вспомнить, что императорский дворец в Никомедии загадочным образом загорелся и был полностью разрушен. Впоследствии, в 303 году, в Сирии и Малой Азии, близ Багдада, в Селевкии, некоторые люди попытались захватить власть в империи, провозгласив императором трибуна Евгения. Так вот, в ходе этих гонений множество христиан было брошено в тюрьмы в качестве «мятежников», как пишет монсеньор Дюшен в своей «Древней истории церкви»². Это вполне ясно.

Но, скажут нам, в чем *конкретно* римляне могли обвинить Иисуса?

Прежде всего отметим, что Пилат, прокуратор Рима в этих отдаленных краях, представлял здесь цезаря, в данном случае Тиберия, императора совсем уж не благодушного и не наивного. Кроме того, главной задачей Пилата было поддержание *порядка*, и только *римского порядка*. Обвинения, которые евреи якобы выдвинули против Иисуса перед прокуратором, не могли быть для него убедительными. Пилат презирал евреев, как всякий римлянин. Он обходился с ними круто, и у Иосифа Флавия можно найти немало примеров, отражающих его позицию.

Требовать от римского прокуратора казни человека за то, что тот называет себя «Сыном Божиим», значило напрашиваться на то, чтобы тебя *manu militari* [с применением оружия (*лат.*)] вышвырнули из претории! В самом деле, не забудем.

¹ «Октавий» написан как диалог между христианином и язычником, и приводимые слова — очевидно, аргументы язычника, которого христианин в конечном счете убеждает (*примеч. пер.*).

² *Duchesne, Louis. Histoire ancienne de l'Eglise. Paris: E. de Boccard T. II. 1911. P. 14.*

что многие римские роды претендовали на происхождение от связи смертной женщины с богом или мужчины с богиней. Это относится и к Юлию Цезарю, чей род якобы возник вследствие любовной связи его предка с Афродитой. Тогда что оставалось утверждать перед Пилатом в качестве обвинения? Все последующее, что мы проанализируем. Но разве обвинителями по этим пунктам прокуратор мог сделать евреев? Его роль заключалась в том, чтобы поддерживать *римский порядок* и добиваться уважения к нему.

Так вот, этот *римский порядок* определялся, притом в точной форме, *римскими законами*. И любое нарушение этих законов влекло за собой кары, предусмотренные ими, то есть *римские наказания*: порка розгами, бичевание, *flagras* [порка плетью!], заключение, отсечение головы, распятие и пр. И Иисус, конечно, был казнен не по иудейскому закону, а по римскому, римлянами и исключительно по римским пунктам обвинения.

Какими же были проступки и даже преступления, в которых Рим мог обвинить Иисуса в этих провинциях, где он неизбежно и волей-неволей был «подданным цезаря», как позже его и назовет император Юлиан? Вот они.

1. *Провозглашение себя царем* — он это сделал; достаточно внимательно перечитать Матфея (17:24-26), чтобы констатировать, что Иисус вполне претендовал на название «царского сына». И перед Пилатом, когда тот спросил его: «Ты царь иудейский?», Иисус ответил очень ясно: «Ты сказал» (или «Ты говоришь») (Матф., 27:12).

Конечно, есть место, где сказано, что он удалился на гору, узнав, что его собираются забрать и сделать царем (Иоан., 6:15). Но пусть читатель обратится к тому, что мы писали на с. 185-186, и он поймет: Иисус не захотел, чтобы царем его сделали римляне, ненавистные оккупанты, и даже уже потому, что учение его отца, Иуды из Гамалы, не допускает иного царя, кроме Яхве.

Как бы то ни было, Пилат определенно не знал тонкостей всех этих иудейских учений, изложенных в рукописях на незнакомом ему языке — иврите. Устную их проповедь он воспринимал еще хуже. И к любой агитации он был

безжалостен: «В то время пришли некоторые и рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лук., 13:1). Прокуратор с тяжелой рукой, Пилат никак не мог хорошо относиться к Иисусу, который бродил по Палестине с севера на юг и с востока на запад, проповедовал учение и царство, которым нет места в римском порядке, и, главное, в этих маниакальных странствиях таскал за собой массу темных личностей, среди которых скрывалось множество убийц-зелотов.

2. *Сбор податей и десятины в качестве царя* — и это подтверждает предыдущее обвинение. Пусть даже таинственная военная касса Иисуса пополнялась за счет мытарей и блудниц, это делало его еще подозрительней в глазах прокуратора. И вообще облагать подданных цезаря какой-либо податью значило совершать либо мятеж, либо разбой. За оба этих преступления полагалась одна кара — *крест*.

3. *Разбой* — потому что нападения на паломников и торговцев жертвами в Иерусалимском храме согласно *римскому порядку* представляют собой гангстеризм. И они имели место дважды, если верить Евангелиям, на Пасху в два разных года. С другой стороны, по Марку (6:36) и особенно по Луке (9:12) видно, что эти бойцы, которые следовали за Иисусом, оставались и питались в деревнях, где оказывались: «Отпусти народ, чтобы они пошли в окрестные селения и деревни ночевать и достали пищи...» Они ее покупали? Платили за нее? Из каких денег? Ведь эти люди были бродягами, странниками и *вовсе не работали*. Может, к этим «большим компаниям» добровольно проявлялось восточное гостеприимство? Сомнительно. Если они и платили, то продуктами, приобретенными при помощи рэкета. Как в том, так и в другом случае для римлян были налицо смуты и правонарушения. Тем более что казначей отряда, Иуда Искариот, чье прозвище означает «человек убийства», был уже известен как «вор» (Иоан., 12:6).

4. *Взятие Иерихона* — есть еще одна странная сцена, описанная у Луки (19:11-28). Если ее перечесть внимательно, нельзя не испытать некоторого недоумения. На каких врагов намекает Иисус? Кого следовало перебить в присутствии

загадочного человека царского рода? Следует ли толковать это так, что *обиняками* Иисус дает точную инструкцию *своим приверженцам, которые поймут его с полуслова*? Это происходило перед самым приходом в Иерусалим и нападением на третий притвор, где находились менялы и торговцы жертвами.

Подобный приказ означал бы присутствие загадочных пленников, находившихся в руках этих партизан уже после выхода из Иерихона. И в таком случае этот четвертый параграф нашего обвинительного акта имеет отношение к реальным убийствам и поспешным расправам, характерным для всех движений такого рода.

Эту гипотезу подтверждают некоторые бесспорные факты. В самом деле, незадолго до четвертой Пасхи, когда в Иерусалим, как обычно, начали стекаться паломники, по сообщению Иоанна (2:14), произошло второе известное нападение на менял, торговцев и *паломников*.

Это было за несколько дней до ареста Иисуса *когортой ветеранов под командованием трибуна* (Иоан., 18:3 и 12). К этому отряду, уже состоящему из *шестисот отборных солдат*, присоединились представители храмовой стражи, чем синедрион демонстрировал лояльность по отношению к Риму. И когда этот арест произойдет, мы узнаем, *совершенно случайно*, что некий Иисус Варавва, знаменитый разбойник, «был в узах» «со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство» (Лук., 23:19; Марк, 15:7).

Вполне очевидно, что у Пилата не было привычки затягивать дела, это было не в его духе. Быстрота процесса Иисуса, короткий интервал между приговором и казнью это показывают более чем достаточно. Тогда столь же очевидно, что мятеж и убийство, в которых обвинили Иисуса Варавву вместе с другими сообщниками, — события совсем недавние и что смертный приговор последнему тоже был вынесен только что, равно как и двум другим разбойникам, которые будут казнены вместе с Иисусом.

С другой стороны, за эти несколько дней до «пасхального исхода» (Исх., 12) был всего один случай беспорядков — в Храме, когда Иисус и его люди напали на паломников, менял и торговцев. Ведь Рим мог быть захвачен врасплох мятежом такого рода один раз, но не дважды...

Таким образом, именно в ходе мятежа под руководством Иисуса были арестованы Варавва и другие мятежники и произошло убийство, в котором обвинили Варавву. Но речь идет только о нем, а ведь в тюрьме с ним были и другие мятежники, и немало. Значит, во время этого возмущения могли появиться и другие жертвы, убитые или раненые. Поэтому как предводитель, ответственный за это нападение в священных пределах Иерусалимского храма, Иисус нес ответственность за всю кровь, которую пролил его отряд. Ведь он не попытался ни помешать этому вооруженному нападению заранее, ни сдержать его участников. Он к нему подстрекал, руководил отрядом задолго до Иерихона и сам подал сигнал, ударив витыми бичами людей, находившихся там. После этого путь Иисуса был отмечен трупом или трупами, оставшимися на плитах Храма. И для Пилата, представлявшего *римский порядок*, это явно был «разбой», так что *римский закон* следовало применить со всей суровостью. Тем более что Пилату, вероятно, сообщили о поведении Иисуса *перед сосудами для пожертвований в Храме*: «И сел Иисус против сокровищницы, и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу» (Марк, 12:41), в некоторых рукописях написано: «Многие богатые клали много». Этот вариант используется в «Святой Библии» Леметра де Саси, католической версии, проверенной аббатом Жаке, и протестантские версии Сегона и Остервальда переводят так же. Таким образом, в этом эпизоде Иисус обращал внимание на *количество* денег, а не на форму их передачи. Далее, если сосуды оказывались слишком наполненными, Искарriot и его соратники вполне находили способ их облегчить.

5. *Занятия чародейством* — так называемые «Законы Двенадцати таблиц» в некоторых статьях предусматривал смертную казнь любому, кто при посредстве колдовства, чар или *заклинаний* наводил порчу на людей, животных или урожай. (В связи с последним из этих пунктов см. эпизод с бесплодной смоковницей: Матф., 21:19; Марк, 11:13.)

А ведь случаям, когда Иисус проклинал города или иудейские религиозные общины, нет числа. Слова «горе вам» то и дело вырывались из его уст. Еще хуже, что он обучал этому способу порчи своих помощников, например, ритуалу с сандалиями, когда оскверненная пыль с подошв, отрясаемая напро-

тив дома или города, используется для его проклятия (Матф., 10:14-15). И достаточно взять копию Апокалипсиса, в прологе которого объявлено, что его автор — Иисус (Отк., 1:1), так одних только стихов 1-6 главы 11 вполне хватит, чтобы применить смертную казнь, предусмотренную «Законами Двенадцати таблиц».

Еще намного хуже, что во времена, когда весь античный мир практиковал далеко идущую терпимость по отношению ко всем культам и осуждался только атеизм (это было единственное обвинение, предъявленное Сократу), Иисус *призывал* на головы всех, кто не разделяет его мнения, *адские силы*. Перечтите Матфея (25:31-41) и особенно Апокалипсис, его главу 18, где содержится если не открытый призыв к поджогу Рима, то по меньшей мере очень ловкое «предсказание» его пожара, и наглядно увидите всю кротость и мягкость вождя золотов.

И перед лицом этих угроз, имеющих *окультный оттенок*, Пилат не мог бы забыть «Законы Двенадцати таблиц».

Но все эти параграфы достаточно полного обвинительного акта имеют, конечно, второстепенный характер по сравнению с главным обвинением — в *притязании на царский титул*. Ведь когда Иисус говорит о себе «царский сын» (Матф., 17:24-26), он по смыслу притязает на наследство отца.

А в отношении приговоренных к смерти на кресте существовал обычай: указывать основание, на котором их подвергли этой казни, прибывая к кресту дощечку с названием их преступления.

И для Иисуса Пилат, похоже, велел очень точно записать на латыни, греческом и иврите, *в чем состояло главное обоснование его распятия*: «Иисус Назорей, Царь Иудейский», возможно, добавив намек на разбой, объяснявший, почему он распят *вверх головой*.

Иудеям, желавшим из дипломатичности и осторожности исправить эту надпись и внести в нее уточнение: «Пиши... что Он говорил: "Я Царь Иудейский"» (Иоан., 19:21), Пилат грубо ответил: «Что я написал, то написал».

Это показывает, что для Пилата было ясно: иудеи вполне рассматривали Иисуса как своего законного царя, пусть тай-

ного и потенциального, причем в течение всей его деятельности, так что им слишком поздно это отрицать.

Таким образом, как очень справедливо замечает в своей книжечке «Бог и кесарь» д-р Кульман, протестантский историк и экзегет, чьи мнения неоспоримы, к казни на кресте Иисус был приговорен как вождь zelотов, и этого обвинения было более чем достаточно, с учетом его тяжести, чтобы заменить все остальные.

И также очень вероятно, что оба «разбойника», казненных вместе с ним, по сторонам от него, тоже были zelотами, членами его отряда, то есть в глазах римлян людьми, занимавшимися разбоем. Может быть даже, они тоже были захвачены в Гефсиманском саду, может быть, они принадлежали к тем, кто выхватил меч и «ударил мечом» (Лук., 22:49). Ведь иначе почему бы они упрекали его в бессилии освободить чудом себя и их тоже? Также в высшей степени вероятно, что в своем отчаянном положении они вспомнили его прежние утверждения о конечной победе, которая будет достигнута в последний момент благодаря вмешательству сверхъестественных сил. Потому что только у Луки один из них вступает за Иисуса (23:41); у Матфея и Марка оба поносят его за бессилие. Впрочем, у Луки тут же возникает еще одно противоречие, когда Иисус обещает доброму разбойнику, что тот будет *ныне же*, то есть в тот же день, с ним в раю. А как же в таком случае со знаменитым спуском в ад на три дня?

Наконец Иисус умер у них на глазах, задолго до них. К вечеру воины перебили им голени ударами палиц, чтобы ускорить удушье, от которого умирали все распятые и которого они старались избежать как можно дольше, упираясь ногами. Потом их, еще дышащих, бросили на то гноище, которое было «позорной ямой» для трупов приговоренных к смерти и о котором Евангелия воздерживаются сообщать. Потому что просто-напросто именно там была знаменитая личная могила, которой располагал Иосиф Аримафейский.

Однако удивительно, что в Евангелиях римские часовые дают Иисусу пить либо позволяют это сделать третьему лицу. Ведь во времена, когда *распятие* или *сажание на кол* были чрезвычайно распространены, любой причастный к казням такого рода обязательно знал, что таким образом казнимого прикончат. Действительно, не было случая, чтобы распятый

или посаженный на кол не умер сразу после того, как ему дадут пить. Однако можно представить, что римский офицер, ответственный за казнь, *exactor mortis*, тайно получил соответствующий приказ. В таком случае Иисус, «сын Давидов», воспользовался льготой: его втихую прикончили, чтобы он избежал агонии в «позорной яме».

Отрывок из Евангелия от двенадцати апостолов, коптской рукописи V века, первоначальный текст которого, однако, якобы возник раньше Евангелия от Луки, согласно Оригену (по сути, как он утверждал, одного из древнейших известных Евангелий), рассказывает об этой «позорной яме», называя ее «колодцем».

«Пилата и центуриона подвели к колодцу с водой в саду, колодцу очень глубокому... Они посмотрели вниз, в колодец. Евреи воскликнули: "О Пилат, не тело ли это Иисуса, который умер?" Но ученики им сказали: «Господин, покровы, которые у тебя, — это покровы Иисуса! А тело это — вора, которого распяли вместе с ним"» (*Евангелие от двенадцати апостолов*. 15-й фрагмент).

На самом деле коптские писцы Нижнего Египта написали о колодце с водой, так как считали, что там близко находился сад. В первоначальном древнееврейском тексте было только слово *shoat* (яма, в смысле места заключения) или *behr*, имеющее тот же смысл, но способное также означать «яма истребления», как в стихе 24 псалма 54, где оба эти термина соединены: *behr-shoat*¹.

Мы не можем закончить эту главу, не присмотревшись к одному очень загадочному персонажу — Иосифу, прозванному Аримафейским. Наивная легенда о *Граале* именно его выводит на сцену в качестве первого действующего лица.

Этот Иосиф Аримафейский волей составителей Евангелий принимает разные облики. Матфей (27:57-61) просто пишет, что могила, в которой тот похоронил Иисуса, была его собственностью. Иоанн (19:38) сообщает, что он был учеником Иисуса, но «тайным». Марк (15:43) делает его «знаменитым членом совета», а Лука (23:50) называет его просто «членом

¹ В русском синодальном переводе — «ров погибели» (*примеч. пер.*).

совета» — видимо, синедриона. Что касается его настоящего имени, то есть Иосиф бар-имярек, по еврейскому обычаю, то оно нам неизвестно. Его называют просто Аримафейским. Так вот, в географии Ветхого Завета, в произведениях Иосифа Флавия, равно как и в Талмуде, было бы бесполезно искать географический пункт под названием Аримафея. Поэтому сделаем вывод, что, как и в отношении Назарета, это не случайно и от нас что-то скрывают.

Так вот, если мы разобьем это причудливое слово на части, чтобы вернуть (или придать) ему древнееврейский вид, перед нами окажется два основных слога: *ar* и *mat*, которые в иврите мы обнаружим в словах, имеющих прямое отношение к *смерти* и *погребениям*:

aretz — поле, земля;

har — яма, дыра;

math — смерть.

Так, библейское слово *Hatzarmoth*¹, означающее «двор мертвых» (Быт., 10:26), имеет тех же филологических «сообщников».

Итак, совершенно очевидно, что название мнимой деревни Аримафея, не существовавшей во времена Иисуса, представляет собой банальный варваризм на основе древнееврейского *har'math*, означающего как «кладбище», так и «погребение».

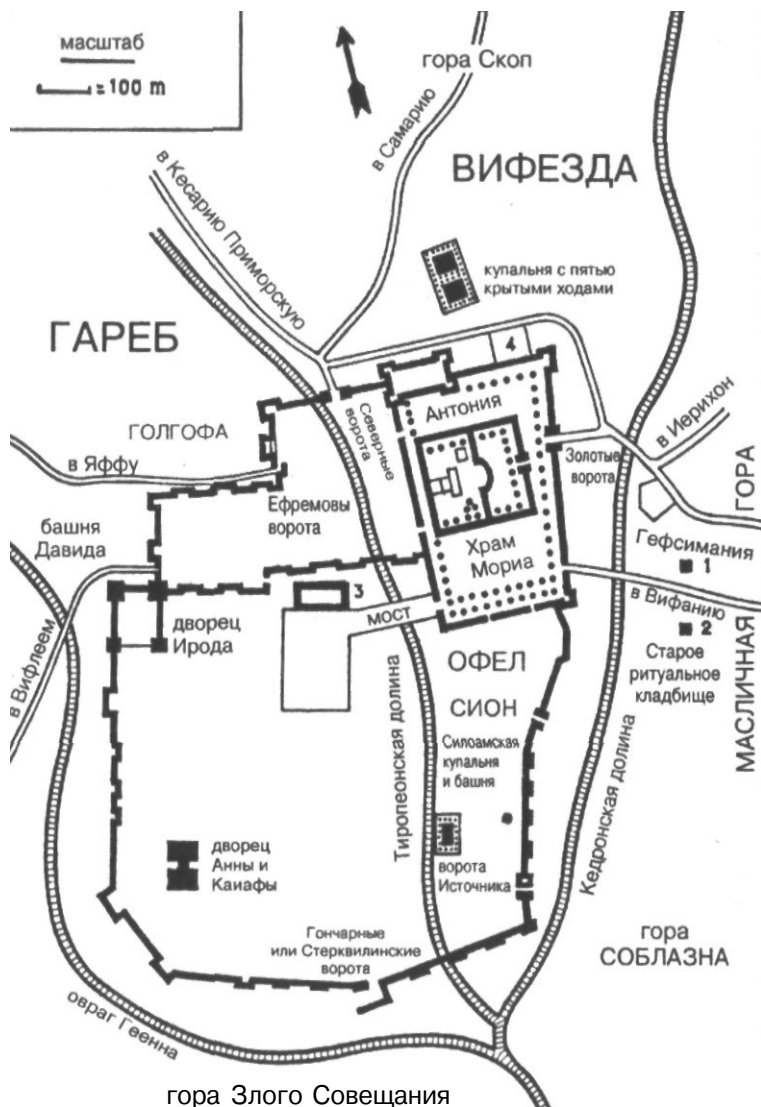
Словом, Иосиф Аримафейский — это Иосиф Могильщик, «хранитель кладбища», если Иисус был похоронен в ритуальном некрополе в Гефсиманском саду (к юго-востоку от Иерусалима), либо хранитель «позорной ямы», если тот был похоронен на Голгофе.

В любом случае «знаменитый член совета» — на самом деле представитель низкого класса, *постоянно нечистый в представлении иудейского Закона, потому что без конца вынужденный иметь дело с трупами*.

Мы оказались далеко от легенды о Граале², вырезанном из изумруда с 72 гранями, который отделился от лба Люцифера

¹ В русском синодальном переводе — Хацармавеш (имя собственное) (*примеч. пер.*).

² Официально *Грааль* якобы находится в соборе Валенсии. Во всяком случае, самый известный.

План Иерусалима начала нашей эры, воссозданный на основе мозаики 575 г.

- 1 — так называемая могила Авессалома 2 — так называемая могила Захарии
3 — дворец Хасмонеев 4 — Биркет-Израиль

во время падения последнего, и полученном Иосифом Аримафейским после Тайной вечери.

Наконец, последняя деталь, подтверждающая, что так называемый Иосиф Аримафейский был не кем иным, как Иосифом Могильщиком.

В Евангелии от Варфоломея, очень гностическом тексте, упоминающемся уже в IV веке (а значит, появившемся немного раньше), владелец сада, где якобы был похоронен Иисус, зовется уже не Иосифом, а *Филогеном*, от греческого *philos* — друг и *genos* — рождение, жизнь. То есть «друг жизни».

Это признание. Человека, который постоянно нечист в силу своего ремесла — рыть могилы, попытались заменить банальным «садовником» и дать ему имя, абсолютно противоположное его печальной функции. Увы, кто слишком желает доказать, ничего не доказывает, как гласит пословица.

Вот этот текст:

«Они стояли в саду Филогена, садовника (*Kerouros*), чьего сына Симеона Спаситель исцелил, когда спускался с Масличной горы с апостолами» (*Евангелие от Варфоломея*. 2-й фрагмент).

Мы снова находим подтверждение, что могила, где был похоронен Иисус, находилась в Гефсиманском саду, *потому что именно там он встретил Иосифа Могильщика*, который уже в силу своего ремесла жил совсем рядом с ритуальным кладбищем, расположенным также недалеко от Масличной горы, как видно.

Итак, теперь мы знаем, что Иосиф Аримафейский — это по-древнееврейски Иосиф *har-ha-mettim*, то есть «Иосиф Ямы Мертвых». Это довольно любопытно указывает на единственную яму для многих мертвых.

А последнее очень напоминает ту «позорную яму», куда бросали тела казненных, тем более что, как отмечает Даниэль-Ропс в книге «Иисус в Его время», римляне чаще всего распинали приговоренных рядом с кладбищем.

Это позволяет нам заключить, что «fossa infamia» вполне могла находиться в Гефсиманском саду, рядом с ритуальным кладбищем...

Глава XIX

ПРОКЛЯТИЕ ИЕРУСАЛИМУ

Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водой; ибо, делая сие, ты собираешь горящие угли на голову его...

Притчи, 25:21-22; Рим., 12:20

Эта аксиома, очень распространенная в то время в Израиле, обычно сокращалась так: «Прощайте ваших врагов, и вы соберете им на голову горящие угли». С ее помощью мы лучше поймем, особенно в свете последующих событий, в каком совершенстве Иисус знал все арканы Оккультного и прежде всего тот, который состоит в следующем: надо позволять противнику совершать против вас как можно больше враждебных действий. Поступая так и не отвечая, мы не приводим в равновесие таинственные весы Рока; рано или поздно равновесие восстановится, и противник получит ответный удар, с которым ему разом вернется все, что он творил в течение порой довольно долгого периода.

Впрочем, эту тактику, столь же эффективную, сколь и оккультную, христиане сознательно применяли в ущерб Римской империи

Так вот, это таинственное правило Иисус использовал, когда его прибивали к кресту, если верить Евангелиям, написанным в IV веке по-гречески и греками. Две гипотезы. Либо этот рассказ вставили туда, чтобы еще раз угодить Риму, потому что палачи были римскими легионерами. И в таком случае Иисус никогда не произносил этих слов. Либо это

подлинный факт, и в таком случае Иисус лишь применил хорошо известную поговорку, когда произнес знаменитые слова: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лук., 23:34).

Впрочем, в своем произведении «Синописис Евангелий» преп. Дейс пишет, что «текстуальная подлинность прощального слова спорна» (*Deiss, Lucien. Synopse: de Matthieu, Marc et Luc, avec des paralleles de Jean. Paris: Desclee, De Brouwer. T. II. 1964. P. 313*).

Как бы то ни было, мы никогда не узнаем, подлинна эта фраза или нет. Действительно, первоначальные Евангелия утеряны, а Ориген (II—III вв.) пишет, что уже в его время первоначальное Евангелие от Матфея было неизвестно. Если мы его найдем, вероятно, в нем обнаружатся тексты, довольно непохожие на те, которые сочиняли в IV веке безымянные писцы, что доказывают уже апокрифы. Ведь того же Оригена переписывал Руфин Аквилейский, причем в том же IV веке, и означенный Руфин не скрывает, что исправлял Оригена, когда последний казался ему недостаточно ортодоксальным. Он осмеливается писать это в предисловии и утверждает, что поступил, как Иероним (святой) при переводе «Гомиллий»: «Когда в (первоначальном) греческом тексте встречалось какое-нибудь *возмутительное* место, он повсюду делал правку, он переводил и вымарывал, чтобы латинский читатель уже не встретил ничего, что отклонялось бы от веры» (Предисловие к трактату «О началах», 2).

Возникает вопрос: какими же были «возмутительные» места, которых нельзя было предъявить верующим V века, чтобы легенда не рухнула?..

Так же обошлись и с первоначальными Евангелиями, и читатель нашего времени может не сомневаться, что из-под пера фальсификаторов вроде Иеронима или Руфина вышли самые бессовестные подделки. Судите сами.

У Матфея (27:25) мы читаем:

«И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и детях наших».

Эта фраза есть только у Матфея. А Матфей, как нам известно, — это *псевдо-Матфей*, ведь первоначальный текст был утрачен еще во времена Оригена, умершего в 254 году. Тем не менее именно на этой фразе, на отвратительном обмане (и мы это докажем) христиане двадцать веков основывали свой постоянный антисемитизм, именно этой ложью, *этой фальшивкой* они оправдывали побоища, изнасилования, грабежи и всяческое насилие над евреями.

Предлагаем всякому разумному читателю рассудить, как многочисленная толпа может *внезапно* сформулировать и во весь голос выкрикнуть столь сложную и согласованную фразу, представляющую собой ответ на вопрос, предвидеть который заранее им было невозможно. Действительно, сама толпа может издавать в один голос лишь какой-то возглас, «слоган», лозунг, который она привыкла горланить: «Да здравствует... Долой...» Но представить, что благодаря чему-то вроде взаимного обмена мыслями евреи *одинаково* выразили одно и то же желание одними и теми же словами, совершенно невысказимо.

Следовательно, толпа евреев, собравшаяся перед дворцом Пилата, никогда не произносила эту фразу в таких выражениях. Она была целиком и полностью сформулирована нашими безымянными фальсификаторами IV и V веков, чтобы оправдать ряд неумолимых преследований и бедствий, обрушившихся на несчастный еврейский народ, бедствий, начало которых они могли оправдать лучше, чем кто-либо.

Равным образом это было сделано и затем, чтобы отвлечь внимание от одной загадочной фразы и чтобы кто-нибудь не догадался об источнике этой неумолимой цепи бед. Притом наши фальсификаторы предусмотрительно исказили эту фразу и в то же время устранили первоначальный текст, приписываемый Матфею.

Есть общее народное предание в Китае, в Тибете, в Японии, в Индии, существующее века и века: если один человек обижен на другого и покончит с собой путем сожжения или

как-то иначе перед порогом его дома, того человека постигнет беда за то, что он стал причиной смерти первого.

С другой стороны, когда во время казни Жака де Моле и Жоффруа де Шарне, соответственно великого магистра и командора-провинциала ордена Храма, сожженных заживо в Париже на острове Сите (точнее, на островке под названием «Остров евреев»), они потребовали от папы и короля Франции в течение года явиться на суд Божий, и этот страшный призыв был услышан. Как было сказано о папе, он умер «в срок дней». И в течение года, то есть через девять месяцев, в свою очередь умер и Филипп Красивый.

Точно так же поступил Иисус, чтобы погубить Иерусалим.

В главе 23 Евангелия от Матфея, сцене, повторенной у Луки и происходящей у него в Иерусалиме, потому что под термином «книжники» можно угадать *саддукеев*, *фарисеи* же названы собственным именем, а о *ессеях* говорить было незачем (13:34), Иисус восемь раз проклинает *население*, не живущее в Иерусалиме.

Распятие. Иисус на пределе сил, из-за физической слабости он погибнет гораздо раньше обоих разбойников, распятых вместе с ним. И тогда, как Жак де Моле, он использует зловещее таинство последней воли умирающего, чтобы самому наказать виновных, о которых уже шла речь в приведенных выше восьми проклятиях.

В самом деле, у Матфея (27:47-50) и у Марка (15:33-37) мы читаем:

«А *около девятого часа* возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? <...> Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух».

У Луки¹ говорится, что он кричал: «Элои, Элои! ламма савахфани?»

Издали присутствующим евреям казалось, что он зовет Илию, пророка. Они думали, что он в ответ на укоры и мстительные насмешки двух воров, распятых по бокам от него, делает последнюю попытку призвать себе на помощь небеса.

¹ У Марка; у Луки подобных слов вообще нет (*примеч. пер.*).

Прежде всего отметим всю лживость подобного перевода. Ни *Или*, ни *Элои* не могут переводиться «Боже мой». «Или» по-древнееврейски «Бог», в единственном числе — *Элои*; множественное число, которое должно выражать божественное величие, звучит как *Элохим*. Но все это будет так, если *под буквами* расставить определенные знаки, чтобы в слове появились гласные, потому что в древнееврейском алфавите есть только согласные.

Поэтому три буквы, означающие «Или» (алеф-ламед-ге), если поставить под ними знаки по-другому (при той же последовательности алеф-ламед-ге), будут означать «заклинать», «проклинать» — надо признать, это совсем другое дело.

Так вот, фраза «Или, Или! лама савахфани?» — это первый стих псалма 22¹. Псалмы — это гимны в стихах, они не все принадлежат царю Давиду, а сочинены безымянными священниками. Этот псалом начинается так: «Начальнику хора. На "Лань Утренней зари"². Псалом Давида». То есть этот гимн должен быть передан начальнику хора, спет на мотив народной еврейской песни, несомненно любовной, под названием «Лань Утренней зари»³, и, наконец, его автор — сам царь Давид. И вот что очень ясно. Если мы прочтем этот псалом целиком, нас поразит его пророческий характер по отношению к страстям Иисуса... но только если мы ограничимся католическими или протестантскими переводами. Первоначальный древнееврейский текст — совсем иной.

Там, где говорится о пронзенных руках и ногах, на самом деле речь идет обо льве, который пленен и *его лапы связаны*, а молящий взывает не только в данный миг на Голгофе, а постоянно, день и ночь. На самом деле, ведь это царь Давид говорит со своим Богом и обращается к нему.

Следовательно, эта фраза вызывает у нас подозрение. В самом деле, можно ли поверить, чтобы истерзанный человек,

¹ В русском синодальном переводе — 21 (*примеч. пер.*).

² В русском синодальном переводе — «при появлении зари» (*примеч. пер.*).

³ По-древнееврейски это знаменитая песня «*Ayyelet Nachahar*», дословно — «Лань Утренней зари».

страдающий от всех ужасных болей, возникающих при распятии, спина которого исполосована страшными освинцованными бичами и трется о корявое дерево креста, кисти пробиты в самых болезненных местах нервных сплетений, промежность медленно разрезается упором, вбитым под острым углом, чтобы не порвались кисти рук, который постепенно задыхается от этого растягивания на вертикальном орудии казни, кости ног которого, вероятно, раздроблены ударами палиц, загонявших гвозди, который, вероятно, не пил и не ел *пятьдесят четыре часа*, — можно ли поверить, что он будет выражать свои несказанные страдания, *декламируя стихи из традиционного духовного гимна?*

Человек, которого ведут на расстрел, может по дороге петь гимн своего народа или своей партии; он может в лицо исполнителям приговора в последний раз выкрикнуть свое кредо в виде краткого лозунга. Ведь этот человек не страдает физически. Но человек на дыбе не обратится к поэзии, чтобы выразить свои страдания. Доведенный до той крайней степени, когда плоть очень часто превосходит дух, он не найдет в себе души поэта! Либо он не скажет ничего, либо будет стонать от муки, либо выразит в крике свою ненависть к палачам. Последнее, как полагаем мы, Иисус и сделал.

Так что мы можем попытаться отыскать эту *настоящую фразу*, которую безымянные писцы IV века удалили, и вот она, страшная в своей краткости, страшная по последствиям, которые влечет, страшная по осуществлению, которое произойдет через сорок лет.

Если мы возьмем старейшие магические рукописи, озаглавленные «Ключицы Соломона», самый точный текст которых, дошедший до нас, содержится в рукописи из Падуанской библиотеки, написанной Пьетро д'Абано, непосредственным учеником Генриха Корнелия Агриппы¹, медика Карла V и зна-

¹ Поскольку итальянский философ и астролог Пьетро д'Абано умер в 1315 или 1316 году, а Агриппа Неттесгеймский родился только в 1486 году, первый, естественно, никак не мог быть «непосредственным учеником» последнего. Очевидно, автора сбilo с толку апокрифическое

менитого оккультиста, которого считал своим учителем Иоанн Тритемий, аббат Шпанхейма и Вюрцбурга, — о третьем дне недели, *Вторнике*, мы прочтем следующее.

В *этот самый день* разные *Имена Бога*, из каковых маг выберет те, которые он умеет использовать в своих действиях, как раз включают *Эл* и *Элохим* — множественное от *Элои*.

Среди имен *духов*, управляющих западной областью мира, которая, согласно преданию, представляет собой область мертвых, мы заметим имена *Лама* и *Астанья*.

Наконец, среди двенадцати имен *духов*, управляющих *двенадцатью часами Дня* и *двенадцатью часами Ночи*, мы найдем *Тани*, имя, которое иногда искажается и пишется как *Tanic* или *Tanie* в разных версиях французского языка популярных колдовских книг.

И тогда фраза на древнееврейском языке может звучать так:

«ЭЛи! ЭЛОИМ! ЛАМА АСТАНЬЯ ТАНИ».

То есть: «Заклятье! Проклятье! Именем Ламы, Астаньи, Тани».

Конечно, маги не используют все оккультные имена данного дня, этого им бы не позволила их память. Достаточно знать несколько имен. Подобным же образом при вычерчивании знаменитых *Магических кругов* в первый (который символизирует божественный план) вписывают Имена Бога, или «божественные имена». Во второй — имена *духов* или *ангелов*. В третий и последний — имена *духов Часа, Дня, Времени Года*. Таким образом, существует иерархия расположения этих имен. По преданию, *божественное имя* дает магу власть над миром *духов* или *ангелов*, *ангельское* — над издание 1788 года «*Heptameron ou les Elements magiques de Pierre Aban, philosophe, disciple de Henri-Corneille Agrippa*», переизданное в 1997 году в Париже под названием «*Les oeuvres magiques de Henri-Corneille Agrippa; avec des Secrets occultes par Pierre d'Aban*» (*примеч. пер.*).

ром духов, а *имя духов* — над возможным миром, миром Пространства и Времени.

Так вот, относительно этой загадочной фразы, восстановленной таким образом, очень любопытно отметить следующее:

1) все слова фразы могут быть *именами, используемыми в магии, и расположены в тонном иерархическом порядке следования;*

2) все эти имена принадлежат *только к тональности Марса*, в том числе имя *духа*, управляющего *планетным часом*, в который произносятся эти слова; день — *вторник*,

3) это как раз *восьмой час*, последний час жизни Иисуса, *умершего в начале девятого часа*, то есть это час, в течение которого он произнес эту фразу;

4) это *восьмой час Дня*, то есть точно тот самый, *а не другой*, потому что восьмым часом ночи управляет дух с *другим именем* (Тафрак);

5) все эти имена позволяют только причинять *зло врагам*.
Прочитируем:

«Их природа — вызывать сражения, смертность, убийства, пожары, причинять смерть, болезни, *возвращать* здоровье (после этого), набирать на время две тысячи воинов...» (*Abano, Pietro d'. Neptameron, ou Elements de Magie. Liege. S.d.*).

То есть все, что впоследствии постигнет Иерусалим в течение очень короткого времени: восстание воинов — бойцов зелотской партии — во главе с Иоанном Гискальским, исцеления первых «христиан», очень вероятно последовавшие после намеренного распространения загадочной болезни, война с Римом, осада Святого города со всеми ее ужасами, так хорошо описанными Иосифом Флавием, убийства представителей враждебных группировок в осажденном городе, эпидемии и т. д. Ничто не упущено, все есть. Возможно, даже вплоть до намека: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Матф., 26:53), то есть «две тысячи воинов», которые обещаны закланием.

Но, скажет читатель, почему такое значение придается существам *вторника*? Г-н Дюпон-Соммер в своих исследованиях рукописей Мертвого моря обнаружил, что zeloty, экстремистское крыло ессеев, окончательно отколовшееся от первоначального движения, использовали загадочный солнечный календарь «Книги Юбилеев», резко противопоставляя его лунному календарю тогдашнего иудаизма.

В своей книге «Дата Тайной вечери» Анни Жобер показывает, что Иисус и его ученики пользовались солнечным календарем «Книги Юбилеев», то есть были либо ессеями, либо zelotami. Так вот, они абсолютно не следовали ессейским обычаям, они ели мясо и пили вино, совсем как zeloty. Вывод сделать легко. Те же обычаи, то же освобождение от иудейских табу, тот же солнечный календарь, неизвестный массе обычных евреев: значит, наши «христиане» бесспорно были zelotami.

Но ко *вторнику* Анни Жобер относит следующее важное рассуждение на странице 39 ее книжечки:

«Можно задаться вопросом, не имел ли в этой системе особого значения *вторник*. Пасхальную жертву здесь приносили *во вторник вечером*. *Вторник* был седьмым днем Пасхи. Равно как седьмым днем праздника кушей, до введения восьмидневного праздника. Три из четырех видений Аггея придутся на *вторник*, притом одно — на седьмой день праздника кушей. Единственная дата книги Еноха, главы I — видение на четырнадцатый день седьмого месяца (*вторник*), канун праздника кушей» (*Jaubert, Annie. La Date de la Cene: calendrier biblique et liturgie chretienne. Paris: J. Gabalda. 1957. P. 39*).

Таким образом, если, как сообщает Иоанн, Иисус умер *в момент, когда приносили в жертву пасхального агнца*, то по zelotскому календарю этот день был *вторником*.

Поэтому Иисус выбрал существ этого дня и этого самого часа.

Впрочем, на проклятия как таковые христиане никогда не скупались. Не касаясь ужасных последствий для отлученного

в тексте Великого отлучения, процитируем только святого Павла:

Первое послание к коринфянам, 5:3-5. «А я... уже решил, как бы находясь у вас, сделавшего такое дело... *предать сатане во измождение плоти*, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа».

Первое послание к Тимофею, 1:20. «Таковы Именей и Александр, которых я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать».

В первом случае речь шла о юноше, женившемся на вдове отца, то есть на мачехе. Во втором — об обычных христианах, перешедших в гностицизм, которые, вероятно, утверждали, что мир — творение несовершенного Демиурга, а не Верховного Бога.

Так вот, в том и другом случаях тот, кто обрекал человеческое существо на адские муки с целью уничтожения его плоти и умерщвления его, совершал преступление, которое каралось смертью согласно римскому закону, называемому «Законы Двенадцати таблиц», потому что это считалось черной магией.

Conjuration du Mardy

Je conjure et confirme sur vous, Anges forts et saints, par le nom Ya, Ya, Ya, He, He, He, Va, Hy, Ha, Ha, Ha, Va, Va, Va, An, An, An, Aie, Aie, Aie, El, Ay, Elibra, Eloim, Eloim, et par les noms de ce Dieu Très haut qui a fait paroître l'eau des arbres et des herbes, et a mis son sceau sur elle avec son précieux honoré, redoutable et saint nom, et par le nom des Anges qui dominant dans la cinquieme Armée, qui servent Acimöy, Ange grand, fort, puissant et honoré ; et par le nom de l'Etoile qui est mars ; et

Le maléfic sur Jérusalem

Les Anges du 5e ciel, regnant **Mardy**
qu'il faut appeler dans les 4 parties du
monde.

Du côté de l'Orient

Friagne Gual Damaël
Galzas Arragon

Du côté de l'Occident

Lama **Astagna** Lobquin
Soncas Iaxel Isiaël
Irel

LE MARDY

Heures du jour.

Anges des heures.

1. <i>Yayn</i>	<i>Samael</i>
2. <i>Ianor</i>	<i>Michael</i>
3. <i>Nasnia</i>	<i>Anael</i>
4. <i>Salla</i>	<i>Raphael</i>
5. <i>Sadedali</i>	<i>Gabriel</i>
6. <i>Thamur</i>	<i>Cassiel</i>
7. <i>Ourer</i>	<i>Sachiel</i>
8. <i>Tanie</i>	<i>Samael</i>

Из книги *Les œuvres magiques de Henri-Corneille Agrippa; avec des Secrets occultes par Pierre d'Aban*. Liege. Sans date.

По рукописи из Падуанской библиотеки

Последнее подтверждение *полностью магического* характера последних слов Иисуса мы находим в «Деяниях Пилата», коптском апокрифе, во втором фрагменте:

«Тогда, на шестой день, тьма сделалась по всей земле, до девятого часа. Солнце затмилось. Тогда Иисус воскликнул громким голосом: "Аба... Аби... Адах... Эфкидру... Адонаи... Ароа... Сабел... Луэл... Элои... Элемас... Абакданей... Ориот... Миот... Уаат... Сунь... Перинет... Иотат..."».

+ ΔΥΣΗ ΕΒΟΛ ΗΪΒΙ ΙΣ Ζ'Π ΟΥΠΟΒ ΗΪΜΗ ΖΕ
 ΠΑΕΪΜΤ' ΑΒΙ ΔΔΑΧ· ΕΦΚΙΖΡΟΤ· ΔΔΪΠΑΙ' ΔΡΟΑ·
 ΣΑΒΗΝ· ΖΟΥΤΗ· ΕΪΪΪΕ' ΕΪΕΜΑC· ΑΒΑΚΔΑΠΕ' ΟΡΪΪΪΕ·
 ΜΙΟΪ· ΟΥΑΔΕ' ΣΟΥΗ· ΠΕΡΪΠΗΪ' ΪΪΪΪΤ Ζ·

On était à la sixième heure, une obscurité se fit sur la terre entière jusqu'à la neuvième heure. * Le soleil s'était obscurci : le voile du temple se fendit du haut en bas et se coupa en deux. Jésus cria d'une grande voix : « Mon Père, Αβι, Αδαχ, Εφκιδροτ, Αδσπαι', Δροα, Σαβην, Ζουτη, ΕΪΪΪΕ', ΕΪΕΜΑC, Αβακδαπε', ΟρΪΪΪΕ, Μιου, Ουαδε', Σουη, ΠερΪπηΪ', ΪΪΪΪτ Ζ. »

Деяния Пилата. II фрагмент. Коптская рукопись IV века, по оригиналу, процитированному Иустинином во II веке. Перевод д-ра Ревийю (*Actes de Pilade / trad. de Dr. E. Revillout. Paris: Firmin-Didot et Cie. 1912*)

Эти имена в древних магических книгах называют «именами властей», и в самых известных из этих книг некоторые из них встречаются часто. В отличие от классической фразы, их присутствие здесь подтверждает, что последние слова Иисуса имели характер заклинания. И далее в данной рукописи еще раз подчеркивается важность этого удивительного предания:

«В момент, когда Спаситель сказал эти слова, воздух изменился, место затмилось, отверзлась бездна, помрачился небосвод» (Там же, 2-й фрагмент).

Таким образом, это бесспорно был призыв к силам тьмы и хаоса¹.

Из этого краткого исследования легко сделать окончательный вывод: последние слова Иисуса были проклятием городу, который не поддержал его в попытке освобождения от римского ига, и мы показали, что это проклятие было последним, а не первым. Но, соединенное с последним вздохом умирающего, оно поразило город, как через тринадцать веков последние слова великого магистра тамплиеров навсегда поразят французскую монархию и папство...

¹ Именно потому, что Иисус надеялся на поддержку в последний момент со стороны либо сверхъестественных сил, либо людей (своих отрядов), он отверг успокоительный напиток, который предлагали приговоренным к смерти (Матф., 27:34; Марк, 15:23), а не из желания страдать как можно сильнее. *Он хотел сохранять ясное сознание.* И доказательство этому — что его телохранители, оба вора, распятые по бокам от него, поступили так же. Отсюда их брань, когда они все поняли (Матф., 27:44; Марк, 15:42), ведь они тоже надеялись и верили его прежним утверждениям. И ничего не сбылось...

Глава XX

КАЗНЬ ИИСУСА

Зачем упрекать стрелу, когда налицо стрелок?

Индийская пословица

Каким был подлинный «обвинительный акт», на основе которого был осужден Иисус? На этих страницах мы попытались воссоздать его, учтя всё, что могли поставить в вину Иисусу согласно законам империи. Но на самом деле, если когда-то он и был известен, то позже его тщательно уничтожили или скрыли в архивах, куда никогда не допускали простого человека.

Все католические экзегеты признают, что мнимый отчет Пилата Тиберию о воскресении и вознесении Иисуса — грубая фальшивка. Они относят к апокрифам «Деяния Пилата», процитированные нами выше, потому что чрезмерная апология Иисуса очевидно лишает этот текст всякого правдоподобия. Но содержание всех этих документов нам известно. Они составляют первую часть Евангелия от Никодима.

Того же нельзя сказать о третьем документе, который христиане цитируют, но не воспроизводят. Действительно, в 311 или 312 году, в царствование императора Максимиана Дазы, повсюду, по всей империи и прежде всего по школам, были распространены новые Деяния Пилата.

Вот что говорит об этом, очень осторожно, Евсевий Кесарийский:

«Измышлены были тогда "Акты Пилата" — записки, полные всяческой хулы на Христа, по указанию властелина списки этих "Актов" разослали по всей подвластной ему стране с приказом поместить их всюду по деревням и городам на виду у

всех; учителям же, вместо занятий учебными предметами, велели читать их в школе и заставлять учеников выучивать наизусть» (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. IX, V, 1. С. 375).

Очень вероятно, что эти тексты, которые церковные писатели окрестили «Деяниями Пилата», как и текст, благосклонный к их верованиям, были просто *кратким изложением процесса Иисуса* или даже, еще проще, текстом окончательного приговора, вынесенного Пилатом.

Но этот документ, который был бы драгоценен по многим причинам и который можно было бы сравнить с «Деяниями Пилата», восхваляющими Иисуса, *до нас не дошел*. В веках сохранились лишь последние.

И обратное было бы странно. Прокураторы, высшие функционеры империи регулярно отправляли в Рим отчеты о важных событиях на территории их юрисдикции. Таким образом Тацит смог оставить нам свои «Анналы» и «Истории». В них мы находим описание того, что происходило как на Востоке, так и на Западе, почти по дням. *Однако кроме событий в Иудее во времена Иисуса*. Монахи-переписчики пропустили их. То же произошло с отчетом Пилата Тиберию о большом восстании 33 года под предводительством Иисуса. Когда при Константине христиане пришли к власти, должно быть, архивы имперской канцелярии сразу же подверглись чистке. Немедленно став преследователями всего, что не было христианским и притом ортодоксальным, вожди мессианистской секты, посылавшие на рудники философов и ученых-гностиков, едва ли проявляли особую щепетильность в отношении архивных документов.

Из способа казни, примененного в отношении Иисуса, мы также извлечем сведения, ценные для нашего исследования.

Прежде всего, не может быть, чтобы его били розгами.

По римским законам преступников, присужденных к телесному наказанию, били либо палками (*fustis*), либо розгами (*virga*), либо бичами (*flagellum*). Палка была предназначена для солдат, розги — для римских граждан, бичи — для рабов. Но к концу эпохи Республики розги для граждан отменили в силу Порциева закона (ср.: Цицерон. Против Верреса. 3:29 и Тит Ливии, 10:9).

Однако приговоренных к смерти, утративших в силу этого звание римского гражданина (если они имели его), по-прежнему секли розгами. Так обошлись с Савлом-Павлом, прежде чем обезглавить. Иисуса же, который не был ни римским гражданином, ни солдатом на римской службе, не могли бить розгами; он непременно и по закону подлежал наказанию *бичами*.

Но писцы, составлявшие в IV веке канонические Евангелия, никогда не присутствовали при распятии, потому что по просьбе руководителей христианского движения Константин отменил эту казнь. И поэтому они, постоянно видя ликторов с их связками прутьев, предположили, что такими прутьями и били Иисуса, прежде чем казнить на кресте¹.

Так вот, распятию, высшей и последней мере наказания, самой ужасной, по словам Плиния, всегда предшествовало бичевание посредством *flagella* (бичей). Но и у самой этой казни было много нюансов. Судите сами.

1. Это было наказание для мятежников, злодеев, восставших рабов. В этом качестве им протыкали *ладони* рук, отринувших повиновение, дисциплину, покорность, работу. Чтобы кисти рук не порвались под весом тела, в крест ниже паха человека втыкали мощный деревянный костыль, и этот «упор» к мучениям распятого добавлял мучения растянутого на дыбе. Женщин распинали лицом к кресту — не из стыдливости, как наивно полагает Даниэль-Ропс в книге «Иисус в Его время», а потому, что их плотные формы не позволяли им сидеть на этом стержне. И распятой женщине, пригвожденной лицом к перекладинам, грубый угловатый костыль ранил вульву и пах, а в некоторых случаях и влагалище. В свою очередь, протыкались и ступни ног — в наказание за бегство, обычно предшествовавшее мятежу.

2. Если приговоренный, когда его брали под стражу, совершил акты насилия, ему перебивали руки ударами железного лома или палицы. Если он еще раз пытался бежать, ему пере-

¹ Так, писец, назвавшийся Матфеем, утверждает, что Иисусу предложили вино, смешанное с желчью (Матф., 27:34); назвавшийся Марком говорит о вине, смешанном со смирной (Марк, 15:23); Луке эта подробность неизвестна, равно как и Иоанну... Так вот, Талмуд предписывал, чтобы женщины, предлагающие приговоренным к смерти успокоительный напиток, подносили им вино с растворенным в нем *ладаном*. Но писцы IV века не знали Талмуда!

бивали ноги. При распятии осужденный, растянутый на кресте, быстро начинал задыхаться. Чтобы продлить мучения, легионеры (почти всегда исполнявшие обязанности палачей) протыкали осужденному копьем правый бок под ребрами, выше печени. Возникало нечто вроде пневмоторакса: воздух непосредственно проникал в легкие, отчего угроза удушья отодвигалась и мучения затягивались.

3. Если осужденный усугубил свою вину насилием над свободной женщиной или девственницей, костью, который должен был служить «упором», вонзали ему непосредственно в половые органы, а не под ними.

4. Если означенный осужденный усугубил свою вину поджогом (а пожар дома в те времена часто вызывал пожар во всем городе), его секли бичами не из кожаных полосок со свинцовыми шариками, а из железных цепочек с бронзовыми шариками, предварительно раскаленных на жаровне. Первые назывались *«flagella»*, а вторые — *«flagra»* («обжигающие»). В любом случае бичевание, при неограниченном числе ударов, производилось с тем, чтобы сломить у осужденного всякую волю к сопротивлению при распятии.

5. Существовало два вида пригвождения к кресту. Злодеев и восставших рабов распинали *головой вверх*, а мятежников — *головой вниз*. Причины этого различия были чисто символическими. Мятежник совершал святотатство по отношению к величию императора, *обожествленного* и олицетворяющего всю Римскую империю. Поэтому его выставляли на всеобщее обозрение *перевернутым*. При этом способе распятия к двум ветвям креста прибавляли широко раздвинутые ноги. Гвозди вбивались в просвет между большой и малой берцовыми костями, непосредственно под лодыжкой и предплюсневой. В руки гвозди забивали либо в ладони, либо между лучевой и локтевой костями, либо непосредственно в запястья. В этом случае их прибавляли сразу за спиной, с другой стороны вертикальной перекладины, и перекрещивали. Вергилий намекнул на такое распятие головой вниз в знаменитом стихе «*Debellare superbos*» (Вергилий. Энеида. VI, 5, 853), то есть «Опрокидывать надменных»¹.

¹ В русском переводе С. Ошерова — «смирять» («милость покорным являть и смирять войною надменных»); глагол «*debellare*» означает

Об этом особом виде распятия, *головой вниз* для мятежников и *головой вверх* для злодеев и рабов, сообщает Сенека. На него же ссылаются Деменье в книге «Дух обычаев»¹ и Фернан Николаи в «Истории верований»². Евсевий Кесарийский, который сам был свидетелем таких казней, подтверждает существование двух их особых видов:

«...других распинали — или как обычно распинают преступников, или более жестоким образом, пригвождая *головой вниз* и оставляя в живых, пока они не погибали от голода на самом кресте» (Евсевий Кесарийский. Церковная история. VIII, VIII. С. 349).

Вот почему, когда сообщают о христианках, повешенных за ногу или за ноги, то есть головой вниз, значит, этих женщин уличили в принадлежности к мессианистской секте или мессианистскому движению, которых в то время Рим рассматривал как участниц чисто политического мятежа, а не представительниц особой религии.

И здесь возникает вопрос, ответ на который чреват очень серьезными выводами; Иисуса осудили как *мятежника*; его обвинили в том, что он притязал на царский титул, подстрекал народ к восстанию, незаконно собирал десятину и пошлины (Лук., 23:2). А Евангелия описывают его *распятым головой вверх!* В доказательство нам хватит следующих отрывков:

«И поставили *над головою Его* надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Матф., 27:37).

«Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: ...если Ты Сын Божий, *сойди с креста*» (Матф., 27:39-40).

«И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на *трость*, давал ему пить» (Матф., 27:48).

«оканчивать войну», «побеждать», «укрощать», но значения «переворачивать» у него нет (*примеч. пер*).

¹ *Demeunier, Juan Nicolas*. L'esprit des usages et des coutumes des differens peuples, ou. Observations tirees des voyageurs & des historiens. Londres; Paris: Chez Laporte. 1786.

² *Nicolay, Fernand*. Histoire des croyances, superstitions, moeurs, usages et countumes: (selon le plan du decalogue). Paris: V. Retaux. [1901.]

«И, преклонив главу, предал дух» (Иоан., 19:30).

Остальных три синоптика приводят те же подробности.

Итак, надо раз и навсегда договориться. Был ли он распят как *мятежник* (за политическое преступление)? Тогда его распяли *головой вниз*, и Евангелия говорят неправду. Для чего эта ложь? Чтобы избежать новых крайностей в изображении Мессии: вполне достаточно и распятия, казни, позорной в высшей степени.

Но если его распяли головой вверх, как обоих разбойников, сопровождавших его и схваченных *вместе с ним* в Гефсиманском саду, значит, он был осужден не как мятежник, его обвинили не в политическом, а в *уголовном* преступлении или преступлениях.

И последний вариант подкреплён свидетельствами самого Писания:

«Должно исполниться на Мне и сему написанному: "и к злодеям причтен"» (Марк, 15:28; Лук., 22:37)¹.

Здесь Иисус высказал желание осуществить слова Исаяи, процитированные таким образом. Тем не менее вспомним, что это пишут четыре века спустя безымянные писцы-греки. Иисус был окружен темными личностями, и для римлянина с непокладистым характером, как Пилат, этого было достаточно, чтобы и его воспринимать в таком качестве, пусть даже Иисус только приказывал, допускал, внушал, ничего не совершая самолично.

Так полагать побуждают нас имена, которые предание дает двум разбойникам: *Демас* и *Цистас*. Оба этих имени греческие: «Kistos» — это циста, корзина, слово «Demas» может

¹ Впрочем, это уподобление равно можно применить и к его деду Езекии, распятому Иродом в качестве «атамана разбойников», как мы рассказали на с. 120???, и к загадочному «Учителю Праведности», упоминаемому в рукописях Мертвого моря; сведения о нем читатель найдет в работе: Dupont-Sommer, Andre. *Aperçus préliminaires sur les manuscrits de la mer Morte*. Paris: A. Maisonneuve. 1951. P. 38, 39, 45. — Речь шла об Онии; он якобы снова появился после своей мученической смерти, которая прилась на 63 год до нашей эры. Безымянные составители IV века могли вдохновиться этой историей, сочиняя рассказ о псевдовоскресении Иисуса.

означать половые органы. Но его можно произвести и от слова *dimakairos*, означающего «тот, у кого два меча».

А ведь Иисус велел своим людям вооружиться мечами (Лук., 22:36) и при необходимости для этого продать плащ. Это было накануне ареста. Вечером того же дня все были вооружены: «Бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело, сказали Ему: Господи, не ударить ли нам мечом?» (Лук., 22:49)

Значит, у всей этой группы окружавших его приверженцев мечей было очень много. Но за несколько минут до того мы узнаем, что их всего два.

ⲚⲙⲡⲏⲤⲁ ⲡⲀⲓ ⲡⲤⲉⲁⲱⲧⲉⲛⲓ ⲉⲧⲤⲢⲟⲥⲓ Ⲓⲙ ⲡⲓⲙⲁ ⲡⲓⲧⲁⲧⲃⲟⲡⲓⲕⲓ
ⲙⲡ ⲁⲛⲙⲁⲥ ⲙⲡⲓ ⲕⲣⲉⲧⲤⲁⲥⲓ ⲡⲉⲤⲤⲛⲁⲧ ⲡⲁⲛⲧⲤⲏⲥⲓ ⲡⲓⲧⲁⲧⲃⲟⲡⲟⲧⲓ
ⲡⲓⲙⲁⲕⲓ

ⲚⲙⲡⲏⲤⲁ ⲡⲀⲓ ⲁⲓ ⲓⲥ ⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗⲓ Ⲓⲙ ⲡⲡⲣⲁⲓⲧⲱⲣⲓⲟⲛⲓ ⲙⲡ
ⲡⲁⲛⲧⲤⲏⲥⲓ Ⲥⲛⲁⲧⲓ

Ⲓⲁⲧⲱ ⲡⲓⲧⲉⲣⲉⲥⲉⲓ ⲉⲡⲓⲙⲁ ⲁⲧⲕⲁⲁⲥⲓ ⲕⲁⲒⲛⲧⲓ ⲡⲡⲉⲥⲉⲗⲟⲡⲓⲧⲉⲓ
ⲁⲧⲱ ⲁⲧⲓⲙⲟⲣⲉⲓ ⲡⲟⲧⲗⲉⲛⲓⲟⲛⲓ ⲁⲧⲱ ⲁⲧⲓⲉⲛⲓ ⲧⲉⲥⲁⲡⲉⲓ
ⲡⲟⲧⲕⲗⲟⲙⲓ ⲡⲓⲱⲟⲛⲧⲉⲓ Ⲓⲟⲙⲟⲓⲱⲥⲓ ⲡⲕⲉⲤⲤⲛⲁⲧ ⲡⲁⲛⲧⲤⲏⲥⲓ ⲁⲧⲓ

assis. Il rendit la sentence de cette façon : « Sentence de Pilate sur Jésus. Ta nation t'accuse comme roi. C'est pourquoi je te condamne. D'abord, j'ordonne qu'on te flagelle à cause des lois des empereurs et ensuite qu'on te crucifie dans le lieu où l'on t'a saisi, avec Démas et Cyrus, les deux voleurs »

1. — LE CRUCIFIEMENT. — Après ces choses, Jésus sortit du prétoire avec les deux voleurs. Lorsqu'il arriva au lieu désigné, on le dépouilla de ses vêtements et on le ceignit d'un *linteum* et on mit sur sa tête une cou-

АКТЫ Пилата (Acta Pilati) — IX, f 18 — Коптский манускрипт IV века, отрывок из которого цитировал Юстин во II веке. Перевод д-ра Э. Ревиллу (Paris, 1912, Firmin-Didot et Cie edit.)

Таким образом, возможно, это выражение означает не два материальных клинка, а просто прозвище предводителя банды наемников, которого вместе с его людьми Иисус взял на службу в качестве собственной охраны (не забудем, что своим он не доверял, особенно братьям: Иоан., 7:10). Следовательно, Два Меча было прозвищем, как позже профессиональному солдату могли дать прозвище Длинный Меч. Невежественные писцы сократили «Димакайрос» до «Демас». То же могло произойти с именем

«Цистас» (или «Кистос»), возможно, представляющим собой искаженное «Ksifias», «имеющий форму меча». Если мы сохраним «kistos», «циста», это слово также может означать палицу или дубину, которой обычно пользовался второй вор при нападении, распространенное оружие на всем Ближнем Востоке¹.

Верные данному слову, потому что получили деньги, оба разбойника оставались рядом с Иисусом до последнего, тогда как остальная масса, ученики и наемники, бежала в ночь, мрак которой не могли рассеять факелы и фонари центурий Когорты. Это, возможно, и объясняет такое место в коптской рукописи: «...чтобы тебя распяли в том месте, где тебя схватили, вместе с Демасом и Цистасом, обоими ворами, которых схватили вместе с тобой» (Деяния Пилата, IX).

Может быть, присутствие этой наемной охраны, состоявшей из темных личностей, но верно служившей тому, кто ей платит, и объясняет страх евреев, которым приказали арестовать Иисуса: «Некоторые из них хотели схватить Его; но никто не наложил на Него рук» (Иоан., 7:44).

И вероятно, охранники как раз и упрекали Иисуса в том, что он не сотворил чуда, чтобы освободить их в награду за верность (они честно выполняли правила игры).

Имена этих двух загадочных персонажей варьируются в рукописях, где о них говорится. *Демас* или *Дисмас* и *Геслас* или *Цистас* в уже цитированных «Деяниях Пилата»; *Тит* и *Думах* в арабских евангелиях, так называемых «Евангелиях детства»; *Зоафан* и *Шаммафа* в некоторых рукописных вариантах канонических Евангелий; *Моав* и *Занди* в некоторых средневековых рукописях. Их называли галилеянами и даже представителями отряда Вараввы, пишет Даниэль-Ропс. И это лишь самые показательные имена...

Мы думаем, что ближе всего к истине греческие имена, потому что меньше риска, чтобы грекоязычные писцы IV века исказили их. И вероятно, это коптские переписчики их пере-

¹ Профессиональные солдаты имели «военные имена», как в корпорациях позже носили «имена братства», вроде «Горячо Любимый Туренец» или «Пикардия Вольность». Эта традиция продолжилась в охотничьем деле, где доезжачие и псы именовались «Срубленный Сук», «Залом» или «Ветка». Автор этой книги, член Братства торговцев картинками, в 1945 году в память о Парижском восстании получил в Союзе братств красивое имя «Парижанин Свобода».

врали, транскрибируя и переводя греческие оригиналы. Но, как сможет отметить сам читатель на основе сказанного выше, два этих скромных персонажа имеют значение для историка, они могут стать ключами к загадке в некоторых ее аспектах.

«Деяния Пилата» составляют, как мы сказали, первую часть знаменитого Евангелия от Никодима. Это известный апокриф, и только он, вместе с Первым посланием Петра и другим апокрифом, Евангелием от Петра, сообщает, что Иисус после смерти спустился *в ад*, чтобы благовестить мертвым, ожидавшим этого. Канонические Евангелия ничего не говорят об этом эпизоде, который был введен в «Кредо», а задолго до этого — во всеобщий «Апостольский символ веры» и фактически стал догматом веры для христиан.

Во II веке «Деяния Пилата» цитировал Иустин Мученик, в III веке — Тертуллиан, значит, как мы видим, это очень древний текст. Иустин умер в 165 году, значит, «Деяния Пилата» написаны раньше. Однако коптская рукопись, дошедшая до нас, относится к IV веку.

Так вот, она мимоходом сообщает нам одну деталь, которая в те времена казалась незначительной, но нам представляется очень достойной внимания, потому что напрочь лишена того избыточного символизма, который так часто встречается у христианских авторов тех времен.

Канонические Евангелия, а именно: Евангелие от Матфея (27:33), от Марка (15:22) и от Иоанна (19:17), говорят, что Иисус был распят на месте под названием *Голгофа*, что по-древнееврейски значит «череп»¹. Лука (23:33) просто говорит: «На место, называемое Лобное». Это был каменистый холм, высокий и обрывистый, действительно имевший форму черепа. Создана легенда, согласно которой под этим каменным черепом погребен Адам, положенный головой как раз под этот холм.

В настоящее время Голгофа — пригорок около *пятидесяти сантиметров* высотой, выступающий из пола в базилике Гроба Господня. Что касается холма, он исчез после того, как Иерусалим был взят Титом и город сравняли с землей (руками еврейских пленников), а потом при императоре Адриане

¹ В русских синодальных переводах — «лобное место» (*примеч. пер.*).

на фундаментах старого города построили новый. Адриан велел соорудить на всей Голгофе террасу, и там посадили священное дерево, посвященное Венере-Афродите. Очевидно, что после стольких работ прежнего места уже не найти. Тем более что *самый старый план Иерусалима* датируется приблизительно 595 годом. Город был разграблен еще раз в 614 году Хосровом II, истребившим его жителей, а потом в 1214 году — монголами, полностью разорившими его.

Так вот, «Деяния Пилата» сообщают, что прокуратор в приговоре распорядился: «Прежде всего, велю, чтобы тебя бичевали, в силу законов империи, и далее чтобы тебя распяли *в том месте, где тебя схватили*, вместе с Демасом и Цистасом, обоими ворами, которых схватили вместе с тобой» (Деяния Пилата, IX).

Но Иисуса схватили не на *Голгофе*, а в *Гефсимании*, в Гефсиманском саду, у подножия Масличной горы. И нам следует приступить к этой проблеме: она важнее, чем кажется с первого взгляда, почему — будет ясно в дальнейшем.

Даниэль-Ропс, до бесконечности использующий в своей книге «Иисус в Его время» обороты «должно быть», «можно предположить, что», «вероятно» и ставящий во главе процессии, идущей совершать чисто римскую казнь, «привратника синедриона», не сообщает никаких конкретных сведений о маршруте осужденных и их военном эскорте. Достаточно перечитать главу «Крестный путь», чтобы отметить его осторожность и неуверенность. Тем более понятную с учетом того, что определять и уточнять этот маршрут начали только в IV веке (опять-таки), *с прибытием первых в истории паломников*¹.

Императрица Елена, мать Константина, велела в конечной точке маршрута паломников построить базилику. Там собра-

¹ Даниэль-Ропс, историк-традиционалист, по-прежнему желает верить, что это евреи хотели казни Иисуса и *совершили* ее. Как будто он не знает, что:

1) *распятие* никогда не было в Израиле законным способом казни, и его не стали бы вводить для Иисуса, тем более во время Пасхи;

2) в один день никогда не выносили двух смертных приговоров; это противоречило Закону. Таким образом, невозможно, чтобы синедрион велел казнить сразу же Иисуса и двоих воров.

ли всё для их удобства, чтобы они не тратили зря силы, бродя по разным местам. Так могила и Голгофа оказались рядом друг с другом. Самое большее в двадцати метрах от могилы находится место, где (после сна, ниспосланного ей ангелом-хранителем) Елена велела копать, чтобы найти *невредимые*, хотя прошло почти три века, три креста — Иисуса и воров. Впоследствии обрели гвозди, терновый венец, тунику Иисуса, плат блаженной Вероники и, наконец, тридцать девять саванов, один аутентичнее другого. Притом почти всё подтверждало свою подлинность многочисленными чудесами. Таким образом, в музее было всё, даже крайняя плоть Иисуса, ныне хранящаяся в Ватикане.

Теперь места паломничества были полностью подготовлены, его организовали безупречно, всё, можно сказать, было под рукой. Впоследствии у каноников церкви Гроба Господня родилась гениальная идея. Любой мужлан, приходивший к святой могиле в качестве паломника, получал у них посвящение в рыцари. Получив аттестацию, заверенную подписью и печатью, наш мужлан возвращался в Европу обладателем личного дворянства. В те времена это давало многочисленные преимущества. Если так же поступали его сын и внук, их дворянский титул становился наследственным, это было дворянство «третьего раза».

Тем не менее о крестном пути Даниэль-Ропс пишет с осторожностью: «Правду говоря, этот маршрут не более чем гипотетичен, и иначе быть не могло, если принять к сведению, сколько развалин возникло за века в Святом городе и какие массы обломков скопились в низинах... Этим сувенирам, слишком ценным, не стоит придавать чересчур большое значение» (*Daniel-Rops, Henri. Jesus en Son temps. Paris. 1945*).

Так вот, попытаемся восстановить план Иерусалима времен Иисуса при помощи мозаичного плана, открытого в Мадабе, в Иордании, и датированного 595 годом.

К северу от города отходит дорога, ведущая через Раму в Самарию, и другая, ведущая в Кесарию. Они расходятся всего в шестидесяти метрах от Северных ворот, которые в средние века называли «Скорбными». Если пройти вне пределов города чуть западнее и миновать Тиропеонскую долину, покажут-

ся Ефремовы ворота, через которые проходит дорога на Иоппию (Яффу). В ста метрах по правую руку от путника возвышается скалистый холм *Голгофа*. Утверждать вместе с Даниэль-Ропсом, что это была дорога на Дамаск, — *lapsus calami* [описка (*лат.*)] или географическая ошибка. С *другой стороны, старинное кладбище — не там*, оно находится по другую сторону Тиропеона и Кедрона, *в полутора километрах по прямой линии, у подножия горы Соблазна, совсем близко к Гефсимании и Масличной горе.*

Так вот, Даниэль-Ропс в книге «Иисус в Его время» пишет следующее:

«Существовал обычай — еще сохранившийся в некоторых странах, особенно на Востоке — размещать кладбища у городских ворот, и обыкновенно смертные казни совершались среди надгробий. Разве Голгофа не возвышалась всего метрах в двадцати пяти от того места, где находилась могила, принадлежащая Иосифу Аримафейскому? Разве в "Сатириконе", в главе, где Петроний рассказывает забавную историю о безутешной вдове, также не говорится о распятии среди могил?¹ Голгофу надо представлять как одно из тех мрачных мест, близко знакомых со смертью и отдающих мертвечиной, над которыми кружат, подстерегая последний вздох своей жизни, те "птицы Эсквилина", о которых говорит Гораций (потому что в Риме казни обычно происходили на кладбище у Эсквилинских ворот), — грифы, столь обычные в небе Иудеи...»

Итак, отметим: место распятия Иисуса и двух его воров должно быть близким к кладбищу, потому что таков обычай и потому что там должна быть могила, где его временно похоронят.

Близ Голгофы ничего подобного нет. Это исключала близость Храма, святого места, — метров триста по прямой, — поскольку кладбище есть место нечистое по преимуществу, тем более если там совершались казни и выставлялись трупы замученных: все это осквернило бы святое место.

¹ Это история о распятии среди могил очень любопытна. Интересно бы знать, почему «Сатирикон» Петрония из 3000 первоначальных страниц сократился до 250... У нас будет возможность к этому вернуться.

Таким образом, в IV веке Голгофу в качестве места казни Иисуса выбрали, видимо, из-за ее названия, из-за легенды, связанной с ней, а также ради удобства паломников. Во времена, *когда никого, кто видел смерть Иисуса, уже не было в живых*, когда археологии и ее дисциплин, связанных с историческими науками, невозможно было и представить, когда наивность верующих не знала абсолютно никаких границ, когда рациональной критике всегда предпочитали детскую веру, такие изыскания, как наше, были исключены. Не существовало ни одной карты древнего Иерусалима. Обратиться к устной традиции было невозможно, потому что после взятия и разрушения города всех евреев без исключения депортировали. Несколько веков до Константина *к городу Давида было запрещено приближаться*. Как представить, чтобы на месте можно было узнать какое-либо предание? Римляне и греки, впоследствии, при Адриане, то есть в 131 году, заселившие новый город, *Элию Капитолину*, не нашли там ни одного жителя. Послушаем Иосифа Флавия:

«Остальные стены города разрушители так сравнивали с поверхностью земли, что посетитель едва ли мог признать, что эти места некогда были обитаемы» (*Иосиф Флавий. Иудейская война. VII, 1. С. 415*).

Таким образом, с 70 года, года взятия Иерусалима Титом, до 131 года, года основания Элии Капитолины, то есть за шестьдесят один год, место, где поднимался чудеснейший город в истории человечества, было всего лишь разоренным пространством, где *все было сравнено с землей и не осталось ни одного живого существа*.

Какие же там можно было найти устные предания, о которых говорят?¹

Напротив, если мы перенесемся за пределы Иерусалима, в долину Иосафата, в самую Гефсиманию, на *перекресток* дорог, одна из которых ведет в Иерихон, а другая — в Виффагию и Вифанию, мы окажемся на месте, где Иисуса

¹ *Легендарный рассказ* об обнаружении крестов Голгофы императрицей Еленой и *испытательном воскрешении* трупа, положенного на крест Иисуса, был в VII веке запрещен церковью.

«схватили, вместе с Демасом и Цистасом, обоими ворами», согласно «Деяниям Пилата».

Мы окажемся ближе ко дворцу Пилата, чем если бы находились на Голгофе, мы окажемся совсем рядом со старым кладбищем, где найдется могила, необходимая для погребения Иисуса, мы окажемся в Гефсиманском саду, где его «взяли», и прежде всего на перекрестке, где ходит намного больше людей, чем в таком удаленном месте, как Голгофа.

Так вот, римляне всегда казнили «в назидание», и это значило, что осужденных должно было видеть как можно больше прохожих. И этот *перекресток* будущий христианский мир *бессознательно* воспримет как эзотерическую истину, потому что *на перекрестке всегда будут устанавливать распятие*. Символ выбора между Добром и Злом, символ «двойного пути», отделяющего мир Мертвых: именно на перекрестке Гадеса бдит пес Цербер. Одна из трех его голов обращена к приходящему: она пропустит душу мертвого и запретит живому спускаться в унылое обиталище. Обе остальных, обращенных в другую сторону, повернутся к мертвым, если те попытаются подняться к Жизни. Левая голова запретит всякое возвращение к ней мертвым, сошедшим в Ад, правая запретит подобную попытку душам Елисейских полей.

Кроме того, с Голгофы, *возвышающейся над Иерусалимом*, постоянные ветры несли бы запах трупов распятых на город. Тогда как в Кедронской долине, расположенной гораздо ниже города, и на старом кладбище, близком к Гефсиманскому саду, эта неприятность не грозила. Все говорит о том, насколько удобным было это место для регулярных казней на кресте с долгой демонстрацией останков казненных.

Есть и дополнительный, принадлежащий к тому же кругу идей довод в пользу того, что распятия совершались на этом месте.

От этого перекрестка левая дорога поворачивает на Иерихон. Путь туда составляет около тридцати пяти километров, и на этом отрезке происходит спуск на тысячу метров. Пустынный и зловещий ландшафт, бесплодные скалы, по той и другой стороне многочисленные пещеры на унылых возвышенностях.

С наступлением ночи красноватый оттенок придает этому то-скливому пейзажу еще более пугающий характер.

Этот путь уже с давних пор внушает страх. Тут водятся гиены, шакалы, разбойники, срезающие кошельки, а то и перерезающие горло, делая эту дорогу до крайности опасной для путника. Именно сюда Иисус сознательно отнес действие своей притчи о добром самаритянине, оправдывая тем самым свои связи (вызывавшие возмущение в Иудее) с жителями Самарии.

И там, воздвигнутые на перекрестке, откуда отходит опаснейший из путей, обращенные к району, где одновременно скрываются и караулят бандиты с большой дороги, три позорных креста стали чем-то вроде вызова и равно ответа *римского порядка* восставшим zelотам, а также самым обыкновенным разбойникам, часто связанным с первыми.

Впрочем, нет никаких доказательств, что лес и Масличная гора совсем рядом с Иерусалимом не были тем же, чем так долго был лес Бонди у ворот Парижа. И это, несомненно, подтверждают масштабы экспедиции, в ходе которой были взяты в плен Иисус и оба вора и в которой участвовали Когорта и ее трибун, то есть шесть центурий ветеранов, направленные военным магистратом в ранге консула, и вспомогательный отряд, выделенный синедрионом и насчитывавший не менее двух сотен бойцов. Может быть, в то время Масличная гора и ее лес представляли собой нечто вроде «Двора чудес» под открытым небом.

Это на самом деле идеальная позиция для контроля над Иерусалимом и для его штурма. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (книга XX, VIII) приводит пример такого ее использования, напоминая о «египтянине», который укрепился там с настоящей маленькой армией и был разбит в 58 году нашей эры прокуратором Антонием Феликсом, упредившим его атаку. Это была действительно ключевая позиция:

«Отсюда он (египтянин) мог взять Иерусалим приступом, тиранически подавить римский гарнизон и народ, используя вооруженных людей, которыми командовал...» (*Иосиф Флавий*. Иудейская война. Славянская версия. II, 5. Деяния, 25:8-12).

Что касается сил этого повстанческого лагеря, то «Деяния» говорят о 4000 сикариев, тогда как Иосиф приводит цифру, несомненно преувеличенную, в 30 000. Но даже если на Масличной горе могло скрываться 4000 бойцов, одно это оправдывает ее осаду по приказу Пилата: трибун, шестьсот отборных солдат, не менее двухсот стражников только ради пленения Иисуса и его отряда.

Однако тогда напрашивается один вывод.

Если Иисус был распят не как политический мятежник, то есть головой вниз, а как банальный разбойник, головой вверх, этот факт подтверждается и выбором места распятия.

Возможно, синедрион и обвинял Иисуса в перегибах, еретическом отношении к догматам, пренебрежении к самым незбылемым религиозным обычаям, но Рим, который это не интересовало, обвинял его совсем в другом: в грабежах, убийствах, рэкете, как мы уже показали, а также в черной магии.

Значит, распиная его между двумя ворами, схваченными вместе с ним, на перекрестке дороги, которая вела в места, где кишели такие же банды, одновременно в качестве назидания и вызова, Пилат лишь подтверждал, что приговорил Иисуса к самому позорному из наказаний по чисто уголовным (а не политическим) мотивам.

Конечно, Исайя предсказывал: «За то, что... и к злодеям причтен был» (Ис., 53:12).

Судя по этому пророчеству, дело выглядит так, что унижение Мессии было предрешено самим Богом и угодно ему. На самом деле, вся глава 53 просто на удивление точно описывает перипетии Страстей. Пусть же читатель возьмет Библию и перечтет эти места. Потом мы снова возьмем слово.

Рукописи Исайи, которыми мы располагали до обнаружения рукописей Мертвого моря, — *средневекового происхождения*. То есть для скрупулезного историка, который всегда настороже, они подозрительны. Настолько подозрительны, что читателю достаточно снова взять Библию, Книгу Исайи, и прочитать главу 52, *но только по стих 12*. Потом пусть он, опустив дальнейшее, продолжит чтение со стиха 1 главы 54, и он

обнаружит, что без опущенного куска вполне можно обойтись; более того, логическая связность совершенно безупречна.

Какой еще можно сделать вывод, кроме того, что стих 13 и дальнейшие стихи главы 52, а также вся глава 53 были вставлены в позднейшие времена, чтобы оправдать унижительную кончину Иисуса. Либо вставлены, либо истолкованы более чем вольно. Возможно, это и объясняет все средневековые гонения на еврейские общины. При этом захватывали их богатства и имущество и уничтожали их религиозные книги, подменяя их «исправленными» копиями¹. *Это вполне демонстрируют нам рукописи Мертвого моря.* Действительно, до сего времени там было обнаружено лишь две рукописи Книги Исаяи. Одна принадлежит монастырю Святого Марка в Иерусалиме, православному. В ней столько же глав, сколько и в наших средневековых копиях. Рукопись Еврейского университета начинается с главы 10 и доходит до классического окончания. Но различия между этими двумя документами, появившимися до нашей эры, и нашими средневековыми рукописями *очень велики.*

Так, если последние в отношении Мессии утверждали: «Как многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его» (Ис., 52:14), то рукопись из монастыря Святого Марка (рукопись Мертвого моря) гласит: «Благодаря Моему помазанию облик его более чем человеческий» (Ис., 52:14).

Надо согласиться, что различие очень велико и что лицо Мессии у Исаяи, ослепительное и ужасное, лицо моисеевского Мессии, вновь спустившегося с Синая, не похоже на опухшее лицо Иисуса, выходящего из претории и направляющегося к месту своего распятия.

Насколько нам известно, ни перевод рукописи Исаяи из монастыря Святого Марка, ни перевод рукописи из Еврейского университета опубликованы не были. Произойдет ли это ко-

¹ Не слишком ли высокого мнения автор о средневековых фальсификаторах? Надо полагать, даже переписать текст Торы на иврите тогда мало кто сумел бы (из неевреев), а уж сочинить вставку на том же языке и в нужном стиле... (примеч. пер.).

гда-нибудь? Если да, надо будет тщательно проверить перевод стиха 12 главы 53. Для проблемы казни Иисуса это важно.

Наконец, остается упомянуть один документ, ставящий под вопрос подлинность всего евангельского рассказа о распятии Иисуса. Это сам текст краткого приговора, начертанный на кресте и приписываемый самому Пилату.

Так вот, откуда нам известен текст этой таблички, которую Пилат велел прибить, по римскому обычаю, к вершине вертикальной перекладины? От писцов, сочинявших Евангелия с IV века. *Но действительно ли на вершине креста находился этот текст?* В этом вполне можно усомниться, потому что:

— невозможно, чтобы Пилат назвал Иисуса выходцем «из Назарета», потому что в те времена этого населенного пункта не существовало и его, чтобы удовлетворить паломников, построили только в VIII веке. Впрочем, этого не утверждает и текст Вульгаты святого Иеронима, *официальный текст католической церкви*. Там он именуется *nazareus*, то есть «назорей», что значит «посвященный Господу» (*назир*);

— с другой стороны, Пилат не мог так назвать Иисуса потому, что:

а) это явно не мотив для обвинения с точки зрения римского закона; упрекать в этом Иисуса было нельзя;

б) Иисус никогда не был назореем, так как подобное посвящение исключало бы для него возможность пить вино, есть мясо, приближаться к людям, нечистым в ритуальном отношении с точки зрения иудейского закона, и прежде всего приближаться к трупам и касаться их. Все то, от чего он не отказывался в течение всей жизни. По этим причинам Иисус никогда не был *ни ессеем, ни назореем*.

Значит, текст приговора, приписываемый евангелистами Пилату, — подложный.

Им подменили другой, подлинный, но оскорбительный, который объяснял, почему Иисуса распяли *головой вверх*, как злодея, а не *головой вниз*, как мятежника, что произошло бы, если бы его действительно обвинили в провозглашении себя «царем иудейским».

Впрочем, вероятно, табличку, которая полагалась при всякой казни на кресте, сначала вешали осужденному на шею, и он так нес ее от тюрьмы до места казни. При этом руки у него были разведены в стороны и привязаны к поперечному брусу, лежавшему у него на спине, как ярмо. Это все, что носил осужденный: вертикальная перекладина креста была вкопана в землю на обычном месте казни.

С другой стороны, Матфей, Марк и Лука пишут, что римские солдаты потребовали от некоего Симона Киринаеянина нести крест, потому что Иисус, будучи слишком слабым, не мог его держать. А Иоанну (19:17) ничего не известно о существовании Симона Киринаеянина. Он, присутствовавший там, что он подчеркивает (19:26), видел, как Иисус, «неся крест Свой... вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа» (Иоан., 19:17). Но, как мы выяснили, носили только перекладину, а не вертикальный столб.

Впрочем, этот столб был не очень высоким — ступни жертвы обычно находились сантиметрах в тридцати над землей. Как правило, крест имел Т-образную форму (форму греческой буквы «тау»): на верхушке вертикального столба делали шип, на который насаживали поперечную перекладину с пазом по середине.

Значит, приходится предположить, что табличку, объясняющую причину казни, часто прибавляли за головой осужденного, потому что выше крест не продолжался.

Когда одновременно совершалось много распятий, вместо положенных виселичных крестов использовали разветвленные деревья, и жертву прибавляли уже не к букве Т (тау), а к букве Υ (игрек).

Если, вернувшись к официальному представлению о том, что Иисус был распят на Голгофе, мы рассмотрим это место в свете археологических открытий, нам придется констатировать, что его выбор служит еще худшую службу официальному образу Иисуса, чем вариант с его распятием на Масличной горе.

Прежде всего отметим, что в 1968 году к северу от Иерусалима нашли скелет распятого, зарытый прямо в землю, и кости правой стопы еще были пробиты гвоздем.

Но археологи, изучающие почву Святой земли, бывают представителями христианских конфессий, в основном протестантской или католической, и редко — иудеями. Легко догадаться, какой вывод был сделан из этого открытия: *об этой эксгумации прежде всего благоразумно умолчали*. Но чего же опасались? Никогда никто не говорил, что Иисуса распяли к северу от Святого города. Споры идут лишь о том, распяли его на Голгофе или же на Масличной горе. А в окрестностях Иерусалима были распяты тысячи только в ходе последней осады Святого города.

К тому же при выборе Масличной горы благодаря близости официального (и ритуального) иудейского кладбища, определенной снисходительности Пилата к осужденному царского рода становится вероятным погребение Иисуса в достойной могиле, принадлежала ли она загадочному Иосифу Аримафейскому или нет.

Но при выборе Голгофы это не только невозможно, *потому что никакого ритуального иудейского кладбища поблизости нет*, но и вообще все гораздо хуже.

Действительно, недавние раскопки в этом секторе обнаружили:

а) *печи для кремации*, очевидно предназначенные для греков и римлян, желавших, чтобы их прах вернулся на родину в традиционной погребальной урне, то есть сторонников помертвой кремации, которую иудеи презирали;

б) *ямы для костей*, которые могут быть лишь классическими братскими могилами для местных евреев либо аналогами «fossa infamia», *позорной ямы*, предназначенной для трупов евреев, приговоренных к смерти. В самом деле, если римляне довольно легко отдавали семьям тела казненных, евреи помещали эти тела в «позорные ямы», закрытые *решетками*. Когда крысы и шакалы полностью очищали тела от плоти и оставался только скелет, его возвращали семье.

Итак, теперь явственно возникает проблема:

— либо труп Иисуса был похоронен на Голгофе, официально признанном месте его казни, и в таком случае был помещен в «позорную яму»; о почетной могиле речи нет, *и получается, что распят Иисус был как разбойник* (в пись-

ме к Фотину император Юлиан заявляет, что могилой Иисусу вполне заслуженно стала «позорная яма»);

— либо он был похоронен в почетной и ритуальной могиле и в таком случае распят поблизости от нее, то есть на Масличной горе. В таком случае всю свою объемность приобретает страшная фраза из «Деяний Пилата». Он был арестован *вместе с двумя бандитами, схваченными «с ним» и в то же время*. И тогда возникает вопрос, что так называемый «воплощенный бог» мог иметь общего с такими убийцами и ворами, как Симон Петр и Иуда Искариот (его сын), и с заурядными безымянными бандитами, как два этих разбойника.

Впрочем, надо отметить, что Иисус ожидал «позорного погребения», потому что предвидел: если римляне его схватят, он будет распят. Доказательством этого служит притча о виноградарях (Лук., 20), где последние, убив *слуг*, посланных хозяином виноградника (то есть *пророков*), убивают *сына* хозяина виноградника (Иисуса, легитимного, хоть и незаконного царя) *и бросают его труп за пределы виноградника, не похоронив его*.

Похоже, под конец этой главы мы можем найти некоторые полезные уточнения относительно *Гефсимани*. Это слово по-древнееврейски означает «пресс для маслин». Очевидно, под подобным устройством едва ли можно укрыть и спрятать такой отряд, который сопровождал Иисуса (одни только *апостолы* и *ученики* уже составляли почти сотню человек). Значит, там есть *еще что-то*, и сведения об этом «чем-то» нам предоставит одно из древнейших апокрифических Евангелий. Действительно, в Евангелии от двенадцати апостолов (которое Ориген считал более древним, чем Евангелие от Матфея) есть фрагмент, который д-р Ревийю, хранитель Лувра, в своем переводе привел под номером 4. И в этом фрагменте, дошедшем до нас в очень испорченном виде, уточняется, что в Гефсиманском саду «был дом Ирмеела, который проживал там».

На самом деле в виду имеется не Ирмеел, а Иерахмеел — это еврейское имя означает «любимый Богом» (см.: «Раввинский словарь» Сандера).

Несомненно, как многие французские крестьяне при немецкой оккупации и правительстве Виши, этот человек был

тайным сторонником zelотских партизан, помогал им как мог, давал приют, прятал их и снабжал продовольствием. Но существование подобного района, где находился также пресс для маслин, объясняет, почему Пилат для его осады бросил такие силы: *Когорту*, то есть шесть центурий ветеранов под командованием *трибуна* (ранг, равный *консульскому*), добавив к ней отряд стражников Храма соответственной численности. Оценив ее примерно в двести человек и добавив шестьсот солдат Когорты, мы получим почти восемьсот бойцов.

Кто поверит, что у подобной маленькой армии не было иной цели, кроме ареста безобидного фантазера, называющего себя «сыном Бога» и проповедующего только прощение обид и всеобщую любовь? Если бы у нас еще оставались сомнения, нам было бы достаточно перечитать такой отрывок из уже упомянутого Евангелия от двенадцати апостолов, показывающего (надо полагать, совсем против воли авторов), что на самом деле между евреями и римлянами произошел бой и это сражение закончилось взятием в плен Иисуса, официального главы zelотского движения, которого под конец покинули его соратники:

«Пилат вспомнил... Он обратил внимание на центуриона, который стоял у ворот гробницы, и увидел, что у того лишь один глаз (ибо второй ему выбили *в бою*) и что он все время закрывает этот глаз рукой, чтобы не видеть света» (*Евангелие от двенадцати апостолов*. 15-й фрагмент).

Надо отметить, что центурион потерял глаз не в *in combat* (каком-то бою), а в *le combat* (конкретном бою, известном рассказчику), и что рана была совсем свежей. Так вот, если апокрифические Евангелия можно упрекнуть в излишнем пристрастии к сверхъестественному и чудесам, то столь простыми и невинными деталями пренебрегать нельзя. Такое не придумывают, и присутствие подобного одноглазого в таких обстоятельствах легче представить, чем совсем слепого часового, чудесным образом прозревшего в момент удара копьём в бок Иисусу. Но между обеими этими историями есть связь: вторую придумали, чтобы заставить забыть первую.

Глава XXI

ПСЕВДОВОСКРЕСЕНИЕ

Даже хананеянская служанка из страны Израиль уверена, что наследует будущий мир.

Талмуд. Трактат Кетубот, 111а

Когда оформилась вера в воскресение, потребовалось уточнить момент, когда Иисус покинул могилу. Тезис о том, что он пробыл внутри таковой полных трое суток, был подкреплен рядом соображений.

После вавилонского пленения евреи принесли оттуда не только имена ангелов, свой квадратный алфавит и много теорий, пришедших прямо из старинной религии магов: они взяли там и веру в будущее воскресение мертвых, как ее определил Зороастр. И согласно этой традиции, душа окончательно покидала тело только через три дня после кажущейся смерти. Впрочем, это учение перенял и народный исламизм.

Согласно Иерусалимскому Талмуду, «душа три дня пребывает близ трупа, пытаясь вновь вернуться в него. Она удаляется окончательно, лишь когда вид тела начинает изменяться». Таким образом, окончательно изгоняет душу из ее первоначальной оболочки начало разложения.

Это подтверждает эпизод с мертвым Лазарем. Когда Иисус отдает приказ отвалить могильный камень, Марфа, сестра покойного, замечает: «Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе» (Иоан., 11:39).

Вот почему, чтобы не наносить усопшему *психической травмы*, разные тексты советуют не производить погребения тела ранее третьего дня после кажущейся смерти. Таковы

«Завет двенадцати патриархов», «Мидраш-кохелет», «Книга рабби Йехуды I».

С другой стороны, наши безымянные составители Евангелий в IV и V веках из всех сил старались подкрепить свои слова поразительной и доказательной параллелью с мессианскими пророчествами. И вероятно, окружение Иисуса, для которого цели его миссии были чисто политическими и материальными, особенно добивалось этого.

Так, например, если псалом 23¹, по их утверждению, должен подробно описывать Страсти Иисуса, они производят небольшую правку традиционного древнееврейского текста, внося в него то, чего не было раньше.

На самом деле, в древнееврейском тексте стиха 17 мы прочтем: «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня. *Словно льва, они вяжут меня по рукам и ногам...*»

В латинском же тексте Вульгаты святого Иеронима читаем: «Foderunt manus meas et pedes meos». Переведено: «пронзают» руки и ноги, вместо «убивают, связывая их». Вполне очевидно, что льва, которого ловили для царских зверинцев, в древнем мире, даже во времена Давида, связывали сетью, которой ловили, но лап ему не протыкали.

Эпизод с осленком и ослицей воспроизвести было легко. Пророк Захария предсказывал: «Царь твой грядет... сидящий на ослице и на молодом осле...» (Зах., 9:9). И во время въезда в Иерусалим Иисус, легитимный царь Израиля, потомок и «сын Давидов», которого окружали и за которым следовали толпой его сторонники, лишь сядет верхом на осленка, впереди которого пойдет мать, чтобы, осуществить это пророчество. Это очень просто: достаточно заранее привести того и другую. Это мог сделать кто угодно.

Псалом 22², стих 19, провозглашал: «Делят ризы мои между собой, и об одежде моей бросают жребий». И тот факт, что подобным образом поступали палачи, распинавшие Иисуса, вызывает наивное восхищение. Но почему при этом забывают, что до Французской революции во всей Европе привиле-

¹ В русском синодальном переводе — 21 (*примеч. пер.*).

² В русском синодальном переводе — 21 (*примеч. пер.*).

гией палача была продажа тряпья приговоренного к смерти первому попавшемуся старьевщику? Почему забывают, что на средневековых полях сражений на следующий день после боя мертвые оказывались голыми, без своего снаряжения и оружия?

А в псалме 16 [15], стихи 10-11, мы прочтем:

«Ибо ты не оставишь души моей в Шеоле, не покинешь верующих Твоих в Бездне. *Ты укажешь мне* путь жизни; полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек».

Из этого текста к «Вечному глаголу» ничего применить нельзя, потому что из этого стиха следует, что обладатель обещанных благ *еще никогда их не знал*.

С другой стороны, тот же текст в латинской Вульгате противоречит *оригинальному древнееврейскому тексту*, потому что там переведено так:

«И не дашь Твоему любимцу¹ увидеть тление» вместо «Не покинешь верующих Твоих в Бездне». Можем заверить читателя, что слова в этих текстах очень различаются.

Итак, считалось, что *через три дня* о воскресении говорить больше невозможно, потому что душу уже увлекло очень далеко во мрак потустороннего мира.

С другой стороны, *до истечения трех дней* можно было *сомневаться в реальности смерти*: эпизод с дочерью Иаира (Матф., 9:18 и 23-25), которая умерла «только что» и которую Иисус объявляет живой: «Ибо не умерла девица, *но спит*», позволял аналогичный довод отнести и к воскресению Иисуса.

На самом деле, в магический травник африканского и анtilьского Буду входят растительные снадобья, позволяющие внушить впечатление реальной смерти, на деле лишь мнимой. Жертву, похороненную по всем правилам на деревенском кладбище, через двадцать четыре часа тайно откапывают. Ее скрытно переносят в очень отдаленную деревню, и тот, в чью пользу совершалось действие, получает в ее лице человекопо-

¹ В русском синодальном переводе — «святому Твоему» (*примеч. пер.*).

добного робота, совершенно тупого, которого сможет использовать по своему усмотрению. Гаитянский уголовный кодекс предусматривает крайне суровые и тяжкие наказания за подобные приемы из иных времен. То же существует в Бразилии, в Венесуэле, и этот факт больше не оспаривается.

Несомненно, на всякий случай, подозревая хитрость такого рода, по секретному приказу римский легионер нанес Иисусу удар копьем, чтобы добить:

«Итак, пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним; но, пришедши к Иисусу, увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоан., 19:32-34).

Отметим мимоходом, что иррациональный энтузиазм никогда не знал меры. Так, легенда утверждает, что этот солдат, «который был слепым», чудесным образом обрел зрение благодаря воде, истекшей из бока распятого Иисуса. Трудно представить, чтобы охрану приговоренных к смерти Рим доверил солдатам, *один из которых был слепым*.

На другую библейскую легенду ссылаются, чтобы подтвердить это пребывание в могиле в течение трех дней. Это легенда о пророке Ионе, проглоченном большой рыбой, который, чудесным образом выжив в желудке этого кашалота, несмотря на спазмы и желудочный сок, через три дня был извергнут на берег.

Несомненно, известны редкие случаи, когда упавших в море матросов глотают гигантские кашалоты, которые следуют за судами. Такое случилось в начале второй половины XX века. Но, хотя животное тотчас загарпунили и вскрыли, жертва, английский моряк, была уже мертва, когда ее удалось извлечь из желудка. И у нее уже не было эпидермиса и дермы: их развели желудочные соки рыбы. Поэтому невозможно представить, чтобы этот пророк находился там «три дня и три ночи» (Ион., 2:1), с чудом или без чуда. Оставим эту историю наивным людям и воспитанникам катехизисов.

Конечно, мы уже слышим, как приверженцы религиозной традиции говорят нам, что все это надо понимать «символически». Любопытно отметить, какими «символистами» стали за полвека воинствующие верующие. Видимо, они забыли, какие

анафемы и догматические отлучения обрушивали не так давно на сторонников эзотерического толкования Писания.

Как бы то ни было, легенда о пророке Ионе, лживая или нет, стала излюбленным сюжетом, на котором по большей части строилась легенда о воскрешении Иисуса. Впрочем, в ее основе лежали и его собственные слова; *за историческую достоверность легенды об Ионе ручался он сам:*

«Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; *ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи*» (Матф., 12:39-40).

Поставим же точку и выстроим свой силлогизм. Если история Ионы — сюжет эзотерический и символический, то и воскресение — сюжет эзотерический и символический. *Но если воскресение — реальное историческое событие, то случай с Ионой — тоже реальный исторический факт.* Коль скоро такой факт совершенно невозможен, это верно и для того, который с ним сравнивают.

Если бы безымянные писцы, составлявшие в IV и V веках Евангелия и все рассказы о чудесах, лучше знали законы природы, если бы они не были невежественными фанатиками, они бы никогда не написали подобных глупостей. Не Варнава ли, один из четырех «мужей апостольских» вместе с Игнатием Антиохийским, Поликарпом Смирнским и Ермом Кумским, на полном серьезе учит, что «заяц каждый год приобретает еще один анус, и сколько лет он живет, столько у него отверстий»; «Это животное, гиена, меняет пол каждый год, оно то самец, то самка»; «Таково это животное, ласка, začínющее через горло» (Варнава: Послание, 10:7-9).

Наконец, христиан первых веков к сюжетам о воскресении богов неосознанно приучало языческое окружение. Все, что они могли сделать для своего особого божества, — тоже воскресить его.

Впрочем, это им ясно говорило и пророчество Осии:

«Оживит нас через два дня, в третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его» (Ос, 6:2).

Осия, сын Беерия из колена Иссахарова, колена великих ясновидцев Израиля, прорицал в царствование Иеровоама, Озии, Иоафама, Ахаза и Езекии, царей Иудеи, то есть в IX веке до нашей эры. Очевидно, что его пророчество относится к патриархам, к мертвым, которые пребудут «в ожидании Мессии», и что все сказанное им о действиях последнего должно происходить в потустороннем мире, в Шеоле.

Словом, Мессия, *умерший в мире живых, возвратит сверхъестественную жизнь мертвым, веками ожидающим его пришествия*, когда сам попадет в Шеол, умерев, как и они.

Именно это пророк Осия собирался предвестить в своих словах. Но о возвращении Мессии к обычной человеческой жизни, в мир живых речи не было. Вот что надо понимать под фразой: «...восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его». Некоторые переводчики вместо «восставит» использовали слово «воскресит». Например, Леметр де Саси.

Впрочем, и первые христиане вполне определенно воспринимали «воскресение» Иисуса именно в этом смысле. Это писцы IV и V веков нашей эры придумали чисто *телесное и земное* воскресение. В доказательство приведем хотя бы гностическую традицию *доцетизма*, отказывающего Иисусу в нормальном человеческом теле и утверждавшего, что еще при жизни тот был не более чем мгновенной, временной *материализацией* Зона Иисуса, эманировавшего из Плеромы, чтобы наставить людей на путь Спасения, словом, «видимостью».

И к этому надо добавить другую традицию, которую мы теперь и рассмотрим.

Родившийся в 331 году племянник Константина Юлиан был провозглашен императором в 361 году и умер в 363 году. Он был воспитан в христианской вере, но после нескольких убедительных проверок отказался от нее, чтобы обратиться к эзотерическим культам, и пристрастился к теургии, даже магии древних языческих святилищ. Отсюда его прозвище, данное христианами, — *Отступник*,

Отправившись на войну с войсками Шапура, царя Персии, он во время конной атаки был смертельно ранен дротиком в

спину. Этот удар приписали одному пленному варвару, полусумасшедшему. Но ни позволять военнопленным участвовать в конных атаках, ни оставлять в их руках дротики никогда не было принято. На самом деле в христианских кругах ходило много слухов о его близкой смерти, и там не стеснялись обидными намеками намекать на нее.

В «Деяниях Феодорита» священник Феодорит заявляет императорскому чиновнику: «Твой тиран (Юлиан), который надеется, что язычники (войска Юлиана) выйдут победителями, не сможет восторжествовать. Он погибнет так, что никто не узнает, кто его поразил... И он не вернется в земли римлян!» (*Actes de Theodoret*, trad. P. Allard, tome III. P. 77.)

В тех же «Деяниях Феодорита» некий Либаний спрашивает у наставника христианской веры: «И что теперь делает сын плотника?» А христианин отвечает: «Владыка мира, которого ты иронически называешь сыном плотника, готовит один гроб...»

В 362 году Юлиан приехал в Антиохию, побывав в Галлии и своей любимой Лютении. Он не скрывал, что, прежде чем начать войну с персами, собирается произвести одну эксгумацию. С тех пор из христианских кругов стали доноситься лишь неприкрытые угрозы:

« Наши стрелы достигли цели. Мы пронзили тебя сарказмами, как множеством стрел... Что ты сделаешь, о храбрый, чтобы противостоять стрелам персов?»

Христиане молились и проводили богослужения, прося Бога о поражении императора. Когда два из его сотрапезников, Феликс и Юлиан, умерли в одно и то же время, в начале 363 года, христиане не стеснялись предрекать: «Теперь очередь Августа...» Этот факт упоминает античный автор Аммиан Марцеллин в своей «Истории» (XXIII, 1).

Отбытие на войну с персами было назначено на март 363 года. Ранее, в августе 362 года, услышав, что в Самарии, в Макроне, евреи из некой секты отправляются в паломничество к одной могиле, «чтобы почтить как бога» «умершего», который «воскрес», Юлиан немедленно разобрался, имеется ли в виду тело Иоанна Крестителя, якобы похороненное его

учениками близ Севасты (бывшего Сихема из Библии), или тело Иисуса¹.

Вполне очевидно: тот, кто назван «мертвым», кого евреи «почитали как бога», утверждая, что он «воскрес», — это не Иоанн Креститель, который был обезглавлен, которого никто в Израиле никогда не почитал как бога, и никто никогда не утверждал, что он воскрес. Юлиан по этим словам понял, что речь идет о Иисусе.

Тем более что легенда о Крестителе особо оговаривала, что получить и отвезти в Самарию ученики смогли только его *голову*, а в отношении Севасты речь шла о целом скелете. Значит, это не был скелет Иоанна Крестителя.

И тогда Юлиан отдал необходимые приказы, чтобы могилу вскрыли, останки сожгли и пепел развеяли по ветру. И так, коль скоро существовали останки, сначала — труп, теперь — скелет, *никакого воскресения во плоти не было*. Сделав это, Юлиан подписал себе смертный приговор. Он не замедлил исполниться, а до него были угрожающие намеки, которые мы привели раньше.

Конечно, христиане после этого стали утверждать, что Юлиан осквернил могилу Иоанна Крестителя. Увы, существует одно признание, относящееся к тому времени. Мы скоро обратимся к нему. Пока что приведем причины, по которым захоронение состоялось в Самарии.

Когда сторонники мессианства якобы получили труп Иисуса, который Иосиф Аримафейский предварительно умастил смирной и алоэ с целью бальзамирования, они тайно вывезли его. Мотив их выбора был прост. С 325 года до нашей эры *отношения между Иудейским и Самарийским царствами были окончательно разорваны*. Не было риска, что тут появятся фарисеи и потребуют вернуть тело или проведут дознание. И с учетом связей, которые поддерживал здесь Иисус (и которых абсолютно не допускал иудейский закон), можно было рассчитывать на помощь со стороны многих лиц.

¹ Креститель, как мы показали на с. 159, умер в *Махеронте*, на берегу Мертвого моря, и, конечно, был похоронен там. С *Макроном* в Самарии его спутали явно умышленно. Это было сделано с целью скрыть следы пребывания трупа Иисуса в этом месте.

Но, скажут нам, как можно было похитить тело Иисуса — ведь будь это доказано, рухнула бы вся догма о воскресении, а с ней и *все христианство*?

Очень просто — скажем мы и сейчас это покажем.

Великая хитрость экзегетов, периодически рассматривающих в своих трудах «тайну воскресения», состоит в том, что они сразу же отбрасывают все так называемые «рационалистические» объяснения, уверяя, что они не выдерживают проверки. Произведя эту расчистку (и это очень важно), они пункт за пунктом рассматривают все детали означенного воскресения, *конечно, в своей ортодоксальной традиции*.

Далее они делают вывод, что явления Иисуса после его смерти никак не связаны с верой в призраки, в полуматериализацию фантомов, которые были известны всем тогдашним народам и в которые те верили. Они демонстрируют, хоть и обоснованно, но опираясь лишь на *тексты, не имеющие реальной исторической ценности* (и принимая во внимание только такие тексты), что у «воскресшего» Иисуса, едящего и пьющего, изменившего лицо и облик, наделенного телом, которое можно потрогать и пощупать, нет ни одной черты упомянутых призрачных явлений. И дело в шляпе. Они перевели дискуссию в план, где истине больше нет места, где царит легенда, *после чего обсуждается именно эта легенда*.

Так что мы поставим эту проблему снова и придем к диаметрально противоположным выводам.

В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия, книге шестнадцатой, главе 7 [С. 219], мы прочтем:

«1. Расходовавши большие деньги на внешние и внутренние дела царства, Ирод¹ как-то узнал, что предшественник его, Гиркан, открыл гробницу Давида и похитил оттуда три тысячи талантов серебра, но что там осталось весьма много денег, которыми можно было бы покрыть все расходы; поэтому он долго обдумывал план — воспользоваться этими суммами. И вот однажды ночью он с большими предосторожностями, чтобы никто из граждан не узнал о том, распорядился от-

¹ Речь идет об Ироде Великом, умершем в 4 году до нашей эры, а не о его сыне, Ироде Антипе, перед которым предстал Иисус.

крыть гробницу и в сопровождении преданнейших друзей вступил в нее.

Впрочем, денег, подобно Гиркану, он тут не нашел, зато обрел огромное множество золотых украшений и разных драгоценностей. Все это он взял себе. Желая основательно ознакомиться с содержимым склепов, он захотел проникнуть глубже в гробницы, к тому самому месту, где покоились тела Давида и Соломона.

Тут, однако, погибли двое из его оруженосцев, как говорят, *от пламени, которое вылетело на них, когда они сделали попытку проникнуть внутрь склепа*. В полном ужасе Ирод выбежал из склепа и затем распорядился воздвигнуть, в знак умиловивления Предвечного, памятник из белого камня при входе в гробницу. На это он израсходовал огромную сумму денег. Об этом памятнике упоминает также современный Ироду историк Николай, но не говорит, чтобы царь проник в самую гробницу, так как он (Николай) понимал все неприличие подобного деяния»

Вполне очевидно, что упомянуть о постройке этого искупительного памятника значило косвенно признать факт осквернения гробницы. Впрочем, и Иосиф в отношении историка Николая признавал: «Вообще во всей своей истории этот автор чрезмерно превозносит все справедливые поступки царя и в такой же мере старается извинить все совершенные им безумства».

С другой стороны, от христианских историков мы знаем: когда император Юлиан, прозванный *Отступником*, хотел восстановить Иерусалимский храм, каждое утро при начале работы землекопы, едва вонзив заступ, с ужасом видели, что из-под нее выбивается пламя.

И историк Аммиан Марцеллин, латинянин IV века, очень хорошо осведомленный и беспристрастный, сообщает, что «страшные клубы пламени, вырывавшиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло»¹.

¹ Цит. по: Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб.: Алетей. 2000. С. 278.

Смысл вполне ясен (он сам уточняет: «*Ferere locum exustis...*»). Речь идет о зарядах взрывчатых веществ, которые детонировали и взрывались, создавая иллюзию клубов пламени. Когда по гремучему составу, смешанному с песком, ударяли заступом, раздавался взрыв, а заряды, очевидно, закладывали по ночам рабочие-христиане, тайно внедренные в состав бригад и знавшие, где завтра будут проводиться работы; их не могли заподозрить.

И в Книге Иисуса Навина, где речь идет о взятии Иерихона, мы читаем:

«Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена города до своего основания, и народ пошел в город, каждый со своей стороны, и взяли город» (Иис. Нав., 6:19).

Кроме того, и это, возможно, объяснит предыдущее, в «Иудейской войне» Иосифа Флавия мы прочтем:

«Римляне, начавшие строить земляную насыпь на двенадцатый день месяца артемисия, с большим трудом завершили ее на двадцать девятый день (30 мая и 16 июня 70 года). Когда они поставили осадные орудия, Иоанн, сделав изнутри подкоп, прошел под землей до насыпи, поместил под ней сухое и смолистое дерево с серой, поджег и вернулся. *Дерево загорелось, земля размягчилась*, и насыпь с грохотом провалилась вместе с башнями (деревянными). Ведь сначала поднялся дым с пылью, а огонь не мог жечь, потому что был закрыт. Но как только насыпь размягчилась и обрушилась, вспыхнуло пламя. *И римляне пришли в ужас, увидев, что из-под земли вдруг выходит огонь*, и их охватило глубокое уныние...» (Иосиф Флавий. Иудейская война. V, 7¹).

Все это вполне ясно. Отсюда едва пятьдесят километров по прямой до Александрии, *бесспорной столицы алхимии тех времен*. И посвященные в эту науку, которая была матерью современной химии, знали секрет пороха, а также грему-

¹ Мы используем версию старославянской рукописи в переводе П. Паскаля, почетного профессора Сорбонны (*Flavius Josephus. La Prise de Jerusalem. Textes traduits du vieux russe et presentes par Pierre Pascal. Monaco: Editions du Rocher, 1965*).

чего состава или составов на основе ртути или серебра. Причем будь они египтяне, евреи или греки. *Греческий огонь* на море был тем же, чем на суше *порох*¹.

Вернемся к посещению Иродом гробницы Давида. Очевидно, бронзовая дверь открывалась *вовнутрь*, что нормально для любой двери. И пламя «вылетело на них, когда они сделали попытку проникнуть внутрь склепа». Объяснение очень простое. Если *заранее на всякий случай* посыпать *порохом и гремучим составом* первые метры коридора, закрытого бронзовой дверью, и открыть ее или поставить ногу на гремучий состав, смешанный с песком, порох воспламенится и в лицо осквернителям полыхнет огонь. Это принцип тех крохотных детских бомб, так называемых алжирских, где несколько зерен кремня, смешанных с небольшим количеством гремучего состава, взрываясь, вызывают по меньшей мере шок.

На худой конец капель горящей смолы, падающих с факелов охранников на землю, было достаточно, чтобы зажечь порох. В наши дни все это очень просто. Это казалось чудесным в ту эпоху, в мире невежд и непосвященных.

Вернемся же к «воскресению Иисуса», как его описывает Матфей:

«По прошествии же субботы, *на рассвете первого дня недели*, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, *сделалось великое землетрясение*: ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был *как молния*, и одежда его бела как снег. Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и *стали как мертвые*» (Матф., 28:1-4).

Отметим прежде всего, что эта сцена происходит в момент, когда евреи еще не могли выходить из Иерусалима, в гробнице не могло быть никого, кроме стражников. Ведь *шаббат* закончился только накануне *после захода солнца*. Точно в эту минуту по иудейскому закону кончилась суббота и началось воскресенье, но, так как была ночь, наружу выходить ни-

¹ То есть порох был известен еще при Иисусе Навине, приблизительно в XIII веке до нашей эры; смелая гипотеза с учетом того, что в Европе им начали пользоваться с XIV века нашей эры... (примеч. пер.).

кто не мог. И на рассвете две женщины не побоялись, что их заметят на Голгофе, хотя было еще очень рано.

Их приход привлек внимание стражников — либо подозрение, либо интерес, ведь это были молодые женщины, как Мария из Магдалы, так и Мария — сестра Элеазара. Так вот, положение Иисуса во гроб готовил Иосиф Аримафейский (теперь мы знаем его настоящее имя), Иосиф Аримафейский, «который также учился у Иисуса» (Матф., 27:57). Переведем: который тоже был *зелотом*, потому что Иоанн (19:38) добавляет такое уточнение: «Ученик Иисуса, но тайный — из страха от иудеев». Другое второстепенное лицо, Никодим, которого Иоанн тоже называет учеником Иисуса, но тайным, потому что он приходил к тому «ночью» (3:1; 7:50), принес около ста фунтов смеси смирны и алоэ (Иоан., 19:39), то есть около пятидесяти килограммов смол. В такой мешке хватало места, чтобы спрятать некоторое количество пороха и гремучего состава, достаточное, чтобы отбросить боковой камень, не расколов его. Ведь он *привален* (Матф., 27:60; Марк, 15:46), и эта маленькая деталь упрощает операцию вскрытия гробницы.

Очевидно, что тайну пороха знал не Иосиф Аримафейский, который был всего лишь простым могильщиком, хранителем «огороженных участков для мертвых». Он только принес мешок с бальзамирующими и взрывчатыми веществами. Но Никодим, фарисей, приверженец Иисуса, но тайный, встречавшийся с ним только ночью (Иоан., 3:1), был также *одним из лидеров* иудеев (Иоан. 3:2) и поставщиком всех веществ (Иоан., 19:39).

Что касается стражников, вполне очевидно, что внезапного взрыва с огнем и дефлаграцией, сотрясения земли и грохота в те времена было вполне достаточно, чтобы они сделались «как мертвые», испытав шок от страха и неожиданности. Придя в себя, они удрали — затем, чтобы укрыться, а также сообщить новость о таком чуде синедриону в Иерусалим. Далее верные люди, которым была поручена операция переноса трупа, приблизились к гробнице и сделали все необходимое. Они это сделали так хорошо, *с таким уважением к мертвому, который был их царем и вождем*, что из предосторожности

даже тщательно сложили саван, пропитанный кровью и водой, *чего ангел, очевидно, не сделал бы*. И доказательство, что в этой эксгумации участвовало минимум два человека, состоит в том, что пелены валялись на земле, а саван был сложен. Тот, кто занимался первыми, пропитанными кровью и водой, по этой причине с отвращением отбросил их, потому что для него они были источником дополнительной нечистоты с точки зрения иудейского закона (уже сам факт прикосновения к трупам сообщал нечистоту). Второй принял предосторожности в отношении савана, сложив его и положив в стороне (Иоан., 20:3-7)¹.

Перенос тела не составил трудностей из-за роста Иисуса — столь маленького, что он мог ехать на осленке, тогда как человек нормального роста, чтобы не выглядеть смешным в такой ситуации, сел бы на ослицу, которая тоже шла вместе со своим детенышем, как сообщают Евангелия (Лук., 19:35; Иоан., 12:14).

И эксгуматоры тайком направились в Самарию, где у Иисуса всегда были друзья, скорее всего спрятав труп в мешок и окружив его пятьюдесятью килограммами смирны и алоэ, распределив их так, чтобы мешок совсем не напоминал человеческую фигуру. Телега с фуражом, два человека, о которых никто не знал, что они сторонники Иисуса, как мы видели выше, — все это не вызывало никаких подозрений.

От Иерусалима до Вефиля, города, находившегося на самой границе между двумя царствами, было около двадцати километров. От Вефиля до Севасты, места окончательного захоронения, надо было идти порядка тридцати километров. Таким образом, маршрут в целом составлял пятьдесят километров. Для таких неутомимых ходоков, как восточные люди, дело заурядное. *Но Вефиль находился уже на самаритянской территории*. Значит, опасен был лишь путь в двадцать

¹ Разве что допустить, что бывают ангелы старательные и методичные и ангелы, такими качествами не обладающие. Одно из таких полотнищ, «покрывавшее голову Иисуса в гробу», обеспечило процветание городу Кадуэн в Перигоре — городку, основанному в 1115 году близ аббатства Сито. Впрочем, если Иисус был вначале похоронен в яме, полагающейся приговоренным к смерти, то о саване, пеленах, благовониях не было и речи.

километров, который можно было пройти максимум за три-четыре часа. Если они выступили на рассвете, то, с учетом времени восхода солнца в Иерусалиме и широты, на которой находится этот город, операция переноса тупа Иисуса была завершена в Севасте самое позднее к четырем часам пополудни. Но с половины десятого шли уже по самаритянской территории.

А ведь евреи Иудеи, ортодоксально чтущие традиции, а также галилеяне не желали вступать на территорию, которая, как они считали, осквернена самаритянской ересью. И чтобы из Иудеи дойти до Галилеи, сначала направлялись в Иерихон, потом, переправившись через Иордан, попадали в Перею и, оставив по правую руку филладельфийскую дорогу, шли на север до Пеллы в Декаполисе, откуда через Скифополь уже можно было достичь Галилеи.

То есть те, кто вез труп Иисуса, абсолютно не рисковали таким ранним утром столкнуться с евреями, осведомленными о казни Иисуса, потому что люди, идущие от самаритянской границы к Иерусалиму, еще были не в курсе дела, а в обратном направлении похитители обогнали все караваны, направлявшиеся туда же.

Но, скажет читатель, а римляне? С их стороны эксгуматорам не грозило уже ничто, потому что прокуратор, лично Пилат, разрешил выдачу тупа приверженцам и его захоронение. В этом отношении они никакого преступления не совершали.

И то сказать, они вторглись в гробницу не затем, чтобы ее разграбить или взять органические останки для проведения колдовских действий. Они произвели эксгумацию, а затем перевозку. Что может быть нормальнее? Впрочем, возможно, отойдя достаточно далеко от Иерусалима, они выставили тело открыто, как на обычной церемонии. Умершего везут в его деревню, вот и все. А ведь закон Израиля предписывал почтение к мертвым, даже к язычникам: «Если ты проявляешь доброту по отношению ко мне после моей смерти, это доброта верного» (Талмуд: Бытие: R. 96, 5).

Непогребенный труп по-древнееврейски назывался *мет мицва*, то есть «труп, который есть религиозная обязанность». Погребению придавалось такое значение, что даже первосвященник, или другое лицо, обладающее священством

(например, *коэн*), или *назир* должен был осуществить погребение собственноручно, если больше было некому, кроме него, хотя всем этим лицам было запрещено осквернять себя контактом с мертвым телом (Талмуд: Сифре Числа, 26, 9а)¹.

И в связи с этим к «портрету» Иисуса можно добавить черту, которая еще раз заставит нас взглянуть на него по-новому.

Известно, какое почтение иудейская религия обязывала питать к родителям. Мы знаем пятую заповедь, которую Яхве продиктовал Моисею на горе Синай:

«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх., 20:12).

Есть у нас и выдержки из Талмуда, очень ясные в этом отношении. А вот Иисус не почитал родителей не только при их жизни, но и когда они умирали. Судите сами: «Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи, позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Матф., 8:21-22).

Таким образом, для Иисуса те, кто благочестиво осуществлял пристойные похороны и погребение тел отца и матери, были духовно «мертвы». Чтобы предстать в его глазах ревностным учеником, следовало предоставить трупу отца медленно разлагаться в родном доме.

Впрочем, судьба жестоко отомстит ему: много позже император Юлиан велит вскрыть близ Севасты могилу с останками того, кого он назовет «мертвецом», «которого евреи почитают как бога», «который, по их утверждению, воскрес», сжечь останки и развеять пепел по ветру.

В качестве доказательства, что речь на самом деле идет о могиле Иисуса, *которая была известна в этом качестве в 362 году*, сошлемся только на текст «Против Цельса», ложно приписываемый Оригену.

¹ Впрочем, надо отметить существенное противоречие между Евангелием от Луки и Деяниями апостолов, написанными им же. В Евангелии снимает Иисуса с креста и кладет его в могилу Иосиф Аримафейский, то есть «могильщик». А в Деяниях (13:29-30) снимают его и укладывают в гроб «евреи».

Мы сказали «ложно», и мы это докажем.

Существует некий трактат «Правдивое слово», который еще называют «Против христиан» и автором которого был некий Цельс. История знает трех Цельсов:

1) *Авл Корнелий Цельс*, врач и эрудит, живший в царствование Августа, то есть с 31 года до нашей эры до 14 года нашей эры. Это очевидно не тот;

2) *Цельс*, философ-эпикурец (а не платоник), живший в Риме при Антонинах, которому церковь приписывает «Правдивое слово». Он якобы написал этот текст около 180 года, а между 246 и 250 годами Ориген якобы опроверг его в сочинении «Против Цельса»;

3) *Цельс*, друг императора Юлиана, его однокашник по учебе в афинских школах, воспитанник, друг и почитатель Либания; Юлиан его сделал наместником провинций Каппадокия и Киликия и претором Вифинии. Он и есть автор ужасного «Правдивого слова».

Его упоминали Аммиан Марцеллин, Либаний, а в наше время — писатель (католический) Поль Аллар в своей книге «Юлиан»¹.

Если автором «Правдивого слова» был предыдущий Цельс, если оно было написано в 180 году — как получилось, что христиане ждали семьдесят лет, чтобы ответить? Почему о нем не упоминают христианские писатели конца II и начала III века? Порфирию, Мелитону, епископу Сардийскому, Аполлинарию Иерапольскому, Афинагору, Аристиду эта книга, наделавшая столько шума, неизвестна. Почему?²

Потому, что она была написана в оправдание того, что решил сделать император Юлиан, его другом, третьим Цельсом. И не Ориген (умерший в 254 году) ответил ему трактатом «Против Цельса», а безымянный автор, которого уместно назвать «псевдо-Оригеном». Это доказывает следующий отрывок:

«Верьте, что тот, о ком я вам говорю, — воистину Сын Божий, хотя он был *постыдно связан и подвергнут самой*

¹ Allard, Paul. Julien l'Apostat. Paris: V. Lecoffre. 1900-1903. 3 v.

² Мы заимствовали эти сведения у Даниэля Массе в его книге: Masse, Daniel. L'Enigme de Jesus-Christ. Paris: Sphinx. 1920.

позорной казни, а еще совсем недавно перенес последнее бесчестье» (Псевдо-Ориген. Против Цельса).

«Совсем недавно» явно означает, что имеется в виду вскрытие гробницы близ Севасты в Самарии, сжигание костей, смешанных с костями животных, и развеивание пепла по ветру. А ведь это было сделано в августе 362 года по приказу императора Юлиана.

Таким образом, гробница в Севасте, вскрытая в том году, вовсе не была гробницей Крестителя (мы показали это на с. 161), а именно *гробницей Иисуса*, потому что Иоанн Креститель не был «подвергнут самой позорной казни», его казнили почетной смертью — отрубанием головы, положенной римским гражданам. Кроме того, о нем никогда никто не утверждал, что он «Сын Божий», этим титулом называли только Иисуса его ярые последователи.

Наконец, у нас есть свидетельство о существовании останков, опять-таки предполагающем наличие гробницы, датированное первыми годами V века, 408-411 гг.

Юлиан, епископ Галикарнасский, в переписке с Севером, епископом Антиохийским, в течение этих трех лет отстаивал теорию абсолютной нетленности и сохранности тела Иисуса.

Напротив, для Севера Антиохийского это тело было тленным, как все человеческие тела, до тех пор, пока тот не воссел по правую руку от своего Отца на небе, то есть до Вознесения.

Север хорошо видел опасность, заключенную в учении Юлиана Галикарнасского. Если тело Иисуса было не подвержено ущербу, оно не могло ни страдать, ни получать ран при бичевании, распятии на кресте, финальном ударе копьем. В таком случае все это было только видимостью, иллюзией. Юлиан Галикарнасский тем самым доходил до самых крайних выводов учений доцетизма и маркионизма. Кроме того, если тело Иисуса не было подвержено ущербу с тех пор, как оно возникло, не было ни воскресения в точном смысле слова, ни воплощения в человеческом понимании.

У Севера был веский довод против. Ведь если тело Иисуса на всякий случай умастили смирной и алоэ, бальзамирующими веществами, значит, опасались естественного тления, общего для всех человеческих существ.

Но вся эта изощренная дискуссия между двумя нашими епископами означала, что *в начале V века* все еще существовала проблема, ожидало ли тело Иисуса в гробнице своего вознесения, чтобы стать нетленным, или нет.

Так вот, подобная дискуссия по необходимости предполагала (и действительно, если учесть духовный авторитет ее участников) *существование останков Иисуса*¹... А безымянные писцы в те времена писали новые Евангелия, по-гречески (впрочем, только они и дошли до нас), уже утверждавшие, что ученики и святые жены нашли *гробницу пустой, что трупа Иисуса уже не было* и были обнаружены только сложенные по отдельности пелены и саван. И за это ручались ангелы.

Церковь, видя надвигающуюся опасность, немедленно отреагировала в своей манере. Письма Юлиана Галикарнасского и Севера Антиохийского и сделанные с них копии, ходившие по рукам, христианам было велено сжигать, едва эти тексты попадали к ним в руки, *не знакомясь с ними*, под страхом самого сурового отлучения.

Но историческая истина бодрствовала. И не все было утрачено. То, что осталось, было опубликовано, и ему больше не грозит уничтожение².

В «Библейском атласе для всех» преподобного Луки Х. Гролленберга³ (разрешен 8 марта 1960 года) на с. 177 мы читаем:

«В 1952 году на Масличной горе, близ "Dominus Flevit", были обнаружены захоронения современников Христа, часть этих могил воспроизведена здесь (фото на с. 41); они пред-

¹ Напомним, что, согласно утверждению автора, к тому времени останков Иисуса уже не было, их уничтожили в 362 году. Значит, по его же логике, уничтоженные останки принадлежали не Иисусу, коль скоро эта дискуссия предполагала существование его останков (*примеч. пер.*).

² *Dragnet, Rene. Julien d'Halicarnasse et sa controverse avec Severe d'Antioche sur l'incorruptibilite du corps du Christ, etude d'histoire litteraire et doctrinale suivie des Fragments dogmatiques de Julien (texte syriaque et version grecque). Louvain: impr. de P. Smeesters. 1924.*

³ *Grottenberg, Lucas Hendricus. Atlas biblique pour tous; trad. par le R.P. J.-P. Charlier, O.P. Paris; Bruxeltes: Ed. Sequoia. 1965.*

ставляют собой большое количество костниц, то есть каменных ларцов, содержащих кости умерших, которые предварительно были похоронены в погребальных камерах. Часто написано и имя покойного, либо по-гречески, либо на арамейском. В частности, на Масличной горе найдены могилы Иаира, Марфы, Марии, *Симона бар-Ионы, Иисуса, Саломеи и Филона из Кирены*».

Из этих открытий можно сделать разные выводы в зависимости от того, какую из трех возможных гипотез принять:

а) *если маленькие костницы — подделка*, значит, они были сфабрикованы во времена, когда в этом была выгода. Это могло быть сделано только ради паломников, а значит, самое раннее в середине IV века, в царствование Константина. Так вот, если паломникам показывали каменный ларец с костями Иисуса, значит, легенда о воскресении с «исчезновением» трупа и якобы пустой гробницей еще не была создана. Это подтверждает значимость дискуссии между Юлианом Галикарнасским и Севером Антиохийским, епископами с 402 года. А также значит, что в те времена еще признавали: Симон Петр, «*barjonna*», все-таки умер в 47 году в Иерусалиме, а не в 67 году в Риме;

б) *если маленькие костницы — подлинные*, это еще хуже. Получается, Иисус умер и был похоронен, как все люди, не было ни воскресения, ни улетучивания и пресуществления его плотского тела, потому что, по иудейскому обычаю, кости хранились еще долго после их помещения в первоначальную могилу. То же относится к останкам Симона Петра;

в) *Иисус, костница которого найдена, — не Христос*. В таком случае что это за Иисус? Можно ли представить, что все прочие персонажи принадлежат к окружению и даже к семье официального Иисуса, а к ним добавили какого-то постороннего Иисуса? Если допустить, что *в той же семье* был еще один Иисус, это подтверждает тезис о *брате-близнеце, о таота*. А значит, не было чудесного зачатия *единственного* Сына Божьего, произведенного Святым Духом...

Вот выводы, которых не предусмотрел преподобный Гроленберг, ссылаясь на это открытие.

Глава XXII

ЯВЛЕНИЯ И ВОЗНЕСЕНИЕ ИИСУСА

Прочел, понял, отверг.
Юлиан, император

Вполне очевидно: если в 362 году христиане еще приходили в Севасту в Самарии поклоняться останкам Иисуса, значит, вера в телесное «вознесение», *во плоти*, еще не была создана. Просто считали, что *его дух и душа*, соединившись в некой легко улетучивающейся форме, поднялись в Плерому, чтобы занять место по правую руку от Бога.

Это мнение не исключало культа телесных останков Иисуса, покоящихся во вполне материальной могиле. И это неоспоримо демонстрирует дискуссия между Юлианом Галикарнасским и Севером Антиохийским, как нельзя более законными епископами.

Лишь много позже того, как могилу осквернили по приказу императора Юлиана и останки Иисуса уничтожили, была придумана легенда о вознесении телесном, *во плоти*. Но, поскольку тщательно согласовать все тексты тогда не было возможностей, в конечном счете в созданиях безымянных авторов обнаружались серьезные противоречия.

В самом деле, согласно Луке, ученику Павла, написавшему Деяния апостолов (1:1-11), Иисус после исчезновения из могилы провел в обществе учеников сорок дней. Такое длительное пребывание на земле не согласуется с явлениями или материализациями, перечисленными Павлом в Первом послании к коринфянам (15:3-11). А ведь послания Павла явно

были написаны раньше, чем его секретарь Лука составил Деяния.

С другой стороны, рассказ из Деяний не совпадает и с рассказом в Евангелии от того же Луки (24:50-53), тоже более ранним текстом. Ведь, согласно Луке, Иисус привел одиннадцать учеников в Вифанию, близ Иерусалима, в самый день своего воскресения, самое позднее через день, и покинул их, чтобы подняться на небо.

Другие христианские тексты тоже противоречат утверждению Деяний о долгом пребывании Иисуса на земле. Так, например, в Послании Варнавы (первая четверть II века) Вознесение следует непосредственно за Воскресением. Судите сами:

«Вовсе не нынешние субботы мне по нраву, но та, которую создал я и в которую, положив конец вселенной, я провозглашу день восьмой, то есть иной мир. Вот почему мы радостно празднуем восьмой день, когда воскрес Иисус и, явившись, поднялся на небо» (Послание Варнавы, 10:8-9).

В Евангелии от Петра ангел говорит Марии из Магдалы и ее подругам, которые только что обнаружили, что камень отвален и могила пуста: «Зачем вы пришли? Кого вы ищете? Не того ли, кто был распят? Он воскрес, и он ушел. Если не верите, наклонитесь и посмотрите на место, где он лежал; его там нет, ибо он воскрес *и ушел в то место, откуда был прислан*» (Евангелие от Петра, 56-57).

Тертуллиану известно еще одно предание: «Через два дня, *на третий*, когда он со славой воскрес из земли, он был принят на небо, откуда пришел».

Еще один текст, тоже очень древний, Послания апостолов (62, 51), относит Воскресение и Вознесение к одному и тому же дню. В этом послании Иисус, дав последние указания сторонникам, говорит им: «И вот, через три дня и три часа Тот, кто послал Меня, придет, чтобы Я ушел с ним... И едва он произнес эти слова, грянул гром, содрогнулась земля, и Иисуса окутало облако» (Послания апостолов, 62:51).

Бесспорный факт: во II веке церковь еще не отмечала Пасхи и Пятидесятницы, а только Вознесение. И это доказывает,

что для тогдашнего христианского мира *Пасха* (Воскресение) *совпадала с Вознесением*.

В конце IV века Иерусалимская церковь праздновала Вознесение на пятидесятый день после Пасхи, *то есть в день Пятидесятницы*. И в те же времена святой Павлин в качестве великих христианских праздников упоминает только Рождество, Богоявление, Пасху и Пятидесятницу.

Только в начале V века, то есть после дискуссии Юлиана Галикарнасского и Севера Антиохийского и после решения церкви истребить грубой силой всякий след этого спора, Иоанн Златоуст (умерший в 405 году)¹ и Августин (умерший в 430 году) смогут навести нас на след некоего Вознесения, празднуемого и отмечаемого через сорок дней после Воскресения на Пасху, как в наши дни.

Можно сожалеть, что Юлиан Отступник в августе 362 года велел уничтожить останки Иисуса в Самарии. Может быть, не будь этого, церковь не зашла бы так далеко в измышлении мифа.

Итак, перед нами несколько разных утверждений о длительности того периода, когда воскресший Иисус являлся своим ученикам, а также женщинам, которые следовали за ним:

- а) один день — согласно Луке, в его Евангелии (24:1 -53);
- б) один день — согласно Петру (56-57);
- в) один день — согласно Тертуллиану (160-240);
- г) один день — согласно Посланиям апостолов (62:51);
- д) восемь дней — согласно Посланию Варнавы (10:8-9);
- е) сорок дней — согласно Луке, в его Деяниях апостолов (1:3).

У Матфея длительность упомянутого периода точно не указывается, но вывод о ней можно сделать, исходя из времени, за которое можно дойти из Иерусалима до Галилеи, где Иисус назначил встречу своим ученикам (28:10). Это расстояние составляет около 150 километров по тогдашней римской

¹ Нестыковка во времени: если дискуссия относится к 408-411 годам, едва ли Иоанн Златоуст, умерший в 405 году (пусть, по другим источникам, в 407 году), мог что-либо сделать после нее (примеч. пер).

дороге. То есть три дня ходу. Значит, Матфей высказывается в пользу трех дней. Марк склонен указать тот же отрезок времени, что и Лука в его Евангелии, то есть не больше дня. Иоанн (20 и 21) предпочел бы оценить тот же период в девять-десять дней.

Тем не менее из всех этих иллюзорных противоречий следует, что время, в течение которого Иисус якобы являлся ученикам, было очень кратким.

Но есть обстоятельство и еще более удивительное. Ведь и в отношении места, где происходили эти явления Иисуса, существует два предания.

Явления в Галилее — это предание, общее для Матфея, Марка (по крайней мере для апокрифической части его Евангелия, которую все признают таковой, то есть после стиха 8 главы 16), приложения к Евангелию от Иоанна, представленного главой 21 целиком — тоже апокрифической, и Евангелия от Петра.

Явления в Иудее описаны у Луки, у Марка в апокрифическом окончании (16:9-20), у Иоанна, кроме приложения (всей главы 21).

Итак, вот три свидетельства непосредственных учеников Иисуса — Матфея, Марка и Иоанна и одно непосредственного ученика Павла — Луки, и они не согласуются между собой, по крайней мере три первых, в том, в какой *провинции* получили это поразительное подтверждение, что их учитель воскрес. Согласимся, что такое противоречие по меньшей мере непонятно. В конце концов, если им пришлось, чтобы увидеться с ним, пройти не менее 150 километров пешком и дойти до Галилеи, едва ли они бы забыли об этом или перепутали с явлением на месте, в Иерусалиме...

Все эти противоречия были делом рук позднейших безымянных писцов, старавшихся обязательно включить в тексты легенду о воскресении Иисуса и скрыть, что соучастником, сообщником в этом обмане был его брат-близнец, *таота* (по-древнееврейски «близнец»), ставший Фомой (апостола с таким именем никогда не существовало, это не еврейское имя). Это мы теперь и рассмотрим.

На с. 77-78 мы узнали, что у Иисуса был брат-близнец. Мы нашли коптский текст IV века, знаменитое Евангелие от Варфоломея, где Иисус приветствует его так: «Привет тебе, мой близнец, второй Христос...» Этот-то близнец и разыгрывал мнимые явления.

Более того, он, изображая эти мнимые и крайне немногочисленные явления, окружал их на удивление многообразными мерами предосторожности.

Так, он велел передать ученикам, чтобы в знак его победы они прошли пешком более ста километров до Галилеи, где еще не знали о его смерти от рук римлян и где он поэтому мог показаться, не рискуя быть снова арестованным.

И это приказание в очень странной форме высказал один из ангелов, ждавших на его месте, в гробнице, прихода женщин:

«Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он *предваряет вас* в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» (Марк, 16:7).

Он их *предваряет*? Но тогда, получается, он тоже отправился в путь пешком? Если он воскрес, если он отныне был наделен блаженным телом, знаменитым «телом воскресения» богословов, он жил в другом измерении и мог перемещаться почти мгновенно.

К тому же, покидая гробницу в Иерусалиме, он оставил свой саван и пелены, дополняющие его. В таком случае Иисус был *совершенно голым*. И возникает важная проблема, к которой, насколько нам известно, никогда не обращалась либеральная критика. *Как одевалось* это новое, трехмерное тело, представлявшее собой не более чем «спиритуализацию» старого, но тем не менее позволявшее ему есть, пить, дышать (чего не мог бы делать призрак), это «совершенное» тело? Вышел ли Иисус из гробницы *совсем голым* или оба ангела принесли ему костюм, сообразный с еврейским законом? Надели ему на голову куфию, облачили в льняную тунику, в плащ с ритуальными кисточками по углам, в два пояса — один кожаный, другой шерстяной, а на ноги надели сандалии?

Или нам следует допустить, что «блаженное тело» экстериоризирует из себя самого «подобие» облачения, чтобы покрыть

означенное «блаженное тело»? Если да, это противоречит принципу «реституции» первоначальной привилегии Адама, ведь Книга Бытия гласит: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт., 2:25). И если *Христос во славе* вынужден одеваться, значит, он еще не вернул себе всех привилегий Адама.

С другой стороны, на улице он приобретал другой облик, его не узнавали. Так, в саду перед пустой гробницей Мария из Магдалы приняла его за садовника (Иоан., 20:15). На дороге в Эммаус он подошел к двум из своих учеников, долго шел вместе с ними, беседуя, и они его так и не узнали. *Лишь в помещении он им открылся.*

Причину всех этих предосторожностей легко понять. Близнец, загадочный *taoma*, был похож на Иисуса, как один брат-близнец бывает похож на другого. Если бы он показался с открытым лицом, он, всегда державшийся в стороне, его бы узнали, как евреи, так и римские легионеры, снова бы арестовали, и никаких «чудес» было бы уже не совершить. Тем более не было речи о том, чтобы предстать «посмертным» победителем перед Пилатом, Иродом или Каиафой! *Вот наш близнец и бродит загримированным*, и это объяснение, почему на открытом воздухе, как в саду, так и на дороге, как Мария из Магдалы, так и ученики, идущие в Эммаус, его не узнают. Но в доме — другое дело, там он в укрытии.

Что касается его внезапных «исчезновений», для них не было необходимости проходить сквозь стену. В общую чашу с вином подмешивали «банг», который часто использовали безымянные рассказчики сказок «Тысячи и одной ночи», чтобы сначала помутить разум герою своей сказки, а потом усыпить его; этот «банг» был прекрасно известен в те времена в Палестине и на всем Ближнем Востоке. А если его не было, просто-напросто использовал свою гипнотическую силу какой-нибудь факир¹.

¹ *Бандж*, или *банг*, получают из разновидности белены, которую арабы называют «секарон», то есть «опьяняющая». Она растет во всем Египте и на Синайском полуострове. Это *Hyosциamus muticus*. Она может быть либо галлюциногеном, либо наркотиком, в зависимости от дозы.

Но это значило играть опасную роль. Поэтому визит воскресшего псевдо-Иисуса сократили. И очень скоро, самое большее через несколько дней, наш близнец организовал свое «вознесение» при помощи обычных сообщников — Петра, Иакова и Иоанна. И «пятьсот братьий», которых призывает в свидетели Павел (1 Кор., 15:6), увидели только огонь — это можно сказать с уверенностью, потому что тогда еще раз использовали пиротехнику того времени. Поэтому и Евангелия могут утверждать, что «облако взяло Его из вида их»¹.

Но — скажет читатель — что же случилось с этим близнецом после комедии воскресения?

Мы думаем, что, как уже говорилось, был использован один очень ловкий прием, чтобы переправить его за пределы Палестины, не подвергая опасности ареста. На самом деле, во втором фрагменте Евангелия от Варфоломея описана довольно странная сцена. Она происходит после воскресения Иисуса, и последний якобы продает Фому работорговцу:

«Петр сказал торговцу: "Вот Наш Господь, пойд и скажи ему, на что ты согласен в отношении нас".

Тогда торговец сказал Иисусу: "Привет тебе, сильный и до-
стопочтенный человек, похоже, ты человек важный и хороше-
го рода".

И торговец глянул на лицо Фомы. Он нашел, что тот ближе к расцвету лет, чем Матфей. Он сказал: "Получи плату за него и отдай его мне". Иисус сказал ему: "Дай мне за него столько фунтов золота". И торговец согласился. Он сказал Иисусу: "Напиши мне расписку". Иисус написал: "Я признаю, что продал своего человека..."»

Здесь фрагмент обрывается. Вполне очевидно, что это не воскресший Иисус продает Фому, получает взамен «п» фунтов золота и составляет акт о продаже. Но вполне вероятно, что это делал Симон Петр *с согласия* загадочного *taoma*.

Ведь для закона рабы не существовали. Они были не чем иным, как личной собственностью, наравне с домашними животными, скотом, птицей. Торговец или господин, пересекая границу, указывал лишь такое-то число рабов мужского пола и такое-то рабынь женского, платил пошлину пропорци-

¹ Это сказано не в Евангелиях, а в Деяниях апостолов (1:9) (*примеч. пер.*).

онально этому реальному объему живого и движимого имущества, только и всего. *Но гражданской личности у этих существ не было.* Пока Нерон не отменил древние жестокие обычаи, торговец или господин был властен над жизнью и смертью своих рабов: больных рабов можно было бросать на обочине дороги или изгонять из города.

Но зато загадочный *taota* благополучно пересек границы тетрархий, не опасаясь ничего. Потом, если ему хватило смелости (а у зелотов ее было достаточно), он бежал, несмотря на страшные наказания, предусмотренные для пойманных беглых рабов. Впрочем, у него был и другой шанс — что на месте назначения его выкупит еврей из той же секты, если можно было предупредить местную зелотскую общину. И в этом *нет ничего невозможного.*

Впрочем, надо отметить, что использование загадочного близнеца дало возможность для «явлений» трехмерного Иисуса, который ест и пьет (еще бы), чего призрак действительно не мог бы делать. Ведь прожевывание и глотание предполагают наличие органов пищеварения, а те в свою очередь — органов выделения.

Так вот, после мнимого «вознесения» Иисуса на небо явлений или, скорее, *трехмерных* «материализаций» больше не было.

Загадочный *taota* исчез, чудеса такого рода прекратились. Когда Савл на пути в Дамаск якобы услышал *голос* Иисуса, исходивший из источника яркого света, это уже не была трехмерная материализация.

И в последующей истории христианства видения Иисуса верующим в состоянии экстаза или мистикам в трансе были *крайней редкостью* и всегда субъективными. Иногда они происходили во сне. *Но уже никогда никто не видел, чтобы Иисус являлся, садился за стол, ел и пил, заставлял прикасаться к своим рукам и ногам. И легко понять почему»¹.*

¹ Нам известно, что папа Пий XII, уже видевший, *только он один*, как повторилось Фатимское чудо, то есть в небе закружилось солнце (?!), утверждал: когда он был болен, у его изголовья появился Иисус, чтобы ухаживать за ним и наставлять его. Кардинал Тиссеран, когда ему сообщили об этом чуде, насмешливо подтвердил его возможность: «Почему бы нет? В его-то возрасте!»

Несомненно, христианские ритуалы и культ за столько веков создали *мыслеформу*, *эгрегор*, мало-помалу приобретший облик, лицо, молодость идеального Иисуса, воображаемого верующими массами. И вполне очевидно, что этот эгрегорический Иисус не имеет ничего общего с историческим, деятельность которого проанализирована в этой работе. Некоторые экстатики, наделенные даром ясновидения, способны даже визуализировать его. Будучи мыслеформой, мощным психомангнетическим агломератом, как все эгрегоры, он может реагировать и проявляться. Парапсихологи имеют в этих сферах уже столь давний опыт и столь давние свидетельства, что оспаривать их невозможно.

Но такие проявления, относящиеся к «измерению», которое очень плохо знакомо нашему миру, никак не связаны с возможными реалиями. И когда мы читаем у Луи-Клода де Сен-Мартена, что «Королевские кресты», обладатели высшей степени у «Избранных коэнов», в ходе своих магиико-теургических церемоний вызывают того, кого они называют «Восстановителем», наш здравый смысл протестует. Ведь если Иисус — на самом деле Логос-Творец, если он — Сын Всевышнего, можно ли представить, чтобы он был обязан повиноваться заклинаниям, призывам и воскурениям и покорно соблюдать все священные правила кружков заклинателей?

Напротив, если в этом таинственном другом «измерении» существует лишь самый банальный эгрегор, мыслеформа, которую в течение веков постепенно создавало благочестие миллионов верующих, тогда воплощение подобных оккультных феноменов вполне возможно: ведь то, что ученики Мартинеса де Паскуалиса, как они верили, материализовали и заставляли действовать во время своих сеансов, — не что иное, как эгрегор. Мыслеформа, намагниченная ритуальными приемами мартинесовской теургии, становилась доступной для органов чувств операторов, тем более если они достигли последних и высших степеней «Избранных коэнов», а к этим приемам добавлялось действие ритуальных воскурений сильных галлюциногенов, таких как *дурман*, *белый мак* и *черный мак*. В этом можно убедиться, прочтя рукописную «Тайную инструкцию для Королевских крестов».

Наконец, что касается псевдовознесения Иисуса, его лишают всякого правдоподобия многочисленные противоречия в канонических Евангелиях. Судите сами.

1. У Матфея (28:16-20) Иисус покидает своих учеников в Галилее, на горе. И не сказано ни слова о вознесении.

2. У Марка (16:6—20) говорится о встрече в Галилее и вознесение происходит, но не сказано где.

3. У Луки (24:50-53) вознесение происходит, но на сей раз в Иудее, в Вифании, близ Иерусалима.

4. У Иоанна (21:1-25) Иисус покидает своих учеников в Галилее, но уже не на горе, а выйдя на берег из рыбацкой лодки Симона Петра, на побережье Тивериадского моря, и о вознесении ничего не говорится.

А ведь между вознесением в Вифании и вознесением в Тивериаде или на горе (Гамала) ПО километров по прямой, то есть около 150 километров по дороге.

Можно ли представить, чтобы апостолы не запомнили точное место расставания с Иисусом после подобного пешего перехода? Можно ли представить, чтобы два евангелиста забыли о таком чуде, как вознесение Иисуса в воздух у них на глазах?

Значит, дело было не так, как столь противоречиво и несвязно рассказывают нам. Если это еще вызывает сомнения, достаточно обратиться к стиху Матфея, упоминающему один странный нюанс: «Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидевши Его, поклонились Ему; а иные усумнились. И, приблизившись, Иисус сказал им...» (Матф., 28:16-18).

И речь резко переходит к обещанию, которое он дает им: «И се, Я с вами во все дни до скончания века» (Матф., 28:20).

Итак, увидев его *при полном свете* на вершине горы, они поклонились из уважения к своему легитимному царю. Но тем не менее они совсем украдкой глянули на него, *и то, что они увидели, вызвало у них сомнения*. Это не был в точности привычный Иисус, в чем-то он отличался; имитация ран была несовершенной; некоторые стигматы страстей отсутствовали; и, может быть, близнец не был полным двойником Иисуса.

Следствие этого сдержанного сомнения — вежливая, но характерная нерешительность.

Глава XXIII

ИСКУПЛЕНИЕ

Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедение более, нежели всеожженных.

Осия, 6;6

Виктор Гюго очень хорошо поставил проблему: «Искупление — это *Бог Справедливый*, заставляющий страдать *Бога Невинного*, чтобы умилоствит *Бога Добраго*».

Примерно как если бы снисходительный учитель, устав наказывать дерзких и неугомонных учеников и придя от этого в отчаяние, закатил на их глазах показательную трепку единственному почтительному и послушному ученику, чтобы получить возможность отменить все наказания шалопаем, потешающимся при виде этого зрелища.

Но — скажет верующий читатель — это же сам Бог в своей бесконечной любви занимает место человека, жертвует собой и страдает вместо него. Пусть так, допустим. Значит, благодушный учитель закатил трепку самому себе на глазах и к великой радости шалопаев, покатывающихся со смеху.

Поставить проблему — значит выделить ее неправдоподобные стороны.

Классическому иудаизму, и прежде всего саддукеям, было чуждо представление об упадке душ и о их восхождении к Истоку. Это понятие было присуще александрийскому гностицизму, и, похоже, впоследствии его усвоили и очистили ессеи.

Это восхождение к Плероме, сквозь сферы и вопреки сопротивлению архонтов, требовало ритуала теургической формы, а также аскезы. Его должна была совершить сама душа,

конечно, при помощи тела, но фактически одна. Во всяком случае, кровавое человеческое жертвоприношение никоим образом не могло освободить все человеческое сообщество в целом. Требовать столь варварского акта было бы недостойно Всевышнего Бога, и в высшей степени несправедливым было бы освобождать тех, кто ничего для этого не сделал, да и не слишком об этом беспокоился.

К тому же об этом очень хорошо сказали израильские пророки. Судите сами.

Вот прежде всего выдержка из Второзакония, вывод из заповедей, данных самим Богом Моисею на горе Синай, согласно преданию Ветхого Завета. Нам представлялось бы нелепым отрицать его *фундаментальную* важность. Слова Бога, якобы сказанные Моисею, и обобщения Павла в его Посланиях, за которые несет ответственность только он сам, довольно сильно различаются. Вот это место:

«Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор., 24:16).

Теперь Иеремия:

«В те дни уже не будут говорить: "Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах — оскомина"; но каждый будет умирать за свое собственное беззаконие; кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет» (Иер., 31:29-30).

«О Господи Боже! <...> Которого очи отверсты на все пути сынов человеческих, чтобы воздавать каждому по путям его и плодам дел его...» (Иер., 32:17-19).

Теперь Иезекииль:

«И было ко мне слово Господне: зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу: "Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина"? <...> Не будут вперед говорить пословицу эту в Израиле. <...> Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается.

И беззаконник, если обратится от всех грехов своих... он жив будет. И праведник, если отступит от правды своей... он

умрет. <...> Посему Я буду судить вас... каждого по путям его...» (Иез., 18:1, 2, 20, 21, 22, 24, 30).

Что касается Нового Завета, отметим: сама патрология признает, что понятие о первородном грехе, *содержащееся только в так называемом Апостольском символе веры* (подлинность которого сама по себе весьма сомнительна), отцы церкви употребляли только в устных поучениях, но не в писаниях. Было бы бесполезно искать его в Евангелиях — не найдется. Иисус пришел, чтобы спасти людей лишь от их собственных грехов, и только от тех, которые они искупили. Единственное место во всех Евангелиях, которое смог процитировать святой Августин в подтверждение своего личного мнения по этому поводу («Против Юлиана»), — это стих из Луки, весьма двусмысленный и очень неясный:

«Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лук., 19:10).

Не уточняется ни причина этой гибели, ни ее природа — личная или коллективная.

Так вот, хоть этот факт слишком часто игнорируют, но и сам Иисус никогда не утверждал обратного. Он никогда не представлял себя объектом искупительного жертвоприношения *stricto sensu* [в строгом смысле (*лат.*)]. Он никогда не заявлял, что результатом его мучительной смерти будет освобождение душ от власти дьявола. Пусть читатель возьмет на себя труд внимательно перечесть все слова, которые безымянные авторы IV века приписали Иисусу, и он безусловно сможет констатировать этот факт.

Несомненно, Иисус неоднократно намекает на близкую смерть, и в насильственной форме, и в высшей степени мучительную. Похоже, ему подтвердили это во время заклинания духов на горе Фавор, где Моисей и Илия открыли ему, что он скоро умрет. И что в этом удивительного? Он унаследовал ответственность за зелотское движение, он его направлял, руководил им, и римляне разыскивали его как виновного в *вооруженном восстании* (доказательство этого — приказ ученикам при надобности продать часть одежды, чтобы приобрести мечи, у Луки, 22:36 и 49).

Поэтому его удел не мог вызывать сомнений. Как всех прежних зелотских вождей, захваченных Римом, как его деда Езекию и отца Иуду из Гамалы, его ждало распятие с предварительным бичеванием, как предписывает римский закон.

Но никогда Иисус не ассоциировал эту смерть с искупительной жертвой за род человеческий. Тем более что он решительно был расистом, и его интересовали исключительно дети Израиля. Об этом он достаточно прямо говорит сам повсюду в Писании, мы эти слова уже упоминали и возвращаться к ним не будем.

И только не ранее чем через пятнадцать лет после его казни человек, никогда не знавший его при жизни, которого звали Савл, а позже Павел, додумается символически ассоциировать его смерть со смертью животных, которых каждый день приносили в жертву на алтаре Иерусалимского храма.

Несомненно, нам возражат, приведя слова, произнесенные во время Тайной вечери: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни [вечной]» (Иоан., 6:53). Но эта фраза принадлежит к старинной литургии, которой *во времена Иисуса было уже четырнадцать веков*. Это фраза почитателей Митры: «Тот, кто не ест моей плоти и не пьет моей крови, не имеет в себе Жизни».

Это с ужасом обнаружил Тертуллиан в III веке, и, чтобы выйти из положения, знаменитый фанатик заявил, что это уловка дьявола, который, благодаря дару предвидения выяснив подробности будущей Тайной вечери, поспешил namного заранее изготовить подделку под нее. Жалкое объяснение.

Бесспорно то, что первоначальная Тайная вечеря ни в чем не похожа на современную мессу — ни по духу, ни по форме. Также очень вероятно, что эту фразу, позаимствованную из гимна Митре, в текст включили безымянные писцы IV века, и как раз во времена, когда этот культ был окончательно запрещен под страхом смерти, во времена, когда фанатичная и ограниченная чернь, уверенная в своей безнаказанности и, если надо, поощряемая официальными властями, разоряла и наполняла бытовыми отбросами святилища Митры, если не добавляла к ним трупы служителей Митры, убитых ею, чтобы

вернее осквернить святилища. *Этот факт доказывают раскопки.* Надо ли напоминать о линчевании пифагорейки Ипатии в 415 году в Александрии?

Итак, представление об Иисусе, который своими страданиями, добровольно принятыми, смягчает гнев своего небесного Отца (то есть *самого себя*, поскольку они *единосущны* и *совечны*), появилось со временем и именно благодаря давности было признано как свершившийся факт, несмотря на совершенно иррациональный характер и богословскую недоказуемость.

Лишенное всякой логики, оно, кстати, противоречит и новозаветному Писанию, утверждающему, что он освободил все души, бывшие, нынешние и грядущие, *одним махом*. Но, с другой стороны, каждая из этих душ должна *сама* реализовать собственное индивидуальное спасение под страхом проклятия. Примерно как если бы мятежный полк воспользовался всеобщей амнистией и в то же время каждый солдат из его состава должен был бы предстать перед военным трибуналом, чтобы его снова судили индивидуально.

Видно, как далеко оперативный и аскетический гнозис старинных александрийских школ ушел от этого понятия об одной-единственной искупительной жертве, свойственного для обычного христианства: он обуславливал спасение души последовательным допуском в высшие сферы, путем как теургии, так и аскезы, одновременно физической и нравственной, причем душа не должна терять связи с *даймоном паредросом*, то есть индивидуализированной божественной искрой. Ибо:

«Если ты создан из Жизни и Света *и если ты это знаешь*, ты однажды вернешься к Жизни и к Свету», — говорит Гермес Трисмегист.

Остается понятие мнимого «сына» Божества, чего-то вроде *второго бога*, якобы получившего из рук Божества власть над всем Творением, при том что он был непосредственным

Создателем такового. Что подразумевает: Всевышний не может делать все сам, ему нужен сотрудник.

Так вот, нам очень трудно себе представить, как спаситель Израиля, приход которого предвещали последние из известных пророков, мог полностью отождествляться со Всевышним, с Предвечным, на которого они ссылаются.

Ведь появление каждого из спасителей и освободителей избранного народа предсказывал какой-то пророк, и никогда не было единственного спасителя Израиля, их было довольно много — начиная от Моисея, включая Иисуса Навина, Давида и пр., и до Зоровавеля. Таким образом, если Священное Писание периодически предсказывает приход того или иного освободителя, не надо представлять дело так, что он обязательно являет собой воплощение Всевышнего Божества. Пророки считали этих спасителей просто людьми, которым выпало такое предназначение, не более того.

Нужно ли допустить, что Иисус был одним из них? Об этом не может быть и речи, потому что он не освободил Израиль ни от римского деспотизма, ни от деспотизма идумейских царьков, данников Рима; напротив, его появление совпало по времени с постепенным разложением страны, закончившимся полным ее распадом после разрушения Иерусалима.

С другой стороны, нам кажется немыслимым, как можно бесконечно ссылаться на Ветхий Завет и пророков, если, то и дело претендуя на собственную божественность, ты тем самым постоянно опровергаешь их. А как обосновать Новый Завет, не опираясь на Ветхий?

Так вот, Евангелие, приписываемое Иоанну, а на самом деле набор христианско-гностических текстов, с искажениями заимствованных из «Герметического корпуса», утверждает:

«В начале было Слово, и Слово было у *Бога*, и Слово было *бог*» (Иоан., 1:1).

Надо отметить, что оригинальный греческий текст подчеркнуто проводит различие между «Богом» (подразумевается: «всевышним») и «богом», определение которого отражает низший и подчиненный характер последнего. В современных разговорных языках указать на такое различие можно, только используя прописную и строчную буквы.

Как бы то ни было, если христиане оправдывают свою религию тем, что она якобы представляет собой реализацию Ветхого Завета, — вот тексты, которые заранее категорически опровергают их утверждение:

«Видите ныне, что это Я, Я — и нет Бога, кроме меня...» (Втор., 32:39).

«Прежде Меня не было Бога, и после Меня не будет» (Ис., 43:10).

«Я, Я Господь, и нет Спасителя кроме Меня» (Ис., 43:11).

«Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого, и грехов твоих не помяну» (Ис., 43:25).

«Так говорит Господь, Искупитель ваш...» (Ис., 43:14).

«Искупитель наш — Господь Саваоф Ему имя...» (Ис., 47:4).

«Я — Господь, Спаситель твой и Искупитель твой. Сильный Иаковлев» (Ис., 49:26).

В начале главы мы подчеркнули, что это «искупление», как его изображают, с точки зрения любого здравомыслящего человека, имеет совершенно иррациональный характер.

Теперь мы показали, что, несмотря на все смелые утверждения, оно не согласуется и с Ветхим Заветом.

Если мы добавим, что отказ Иисуса и его сторонников от соблюдения ритуальных предписаний еще более усугубляет эту разницу, то утверждение, будто Новый Завет — не более чем реализация Ветхого, станет выглядеть еще более самонадеянным.

Глава XXIV

КАЗНЬ ИУДЫ

Не надо причинять страданий завистникам или тем, кто нам кажется ими. Существует некий вид отчаяния, который выражается в форме зависти и заслуживает сострадания.

Морис Магр. Любовь и ненависть

В разных стихах Евангелий, где речь идет об Иуде Искариоте, говорится, что он сын Симона. Иногда имя этого Симона дополнялось прозвищем: он назывался Хананеянином или Кананитом, потому что происходил из Каны. А ведь по-древнееврейски *Kana* означает «рвение», «фанатизм», «непримиримость». Его еще звали Зелотом. А ведь по-гречески *zelotes* тоже означает «ревностный», «фанатик». Его называли *Искариот*, как и его сына. А католическая версия Библии в переводе Леметра де Саси в указателе имен уточняет, что это слово по-древнееврейски означает «человек убийства». Таким образом мы определили, что Симон, отец Иуды Искариота, был *сикарием*, одним из террористов — сторонников тогдашнего еврейского интегризма, о которых Иосиф Флавий приводит многочисленные подробности в своих «Иудейской войне» и «Иудейских древностях»¹.

Но этот Симон — то же лицо, что и Симон Кифа, то есть евангельский Симон Петр, или нет? Почти с уверенностью

¹ Уточним со своей стороны еще раз, что об отце Иуды Искариота в Евангелиях не говорится ничего, известно лишь его имя; все выводы, приводимые Амбеленом, следуют из того, что (почти) всех евангельских Симонов он объединяет в одно лицо (*примеч. пер.*).

можно дать утвердительный ответ. В самом деле, между прозвищем Кифа и безжалостным характером, присущим сикарию, существует очевидная связь, потому что «кифа» по-древнееврейски означает «вершина скалы», каменный пик. Именно это слово используют Иеремия: «Они... влезут на скалы» (4:29) и Книга Иова: «Чтобы жили они в рытвинах потоков, в ущельях земли и утесов» (Иов, 30:6).

Но в Евангелии от Иоанна есть одно место, которое подтверждает это мнение еще более определенно:

«Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти? *Симон Петр* отвечал ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты — Христос, Сын Бога живого. Иисус отвечал им: не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол. Это говорил Он об *Иуде Симонове Искарите*, ибо сей хотел предать его, будучи одним из двенадцати» (Иоан., 6:67-71).

В этих строках говорится о *Симоне Петре*, а когда уточняется, кто приходится отцом *Иуде*, в этом качестве представляют именно его; о каком-то другом Симоне: *Кананите*, *Зелоте*, *Искарите* — речи нет. Это все одно и то же лицо. Это подтверждает, что в мессианистском штабе было не двенадцать учеников, а восемь, может быть, даже семь. Но вернемся к *Иуде*.

У Матфея, и только в этом Евангелии, мы прочтем:

«Тогда *Иуда*, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, *пошел и удавился*» (Матф., 27:3-5).

Из Деяний мы узнаем другие подробности, гораздо более любопытные:

«...об *Иуде*, бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса. Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего; но приобрел землю неправедною мздой, и, когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его» (Деян., 1:16-18).

Прежде всего отметим, что у Матфея (27:7) уточнено: на тридцать сребреников, брошенных Иудой в Храме, священники купили землю для горшечника. В Деяниях это сделал сам Иуда, а умер от несчастного случая, при котором у него выпали внутренности.

Так повесился он или умер от несчастного случая? Ответ: ни то и ни другое. *Иуда был казнен* как предатель, по вполне иудейскому, хотя и особому ритуалу. Он предал священное дело мессианизма, он выдал римлянам царя Израиля, сына Давидова, Христа, он привел их к секретному убежищу на Масличной горе, к тому сараю, где находился пресс для маслин, по которому все это место и получило название Гефсимания. Он был причиной конечного разгрома и провала всего, что было подготовлено; судите сами.

У Иоанна мы читаем следующее, что вполне понятно:

«Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими» (Иоан., 18:2).

Таким образом, когда Иисус, несмотря на усталость, по вечерам покидал Иерусалим, чтобы в первое время ночевать в Вифании, у Симона Прокаженного¹, в доме Лазаря, Марфы и Марии, Гефсимания оставалась *местом для тайных собраний*. Впоследствии, когда о Вифании узнали и Иисус больше не мог ночевать здесь, как и в Иерусалиме, он ходил спать в Гефсиманию. *До самого дня, когда Иуда раскрыл это убежище*. Продолжим:

«Итак, Иуда, взяв *когорту*² воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и *оружием*» (Иоан., 18:3).

«Тогда воины и *трибун*³ и служители иудейские взяли Иисуса, и связали Его...» (Иоан., 18:13).

¹ Кстати, писцы IV века забыли сказать, почему Иисус сумел воскресить Лазаря и позволил проказе и дальше пожирать Симона, его отца.

² В русском синодальном переводе — «отряд» (*примеч. пер.*).

³ В русском синодальном переводе — «тысяченачальник» (*примеч. пер.*).

Несомненно, первоначальный греческий текст использует греческое слово «хилиарх» (*chiliarcos*), и официальные историки хотели из осторожности сделать из него младшего офицера, командующего маленьким отрядом. Но хилиарх командовал тысячей человек, это был «тысяченачальник», и в точном иерархическом соответствии святой Иероним в своей Вульгате очень точно и очень разумно перевел «хилиарх» как «трибун».

В дополнение к этим шести центуриям ветеранов под командованием трибуна, имеющего ранг консула, самое меньшее, что могли сделать члены синедриона, чтобы показать себя лояльными «коллаборационистами», — это послать подкрепление численностью около двухсот стражников Храма. Такая пропорция нам кажется верной. Арсенал храмовой стражи находился в пределах ограды Храма. Там было сложено собственно боевое оружие: луки, стрелы, дротики, копья, щиты. Для несения обычной полицейской службы в Храме, в пределах его притворов и ограды, охранники пользовались мечами и палками — грозными дубинками, распространенными на всем Ближнем Востоке.

Но значение того факта, что этот отряд пришел «с оружием» (Иоан., 18:3), ускользнуло от внимания официального писца IV века. Ведь эта мера предосторожности, которую он выдал против своего желания, означает, что мнимый «арест» — это самая настоящая карательная *экспедиция*. Трибун когорт, магистрат *в ранге консула*, не брал с собой в качестве конвоя декурию. И не ходил производить заурядные аресты с нарядом полиции. Это все равно что префект полиции лично отправился бы задерживать начинающего преступника, причем в автомобильчике дежурной службы.

Таким образом, именно затем, чтобы вести римлян, *и только их*. Иуда встал во главе этой маленькой армии численностью около восьмисот человек, которая ночью двинулась штурмовать Масличную гору. И именно там произошло преступление, непростительное в глазах всех остальных: выдача легитимного царя Израиля, сына Давидова, Христа не соперничающей секте, не представителям официального иудаизма,

а римлянам, ненавистным оккупантам. На самом деле, вернемся к тексту Иоанна:

«Иудеи же искали Его на празднике (кущей) и говорили: где Он? И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр, а другие говорили: нет, но обольщает народ. Впрочем, никто не говорил о Нем явно, боясь иудеев» (Иоан., 7:11-13).

Что означает эта тарабарщина? Ничего серьезного.

Но если заменить «иудеев» на «римлян», все становится совершенно ясным. И понятно, почему Иуда встал во главе когорты, чтобы указать им человека, которого они так давно искали: *Иисуса, предводителя еврейского восстания 33 года...*

Потому что совершенно очевидно, что иудеи-то прекрасно знали Иисуса. Он заявил это сам: «Каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня» (Матф., 26:55). В таком случае как могли они его разыскивать?

Но вот римляне не знали его в лицо. Евреи сторонились их, и, *как неверные*, они не имели права выходить за пределы ограды, предназначенной для них в Храме. Им не было доступа туда, где евреи каждый день могли слушать Иисуса, призывавшего к воссозданию Царства Божия, того царства, где согласно учению его отца, Иуды из Гамалы, будет лишь один господин, один царь — бог Израиля, Яхве. И он тоже в свою очередь проповедовал это учение: «Один у вас Отец, Который на небесах...» (Матф., 23:9).

Вполне вероятно, что, покидая вечером Храм, он смешивался с толпой, спускавшейся из пяти громоздящихся один над другим притворов, и делал это осторожно, окруженный своими сторонниками, охраной, как всегда. Возможно, он даже носил одну из тех гипсовых масок, с приклеенной бородой и раскрашенных, о которых говорит Лукиан Самосатский и которой потом воспользуется его брат-близнец. Невысокий рост тем более помогал ему уходить незамеченным, вот римские легионеры долгое время и не могли его опознать. В конечном счете понадобилось предательство его племянника Иуды Искарриота, чтобы официально указать на него в Гефси-

манском саду трибуну и когорте ветеранов, осадившим Масличную гору.

На самом деле, только часовые наверху цитадели Антония, наблюдавшие издалека за Храмом, могли с давних пор замечать подозрительные перемещения значительных групп людей в Мужском притворе. «Он возмущает народ», — обвинят его члены синедриона (Лук., 23:5 и 14). Но согласно приказу Рима Пилат не мог никого туда отправить: любого шпиона нееврейского происхождения храмовая стража предала бы смерти, и римляне не могли с этим ничего поделать.

Итак, как бы то ни было, Иуда Искариот встал во главе когорты именно затем, чтобы познакомить римлян с Иисусом; может быть, он даже вел под уздцы трибунского коня.

И этого предательства сикарии ему не простят.

Утверждение, что Иуду казнили ученики, неминуемо вызовет многочисленные протесты. Как представить, чтобы эти люди, длинноволосые и бородатые, оборванные и просветленные, воплощенная кротость и прощение, взяли на себя полномочия судей? Тем более что пресса, кино, радио приучили нас к особому образу «христианина», И этот «образ» не совсем соответствует исторической правде.

Как соединить фигуру безобидного визионера с фигурой сикария из книг Иосифа Флавия? Ответ очень прост. Достаточно вспомнить, с каким поразительным лицемерием нас пытаются убедить, что это Святой Дух ослепил Елиму бар-Иисуса в Пафосе, а не Павел и его спутники; что это Святой Дух убил Ананию и его жену Сапфиру в Иерусалиме, а не Симон Петр и его «юноши»; что это Святой Дух, а не сам Симон парализовал дочь Симона, чьей руки попросил знатный римлянин; что это Святой Дух поджег Рим, как было предсказано в Апокалипсисе (с некоторым запозданием!); что это опять-таки Святой Дух поджег Византии в ночь, когда Иоанн Златоуст, изгнанный по приказу императрицы Евдоксии, покидал этот город, вне себя от ярости¹,

И тем не менее Иуда был казнен, а не покончил с собой. Приведем теперь доказательства.

¹ В 404 году.

Мы знаем, что члены еврейских корпораций, как каменотесов, так и плотников¹, не посещали обычных синагог: у них были собственные (ср.: *Nahon, Gerard. Les Hebreux. Paris: Ed. du Seuil. 1968*). Это показывает, что у них, возможно, были особые традиции, во всяком случае в некоторых сферах.

Может быть, Симон носил (задолго до возвращения Иисуса, как мы показали) прозвище «камень» (по-древнееврейски *Кифа*) потому, что работал в каменоломнях, близ Капернаума, где находился его родовой дом (Марк, 1:29).

Эти цеховые традиции в течение веков хранились — причем об их значении догадывались не всегда — римскими корпорациями, потом христианскими, пока, часто искаженные и оскудевшие, эти традиции не дошли до средневекового спекулятивного масонства. В XVII веке в Великобритании последнее произвело на свет спекулятивное масонство нового времени.

И теперь мы откроем в недрах их самых тайных традиций способ наказания *предателя*, который возвратит нас к Иуде.

В самом деле, родовой дом Симона находился в Капернауме, на входе в Генисаретскую долину (Марк, 1:21 и 29). Но южнее, между Тивериадой и Сепфорисом, на несколько километров тянутся пещеры, которые использовались в качестве каменоломен. Во времена Иисуса здесь находили надежное убежище от иродовской или римской полиции изгнанники, мятежники, преступники и канаиты, или zeloty. Некоторые из них хотели, чтобы о них забыли. Раввин Симон бар-Иокай, по преданию продиктовавший своим ученикам «Зохар», прожил там шестнадцать лет. Симон, прозванный «камнем», живущий в этой области, где каменоломни имели такое значение, несомненно своим прозвищем мог быть обязан только им: возможно, оно звучало и как «Симон Карьер».

В 1746 году Карл Эдуард Стюарт, претендент на английский трон, сын Иакова Стюарта и внук Иакова II, был разбит при Куллодене (Шотландия) герцогом Камберлендом, третьим сыном Георга II и принцем Оранского дома.

¹ Потому что это был один цех.

Историки долго описывали зверства английских войск по отношению к шотландским, а герцог Камберленд вошел в историю с окровавленными руками мясника из дурного семейства.

Вожди якобитского заговора предстали перед судом палаты лордов. Крупнейшие из них, Килмарнок и Балмерино, были и наказаны наиболее сурово. Обычный приговор, который выносили *предателям*, неверным вассалам, мятежникам, гласил:

«Вы будете *повешены за шею*, но не так, чтобы за этим последовала смерть, потому что вас должны *вскрыть заживо*. *Ваши внутренности будут вырваны*, а потом сожжены у вас на глазах. Потом ваши головы будут отделены от тел, а тела, разрубленные на четыре части, отданы в распоряжение короля».

Король Георг II, из стыда или страха перед веком, смотревшим на него (ведь шел XVIII век, Екатерина Русская отменила пытку¹, Вольтер был начеку...), не посмел осуществить этот зверский приговор, и осужденные были просто обезглавлены.

Так вот, все они были масонами, но масонами из якобитского франкмасонского устава *католического послушания*, не один век связанным с оперативным масонством Шотландии. Их главой был Великий Мастер Чарлз Радклифф, лорд Дервентуотер. Но против них выступила новая поросль — английское франкмасонство *протестантского послушания*, созданное в Лондоне в 1715 году. И, как в случае Казотта, это был суд франкмасонов над франкмасонами. Имело место предательство, о котором не говорили официально и которое совершили якобитские шотландские франкмасоны, став солдатами иезуитов. И первый приговор был таким же, какой, согласно масонским преданиям, был вынесен *убийцам Хирама*. Вот он.

В масонском ритуале возвышения в степень «Блистательного Избранника Пятнадцати» описывается казнь двух последних убийц Хирама. О первом говорилось в ритуале для

¹ Екатерина II вступила на престол только в 1762 году (*примеч. пер.*).

предшествующей степени — «Избранного Мастера Девяти», а смерть обоих последних предателей включает общую тему возмездия. Вот ритуальное описание:

«Через шесть месяцев после смерти Хирама и его убийцы, Авирама Акирофа, один из управителей Соломона, по имени Бен-Акар, производя розыски в стране Гот, платившей дань Соломону, узнал, что Стеркин и Остерфулт, два других убийцы Хирама, укрылись там, рассчитывая найти убежище. Соломон, узнав об этом, немедленно отписал Малле, царю Гота, и выразил ему желание, чтобы преступление было наказано¹.

Соответственно, Соломон избрал пятнадцать самых достойных и самых ревностных мастеров, в числе которых было девять, принимавших участие в розысках первого убийцы, Авирама Акирофа. Они отбыли 15-го числа месяца таммуза и 28-го числа того же месяца прибыли в страну Гот². Они вручили письмо Соломона Малле, царю этой страны, который, ужаснувшись этой вести, немедленно отдал повеления как можно тщательней разыскать обоих разбойников и выдать их израильтянам, весьма осчастливленный тем, что избавляет государство от таких чудовищ.

На самые тщательные поиски ушло пять дней. Наконец Зербал и Хелеанам, двое из "Пятнадцати", первыми обнаружили обоих убийц Хирама в пещере, именуемой "Бендикар". Их сковали вместе и нагрузили тяжелыми пластинами, на которых вырезали преступление, в котором их обвиняли, и род наказания, которое им предназначили.

Они прибыли в Иерусалим 15-го числа следующего месяца и были приведены к Соломону, который, упрекнув их за черное злодеяние, в котором они были виновны, велел, чтобы их отвели в башню Ахнар до момента казни.

На следующий день, в десять утра, *их повесили за шею на двух столбах, связав им руки и ноги позади столбов. Их тела были жестоко вскрыты, от грудины до лобковой кости.* В таком состоянии они находились восемь часов. Их

¹ Возможно, царство Гот, неизвестное Библии, — то же самое, что царство Гоб, упоминаемое во Второй Книге Царств, 21:18.

² Надо отметить, что ритуальная месть совершается во время убывающей фазы лунного месяца таммуз.

внутренности понемногу выпадали, кормиться их кровью и соком их внутренностей прилетели насекомые и мухи.

Их крики и стоны были настолько жалобными, что тронули даже сердца палачей. Поэтому им отрубили головы, а тела выбросили за стены Иерусалима, где они послужили пищей воронам и диким зверям».

Не будем обсуждать все подробности этого рассказа, не имеющего четких исторических обоснований. Просто отметим, что через еврейские корпорации по знаменитому «оловянному пути» судебная традиция наказания *предателей, поднявших мятеж против своего суверена*, из древнего Израиля и его корпораций перешла в средневековую Шотландию, в ее корпорации.

Эта традиция предполагает, чтобы *изменника своему царю вешали за шею на столб*, связав позади столба руки и ноги, чтобы тело запрокинулось назад, *а потом ему вскрывали живот, чтобы внутренности медленно выпадали наружу под собственным весом*.

Так вот, если верить Матфею и Деяниям, Иуда Искариот умер *повешенным, и внутренности у него выпали*. Такие действия одному человеку совершить нелегко. Ему помогли. И в этом мы без колебаний опять-таки узнаем почерк сикариев. Потому что Деяния противоречат Матфею в вопросе о самоубийстве. Человек, покупающий поле на доход от совершенного им дела, даже позорного, случайно не вспорот себе живот, если ему не помогут. Тем более если он вешается. Итак, Иуда бар-Симон, по прозвищу Искариот, сын Симона Петра, племянник Иисуса, внук Марии, был просто-напросто казнен Учениками.

Но — скажет верующий читатель — где доказательства, что в столь диком преступлении, пусть даже совершенном в наказание, приняли участие апостолы и ученики (или даже сами произвели его)? Если вполне доказано, что это был *обряд мести*, точно соблюденный, если показано, что такие обряды были свойственны для каких-то еврейских корпораций, остается доказать, что апостолы принадлежали к таким корпорациям.

Мы предвидели это возражение, и на него есть ответ.

В тех же Деяниях Фомы, упомянутых на с. 78, где речь идет о загадочном близнеце Иисуса, когда Фому, он же Иуда, продают работорговцу (мы уже объясняли зачем), означенный Фома, для пущей уверенности, что торговец его купит, уточняет, что у него есть ремесло: это повышает ценность раба. И он называет себя *плотником*, как и его брат-близнец Иисус, умеющим высекать колонны из мрамора, камня и т. п. Значит, он *плотник* и *каменотес*, а мы знаем, что два этих ремесла составляли в Иудее единую корпорацию.

Вывод: Иисус «официально» был не только *плотником*, он был также *каменотесом*, потому что это одна корпорация. Несомненно, активно обоими этими ремеслами он никогда не занимался. Но официально считалось, что он занимается ими. А поскольку в Израиле каждый мужчина должен был владеть каким-то ремеслом (см. с. 82), это удостоверяло его благонадежность.

К тому же, как в старинной Франции и во всей старой Европе, сын должен был принадлежать к тому же цеху, что и отец. Он был не вправе выйти из этого цеха (да ему было и невыгодно, потому что он узнавал от отца секреты ремесла, наследовал его инструмент и его репутацию). Из этого мы можем заключить, что его отец, Иуда из Гамалы, также официально имел эту двойную квалификацию. *И это значит, что ее имели и братья Иисуса.* Рыболовство — лишь побочный источник дохода, вроде охоты. (В наши дни браконьерство, как на воде, так и на суше, дает некоторым сельскохозяйственным рабочим дополнительное пропитание.) Таким образом, Симон обязан своим прозвищем Камень либо эпизоду из его рабочей жизни, либо соответствию характера собственно ремеслу.

И — следующий вывод — если вожди zelotского движения, Иисус и его братья, принадлежали к цеху плотников и каменотесов, вероятно, и приверженцев они себе набирали прежде всего в этой среде. Не забудем, что у еврейских цехов были свои особые синагоги, а значит, их члены жили «в стороне» от простого еврейского населения. У евреев такой класс людей назывался «отдельными». Сколько из четырех-пяти тысяч человек, составляющих маневренную группи-

ровку Иисуса (Матф., 14:21 и 15:38), принадлежало к этой корпорации?

А из этой принадлежности к корпорации вытекало использование точного ритуала казни над предателем, убийцей своего господина. Значит, именно ученики были исполнителями столь дикой расправы¹.

Измена Иуды Искарриота и его казнь, совершенная остальными членами штаба Иисуса, отягчили положение его отца Симона и, конечно, во многом лишили его общего доверия.

С другой стороны, почему Иисус препоручил свою мать Иоанну, а не другим своим братьям, таким же детям Марии — «Симону, Иакову и Иуде» (Матф., 13:55)? Потому, что он наконец понял предательство своих сторонников: от него избавились, а *Иуду заставляют замолчать*, чтобы не осталось и следа этого общего предательства. Вспомним, что его уже хотели запереть, объявив сумасшедшим (Марк, 3:21). Для этого приходили его близкие.

К тому же утверждение, что Иуда предал своего дядю и своего царя из-за тридцати сребреников, немногого стоит. Иуда, несомненно, был профессиональным вором (Иоан., 12:6); он был разбойником с большой дороги, как большинство сикариев, судя по словам Евангелий. «Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали» (Иоан., 12:6). Он мог так продолжать еще долго, потому что этот денежный ящик пополнялся по мере необходимости.

Если он предал, он, несомненно, сделал это по двум причинам.

Первая состояла в том, что после заклинания духов на горе Фавор Иисус, вероятно, произвел нечто вроде перевода движения на мирные рельсы. Над ним взяло власть некое загадочное существо. Или же внутренняя эволюция привела его к мысли отказаться от этой беспощадной и безжалостной бо-

¹ Это, возможно, объясняет и абсолютно иудейский характер первых градусов, так называемых градусов «мести», в шотландском франкмасонстве. Значит, они действительно пришли из самых отделенных времен, и отсюда в этих градусах роль *кинжалов* — память о *сиках* zelотов. Более чем достаточное доказательство этого — рукописный ритуал посвящения в степень Рыцаря Кадоша за 1756 год.

рбы, ввиду могущества Рима изначально обреченной на поражение. Или он постарел, стал «близок к старости», как говорит святой Иринея, и утратил надежду. А ведь Иуда был молод, и в его сердце не умерли ни ненависть к римлянам, ни безумные надежды.

Вторая состояла в том, что он был сыном Симона, брата Иисуса, и после назначения его отца наследником Сына Давида теоретически царская власть над Израилем переходила к их ветви. Он, Иуда, маленький разбойник с большой дороги, безвестный сикарий, со смертью отца становился главой иудейского мессианизма. И со смертью Иисуса, своего дяди, он уже превращался в «дофина».

В самом деле, почему Симон *в одиночку* после ареста Иисуса слонялся у самого дома, где происходило заседание суда? Из верности (его троекратное отречение заставляет в этом сомневаться) или из страха, что Иисуса в конечном счете выпустят и он вернется, чтобы потребовать отчета от Симона и его сына Иуды?

Возможно, последнему и не надо было больше ничего, чтобы принять решение убрать Иисуса (с выгодой, потому что голову Иисуса римляне должны были оценивать гораздо дороже, чем в тридцать сребренников), не надо было больше ничего, скажем так, чтобы принять решение об устранении вождя, впавшего в теоретический и тактический уклон.

Намеревался ли он впоследствии устранить и Симона, своего отца? Не исключено. «Иудейские древности» и «Иудейская война» Иосифа Флавия приучили нас к мысли, что в династиях Ближнего Востока взаимная ненависть членов семьи была обычным делом. Как бы то ни было, ужасная смерть Иуды Искарриота не возмутила его отца Симона, он позволил совершить то, что было в глазах всех актом правосудия, если и сам не одобрил его.

Но это было не единственное следствие событий, связанных со смертью Иисуса.

Мы сохранили на конец главы текст одного документа, важного для нашего тезиса о том, что Иуда Искарриот был *казнен в наказание за измену*. Этот текст как будто показывает, что против Иуды единодушно выступил весь штаб Иису-

са, несомненно, даже отец. Возможно, его действия создали угрозу, что в руки римлян попадет вся группа учеников Иисуса? Во всяком случае, вот этот текст. Он взят из Евангелия от Варфоломея, коптского апокрифа V века, и находится в первом его фрагменте:

«И тогда Иисус обернулся к человеку, который его выдал, то есть к Иуде Искариоту. Он сказал ему: "В чем ты выгадал, о Иуда, выдав меня?.. Я перенес все муки, чтобы спасти творение, ты же, Иуда, — горе тебе!.. Двукратная анафема тебе!.. Проклятие тебе!..»

Ибо Иуда, его наследие — с дьяволом... Его имя стерли из Книги Жизни. *Его судьбу изъяли из числа живущих...* Его панагис уничтожили, его столу разорвали... Право суда над ним получил Сатана, а он умрет, презираемый всеми. Своего сана епископа он лишился. Его венец у него похитили. Его труды присвоили себе чужеземцы. Он предан проклятию. Он осквернен, как испорченная вода. У него отобрали его почетное одеяние. Пламя его светильника загасили. Его жилище опустошили. *Его дни сократились. Его жизнь окончилась.* Мир отдалился от него. К нему пришла скорбь. Его охватила тьма. Его унаследовал червь. Его покрыли тлением. *Ангелы, следующие за Господом, его отвергли..."*

Такие слова Спаситель сказал об Иуде, находившемся в глубине Аменти. Тогда Спаситель на третий день воскрес из мертвых...» (*Евангелие от Варфоломея. 1-й фрагмент*).

Из этого текста следует, что было провозглашено нечто вроде отлучения Иуды (несомненно аналогичного страшному иудейскому *херему* и предвосхитившего позднее римское отлучение), после чего для верности его повесили (обычный судебный ритуал в иудейском законе) и вспороли ему живот *сикой*.

В этом тексте заметно, как от одной фразы к другой нарастает ярость проклинающего, и можно проследить, как с каждой строкой усиливается его ненависть, как он старается придать этому странному тексту побольше силы. Но здесь есть и неявное признание казни Иуды. Надо быть таким же слепым, как злополучный Елима бар-Иисус в Пафосе¹, чтобы

¹ Деян., 13:8.

этого не заметить. Что касается «ангелов» из последних строк (*angetus* по-латыни, *aggelos* по-гречески означает «вестник»), мы увидим, что это просто-напросто «посланники», избранные для совершения этого акта мести.

Остается выяснить дату казни Иуды. Ее можно отнести, судя по самому тексту, на третий день после смерти Иисуса, как свидетельствует и последняя фраза.

Похоже, что и жену Иуды, которая, согласно другому апокрифическому Евангелию, была кормилицей сына Иосифа Аримафейского, тоже убили. Вот почему текст утверждает, что его жилище опустело, более того: «его жилище *опустошили*». Следовательно, там не оставили ни одного живого существа. Но, коль скоро уточняется, что его жена кормила грудью сына Иосифа Аримафейского, *это значит, что она недавно стала матерью*. Отсюда заключаем, что сын Иуды и его супруги тоже должен был погибнуть, несмотря на юный возраст.

Здесь мы сделаем отступление. Евангелие от Варфоломея в одном из фрагментов уточняет, что Иосиф Аримафейский пошел за своим ребенком в дом Иуды Искариота после ареста Иисуса на Масличной горе. Но поскольку большей части апокрифов свойственна тенденция описывать чудеса, здесь сказано, что он пошел по просьбе самого ребенка, который больше не мог выносить злобности жены Иуды.

У ребенка, который еще сосет грудь кормилицы, подобной шепетильности не бывает. Он не разговаривает или почти не разговаривает. Значит, это надо понимать так: Иосиф Аримафейский, *предупрежденный о том, что случится в жилище Иуды*, опередил группу сикариев, отправленных учениками, чтобы осуществить приговор предателю и его родным, и пришел вовремя, чтобы забрать до их прихода собственного ребенка.

Как звали ребенка Иуды Искариота? Отметим, что Евангелие от Варфоломея говорит о нем в мужском роде, стало быть, это мальчик. Генеалогическое древо его отца позволяет предположить, что его звали Симон — в силу некоего фамильного обычая, который позволяет выявить генеалогия; происходит *чередование* имен:

<i>Езекия бар-...</i> ,	захвачен в плен и распят по приказу Ирода;
<i>Иуда бар-Езекия,</i>	его сын, он же Иуда из Гамалы, Иуда Галилеянин, Иуда Гавлонит, предводитель восстания Переписи;
<i>Симон бар-Иуда,</i>	его сын, он же Симон Петр, Симон Зелот, Симон Кананит, Симон Искарriot;
<i>Иуда бар-Симон,</i>	его сын, он же Иуда Искарriot;
<i>Симон бар-Иуда,</i>	его сын, о котором говорит Евангелие от Варфоломея, молочный брат ребенка Иосифа Аримафейского, то есть Иосифа Могильных Ям, Могильщика. Напомним, что это имя Симон — <i>предположительное</i> .

Как умерли жена Иуды и его маленький сын? Прежде всего напомним, что мы имеем дело с фанатичными традиционалистами, сторонниками той «четвертой секты», основанной Иудой из Гамалы, о которой сообщил Иосиф Флавий. Это интeгрисы в чистом виде.

Поэтому мы можем быть уверены, что, убивая молодую жену Иуды Искарriotа и его ребенка, они следовали «ритуалу», обычному при подобных обстоятельствах. С ними сделали все то же, что и с Искарriotом, потому что все имело показательный характер.

Этот ритуал описан уже в псалме 69 [68], стих 26, и в псалме 109 [1081], стихи 8-12. Он предписывает, чтобы и? жилище стало *пустым* и обратилось в *развалины*. Женщину и ребенка, вероятно, увели, а дом несомненно сожгли.

Как должна была погибнуть супруга Иуды? На след нас наведет одна фраза Иисуса, неявно указывающая на некоторые обычаи этих ближневосточных регионов:

«Горе же беременным и питающим сосцами в те дни...» (Лук., 21:23).

К молодой супруге Иуды относится последнее. Действительно, в отношении первых при разграблении захваченных городов общий обычай всех народов этих краев состоял в том, чтобы вспарывать им живот от лобка до грудной кости, а потом разрубать надвое матку.

Что касается вторых, то либо с ними делали то же самое, а ребенку разбивали голову о стену, либо бросали его под колесо повозки, либо (если у победителей было время) его толкли в одной из больших ступ, распространенных в этих местах.

Бывало, и взрослых толкли в ступах в человеческий рост (4 Цар., 8:12, 15:16; Амос, 1:13; Ис., 13:16, 14:21; Наум, 3:10; Осия, 10:14, 13:16).

Или же, как поступали воины Антиоха IV, царя Сирии, по прозвищу Эпифан (Прославленный), который с 174 по 164 год до нашей эры преследовал евреев, был побежден Маккавеями и умер в буйном помешательстве, детей вешали за шнур на шею матери, которую также вешали в собственном жилище, чтобы окончательно осквернить его присутствием трупов.

«Они вешали детей на шее их матерей во всех домах, где их находили» (Первая книга Маккавеев, 1:64).

Эта жестокость не была чужда и Израилю, ведь в Ветхом Завете мы читаем, что виновных обрекали на смерть вместе с женами, детьми, слугами и рабами, а также *домашними животными, стадами и т. п.*

Такая традиция в тех краях жива и по сей день. Во время египетской революции в Каире мятежники, захватив дворец бывшего короля Фарука, перебили всех домашних животных молодой королевы и короля и выкололи глаза всем пони из королевских конюшен.

Если бы мы были уверены, что Иуда действительно купил поле на деньги, полученные в награду за поимку Иисуса, мы могли бы рассмотреть и еще одну гипотезу. Апокрифы утверждают, что супруга Иуды бесконечно требовала от него денег; якобы это из-за нее он стал вором, похищая средства из общего денежного ящика учеников. Он, конечно, был молод, и она тоже.

В таком случае переезд Иуды, купившего поле, в жилище, находящееся в Иерусалиме (или под ним), из Галилеи, из дома его отца Симона в *Капернауме*, говорит о желании Иуды освободиться от мессианистской среды. Тогда можно предположить, что он выдал своего дядю, «Сына Давидова» и царя Израиля, только затем, чтобы положить конец этой страшной и безнадежной борьбе и наконец избавиться от своей роли сикария, чтобы отныне жить мирно, возделывая свое поле и наслаждаясь обретенной семейной жизнью.

В любом случае приход сикариев покончил с этой мечтой, как бы то ни было, и вследствие безжалостной мести мессианистов появилось еще три трупа.

Глава XXV

ИИСУС И ЖЕНЩИНЫ

Все, кто дошел до крайних пределов наслаждения в общении с любимейшим существом, испытали более или менее смутное чувство, что они прикоснулись к чему-то божественному, приблизились к величайшей тайне мира...

Морис Магр. Любовь и ненависть

Проблемой, к которой редко обращались в своих исследованиях об Иисусе и самые либеральные историки, была его интимная жизнь как мужчины. Робость, боязнь враждебной реакции, изначальная догматическая слепота — как будто один только намек уже вызовет скандал.

А ведь иудейская религия делала брак и производство на свет законных детей обязанностью, которую мало кто из евреев смел нарушить. Несомненно, сошлются на ессеев. Но Иисус никогда не был ессеем: его речи, тот факт, что он пил вино, признавал жертвоприношения животных, пренебрегал физической чистотой¹, а также нарушал самые обязательные обычаи традиции Моисея в некоторых сферах, показывают, что ессеем он никогда не был. Самое большее — почти с уверенностью можно полагать, что он принадлежал к тем экстремистам, выходцам из знаменитой секты, которые, как уточняет Дюпон-Соммер, образовали крупное экстремистское политическое течение, куда входили zeloty.

Для подтверждения, что брак был необходимым и обязательным, мы процитируем сам иудейский Закон:

¹ Матф., 15:1-3; Лук., 11:37-39.

«Тот, кто не женится, живет без радости, без благословения и без блага» (Талмуд: Иевамот, 62b).

«Жилище мужа — это его супруга» (Талмуд: Иома, 11).

«Жените ваших детей, когда ваша рука еще у них на шее. От шестнадцати до двадцати двух лет или, еще лучше, от семнадцати до двадцати четырех» (Талмуд: Киддушин, 30a).

Согласно общему правилу, оправданием брака является взаимная любовь, и это правило строгое. Брак по расчету, брак между людьми, которые не подходят друг другу, вынужденный брак под давлением родителей — все эти формы осуждаются иудейским Законом.

Развод допускался при серьезных причинах, но вызывал сожаления:

«Если кто-то отвергает жену своей молодости, сам Алтарь проливает слезы над ней... Ибо Ему (Богу) ненавистен развод» (Талмуд: Малахим, 2, 13s и 16).

Первоначально оправдать развод могла только неверность супруги.

Тем не менее Иисус никогда не женился. По крайней мере, не осталось никаких упоминаний о таком союзе, если даже он и существовал. Несомненно, холостым из всех учеников был только Иоанн, «любимый ученик». Впрочем, церковное предание утверждает, что по смерти последнего убедились: его половые органы остались такими же, как у ребенка, едва достигшего шести лет. Из этого можно было бы сделать вывод о его аномальном физическом развитии, о половом бессилии. Был ли этот изъян врожденным или к нему привела маги́ко-психическая практика, которую мы скоро рассмотрим, во всяком случае, с религиозной точки зрения это был порок, согласно иудейскому Закону не позволяющий заключать законный союз.

Несомненно, если он на самом деле умер в Эфесе в 96 году нашей эры, ему могло быть лет тридцать в то время, на которое пришлась казнь Иуды. Впрочем, в его собственном Евангелии есть место, звучащее странно и приведенное только там:

«Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса; ему Симон Петр сделал знак, чтобы

спросил, кто это, о ком говорят. Он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это?» (Иоан., 23-25).

На античных пирах мужчины лежали на ложах, а супруга либо «спутница» для пира ставила сиденье рядом и сидела на нем. В Греции этих временных спутниц, аналогичных японским гейшам, называли *тенями*. Их высшим типом была *гетера*, «светская львица» тех времен. Только к концу трапезы женщины ложились рядом с мужчинами, и слуги накрывали покрывалами нижние части их тел.

У иудеев так же происходила пасхальная трапеза: каждый из сотрапезников должен был лежать, «как царь», и присутствовала вся семья, включая женщин и детей. Высокий моральный уровень этой пасхальной трапезы в самом деле исключал для нее любую двусмысленность, что, очевидно, не всегда можно сказать о трапезах греков и римлян.

Так вот, странное дело, но на Тайной вечере, якобы пасхальной трапезе Иисуса и его учеников, не присутствовал никто из членов их семей, ни жены, ни дети. И в таком случае это, конечно, не была ритуальная пасхальная трапеза. Это вполне показывает, что авторами канонических Евангелий были не евреи, а безымянные греки IV века, не знавшие иудейских обычаев и, может быть, даже боявшиеся женщин.

Но когда мы видим молодого человека, не имеющего, как показано, *никаких мужских черт*, лежащим на груди Иисуса, причем, по словам св. Ириней, Иисусу тогда было лет пятьдесят, а молодой человек занимает место отсутствующей супруги, это начинает шокировать. Эта странная поза остается без объяснений, если только не согласиться с обвинением в гомосексуальности, с которым в последнее время соглашаются многие историки и даже один методистский пастор.

Мы не разделяем эту гипотезу и сейчас покажем почему. Из этого нагромождения лжи, созданного безымянными писцами IV века, похоже, все-таки следует, что Иоанн, будучи также «сыном Зеведеевым», был просто очень юным братом Иисуса. И не будем забывать странных слов, произнесенных самим Иисусом:

«Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скоп-

цы, которые сделали себя сами скопцами для Царства Небесного» (Матф., 19:12).

На самом деле, не исключено, что некоторые психические практики (ясновидение, пророчество и др.), использование в этих целях определенных веществ с отроческого возраста мало-помалу без хирургического вмешательства лишали мужских способностей того, кто их использовал.

Почти все продукты, отнесенные к числу «наркотиков», — на самом деле *афродизиаки* для женщин и *девирилизанты* для мужчин.

«У женщины, — отмечает профессор Майер, — даже легкое опьянение, вызванное кокаином, вызывает неуправляемую сексуальную возбудимость. У мужчины, напротив, раздражение симпатической нервной системы ведет скорей к локальному сужению сосудов, тормозящему эту функцию. Жан Кокто так резюмировал эту противоположность: "У мужчины наркотик не усыпляет сердце, он усыпляет сексуальность. У женщины он пробуждает сексуальность и усыпляет сердце". Но эта формула слишком схематична, чтобы быть точной в биологическом смысле. В долгосрочной перспективе то и другое действие в равной мере завершается сексуальной атонией» (*Gerbault, Jean-Marie. Les drogues du bonheur. Paris: Hachette. 1965*).

А ведь весь Ближний Восток в ту эпоху, и уже не первый век, был знаком с гашишем; древний Египет во времена Рамсеса II использовал опиум; греки и римляне знали о действии мака, называемого по-гречески *mekon*.

Возможно, эта сексуальная атония и послужила первым толчком к появлению доктринальных формул, на основе которых в конечном счете возникли все так называемые энкратические христианские секты: *татианисты, энкратисты, воздержанные, севериане, апотактики, саккофоры* и пр., для которых были характерны отвращение к браку и деторождению. Отголосок их можно найти в апологии целомудрия и воздержания, характерной для всего течения патристики в целом.

Этим христианским сектам противостояли другие, также христианские секты, которых объединяют общим названием *непристойных гностиков: карпократиане, николаиты, барбелиты* и пр. Именно последних обвиняли в безнравственности и оргиастических обрядах, вызывавших негодование как у отцов официальной церкви, так и у латинских авторов, например у Корнелия Фронтонна.

Так вот, эти непристойные обряды были широко распространены. Вот несколько цитат, чтобы просветить читателя:

«После долгой трапезы, когда вино, которым они упились, начинает возбуждать в них огонь разврата... перевернутые факелы гасятся. Тогда, избавившись от неуместного света, они соединяются как попало, впотьмах, в скандальных объятиях» (*Минуций Феликс. Октавий, VIII—IX*).

Кстати, святой Павел обиняками упоминает об этих особых «агапах» в Первом послании к коринфянам (11:17).

«У вас агапа предоставляет вашим молодым людям повод возлежать с христианками» (*Тертуллиан. О посте, 17*).

«Многие из этих женщин будут вынуждены потом идти к тайной акушерке, чтобы сделать аборт» (*Тертуллиан. О покрывале девственниц, 14*).

В этой среде была известна и содомия между мужчиной и женщиной. Ее клеймит святой Киприан:

«Не из них, не из этих сестер, каждая из которых может оправдаться и доказать, что она девственна: ведь пусть даже ее признают таковой по обычным женским органам, она могла согрешить при посредстве других частей тела» (*Киприан. Послания*).

Ориген Нечистый (которого не следует путать с Оригеном Адамантеем, «великим Оригеном») и его ученики учили «религиозной» допустимости содомии между супругами во избежание зачатия, через которое душа погрязает в Материи. Так выглядело воплощение в жизнь этих принципов, доведенных до крайнего предела! И Павел в ужасе клеймит подобные нравы:

«Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у языч-

ников, что некто вместо жены имеет жену отца своего» (1 Кор., 5:1).

Поскольку бдения проводились в очень плохо освещенных помещениях, по вечерам, святой Иероним закликает девушек не удаляться от матери ни на ноготь: «*transversum unguem*» (Иероним. К Лоэте, О наставлении дочери).

«Многие клирики весьма стараются раздобывать адреса богатых женщин» (Иероним. Письма, XXII).

Отсюда его горькое суждение:

«Супруги без свадьбы, наложницы без тени религии, куртизанки и похотливые сестры, которые ищут разгульных братьев и, считаясь целомудренными и девственными, после изысканной трапезы мечтают об апостолах!» (Иероним. Письма к Евстохии, XXII).

Некоторые клирики и некоторые «девственницы, посвященные Господу» жили в *agapetes*, то есть парами, и святой Иероним мог о них сказать:

«У них только одно жилище, весьма часто одна-единственная комната и одна-единственная постель» (Иероним. Письма к Евстохии, XVIII).

Эти девственницы, называемые *sub-introducta* (те, в которых исподтишка ввели), со временем неизбежно беременели. И святой Иероним клеймит их:

«Смотри, как размерен их шаг! Восхитись их скромным и простым одеянием! Но беременность выдает их частную жизнь; некоторые ищут бесплодия при помощи ядов, а другие убивают плод до рождения» (Иероним. Письма к Евстохии, XXII).

Еще Иоанн Златоуст (347-407) бичевал это распутство, широко распространенное в христианских массах, в двух из своих трактатов: «Слово к девственницам, жившим вместе с мужчинами» и «Слово к жившим вместе с девственницами».

Это продолжалось еще довольно долго. И в 741 году святой Бонифаций, архиепископ Майнцский, доносил папе Захарии: «...диаконы, которые по ночам возлежат с четырьмя или пятью наложницами и даже более! Став священниками или епископами, они продолжают такую жизнь, ссылаясь на до-

зволение Рима» (*Кардинал Баронио. Церковные анналы*¹. Год 741).

Должна же была эта масса христиан, искренняя, твердая в вере, но не соблюдающая воздержания, тем более целомудрия, находить для этого какие-то оправдания. Это просто очевидно.

И здесь снова вернемся к Иисусу.

Сам Павел возил с собой наложницу, и он заявляет об этом совершенно открыто:

«Или не имеем власти иметь спутницей сестру *жену*, как и прочие апостолы, и братья Господни, и Кифа? Или один я и Варнава не имеем власти не работать?» (1 Кор., 9:5-6).

В своей латинской Вульгате святой Иероним использует слово *mulier*, означающее именно жену по плоти, супругу.

Так вот, незадолго до обнаружения знаменитых кумранских рукописей на побережье Мертвого моря при раскопках случайно нашли не менее ценные рукописи. Это произошло в Хенобоскионе, в Верхнем Египте. Среди них было и Евангелие от Фомы, до того известное только по цитатам у Климента Александрийского и Оригена, то есть текстам начала III века.

Тем не менее у нас нет оригиналов произведений этих авторов, мы знаем их по позднейшим переводам, содержащимся в рукописях V века.

Рукопись, найденная в Хенобоскионе, была написана на коптском языке в IV веке. Но до того существовали фрагменты рукописи на папирусе, в числе прочего найденные в 1897 году в Оксирихе, в Среднем Египте, которые не удавалось атрибутировать, настолько они были неполными. Этот текст, написанный на греческом, относился к III веку. И он содержал характерные стихи, какие позже обнаружили только в Евангелии от Фомы, найденном в Хенобоскионе в 1947 году. Значит, можно сделать вывод, что уже в III веке существовал полный текст Евангелия от Фомы.

¹ *Baronius, Caesar. Annales ecclesiastiques. Anvers. 1612-1629. 12 vol.*

Но если Климент Александрийский и Ориген, первый из которых умер в 220 году, а второй — в 254 году, цитировали это Евангелие от Фомы как текст, уже старинный в их время, можно допустить, что первоначально он был составлен самое позднее во второй половине II века, приблизительно в 175-180 годах.

Итак, перед нами текст, который на этом основании можно считать немногим более поздним, чем другие, также цитируемые Климентом и Оригеном: Евангелие от евреев и Евангелие от египтян, которые эти авторы считали старейшими из известных апокрифов.

Теперь возьмем совершенно каноническое Евангелие от Марка. Иисус только что скончался на кресте:

«Были тут и женщины, которые смотрели издали; между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшого и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и *служили Ему*, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим» (Марк, 15:40-41).

Лука (8:3) пишет, что эти женщины «служили Ему именем своим», то есть деньгами, ведь свои жилища они покинули. О гостеприимстве речи уже не было.

И эту же Саломею мы встречаем в Евангелии от Фомы, притом в роли, которую Павел отводил своей спутнице в Послании к коринфянам:

«Саломея сказала: кто же ты, человек? Какого ты рода, чтобы *подниматься на мое ложе и есть за моим столом?* И Иисус сказал ей: я порожден тем, кто равен мне. Мне дано то же, что и моему отцу... И Саломея ответила: я твоя ученица» (Евангелие от Фомы, 65¹).

Из этих слов, из тона означенной Саломеи можно понять, что ее социальное положение было в материальном отношении выше, чем у Иисуса.

¹ Цит. по: *Doresse, Jean. L'Evangile selon Thomas, ou les paroles de Jesus. Paris: Plon. 1959. P. 103.*

Греческое слово в тексте Марка (15:40), переведенное как «служить», означает также «содействовать», как и у Луки¹.

Мы не удивимся. В истории многие женщины помогали деньгами мужчине, которого любили, в его политических предприятиях, — например, Коризанда де Граммон, помогавшая Генриху Наваррскому завоевать французскую корону, упоминается во всех мемуарах.

Эту Саломею мы снова обнаружим в Евангелии от египтян, где стихи дают понять, что приведенный выше текст, намек насчет Иисуса, поднимающегося на ложе Саломеи, имеет сексуальный характер:

«И Мария-Саломея спросила Господа: Учитель, когда кончится царство Смерти? И Иисус ответил: когда вы, женщины, больше не будете рожать детей... Когда вы скинете позорное и постыдное одеяние, когда двое станут одним, когда мужское и женское станут едины, когда не будет более ни мужчины, ни женщины, тогда кончится царство Смерти... И Саломея подхватила: значит, я больше не должна рожать детей, Учитель?.. И Иисус ответил: ешь твои плоды, но плода горечи (материнства) больше не ешь» (Евангелие от египтян. Цитируется Климентом Александрийским в «Строматах», III, IX, 66, и Климентом Римским, умершим в 97 году, во втором «Послании к коринфской Церкви»).

Далее, в том же тексте, Иисус ответит Саломее: «Я пришел уничтожить дело женщины».

С учетом этих удивительных текстов небесполезно, может быть, несколько уточнить положения иудейского Закона в вопросе рождения детей.

Прежде всего отметим, что для пары, находящейся в браке:

- 1) обязательство рожать детей переставало действовать после того, как пара производила на свет двух детей, мальчика и девочку;
- 2) предохранительные средства, хорошо известные в античном мире, могла использовать только женщина, к которой закон не предъявлял таких требова-

¹ В русском синодальном переводе в обоих случаях «служить» (примеч. пер.).

ний, как к мужчине. Последний использовать их не мог;

- 3) *их использование*, оправданное соображениями медицинского, психологического или генетического характера, в таких случаях предписанное самим Законом, становилось обязанностью;
- 4) необходимость или решение избежать зачатия отнюдь не отменяли морального и религиозного долга (ибо это было долгом) дать законное сексуальное удовлетворение. Талмуд называет это «истинной радостью» (на иврите: *ein slmha elah simha chel houppa*);
- 5) аборт допускался не позже третьего месяца беременности. На самом деле, учителя Закона считали, что до окончания трех первых месяцев беременности зародыш — не более чем *nephesh* (тело), *ruah* (дух) и *ne-shamah* (душа) еще не соединились с ним.

Вне законного брака и в случае банального сожительства, не признанного Законом, эти правила становились еще мягче, все давали себе волю.

Как мы сказали, античному миру были прекрасно известны механические противозачаточные средства, которые использовали прежде всего женщины вольных нравов: танцовщицы, музыкантши, куртизанки и т. д.

То же относится и к способам производства аборт, и abortивные растения, такие, как рута, чернобыльник, полынь и прежде всего страшный казацкий можжевельник, не были секретом для повивальных бабок тех времен.

Таким образом, в самом по себе решении Саломеи не иметь детей не было ничего экстраординарного.

Кто такая была эта Саломея? Очевидно богатая женщина, но убежденная мессианистка и zelotка или просто поклонница Иисуса? Тайна... Но тот факт, что она была наложницей Иисуса и он получил от нее максимум того, что мужчина может получить от женщины, позже предпочли скрыть, и в качестве доказательства этого мы сошлемся на полное молчание Евсевия Кесарийского об этом вопросе. В его «Цер-

ковной истории» бесполезно искать упоминание о ней. Он только, говоря о царствовании Ирода Великого (то есть временах раньше 6 года *до нашей эры*), вспоминает Саломею, сестру Ирода, жену Александра (*Евсевий Кесарийский*. Церковная история. I, VIII, 13. С. 36). И возможно, по той же причине отцы церкви, говоря о танцовщице, потребовавшей смерти Крестителя, *всегда называют ее Иродиадой и никогда — Саломеей*. Это умолчание очень красноречиво.

Таким образом, вполне очевидно, что Саломея, похоже, женщина богатая, была не просто ученицей Иисуса, она не просто служила ему и следовала за ним, как признает Марк. Она также предоставила ему свое ложе и свой стол, и об этом весьма гуманном факте сообщает нам Евангелие от Фомы. Теперь понятно, по каким причинам она исчезла...

Надо полагать, во II веке это не вызывало скандала, жизнь *исторического Иисуса* была документирована намного лучше, чем теперь, и этим эпизодом христиане большой церкви оправдывали с I по V век существование наложниц при их клириках.

Вот почему Саломея, верное сердце, сопровождала Иисуса до самого креста, подтвердив тем самым слова Соломона: «Любовь покрывает все грехи» (Притчи, 10:12), какая бы тайна ни скрывала ее личность¹.

Загадочной остается и личность женщины, которая обливала ноги Иисуса дорогими благовониями из алебастрового сосуда и потом вытирала их своими волосами, прежде «целуя» его ноги (Лук., 7:38).

Вопреки легенде, представленной в изобразительном искусстве, это не может быть Мария из Магдалы. Потому что теперь мы знаем, кто она (см. с. 136).

Это не может быть Саломея, имевшая манеры высокопоставленной и богатой женщины, привыкшей повелевать; это следует из фразы, приведенной в Евангелии от Фомы, стих

¹ Напомним, что ее маленькая «костница» перечислена среди прочих, открытых близ «*Dominus Flevit*» в Гефсиманском саду, в той же гробнице, где погребены останки и других сотрапезников Иисуса.

65. Канонические Евангелия дают некоторые уточнения относительно личности этой женщины.

Матфей (26:6-7) называет ее просто «женщина».

Марк (14:3) говорит то же самое: «Женщина».

Иоанн (12:3 и 11:2) утверждает, что ее звали Мария.

Лука говорит о ней «грешница» (7:37), а оригинальное греческое выражение звучит как «грешница из города».

Конечно, Евангелие от египтян и евангелие «Пистис София» называют Саломею Марией-Саломеей. Но женщина с алебастровым сосудом — не она.

Мария, которая, согласно Иоанну (12:3), мазала Иисуса драгоценными благовониями, была сестрой *Марфы* и *Лазаря*, «воскрешенного», которого Иисус очень любил.

Жили они в Вифании, скромной деревне в предместье Иерусалима.

Ничто из этого не указывает на богатую Саломею¹.

Но мы сохраняем право удивиться, что Иисус, ставящий блудниц в первые ряды на пути в «Царство Божие», испытывает также удовольствие от того, что останавливается в доме одной из них, вопреки иудейскому религиозному Закону.

А что думать о ее сестре Марфе? На что жила она? Не сказано.

И что это за Лазарь, милый сердцу Иисуса, который, вопреки иудейскому Закону, терпит, что по меньшей мере одна из его сестер — «грешница»? На что жил и он?

Воистину вместе с обоими «искариотами», отцом и сыном, Симоном и Иудой, «Сын Божий» Иисус наносил удивительные визиты.

Что должен думать его «Отец Небесный», предписывавший Моисею: «Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых» (Втор., 23:17)?

Теперь наконец вернемся к загадочной Саломее.

¹ Мимоходом отметим, что иудейский Закон позволял женщине свободно располагать своим состоянием, если она была *единственной наследницей* отца, рентой, которую *обязаны* были выплачивать ей братья, если они имелись в наличии и наследовали отцу, состоянием, если она осталась *вдовой и не имела детей*. Именно таким было положение Саломеи, вдовы своего кузена Филиппа Антипы.

Мы уже отметили, что ее тон в Евангелии от Фомы выдает женщину богатую, привыкшую повелевать, которая в конечном счете, ввиду этого всего, задается вопросом, как она могла допустить на свое ложе и к своему столу такого человека, как Иисус. Значит, она бесспорно имеет высокое положение в обществе. Но кем же она может быть?

У нас есть имена некоторых женщин, которые, следуя за Иисусом и двенадцатью, «служили Ему именем своим» (Лук., 8:3). Прежде всего это некая Сусанна, потом некая Иоанна (Iochannah по-древнееврейски), «жена Хузы, домоправителя Иродова» (имеется в виду Ирод Антипа).

Сразу же возникает первый вопрос: как эта женщина могла покинуть мужа, чтобы последовать за настоящим партизанским отрядом, который воевал за собой Иисус, причем Хуза, высокопоставленный сановник тетрарха Галилеи, не вернул ее домой добром или силой? Тем более что она таким образом смешалась с другими женщинами.

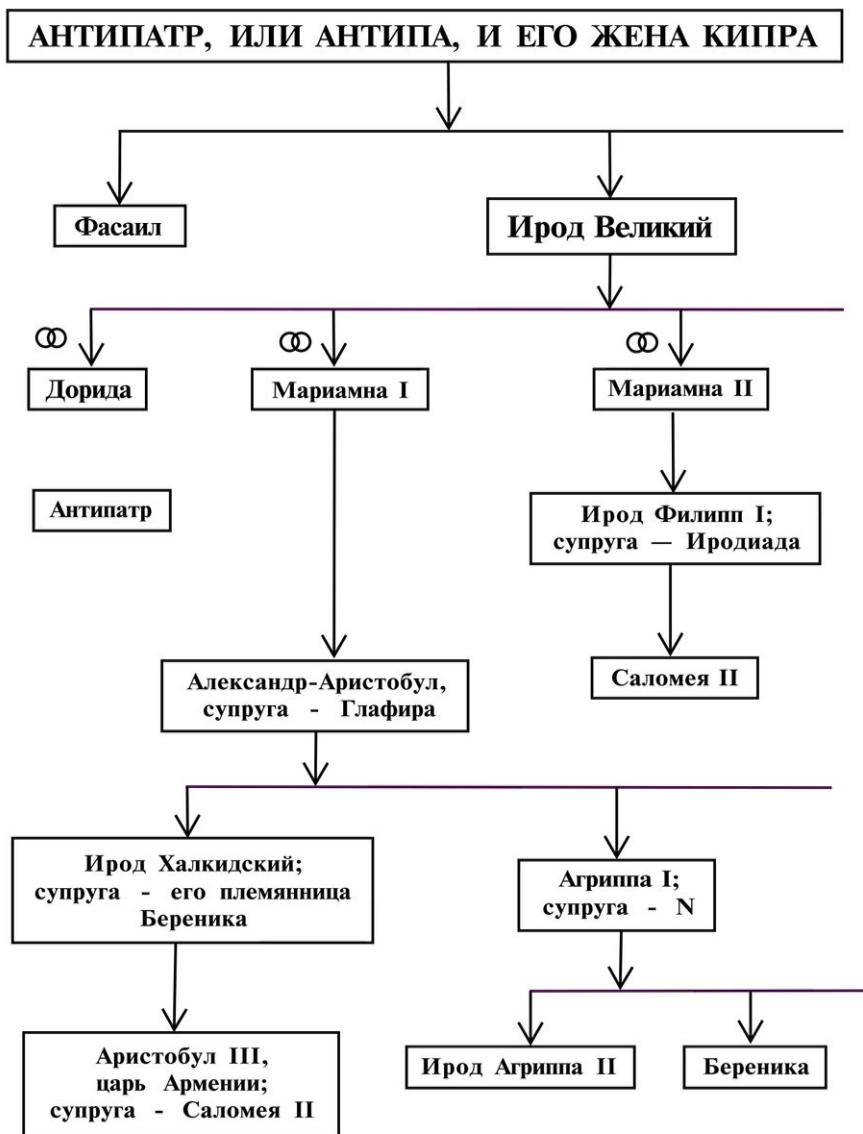
Второй вопрос: когда Ирод Антипа, лишенный поста этнарха, был сослан и осужден на жительство во Вьенне, в Галлии, в 39 году, то есть четыре-пять лет спустя после казни Иисуса, Иродиада последовала за ним в ссылку. Нам это известно от Иосифа Флавия и Евсевия Кесарийского. Но ни тот ни другой не говорят, что случилось с Саломеей, дочерью Иродиады.

Третий вопрос: Деяния апостолов (1:14) не называют ни одну из этих женщин *по именам*. Текст говорит «жены», но мы знаем, что, кроме Саломеи, Сусанны и Иоанны, были и другие. Так вот, каким бы важным ни было их прошлое, о нем ничего не говорится. Почему?

Четвертый вопрос: почему Афанасий Александрийский (295-373), Иоанн Златоуст (340-407) и Евсевий Кесарийский (265-340) говорят только об Иродиаде как о «танцовщице», потребовавшей смерти Крестителя, и обходят молчанием Саломею, тем самым формально противореча каноническим Евангелиям, с которыми они тем не менее были знакомы?

В качестве возможных ответов на эти вопросы мне в голову пришел ряд гипотез.

ГЕНЕАЛОГИЯ ИДУМЕЙСКОЙ ДИНАСТИИ

1. Хуза, домоправитель Ирода Антипы, отпустил свою жену Иоанну (Иоханну) следовать за Иисусом и его отрядами, потому что она была *камеристкой Саломеи*.

2. Иродиада отправилась в ссылку в Галлию с Иродом Антипой одна, потому что Саломея была уже давно совершеннолетней¹ и, стало быть, свободной.

3. «Деяния» ничего больше не говорят ни об Иоанне, ни о Сусанне, потому что они покинули зелотское движение со смертью Иисуса, после того как его обещания не исполнились, или потому что их арестовали римляне на месте распятия как сектанток Иисуса и они томились в темницах Антонии, или потому что они погибли; но ничто из этого не настигло Саломею, которую охраняли ее ранг и рождение.

4. Афанасий Александрийский, Иоанн Златоуст и Евсевий Кесарийский умалчивают о Саломее и заменяют ее в рассказе Иродиадой именно затем, чтобы вычеркнуть Саломею из истории, учитывая ее совершенно особую роль при Иисусе. На охоте это называется «подменить животное».

Но это подразумеваемое мнение не подрывает нашей гипотезы: очень вероятно, что загадочная Саломея была дочерью Ирода Филиппа и Иродиады, ставшей впоследствии, в результате повторного брака матери, падчерицей Ирода Антипы.

И здесь, в связи с этой исторической проблемой, мы можем сделать вывод, что реальность превзошла фантазию: внучка Ирода Великого, велевшего казнить Езекию, стала любовницей внука последнего — Иисуса, претендента на трон Израиля.

Что могло только усугубить дурное отношение Ирода Антипы к означенному Иисусу: ревность — чувство, очень свойственное людям.

¹ На самом деле, в год этого отъезда, 39-й, ей было самое меньшее 44 года! А с 33 года она была вдовой своего кузена Филиппа, сына Ирода Антипы, от которого детей у нее не было. Она умерла к 73 году, нашей эры, повторно выйдя замуж за своего кузена Аристокбула III и став матерью троих детей. Однако мы не знаем, откуда взялась эта дата ее смерти — 73 год, предложенная некоторыми словарями. Таким образом, она якобы прожила не менее 78 лет, что для тех времен очень много.

Если вспомнить, что Даниэль Массе в одной из своих книг утверждал, что на основании его личных изысканий (а он в этих вопросах разбирался) может сделать вывод о свойстве между родом Марии, матери Иисуса, и родом Ирода, то связь между его падчерицей Саломеей и Иисусом, «сыном Давидовым», представится намного менее удивительной, чем на первый взгляд.

На самом деле определенные связи, как родственные, так и обусловленные практическими интересами, между членами иродовской династии и потомками Давида, подлинными представителями которых в начале нашей эры были Иуда из Гамалы, а потом его старший сын Иисус, похоже, упрочились благодаря событиям, о которых пишет Иосиф Флавий: во время пребывания Архелая в Риме, вскоре после смерти Ирода Великого, евреи подняли восстание и среди них были родственники Архелая, которых кесарь (Август) казнил, «потому что они вопреки всякой справедливости выступили против своих сородичей» (*Иосиф Флавий. Иудейские древности. XVII, 10. Т. 2. С. 293; Иудейская война, славянская рукопись. II, 1*). Среди повстанцев был и Ахиав, кузен Ирода Великого, дядя Архелая и *двоюродный дед Саломеи (там же)*.

Так вот, Даниэль-Ропс в книге «Иисус в Его время» уточняет, что восстанием против Архелая, поднятым с политическими целями (в это же время разные банды поднимали восстания ради обычного разбоя), *руководил Иуда из Гамалы*. А если члены рода Ирода и родственники Архелая и прикнули к восстанию, то, очевидно, только к *политическому*, к восстанию Иуды Галилеянина, и никоим образом не к тому или иному чисто уголовному мятежу безымянных разбойников. Несомненно, после возникновения этого союза представителей рода Архелая с партией «сына Давидова» зародились и отношения между Иисусом, «сыном Давидовым», и Саломеей.

Потому что, не забудем, и она принадлежала к знатному иудейскому роду. Саломея была внучкой Ирода Великого, племянницей Архелая, сына того же Ирода, *и внучатой племянницей того Ахиава*, который в 5 году до нашей эры вмес-

те с другими представителями рода вступил в ряды повстанцев, возглавляемых Иудой Гавлонитом.

В пользу этой гипотезы говорит и еще один аргумент.

Известно, что в древнем Израиле никогда не носили двойных имен, ни мужчины, ни женщины. Только в христианском мире появился обычай давать одному человеку несколько последовательных и связанных имен: Мария-Терезия, Мари-Жанна, Жан-Франсуа и т. п.

А в Евангелии от египтян и в Пистис Софии, имеющих один древнееврейский оригинал, Саломею называют Мария-Саломея, то есть, на этом языке, Мириам-Шалома. Но, как сказано выше, слово «Мириам» нельзя рассматривать как эквивалент слова «Мария», потому что это значило бы два стоящих рядом имени, а в те времена такое было совершенно неизвестно.

Значит, слово «Мария», то есть «Мириам», надо понимать и переводить как *имя нарицательное, а не собственное*. А поскольку по-древнееврейски оно значит «принцесса», речь идет именно о «принцессе Саломее», а не о «Марии-Саломее». Это *титул* и ничего более.

В самом деле, не будем забывать, что в древних рукописях нет ни пунктуации, ни дефисов, ни заглавных букв и что текст там никогда не пишется с новой строки. Записано все подряд, без всякой последовательности.

Впрочем, на эти связи между окружением Иисуса и иудейской династией указывают и другие канонические тексты:

«В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринянин, и Менахем¹, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл» (Деян., 13:1).

Это 45 год. Этот Менахем — внук Иуды из Гамалы, племянник Иисуса. У Савла есть брат по имени Костобар, они имеют не еврейское, а иудейское происхождение и являются принцами из рода Ирода, мы покажем это в следующей книге. И появление Менахема, имя которого по-древнееврейски значит «Утешитель» и по-гречески звучит как *parakletos*,

¹ В русском синодальном переводе — Манаил (*примеч. пер.*).

было предсказано его дядей Иисусом (Иоан., 15:26). Это он вновь поднимет знамя восстания в 63-64 годах при прокураторе Гессии Флоре.

Вернемся к Саломее. Она стала вдовой Ирода Филиппа в 33 году, и *детей от него у нее не было*¹. Она повторно вышла замуж за Аристовула III, который в 54 году получил от Нерона царство Малая Армения, потом, в 60 году, — часть Великой Армении и, наконец, в 70 году стал царем Халкиды. Протеже и друг Нерона, он имел роскошный дом в Риме. Так вот, в 58 году Павел, бывший Савл, находился в Коринфе и писал Послание к римлянам. В конце этого послания содержатся приветствия многим лицам, в том числе следующим, что очень показательно: «...Приветствуйте верных из дома Аристовулова. Приветствуйте Иро, юна, сродника моего. Приветствуйте из домашних Наркисса тех, которые в Господе» (1 Рим., 16:10-11).

Таким образом, Савл-Павел обратил в свою веру обитателей римского дома Аристовула и Саломеи либо знает, что такие обращенные там есть, и *называет себя родственником Иродиона* («маленького Ирода»), *старшего сына Аристовула и Саломеи*². Впрочем, обращенные им были и во дворце Нерона, потому что Послание к филиппинцам он завершает так: «Приветствуют вас все святые, а наипаче *из кесарева дома*» (4:22). И это он пишет в самом Риме, в 62 году.

Значит, Саломея осталась верна памяти Иисуса, она также попала на удочку мессианской легенды и после заключения второго брака стала покровительницей тех, кого тогда называли «христианами» — как в своем доме, так и в домах высшего римского общества, куда она имела доступ.

Некоторые не преминут улыбнуться по поводу нашего утверждения и даже открыто посмеяться над ним, потому что оно их чрезвычайно смутит. Однако оно не столь неправдоподобно, как представляется на первый взгляд. Помимо всего, что мы только что выявили и что отныне нельзя будет обойти молчанием при дискуссии, не следует ли вспомнить о той цен-

¹ Как и у *Марии-Саломеи* из Евангелия от египтян и Пистис Софии.

² У Саломеи потом было еще два сына: Агриппа и Аристовул.

тральноевропейской императрице, которая бежала со скрипачом, о королеве, ставшей коммунисткой, или о принцессах, прославившихся беспорядочными связями за пределами своей касты? У сердца есть свои резоны, неведомые разуму, — скажем мы иным. Ограничимся лишь тем, что еще раз подчеркнем: вся история Иисуса, «сына Давидова», — только следствие беспощадной войны, порожденной как *политическими*, так и *династическими* интересами, которую законные наследники трона Израиля вели как против идумейских узурпаторов, так и против римских оккупантов, и, возможно, нет необходимости приплетать к ней романтические любовные истории.

Как «исторический» Иисус очень далек от «плотника Иисуса», так и *историческая* Саломея очень далека от Саломеи театра и кино...

Глава XXVI

КОСТЕР

Время "скажает и стирает слово человека, но то, что доверено Огню, продолжается бесконечно.

*Масонский ритуал сжигания
философского завещания*

11 марта 1314 года¹, понедельник. Уже несколько месяцев почти по всей Франции пылают костры. Как пытками, так и психологическим давлением, как темницами и цепями, так и угрозой вечных мук инквизиторы добились 207 формальных признаний. Остается только решить судьбу великого магистра и высших должностных лиц ордена.

Утром этого дня Жак де Моле, великий магистр ордена, Жоффруа де Гонавиль, командор Пуату и Аквитании, Жоффруа де Шарне, командор Нормандии, и Юг де Пейрандо, великий визитатор ордена, были взяты из своих камер в крепости Тампль и доставлены на остров Сите. Там кардина-

¹ 11 марта по юлианскому календарю. В отношении этой даты мнения историков расходятся. Майяр де Шамбюр, которому мы следуем, установил, что точная дата — 11 марта 1314 года. Несомненно, поскольку книгопечатание еще не изобрели, личные календари были редкостью, а год тогда начинался с Пасхи — праздника *переходящего*, хронология того времени очень изменчива. Но так как мы знаем из *достоверного* источника, что Моле и его спутник умерли *в понедельник, накануне Григорьева дня*, при помощи «вечного календаря» и календаря святых легко проверить и констатировать, что этим требованиям отвечает *только понедельник 11 марта 1314 года*.

льская комиссия, в состав которой входили Арно де Фарж — племянник Климента V, Арно Новелли — монах из Сито, пенсионер Франции, Никола де Фреовиль — доминиканец, некогда духовник и советник короля, Филипп де Мариньи — его родственник, архиепископ Сансский, и еще несколько епископов и знатоков декреталий, велела воздвигнуть перед папертью собора Богоматери помост, чтобы публично зачитывать признания и окончательный приговор,

Тамплиеров возвели на помост и поставили на колени. Один из кардиналов взял слово и начал чтение. Когда он дошел до означенного приговора, присуждавшего Моле и его братьев к пожизненному заключению, то есть к «заточению навечно», и чтобы их питанием были только «хлеб скорби и вода горести», представители Филиппа Красивого вздрогнули.

Было уточнено: милость, дарованная им, стала следствием того, что они «искренне покаялись в своих прегрешениях». Но в этот момент, совершенно неожиданно для судей, заговорили великий магистр и командор Нормандии и, перебив кардинала, обратились одновременно к инквизиторской комиссии и к толпе, заявив: все, в чем они признались на допросах, — ложь. Они утверждали, что все их признания были сделаны только из почтения и доверия к папе и королю, обещавшим за это им свободу, и выразили энергичный протест против приговора кардиналов, особенно архиепископа Сансского Филиппа де Мариньи, обвинив их всех в нарушении слова папы и короля.

Мотивы резкой перемены в поведении Моле и Шарне легко понять. Признания им ничего не стоили, но свобода для них была всем. Свобода означала сначала возвращение к великому тамплиерскому плану, потом следование ему и, как знать, его реализацию. А теперь свободы больше не было. Вместо нее было нечто худшее, чем смерть: медленное разложение, физическое и духовное, в подземном застенке, где узник прикован к стене, из которой порой сочится вода, в

одиночестве, в полумраке и в безмолвии более тяжком, чем могильное. И во всем этом единственная надежда — на спасительную смерть, которую ускорят истощение и хроническая дизентерия. Для такого старика, как Моле (ему исполнился семьдесят один год), ничего более не ожидавшего от жизни, как и для Шарне, немногим младшего, выбор был сделан. Пребывание в камере может длиться годы. Напротив, примеры и опыт доказывали: отказ от признаний и нежелание их давать *ipso facto* [тем самым (*лат.*)] влекут за собой смерть в огне. Конечно, мучительную, но тем не менее быструю и в конечном счете гораздо менее ужасную, чем медленное гниение в безвестности темной камеры, когда столько существ снаружи наслаждается жизнью при свете дня.

Для Моле и для Шарне решение было принято. Во время произнесения роковой фразы их взгляды встретились, и они поняли друг друга. И раздался голос великого магистра: «Сеньоры, мы, мой брат и я, протестуем против того, как здесь использовали наши вчерашние слова, произнесение коих не имело иной цели, кроме как удовлетворить короля Франции и папу, нашего государя. И если из-за того, что было признано нами ради их удовольствия и во изъявление нашей покорности, мы, мой брат и я, должны отныне томиться в какой-то тюрьме, то мы громогласно объявляем, что означенные король и государь папа заранее заверяли нас, и почти клятвенно, что нам не будет причинено никакого вреда, зла или насилия. Делая это, мы провозглашаем свои признания, достигнутые как пыткой, так и хитростью и обманом, недействительными и не имевшими места и более не признаем их подлинными...»

Это ошеломило всех. Кардиналы немедленно передали узников в руки прево Парижа, присутствовавшему здесь, чтобы на следующий день он привел их снова. И четырех осужденных отвели обратно в их камеры в Тампле. В то же время новость донеслась до Филиппа Красивого, который сразу же созвал свой совет, не пригласив на него ни одного духовного

лица. Здесь решили, что вечером великий магистр и командор Нормандии будут сожжены на острове Дворца, между королевским садом и монастырем Августинцев. Мертвенно-бледный от ярости, король уточнил, что их сожгут «на медленном огне». Возможно, он догадался, почему они отказались от данных показаний.

Немедленно на Остров евреев, названный так потому, что здесь уже сожгли нескольких раввинов и талмудистов, упорно отрицавших божественность Иисуса, доставили и сложили кучами дрова, необходимые для двух костров-близнецов. Горючего материала должны были принести сравнительно немного, чтобы продлить мучения, согласно «воле короля, нашего государя». То есть каждый приговоренный, чтобы умереть, должен был обойтись не более чем кубометром дров.

В землю вкопали два мощных дубовых бревна. Их вытащили из свайных молдов, торчавших из воды. Поскольку их многие месяцы пропитывала вода, опасность воспламениться им не грозила, а тела осужденных, плотно прикованные к ним цепями, не могли бы отделиться от них при горении.

К девятому часу все было готово. Колокола собора Богоматери медленно зазвонили отходную. К часу вечерни уже серое небо еще больше потемнело; набухшие водой тучи быстро проносились над городом, гонимые холодным ветром из Нормандии. Берега Сены были черны от народа. Непрерывный гул толпы, подобный жужжанию какого-то чудовищного насекомого, доносился даже до часовых, стоящих на страже на угловых башнях старого Лувра.

Внезапно гул усилился: появился кортеж, движущийся вдоль крутого левого берега острова Сите. Впереди ехали конные сержанты, далее — великий прево, а за ним шел сильный отряд пехотинцев, окружавший фуражную телегу, которую тащила одна лошадь. Смутно различались силуэты двух людей, распростертых на досках и связанных. За последними лучниками, замыкая процессию, двигался последний отряд конных сержантов.

Осужденных спустили с телеги и в лодке перевезли на островок, где их уже ждал палач со своими подручными. Моле и Шарне крепко привязали цепями к столбам и вокруг них навалили груды поленья, высотой до колен. Бросив последний взгляд на окно, из-за которого, как было известно, смотрит Филипп, великий прево повернулся и подал знак палачу; тут же рядом с ним конный трубач затрубил сигнал «огонь». Его слышали как на острове, так и на берегах, и сразу же исполнители с факелами в руках подожгли по углам каждую из куч поленьев. Поскольку некоторые поленья озаботились промаслить, огонь занялся быстро. Поднялся дым, и вместе с ним мало-помалу распространился резкий запах — сначала по острову, потом по реке, достигая берегов. Именно тогда во мраке, который уже коварно накрыл Сите, раздался крик. Сначала подумали, что причиной его стало пламя, искры которого сыпались на одежды двоих казнимых; но нет, от костров донеслись не крики боли. Это был голос героя Акры, тот голос, который, бившийся словно боевое знамя, двадцать три года назад, вечером 5 апреля 1291 года, бросил тамплиеров в атаку под гром копыт их боевых коней! И, *численностью триста против десяти тысяч*, с черно-серебряным стягом впереди, черно-белый эскадрон пронзил египетские рубежи¹...

Но в этот час это был уже всего лишь голос умирающего человека — голос Жака де Моле, последнего великого магистра тамплиеров.

Мгновенно говор толпы смолк, народ затаил дыхание, потому что этот голос выкрикивал нечто ужасное, неожиданное, чего не могли предвидеть эти простые души, согбенные стра-

¹ Знамя ордена Храма, называемое «Босеан». было «рассечено серебром и чернью», то есть черно-белое, как цвета эскадронов, первый ряд которых состоял из *рыцарей* (белые налатники и плащи), а второй — из *оруженосцев* (черные налатники и плащи). Название «босеан» (beau-seant, «красивый зад») дали их знамени госпитальеры и тевтонские рыцари в насмешку над расположением его цветов, а также из зависти к тамплиерам, которые одни имели привилегию носить на плащах *красный крест* крестовых походов, дарованную им папой Евгением III по просьбе святого Бернара.

хом перед Посохом и Скипетром. И святотатственный глагол отразился от стен Парижа, дабы ударить злобного Капетинга, притаившегося в амбразуре узкого окна, сильнее, чем латная турнирная рукавица. И этот голос произнес:

«Климент, и ты, Филипп, изменники данному слову, я вызываю обоих вас на Суд Божий!.. Тебя, Климент, — через срок дней, а тебя, Филипп, — в течение года...»

Далее смертельное безмолвие нарушал лишь треск дров в костре.

Так и произойдет. Папа умрет от дизентерии и рвоты в Рокморе, в долине Роны, 9 апреля 1314 года, через двадцать восемь дней. А Филипп Красивый — 29 ноября 1314 года в Фонтенбло, сброшенный с коня, как поступают с рыцарями-изменниками, то есть через восемь месяцев. Глагол и пламя показали, на чьей стороне правота.

Но огонь уже поднялся вверх; ветхие рубища воспламенились, и два силуэта скорчились от ожогов. Крики и стоны были слишком глухими, чтобы достичь толпы, онемевшей в безмолвном ужасе. Огонь дошел до верха ног и выше, облизывая уже обнаженные торсы; бороды и волосы исчезли. Прижатые раскаленными цепями к столбам, неузнаваемые тела понемногу превратились в бесформенные обугленные массы; и от обоих потрескивающих костров дым, уже приобретший черный оттенок, зловонными пеленами понес по обоим берегам Сены запах сгоревшего мяса и жира.

Поздно вечером, когда тела стали уже лишь жалкими, медленно обугливающимися останками, народ, несмотря на присутствие нескольких стражников, «накинулся на костры», как пишет аббат Велли в своей «Истории Франции»: «Он собрал пепел мучеников и унес его как драгоценную реликвию. Каждый крестился и не желал больше ничего слышать. Их смерть была прекрасной и настолько восхитительной и неслыханной, что дело Филиппа Красивого стало еще более сомнительным».

Растворившись в толпе группами по три-четыре человека, члены Братств, плотники и каменотесы, нечто вроде третьего сословия цеховой системы, которым покровительствовали рыцари Ордена, восприняли голос Моле как приговор. Для них это был одновременно путевой лист и выражение надежды. В соответствии с этим приказом соборы Франции останутся такими, как есть, а их башни — незаконченными. Но мщение будет осуществляться терпеливо, из века в век. *Трижды* потомство короля угаснет в лице *трех братьев*. Капетингов — в лице Людовика X Сварливого, Филиппа V Длинного и Карла IV Красивого. Валуа — в лице Франциска II, Карла IX и Генриха III. Бурбонов — в лице Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X. *Жакерия* 1358 года предвосхитит *якобинскую* Революцию 1789 года; *жаки*, ведомые *Жаком Простаком*, отомстят за *Жака де Моле*. И именно из башни *Тамплъ*, где «опрашивали» руководителей Ордена, январским утром 1793 года отправится в последний путь двадцать второй преемник Филиппа Красивого.

Так, побуждаемая странным таинством глагола, судьба, неотвратимая и однозвучная, непрестанно разносила по всей нашей истории звук имени последнего великого магистра тамплиеров...

Решение о роспуске Ордена было принято собором во Вьенне, в долине Роны, в 1311 году. А ровно пять веков спустя, в 1811 году, в Париже была снесена башня Тамплъ.

О чем она могла рассказать? Не было ли на смертельную тайну после понедельника 11 марта 1314 года наброшено новое покрывало?

Очень долгое время ходила одна легенда. Она утверждала, что каждый год ночью, в годовщину роспуска Ордена, в крипте ордена Храма в Париже в полночь появляется призрак в белом плаще, отмеченном красным крестом, со щитом, «рассеченным серебром и чернью», и с копьем. И слышится замогильный голос:

— Кто хочет освободить Иерусалим?

— Никто, — отвечает эхо, отдаваясь от колонн склепа. —
Ибо Храм разрушен...

5 февраля 1967 — 26 февраля 1970

ПРИМЕЧАНИЕ

Читатель, конечно, заметил, что некоторые библейские цитаты или переводы терминов повторяются. Автор счел это необходимым. Ведь настоящая догматическая «промывка мозгов» в течение более пятнадцати веков настолько обработала наследственную психику человека Запада, что он, часто не замечая этого, волей-неволей становится более или менее невосприимчив к критике, даже к самой очевидной логике. Сам автор признает, что иногда ему не удавалось этого избежать! Вот почему в этой книге он счел нужным особо выделить некоторые важные тексты, повторив их. За это он приносит свои извинения читателю.

Научно-популярное издание

Амбелен Робер
Иисус, или Смертельная тайна тамплиеров

Главный редактор В.В. Чубарь
Ответственный редактор В.Ю. Трофимов
Компьютерная верстка: С.В. Арефьева
Корректор Н.Э. Тимофеева

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов